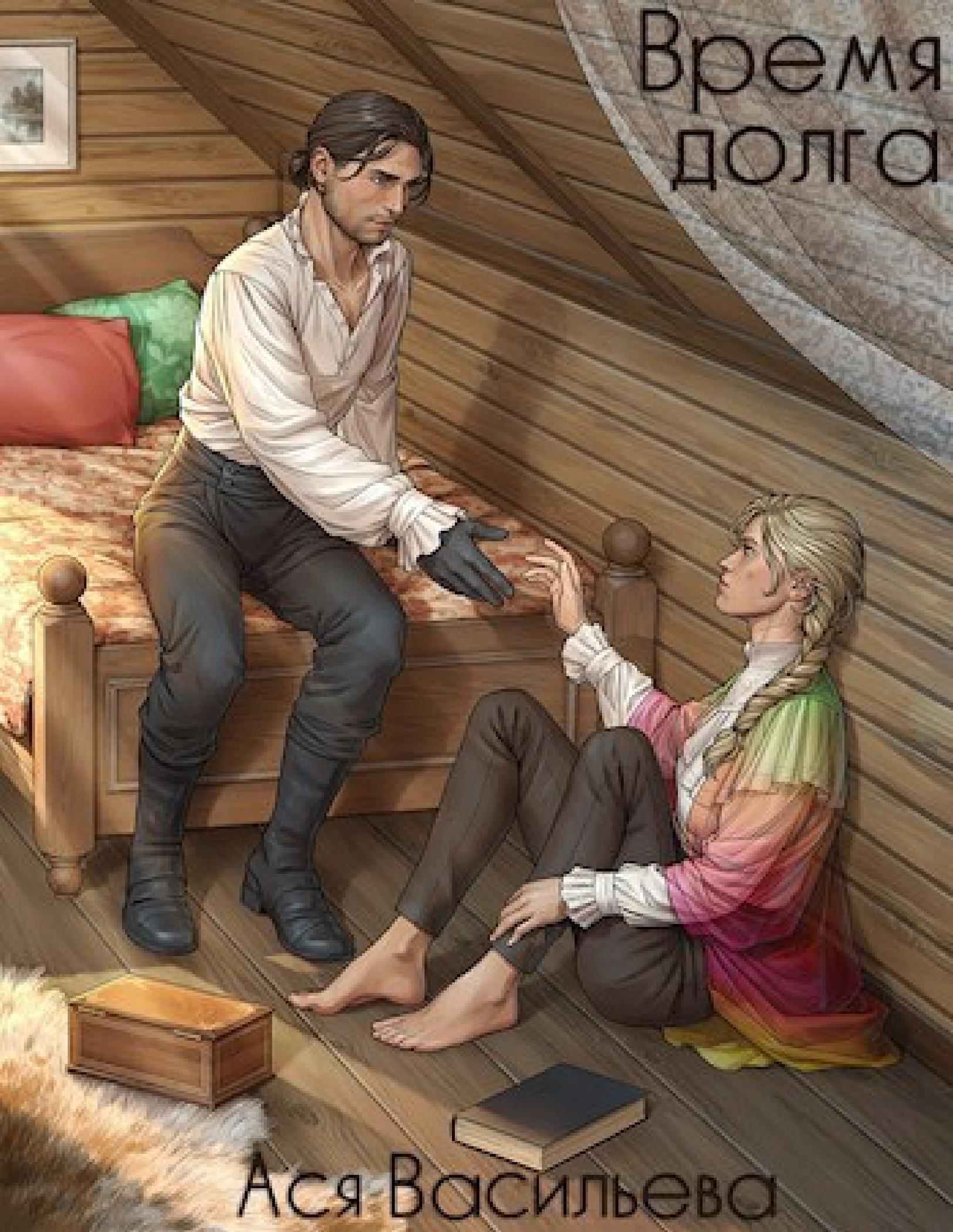

Время долга

Ася Васильева

Всем в Верне известно: барды преданы только музыке, северные ведьмы живут лишь в легендах, культистов не существует, а юную принцессу некогда убил приятель принца.

Или нет?

Когда все встает с ног на голову, а прописные истины подвергаются сомнению, в поисках ответов остается только броситься в омут интриг и заговоров. Так ли прост случайно встреченный бродяга? Могут ли воскреснуть мертвецы? Как устроить развеселый праздник в известном кабаре, переходящий в бойню, и какое отношение ко всему этому имеет королевская тайная стража?

Глава 1

В комнатухе под лестницей было мрачно — единственное узкое окно закрывала плотная штора, почти не пропускающая солнечного света, а стоявшая на столе лампа наполовину догорела, и заправлять ее никто не спешил — и тесно. Если бы хозяин трактира сподобился разобрать хлам, щедро наваленный на стол, одно из двух кресел и в свободный угол, находиться здесь было бы куда приятнее, но к бардаку он относился философски, рассуждая, что в хозяйственные помещения посторонним все равно заходить не надо.

Впрочем, оставшееся кресло и половина стола выглядели вполне пристойно, отведенные, по всей видимости, деловым переговорам — вот как сейчас.

— Как же вы редко все-таки к нам заезжаете, госпожа Ная, — сокрушенно поцокал языком трактирщик. — Загляните через пару недель, к осенним праздникам, а? О деньгах не беспокойтесь, договоримся!

Ная потянулась и принялась «склеивать» двумя пальцами лежащие на столе монетки. Выступать здесь она любила: трактир был солидным, столичным, с отдельной сценой для музыкантов и небольшой комнаткой, в которой можно было бросить вещи и переодеться. Еще одну, в самом неприметном углу, хозяин выделил себе под кабинет, чтобы не обсуждать дела на глазах у посетителей, чем часто грешили придорожные заведения. Правда, судя по всему, чаще его использовали как кладовку для хранения особо ценных сердцу предметов, которые не получалось доверить служанке.

— Увы, ближайший год я собираюсь провести в родном королевстве, — Ная сунула кошелек в сумку и сочувственно улыбнулась. — В Лангрии меня ждет постоянная работа, и вряд ли кто-то сможет сделать предложение лучше. Да и не спокойно у вас.

— А у вас будто лучше! По ту сторону хребта как будто два королевства вместо одного, и у каждого свои условия и пошлины! Да все мои поставщики еще лет десять назад, как ваши принц с королем по разным углам королевства засели, цены задрали, — раздосадовано вздохнул владелец. — Да и Лангрия эта... тот еще рассадник воров.

— Это вам шпионы рассказали? — рассмеялась Ная, поднимаясь и закидывая на плечо сумку. — Там спокойно. Что в прошлый мой приезд было, что сейчас. У меня подруга — хозяйка подобного заведения, кстати, и дела у нее идут весьма бойко.

— Подруге я, конечно, не конкурент, но вы все равно подумайте, а?

Он хотел сказать что-то еще, но из-за двери донеслись повышенные голоса, грохот мебели и звон разбившейся тарелки. Последней каплей стал короткий визг служанки, и владелец не выдержал такого надругательства над трактиром, в два шага дошел до двери и выглянул в зал. Мужчиной он был крупным и серьезным, на такого посмотришь — все желание шутить и балагурить пропадает, и обычно этого хватало, чтобы успокоить зарвавшихся.

Ворвавшиеся в кабинет голоса, однако, умолкнуть не собирались, став только громче. Заинтригованная Ная не удержалась и выглянула из-под руки владельца, которому уже жаловалась перепуганная служанка. Все оказалось с одной стороны весьма прозаично, с другой — занятно.

Поддавшись на обещание градоправителя о льготах, владелец трактира раз в неделю устраивал благотворительные обеды — после полудня, когда все уважаемые господа отобедают и разбредутся по делам, в зале накрывали несколько столов для нуждающихся.

Пускали, конечно, не всех, смотрели, чтобы посетитель хоть на человека был похож, а не на мусорную кучу, и всего на пару часов, в промежуток между обеденным и вечерним ажиотажем, но интерес такая акция вызывала.

Что-то похожее произошло и сейчас: бродяга забрел перекусить в отведенное время, но не успел даже устроиться за столом, как компания молодых людей начала его задирать, попутно предъявляя претензии служанке. Зачем, мол, пускаете всякое отребье, когда они, такие красивые и благородные, изволят почтить своим вниманием эту дыру... Один из благородных и грохнул демонстративно тарелку об пол, после чего вцепился в несчастного бродягу. Так и держал за грудки, не собираясь отпускать, и выговаривал ему что-то явно оскорбительное. Мужчина не сопротивлялся, но спину Наи словно обдало холодком.

— Я бы поскорее вмешалась, чтобы не последовало массовых разрушений, убийств и дружеского общения со стражей, — тихо сказала она. — Зря вы сегодня Трома отпустили, не лучший день для выходного у охранника.

Владелец окинул ее хмурым взглядом и тяжелым шагом направился к дебоширам. Ная пошла следом, стараясь держаться за спиной и радуясь, что знакомы они достаточно давно и объяснять лишнего не надо. Мало кто с первого раза верил, особенно перед дракой, что она — эмпат и как никто знает чувства других.

И сейчас она точно могла сказать, что от бродяги исходили практически ощутимые волны усталости, да такой сильной, что за ней следует только полное безразличие к своей судьбе. И само по себе это еще ничего, но ведь он был отчего-то уверен, что сможет уложить всех... сколько их там, трое?

Связываться с такими — себе дороже, поднимут на уши весь город. И если одному конкретному бродяге плевать на себя, не значит, что из-за этого не пострадают окружающие! Например, трактир.

— Господа, я настоятельно рекомендую прекратить устроенный балаган, — с вежливой твердостью попросил владелец, вставая у стола. — Иначе всем вам придется покинуть трактир.

— Да вы больше потеряете денег от нашего ухода, чем получите от этого, — нехорошо оскалился парень и грубо тряхнул бродягу. — Кто вообще додумался пускать сюда нищих? С виду такое приличное заведение, а нормальным людям портите аппетит всякими отбросами.

— Уважаемый, про благотворительные обеды в моем трактир известно всему городу. Об этом же написано в объявлении у двери, — в голосе мужчины послышалась злость, пока еще тщательно сдерживаемая, зато сколько ее исходило от него самого!

Ная сделала шаг в сторону, чтобы не нахвататься, и поймала взгляд серых глаз бродяги: безразличный, потерянный, готовый действовать. Наверное, так выглядит дикий зверь, которого загнали в угол и который готов пустить в ход когти, раз на вежливые оскалы охотники не реагируют.

— Не надо, — одними губами сказала Ная, закрываясь от эмоций всех окружающих. Хороший дар, самый полезный из имеющихся в обычной жизни, но временами слишком опасный. Можно утонуть в сложной смеси эмоций, особенно негативных. — Господа, вы ведете себя недопустимо! Этого человека я наняла сопровождающим в пути, и в трактир он пришел по моей просьбе. Если вы немедленно не прекратите, я обращусь к страже.

— Дама наняла бродягу сопровождающим? — парень окинул ее взглядом, оценив и хороший костюм, и серебряную с камнями заколку в собранных светлых волосах, и серебряные же украшения. Красавицей она никогда не была и себя не считала — по-

северному крупные черты лица с выраженными скулами, рост на полголовы выше даже среднего мужчины, серо-голубые глаза — но ведь главное не это, а умение держаться и подавать себя. Ная умела, спасибо наставникам из высшего света. — Да лучше бы мне денег заплатили, я их хотя бы не пропью в ближайшем кабаке, и в обществе показаться не стыдно.

— Я собираюсь не в общество, а для дороги нужна удобная, а не дорогая одежда, — она пожала плечами и выжидающе посмотрела на компанию. — Ну?

— Этот мир в конец рехнулся, — он разжал руки и, брезгливо оттолкнув от себя бродягу, кивнул своим приятелям. На стол упала золотая даргийская крона, самая крупная монета, которой хватило бы накормить десяток таких гуляк при условии, что каждый из них устроит маленький пир. — Не трудитесь со сдачей. В эту помойку мы больше ни ногой, раз здесь ценят уличных крыс.

Громко хлопнула входная дверь. Немногочисленные посетители, во время перепалки жавшиеся по углам и старавшиеся даже не смотреть в центр зала, наконец-то выдохнули и расслабились, замахали руками служанке; девчонка поспешила вытереть выступившие на глаза слезы и, натянув улыбку, закружила между столами, пока ее напарница сметала осколки тарелки.

— Госпожа Ная, от всего сердца спасибо. Драку устраивать с такими себе дороже, а наших слов они не слушали, — благодарно прижав кулак к груди, сказал владелец и перевел взгляд на бродягу. — Ну а ты-то что такого хотел с ними сделать, что так перепугал госпожу?

— Не думаю, что вы хотите знать. Не сделал же, — устало ответил тот и коротко кивнул Нае. — Спасибо.

— Давайте я, в самом деле, угощу вас обедом, — предложила Ная. — Не скажу, что здесь плохие обеды для нуждающихся, но за полную стоимость все-таки лучше. И, не обижайтесь, но вам это нужно, я чувствую.

— Парень, не отказывайся, — усмехнулся владелец и хлопнул бродягу по плечу. — Я не отличаюсь тонкой натурой, как госпожа Ная, и то вижу, что что-то не так.

Есть Ная не хотела, и, убедившись, что девчонки не будут воротить носы от бродяги, собиралась выйти на улицу, но в последний момент оглянулась, зацепившись за мимолетную мысль. Развернулась, подошла к столу, за которым устроился мужчина и села напротив, кинув сумку на свободный стул.

— Интересное происходит в столице. За незнакомых людей здесь редко заступаются, тем более приличные дамы при деньгах, тем более за уличных оборванцев, — он подпер кулаком подбородок и с интересом, который можно было уловить без всяких способностей, спросил. — Зачем? Не самое благодарное занятие, особенно если потом приходится платить.

— Для помощи требуется какая-то причина? Считайте это капризом дамы при деньгах, — хмыкнула Ная. — Я кое-что понимаю в людях и точно уверена, что вы бы устроили драку. Этот трактир мне дорог, я бы хотела сюда вернуться в следующий раз, и желательно, чтобы нынешний владелец занимался им, а не скучал в темнице из-за побитых выскочек.

— И ради этого рискнули влезть в перепалку? Благородно, но верится с трудом.

— Не устраивает? Ладно, еще есть любопытство, — она откинулась на спинку стула и повертела между пальцами выпавший с тарелки сухарик. — Вы же не похожи на обычного

попрошайку или жителя трущоб. Куртка потертая, но не с чужого плеча, сшита по размеру, причем мастер постарался, кожа и нитки качественные. Сапоги опять же... умение держаться. Мне было бы легче представить вас здесь постоянным посетителем по вечерам, а не на благотворительном обеде.

Бродяга посмотрел на нее внимательно и как-то нехорошо, и от этого взгляда захотелось прикусить язык. В самом деле, стоит ли лезть в жизнь человека, если он сам не спешит первым о ней рассказать? Особенно если убеждена, что постоять за себя он сумеет.

И все-таки странное дело. Ная не хотела огрести неприятностей на свою голову, но неправильность этого человека тревожила. За последние годы она успела повидать много людей, и тех, кого действительно стоило бояться, среди них было не меньше трети. Интуиция кричала, что бродяга относился к их числу.

— Даже лорд может оказаться на улице, что говорить про простых людей, — он расслабился, пожал плечами, и тревожное чувство отступило. — Любопытство стоит пары серебряных? Это не такие уж малые деньги, чтобы ими расшвыриваться при каждом удобном случае.

— Почему? Мне их заплатил владелец трактира за честное выступление, — Ная небрежно махнула рукой в сторону стойки, за которой суетился мужчина. — И для меня они не последние.

— Вы не похожи на того, кто сорит деньгами просто так. Во всем должен быть расчет, а? — проницательно заметил бродяга и, отодвинув тарелку, встал. — Спасибо. Что бы вы от меня ни хотели, большего я дать не могу.

Ная хмыкнула, но промолчала, тем более что ей бы и не дали ничего сказать: владелец трактира, заметив, что не слишком желанный гость собрался уходить, воодушевился и мигом подскочил к столу.

— Госпожа Ная, вы, в самом деле, святая. Спасли сегодняшней вечер от поломанной мебели, — он оперся на стол, и на его лице отобразились крайние страдания. — И если вы согласитесь спасти его от полного краха, задержавшись только на сегодня...

Она рассмеялась. Ну конечно, о чем еще он мог попросить! Владелец, конечно, любил воспевать всевозможные благодетели людей, но только тех, кто ему выгоден, и никогда не терял деловую хватку. Хочешь комплимент? Будь добр оказаться полезным, иначе — увы, приятные слова достанутся кому-нибудь другому. Это даже не обижало, наоборот, веселило, особенно если уловить закономерность.

— Подумайте сами, время уже послеобеденное, а до ближайшего придорожного трактира часа четыре верхом, до темноты точно не успеете. Не среди чистого поля же ночевать остановитесь! Зато завтра с утра, да после хорошего завтрака самое то будет в дорогу.

— Ладно, — не переставая улыбаться, согласилась Ная и тоже встала, хлопнув ладонью по столу, по которому тут же покатила серебряная кронка. — Схожу только до конюшни, предупрежу, что задержусь в городе до завтра.

— Все-таки святая, — вздохнул мужчина, ловко смахивая монетку в руку.

— Напротив, — совершенно серьезно ответила она, проверяя кошель. Пусть только попробует покуситься, теперь придется доплачивать конюху, а в центре они берут много. — Большую грешницу еще поискать.

Квинсу, столицу Даргии, Ная одновременно любила и не любила. Тесные путаные

улучки, громкие толпы людей, навязчивые торговцы и задранные до неприличия цены раздражали, вызывая желание скорее сбежать из города и спрятаться в своей норе, а попытка понять эмоции кого-то из горожан неизменно оборачивалась мигренью на весь день.

Но и затеряться среди них гораздо проще, и дела никому нет до того, кто ты, откуда прибыл и что умеешь. Каждый замкнут сам на себе, на своих проблемах и не лезет глубоко в суть другого, а иногда стоило бы. Или нет, потому что тогда бы жизнь Наи слишком усложнилась, и единственное, что осталось бы, это и впрямь быть законопослушным бардом, которого пускают только в зачуханные кабаки, потому что приличное общество боится за свои секреты и порой жизни. Такой судьбы для себя она бы не хотела. Пусть все остается так, как есть, а люди и дальше не знают, что в определенных кругах слово «бард» означает не только сказителя или музыканта.

Вот чем Квинса была действительно хороша, так это трактирами, театрами и разнообразными заведениями, в которых всегда были рады талантливому человеку. Выражалось это не только в аплодисментах, и чем известнее имя, тем богаче была радость. Нае повезло. За пять лет путешествий ее узнали и в Даргии, и в давно ставшей родной Верне.

— С вас полторы кронки, госпожа, — с самодовольной ухмылкой сказал парнишка-конюх, протягивая ладонь.

— Чего так дорого? — выныривая из мыслей, вяло удивилась Ная и ссыпала горсть монет. Цены повышает три раза на неделю, так пусть сам с медью и возится, а ей только сумку утяжеляет.

— Так из Верны посольство прибыло, аж из самой столицы! — паренек, не задумываясь, засунул мелочь в карман куртки, и поднял указательный палец. — Из той, где король сидит, а не из Лангрии с принцем.

— И?

— Ажиотаж большой, часть конюшен в центре позакрывали под свои нужды. Денег отсыпали, говорят, хорошо, чтобы их лошадей обхаживали, а спрос-то среди народа не падал, и мест у нас больше не стало. Хотите, чтоб стойло вам досталось, платите, ничего не поделаешь.

— Да ну, в центре три крупные конюшни, не считая вашей, — усомнилась Ная. — Дипломаты обычно такой толпой не ездят, чтобы занять их все.

— Так там не только дипломаты, а еще и стражи куча, — вдохновенно продолжил он. Вроде и хорошо, что говорливый, сплетни лишними не бывают, с другой стороны, не отвяжешься же потом. — Говорят, шпионы нашего короля поймали в Квинсе государственного преступника из Верны, сунули в камеру, а он умудрился сбежать. Так перед этим же еще вернийскому правителю сообщили, вот он и выслал, чтобы доставили... А преступника-то нету! Теперь чешут город, что наши, что ихние.

Ная потеряла переносицу, пытаясь отогнать нехорошее предчувствие. Да нет, не появился бы так нагло человек, которого разыскивают два королевства, в популярный трактир в центре столицы одного из них, для этого надо совсем без мозгов быть. Да и как-то не заметно особой активности на улицах... Просто слух, или стараются не афишировать? В любом случае, надо завтра отсюда убраться, а то подобные облавы до добра не доводят. Ей-то ничего не грозит, только ее доходам: из-за гуляющих в народе настроений и страха они резко падают.

— И об этом знают все, — досадливо отмахнулась Ная, поворачивая к выходу. — Тайные службы работают не так.

— Да мы просто ничего не знаем про их работу, — глубокомысленно сказал конюх ей вслед.

Или им зачем-то нужно, чтобы люди видели эту суету, которой удобно пользоваться для прикрытия крупных дел. Да шло бы оно все по известному адресу! От политики Ная старалась держаться как можно дальше, искренне полагая, что до добра такие связи не доведут. Влезешь так один раз, и потом не отмоешься. Даже от выступлений во дворцах или резиденциях приближенных к короне старалась отказываться, особенно в родном королевстве — с некоторых пор это стало опасно.

И пусть держаться в стороне удавалось с переменным успехом, у нее всегда оставался выбор, с кем стоит работать, а кого обходить дальней дорогой.

На редкость глупая ситуация вышла, Ная ее не понимала, хотя своей сообразительностью всегда гордилась. В свое время даже подумала, что какая-то нелепая сказка неумелого барда, когда Луиза, верная подруга и хозяйка известнейшего в Лангрии кабаре, об этом рассказала.

Было у вернийского короля двое детей, семнадцатилетний кронпринц Крейг и пятнадцатилетняя принцесса Крилла. Однажды принцесса решила сбежать из дворца в город, за что и поплатилась жизнью. Кто-то донес королю, что ее уговорил на вылазку близкий друг принца, который слишком уж часто ошивался во дворце и не раз был замечен в укромных уголках сада с Ее высочеством. Это не понравилось Крейгу, который уже тогда был смышленным мальчиком и всю готовился для начала занять одну из придворных должностей. О личной жизни сестры он знал не много, но друзей у него было еще меньше, и каждому доверял как себе. Попытался отстоять имя друга перед отцом, но тот, убитый горем, взбеленился и обвинил Крейга в смерти Криллы. И слушать ничего, конечно, не стал.

В этом месте захватывающей истории Ная долго смеялась, тем более, что Луиза и сама была неплохим рассказчиком — собственную нерадостную историю даже превратила в сатирическую пьесу, которую время от времени показывала на сцене кабаре. Отличная завязка авантюрной истории для детей младше четырнадцати.

Дальше все выглядело куда правдоподобнее, да и доказательств хватало. Неизвестно, что стало с другом, а вот Крейга король сослал. Не на край королевства, а в его собственные земли, запретив появляться в столице. Все могло бы закончиться куда хуже — речь всерьез шла уже о заговоре, но вовремя вмешалось дворянское собрание, которое имело свой вес. Если за малейшее недоказанное подозрение правитель готов казнить или даже просто отобрать земли у прямого наследника, кронпринца, то чего ждать другим вассалам? Жить в постоянном страхе они не согласны, не пора ли задуматься о том, что правитель засиделся на престоле?

Тем более, что речь шла не просто о деревеньке, а почти о приграничном регионе, занимающем четверть королевства. О системе управления, которую наладил еще дед Крейга, и которую он сам худо бедно поддерживал при помощи советников. Банально о безопасности, потому что на ослабший кусок земли найдутся много желающих.

Туда принц и отбыл, прихватив нескольких доверенных людей и обосновавшись с ними в Лангрии, крупном торговом узле, где и правил последние двенадцать лет. Насколько могла судить Ная, удавалось ему это неплохо, хотя Верна действительно превратилась в два зависимых друг от друга королевства под одним флагом и именем, которые никак не могли прийти к миру. Мешали задетая гордость Крейга и застаревшее горе короля, уверенного, что раз сбежал и за столько лет не приполз на коленях, значит, и правда виновен...

Самого принца Нае доводилось видеть, хотя знакомы они не были; время от времени он заходил в кабаре Луизы — она тоже сбежала из семьи со скандалом, но положения в обществе формально ее это не лишило, а значит, ее личный титул графини повышал и статус заведения. Впечатление Крейг производил самое приятное — взвешенный и разумный человек, которому не чужд деловой подход.

По дороге к трактиру Ная заглянула в несколько лавок и, увлеченная покупками, не заметила, как за ней увязалась порядком пьяная компания. Обнаружила их только в переулке, через который решила срезать дорогу — и без того уже опаздывала.

— Вы же сами утверждали, что приличные люди, — упрекнула она, с удивлением обнаружив перед собой ту же самую компанию, которая возмущалась присутствием бродяги. За пару часов они успели прилично поднабраться и слабо контролировали свои действия — это хорошо. Плохо, что по пути успели подобрать еще парочку таких же благородных, которым жутко хотелось развлечений, и теперь они ненавязчиво окружали Наю, пока что на расстоянии. — Ваши убеждения позволяют воротить нос от пристойно выглядящего бродяги, но напасть на женщину?

— Так ты не женщина, ты из этих... уличных, — оскалился главный заводила. — Раз с такими же и водишься. А вы такие только для одного и годитесь.

— Мы тебе даже заплатим. Медяшки хватит? — один из приятелей кинул на землю монетку.

Ная скрипнула зубами. Угораздило же... было бы места побольше, смогла бы проскочить, а так переулок узкий, от двоих сразу не увернешься. Да и от всех ее умений толку сейчас никакого, на них надо время, а кто же его даст.

Под руку двинувшемуся на нее заводиле она все-таки поднырнула, грубо пихнув его в спину. Был бы трезвый, устоял, но заплетающиеся ноги подвели, заставив врезаться в стену.

Один был на время отвлечен, зато другим это очень не понравилось. Ная с тоской посмотрела на стену дома. Говорят, некоторые умеют в таких ситуациях взбираться на крышу, вот только кто бы ее научил!

Кто-то из парней схватил ее за руку и потянул на себя; немисливо выгнувшись и едва не взыв от боли в вывихнутом локте, она дотянулась до кинжала за голенищем сапога и вогнала его в запястье нападавшего. Тот взвыл, отшатнулся, выдергивая оружие из раны, и заорал еще громче.

Ная высвободилась, но не устояла, потеряла равновесие и упала под ноги очередному любителю развлечься. Боль в руке притупляла реакцию, а на мгновение потерянный контроль позволил хватануть эмоций пьяной шпаны, создав в голове полный хаос.

Она отползла в сторону, не особо надеясь, что ей это поможет, но ничего не произошло. И через минуту — тоже. Проморгавшись, Ная подняла глаза. Двое оставшихся парней нерешительно топтались на месте, а третий неестественно замер, задрал голову и подставив горло ее же кинжалу.

— Вы просто пьянь, даже не уличная банда, — презрительно бросил невидимый за спиной человек. — Драться не умеете. Бойтесь малейшей боли.

Хорошо наточенное — она за этим следила — лезвие надавило на горло, пуская струйку крови. Парень завыл — даже, кажется, громче товарища, валявшегося на земле с прижатой к груди рукой.

— Уходите.

Мужчина толкнул парня на приятелей, и те, поспешно подхватив дернувшегoся было заводилу, скрылись в переулке. Раненный кое-как поднялся на ноги и, шатаясь, пошел следом.

— Тебе повезло, что они не настоящие бойцы, — мужчина протянул ей руку, и Ная опознала в нем давешнего бродягу. — Цела?

— Да, — она встала, недовольно морщась от боли. — Спасибо.

— Пошли, выйдем на светлое место. Оружие твое? — он протянул кинжал рукоятью вперед, и Ная, кивнув, вернула его на место. — Такие подворотни — не лучшее место для прогулок.

— Сам-то что там делал? — буркнула она, потирая локоть. Ей было плохо, больно и досадно от собственной беспомощности, и на поддержание светского тона сил не осталось, тем более что бродяга и сам не слишком утруждал себя. — Грабил случайных прохожих?

— Нет, — улыбнулся он. — Трактирщик сказал, что ты на конюшне. Дальше найти было не слишком сложно.

— Зачем?

— Он сказал, ты отправляешься в Лангрию.

— Трактирщик — трепло, — Ная резко остановилась и хмуро посмотрела на спутника. — Допустим, так. И?

— Тебе не требуется сопровождающий? — прямо спросил мужчина и кивнул в сторону оставшегoся позади переулка. — Охранник, например.

— Нашелся охранничек, — фыркнула она и пошла дальше. — Спасибо, что помог, но ты не тянешь на человека, который защитит от более серьезных проблем, а не создаст их.

— Первое впечатление обманчиво.

— Да. Если ты зеленая наивная девчонка, не умеющая разбираться в людях. Ты ведь и сам можешь отправиться в Лангрию, так зачем тебе обуза, которая будет капризничать, требовать мягкую постель на ночь и горячую еду три раза в день?

— С обузой я бы не стал связываться.

— Это не ответ.

— Мне нужно перебраться через границу.

— В чем проблема? Пограничная стража пропускает почти всех, у кого есть документы. Или ты тот самый беглый преступник, о котором говорит уже последний конюх? — до трактира оставалось всего несколько поворотов, а значит, странный разговор пора было сворачиваться. Еще раз появляться в такой компании Ная не собиралась, хватило уже неприятностей. — Или документов нет? Ни в том, ни в другом случае помочь не смогу. Если что-то от меня хочешь, говори прямо и честно. Я чувствую, когда мне врут.

— Я не слишком презентабельно выгляжу, исправлять ситуацию нет ни денег, ни времени, а бродяги привлекают слишком много внимания, даже если документы в порядке, — пожал плечами мужчина.

Ная прислушалась к своим ощущениям. Он не врал и был на удивление спокоен, но это еще ни о чем не говорили: матерые наемники во время заказа тоже спокойны, это тренируемый навык. И история больно мутная; да, разумеется, все так, но есть что-то неуловимое, но тревожное.

И все же сразу отказываться она не стала.

— Ладно, — впереди уже маячила вывеска трактира, и Ная замедлила шаг. — Приходи завтра утром к конюшне. Если я ночью надумаю, выдвинемся сразу оттуда. Но учти, поеду

верхом и подстраиваться к шагу пешего не стану.

— Разберусь, — коротко сказал бродяга и понятливо отстал, почти сразу затерявшись в толпе.

Трактир был битком забит людьми, и его владелец сиял, как начищенная кронка на солнце. Разделить его радость у Наи не получалось — слухи от конюха и история с бродягой вызывали тревогу, да еще и любители поразвлечься подпортили настроение. Чуть ли не силой пришлось заставить себя отвлечься на выступление, хотя в первые минуты дыхание то и дело норовило сбиться, пальцы немели, а левая рука дрожала из-за больного локтя.

Но потом поймала заинтересованные взгляды и понемногу разошлась, окунувшись в музыку, внутри которой не было проблем всего остального мира.

Любовь к флейтам жителям всего континента привили лет сто назад выходцы из южных королевств, для которых она была сродни инструменту ритуальному, а оттого и самому распространенному. Конечно, их барды встречались и с гитарами, и с бубнами, и даже с какими-то трещотками, но все же большинство предпочитало флейты.

То, что барды не так просты — не все, но многие из тех, кто покинул родное побережье — поняли не сразу, а разобравшись, быстро окружили ворохом легенд, слухов и предрассудков. По правде сказать, возникли они не на пустом месте: был у южан дар превращать музыку в оружие, которым они могли успокоить, подчинить своей воле... убить. Незаметные убийцы, вину которых не докажешь.

Казалось бы, такая слава должна была отпугнуть людей, но вышло наоборот: к таинственным южанам потянулись, привлеченные ореолом слухов и необычной внешностью. Смуглая кожа, темные волосы, черные глаза и замысловатые рисунки на коже стали отличительной чертой бардов, а в их способности мало кто верил на самом деле.

Зря, наверное, потому что из многих легенд, существующих в мире, эта была правдой. Да, одаренные встречались не так часто — всего один на сотню, и то не каждый соглашался запятнать себя чужой смертью, — но все же встречались, и среди них хватало и убийц, и шпионов.

Знали о них те, кто кормился у власти, и не гнушались прибегать к помощи в своих политических играх.

Ная доиграла и опустила флейту, чувствуя себя совершенно выжатой. Глупый получился день, лучше бы ни во что не вмешивалась и сразу уехала. Какое, в конце концов, ей дело до чужих проблем, особенно когда лезть в них не просят? Заплатите по тарифу, и тогда со всем разберемся, до этого просьба отойти в сторонку.

— Вы просто чудо! — в очередной раз восхищался владелец трактира, подхватывая ее под руку, хорошо еще — здоровую. — Тут один господин вами интересуется, не уделите минуту?

— Я очень устала и хочу спать, господин может как-нибудь прожить без меня? — не слишком учтиво ответила Ная, пытаясь вырваться, но мужчина настойчиво вел ее к столику у углу. — Да пустите же вы, я не обещала общаться с кем бы то ни было.

— Всего пару минут, я просто умоляю, госпожа, — проникновенно попросил он.

Она вздохнула и, не дожидаясь приглашения, села на свободный стул. Господин, молодой мужчина примерно ее лет в дорогом костюме и с хитрыми глазами, в меру приветливо улыбнулся и расплел сцепленные в замок пальцы, но говорить не спешил.

Нервничает? Лезть в его эмоции Ная не хотела, но, кажется, догадывалась, о чем пойдет речь.

— Вы меня искали. Есть какое-то дело? — помогла она.

— Да... Вы хорошо играете, — совершенно невпопад сказал мужчина. — Сразу видно, большой талант.

— Спасибо.

В разговоре повисла неловкая пауза. Рядом переминался с ноги на ногу владелец трактира, не зная чем еще угодить обоим. Предложить выпить? Поесть? Привести еще кого-нибудь? Судя по его несколько заискивающему поведению, господин был горячо любимым и хорошо платящим клиентом.

— Вас интересует, ограничивается ли мой талант выступлением на сцене? — не выдержала Ная и, получив в ответ кивок, поморщилась. Не удивительно. Дальше его можно не слушать, обычная история для таких господ: скорее всего, отпрыск богатой семьи, который пытается куда-то пробиться, но ему мешает соперник, более талантливый и цепкий. И желания что-то делать ему хватает, возможно, есть даже умения, а вот с характером беда, которая отлично накладывается на взращенную родителями привычку, что за деньги можно купить все. — Да. Я просто музыкант, не больше.

— Я хорошо заплачу!

— Послушайте, — Ная старалась говорить как можно мягче, чтобы мужчина действительно понял и не кинулся расспрашивать каждого барда в городе, рискуя навлечь на себя проблемы. — В детстве я всегда мечтала, что вырасту, и во мне откроется скрытый дар. Некоторые окружающие тоже на это надеялись — удобно же! Но, увы, передается он с кровью, а потому встречается только у южан, и их вы легко отличите от любого другого. К тому же не стоит с такими вопросами подходить к случайным людям в случайном трактире. Лучше обратитесь в гильдию, там помогут.

— И где эту гильдию искать? — с таким отчаянием спросил господин, как будто ему только что озвучили смертный приговор. — Они же не на каждом углу дают объявления!

— Только те, кому нужно, о них все равно знают. Не скажу, где находится местная, но попробуйте найти ближайший к дворцу театр и тонко намекнуть кому-нибудь из капельдинеров. Намекнуть, а не спрашивать в лоб.

Ная поднялась и, не попрощавшись, пошла к лестнице на второй этаж с комнатами. Ни злиться на дураков, ни ужинать внизу не хотелось, только спать и поскорее убраться из столицы. Она не была суеверной, но всегда чувствовала, когда стоит спасти шкурку. Несколько неприятных событий подряд — отличный повод, чтобы не только задуматься.

Снилось ей что-то муторное и вязкое, как будто она заблудилась в густом тумане и никак не могла из него выбраться. Ноги шлепали по болотной жиже, с каждым шагом рискуя провалиться, а голоса невидимых птиц вызывали безотчетный ужас и желание ускориться, убежать из проклятого места.

Ная рывком села на постели, чувствуя, как гудит голова, ноет спина у лопаток, а в мыслях поселилась неясная тревога. Сон никак не хотел отпускать, и даже сейчас ей слышался птичий гомон, но только совсем рядом и очень ясный, как будто кто-то...

Мысль вспыхнула в сознании и исчезла, а Ная подскочила с кровати, задрала ночную рубашку и повернулась спиной к небольшому зеркалу на стене. Разглядеть себя с ног до головы бы не получилось, но до пояса вполне хватало, а больше и не надо.

— Чтоб вас всех, — тихо процедила она сквозь зубы, едва сдерживаясь от желания выглянуть в оно. А лучше это окно закрыть чем-нибудь покрепче — толку не будет, но хотя бы придаст чувство защищенности.

Она села на кровать и поморщилась, прислушалась. Трель постепенно удалялась, а вместе с ней гасли и защитные руны, вырезанные на спине мамой.

— Если ты хочешь искать свое место в центральных королевствах — пускай, — семь лет назад вздыхала она, потомственная северная ведьма, когда Ная твердо заявила о своем желании податься в барды и покинуть Инеистые острова и вообще Стормгрид. — Но там не слишком любят ведьм.

— Я все придумала, — с энтузиазмом сказала она, доставая из тайника несколько баночек, которые купила на заработанное с выступлений в местных тавернах. — Я отлично играю на флейте... мам, ну признай! Не зря с четырнадцати лет училась в консерватории. И поэтому смогу назваться бардом.

— Ты северянка и на тех черноголовых совсем не похожа, — презрительно фыркнула слушавшая их бабка. Ее недовольство было понятно: поборница традиций, она была зла, когда дочь сбежала в Верну, вернувшись оттуда с мужчиной, а уж идею внучки восприняла почти личным оскорблением, если не предательством.

— Но они единственные, кто смог свой дар сделать популярным в народе. Я сомневаюсь, что даже эмпатия найдет поддержку, не говоря уже об откровенном колдовстве. Официально никто преследовать не будет, но простые люди суеверны и опасливы, — возразил отец. — Были бы северяне более открытыми...

— Испоганили ребенка, — фыркнула бабка и вышла, хлопнув дверь.

Ная упрямо сжала губы и, раскрутив одну из баночек, нанесла немного черной жижи из нее на прядь. Мысленно досчитав до шестидесяти, смыла водой и с довольным видом продемонстрировала потемневшие волосы родителям. Пока что не сильно, минуты мало, но так ведь сейчас и не требуется краситься полностью!

— Алхимическое искусство не стоит на месте, — улыбнулась мама. — Но чужачку они не примут просто так, будут испытывать. Тебе понадобится защита.

Руны вырезала и зачаровывала она же, и было больно. Очень, и если бы ритуал проводили в городе, на крик наверняка бы сбежались все соседи. Заживали порезы долго, часто кровоточили и ныли, а после остались некрасивые шрамы чуть ниже лопаток, лишив возможности носить совсем уж открытые или полупрозрачные платья.

Зато лучшей защиты от чар бардов найти было сложно, и распознать ее непосвященные не могли, в этом Ная убедилась не раз. И когда первый раз пришла в Дом в Шинте, в который стекались барды со всех окрестных земель, и в нескольких стычках после...

И сейчас. Вокруг таверны определенно ходил бард, наигрывающий что-то на флейте, и, судя по боли в шрамах — не мелодию для развлечения. Кого-то ищет? Может быть, тот господин из таверны во что-то влез и искал такой своеобразной защиты? Или это связано с царящим в городе переполохом, о котором днем говорил конюх?

Ная поежилась, на всякий случай подергала оконную раму и залезла под одеяло. До утра оставалось несколько часов, но она бы предпочла рвануть из города прямо сейчас, если даже в центре такое происходит. Отоспаться можно и в ближайшем трактире, на столичном тракте есть неплохие... только лошадь ей среди ночи никто не даст, да и стража на въезде начнет задавать вопросы.

Спина окончательно перестала болеть, и она расслабилась. Никто на нее не покушается,

просто случайное совпадение, и в остаток ночи вряд ли что-то произойдет.

Утро выдалось хмурым и дождливым, пришлось доставать плащ и добираться до конюшни перебежками от одной крыши до другой. Владелец трактира попытался было уговорить остаться еще на денек: «Кто же по такой погоде едет!» — но Ная была непреклонна. В конце концов, просто хотелось уже вернуться в Лангрию, а до одной границы дня четыре пути, если ехать целый день с остановками только на ночь, и еще три после нее. Хотя можно удлинить дорогу, ненадолго заехав в приграничную Шинту — город славился своими ярмарками и сырами, к тому же в графстве остались родственники со стороны отца и некоторые друзья детства.

— Да вы сегодня настоящая ведьма, как поглядите — проклянете, — хохотнул конюх при виде хмурой Наи. Спала она плохо, оставшуюся часть ночи промучавшись кошмарами, и только под утро удалось спокойно заснуть. — Как их там на севере зовут, вельты?

— Вельвы, — поправил сидевший в углу на скамеечке бродяга. — И я бы на твоём месте не стал бы с ними ругаться.

— Вельвы проклинаят редко, тем более взглядом. Они больше пророчицы, а не ведьмы, и вообще их даже на Инеистых островах почти не осталось, — мрачно ответила Ная, принимая поводья, и искоса глянула на бродягу. — Готов?

Она не любила, когда жители центральных королевств пытались лезть в северную мифологию, особенно не слишком в ней разбираясь и перевирая имена. Не надо казаться умным, бросая красивое словцо, надо умным быть и об этом молчать.

В её роду вельвой была только прабабка, и её способности не шли ни в какое сравнение с теми, которые были у Наи с мамой. Прабабка умела ладить с богами и проводить сложные ритуалы, да и люди ей верили. За последние же сто лет большинство перебралось в разросшиеся города, вкусили плоды стремительного прогресса, идущего по всему континенту, и перестали нуждаться в традициях. Они остались, конечно, но скорее чем-то вроде отличительной черты, которой можно гордиться перед жителями других регионов.

Бродяга кивнул и кинул конюху мелкую монету. За ночь он действительно умудрился раздобыть лошадь, и хотя Ная в них не слишком разбиралась, была уверена, что такую просто так бродяге не отдадут. При конюхе спрашивать не стала, дождалась, пока выйдут на проспект, ведущий к воротам.

— Ты её хоть не украл?

— Одолжил у знакомого, — безмятежно отозвался мужчина. — Не беспокойся, он не вор, не убийца и на лошадь заработал честно.

— У тебя есть знакомый, который может одолжить лошадь, но не может одолжить одежду? — удивилась она. — Сам же вчера жаловался, что выглядишь не слишком презентабельно.

— Он актер, и одежда у него... специфическая, к тому же неудобная для дороги и с вензелями. Человек помешан на своем имени, удивлен, как он еще лошадь не клеймил инициалами.

В голову пришла одна немаловажная мысль, но впереди показались городские ворота, и она промолчала. Один стражник посмотрел на них без особого интереса, зато второй почтительно поклонился Нае и даже не стал останавливать, чтобы спросить документы. Кажется, в один из дней он был в трактире...

— О чем я и говорил, — тихо сказал бродяга, когда они отъехали на достаточное

расстояние. — В первую очередь смотрят на Наю Лангрийскую, а спутники теряются в твоей тени.

— Это просто формальный досмотр на выезде, чтобы отлавливать тех, кто заинтересовал городскую стражу. На границе...

Но даже это странно. Если слухи верны, верныйцы тихо ставили на уши весь город — или они действовали самостоятельно, без ведома местных, оттого и стража на воротах не слишком усердно бдит? А может, успели найти, и поэтому перестали тревожить покой честных служак, пусть себе дальше служат? Значит, бард был нанят именно ими?

— Будет точно так же, — уверено закончил он. — Там стоят те же люди, которым будет куда интереснее молодая девушка, известная по обе стороны хребта. Кстати, многие барды имеют прозвища, ты об этом не думала? Конюх, конечно, олух, но вельва — звучное слово, особенно для северянки.

— К слову, об этом. Как тебя зовут? Мы несколько дней будем ехать вместе, и было бы неплохо знать, как к тебе обращаться.

— Лис, — подумав, ответил бродяга. — Можно так.

— Ты умеешь обращаться только по прозвищам?

— Точно, Вельва, именно так.

Постепенно распогодилось, и выглянувшее солнце вместе с утренней прохладой разогнало и дурное настроение Наи, она даже скинула капюшон и закрутила головой по сторонам, улавливая изменения в знакомых пейзажах. Вдоль столичного тракта всегда что-то происходило: вот торговец съехал на обочину и озадаченно топтался у телеги, перекосившейся на одно колесо, а у хорошо накатанного съезда к местной речушке, в городе загнанной в трубы, вырубил лес и собирались что-то строить. И когда успели, месяц назад ничего не было...

Поглядывала Ная и на Лиса, на лице которого застыла поразительная безмятежность, для полноты картины не хватало только травяного стебелька во рту. Прямо вечный скиталец, который путешествует по странам, нигде не останавливаясь надолго и перебиваясь случайными заработками. Никакой стабильности, зато впечатлений с избытком! Интересно, кто он и правда такой? Почему-то представить Лиса копающим грядку какому-нибудь крестьянину получалось с трудом — слишком хорошо держался для разнорабочего — а для наемного воина у него совсем не было оружия.

На самом деле, Ная любила путешествовать с разными людьми, чаще всего — с купцами или гонцами, постоянно носящимися по тракту. Не столько ради безопасности, сколько ради историй — каждый, кто изредка выбирается из города, может рассказать хоть одну. Пускай даже о том, как заблудился зимней ночью в трех домах в какой-то деревеньке и принял местного пьяницу в облезлой шубе за сказочного оборотня. Правда, обычно всегда можно зацепиться за что-то для начала разговора, например, между делом поинтересоваться, как идет торговля, но для этого надо хоть что-то знать о спутнике. Не о погоде же говорить, потому что и так все понятно. Солнышко светит. Тепло. Копыта лошадей месят грязь, в которую превратился тракт после ночного дождя, но ничего, пара часов солнцепека, и все высохнет.

— На севере действительно не осталось вельв? — неожиданно спросил Лис, оторвавшись от разглядывания облаков.

— Да. Шарлатаны, которые развлекают зевак, есть, но это так, пыль в глаза, — хмыкнула Ная и удивленно поинтересовалась. — Откуда такой интерес? Сейчас куда чаще спрашивают про южные обычаи.

— Я бывал в Стормгриде, правда, давно, — с неожиданной мечтательностью сказал он. — В мои восемнадцать лет все вокруг было слишком непросто, а разобраться, что с этим делать, не хватало ума. Кто-то из знакомых рассказал байку про чудесных северных женщин, вот и поехал на север, надеясь на чужую мудрость.

— И как?

— Последняя известная вельва умерла задолго до моего приезда, а другие если и были, то не рассказывали о себе на каждом углу. Правда, — усмехнулся Лис, — я едва не купился на зазывал, но люди отговорили.

— Такой персонаж мог бы стать отличным героем для песни о странниках, — Ная едва удержалась от соблазна достать бумагу и карандаш, чтобы набросать образ. Жаль, на ходу неудобно, к вечеру же забудет! — Но зачем в восемнадцать было так далеко ехать? В этом возрасте редко пытаются понять себя.

— А я хотел разобраться не в себе, а в мире. Почему-то в юности, оказавшись в

неприятностях, надеешься, что кто-то старший со стороны может решить все твои проблемы за тебя. Наивно так думать, но понимаешь это не сразу.

— А что произошло с тобой?

Им на встречу прошла лошадь, запряженная в телегу с шумной компанией внутри, и разговор прервался. Едущие в столицу и успевшие выпить парни что-то радостно закричали Нае, замахали руками, но она в ответ только улыбнулась и подхлестнула свою лошадь. Вчерашняя стычка в переулке прочно врезалась в память, а вместе с ней и чувство беспомощности, избавиться от которого не удавалось.

Да, ей и раньше доводилось сталкиваться с пьяницами, но или она была не одна, или удавалось разойтись мирно. С настолько агрессивно настроенными, еще и в таком количестве, ей встречаться не доводилось. Оказывается, от ведьминских способностей на деле толку... что она могла сделать, отвести глаза? Рассказать, какие эмоции испытывает каждый из них? А любое серьезное воздействие требует времени, но что важнее — концентрации; в уличной же драке не бывает ни того, ни другого. Потому и удобно притворяться бардом: музыка отвлекает любопытных на себя и позволяет сосредоточиться.

— Ты в порядке? — окликнул ее Лис, когда она едва не съехала с утоптанного тракта в придорожную канаву.

И ведь на его предложение составить компанию согласилась не потому, что было интересно — испугалась остаться одна в своей беспомощности. Отличная, конечно, идея — доверять совершенно незнакомому человеку, который даже своего имени не говорит, но чутью Ная привыкла верить и была точно уверена: не навредит.

— Да, все хорошо, — она отвесила себе мысленную затрещину и выпрямилась в седле, пытливо глядя на Лиса. — Зато ты так и не ответил.

— Я сбежал из дома. Не слишком хотелось, но пришлось, — спокойно ответил он. — Всегда думал, что мое будущее определено и выглядит неплохо, а тут ушел в никуда. Начинать с чистого листа сложно, особенно когда нет поддержки даже семьи, вот и пытался ее найти где угодно.

— И ты не справился?

— Нет, почему? Трудности закаляют, и своей жизнью я доволен, — пожал плечами Лис и хитро улыбнулся, Нае даже показалось, что едь он ближе, щелкнул бы ее по носу. — Не верь внешности, Вельва. Она говорит о человек то, что он сам хочет о себе сказать... если достаточно умен.

— Значит, ты или хочешь казаться безобидным бродягой, или глуп?

— Наверное, глуп.

Ная прислушалась к своим ощущениям и с удивлением обнаружила, что его спокойствие не было напускным — в его эмоциях не было ни злости на судьбу, ни досады, ни даже горечи, которая часто встречается у тех, кого потрепала жизнь; только интерес к разговору и умиротворение от окружающего пейзажа.

Но таких людей просто не бывает, никто не говорит о пройденных испытаниях так, словно они произошли не с ним! Но ведь и не врет, это тоже чувствуется... Ная ощутила почти охотничий азарт и посмотрела на спутника как на загадку, которая сама попала в руки. Может, он знает способ обмануть эмпата, ведьму? Нет, о ее способностях знают немногие, а держать себя в руках все время невозможно, рано или поздно просто не выдержишь, сорвавшись, и отчего-то казалось, что такой человек, как Лис, не может этого не понимать.

Он обернулся, почувствовав взгляд, и Ная поспешила поднять глаза к деревьям, смыкающим над трактом свои кроны, в которых копошились мелкие птицы.

Аллея, высаженная в незапамятные времена у Квинсы, чтобы корни не позволяли дождям и окрестным болотам размывать тракт, закончилась, и дорога раздвоилась. Один рукав уходил на запад, к крупным даргийским городам, а второй причудливой змейкой вился к пограничному хребту. Еще пару лет назад он считался заброшенным и непроезжим, но торговцам надоело каждый раз делать большой крюк, и они вложились в какое-никакое обустройство. Отгащили перегородившие путь деревья, сломанные ураганом, обновили мост через реку, один даже поставил трактир, сначала едва не разорившись, а спустя год, когда путешественники оценили короткую дорогу, разбогатев.

Справа за широким пшеничным полем поблескивала река, приграничный тракт оказался почти пуст, если не считать редких встречных путников, и Ная совсем расслабилась под теплыми лучами почти осеннего солнца. Странное дело: впереди еще две недели лета, но вокруг уже ощущались первые признаки надвигающейся осени — в пышной зелени берез начинали мелькать одинокие желтые пятна, как будто художник брызнул на картину желтой краской, часто ночами начинало подмораживать, и даже солнечный свет казался особенно мягким, вызывая щемящее чувство необъяснимой тоски об упущенном.

Ная потянулась и, скосив глаза на Лиса, все-таки достала неровно сшитую тетрадь с заметками. Дорога ровная, лошади идут мягко, неторопливо, а меланхоличное настроение как нельзя лучше подходит для историй о трагической судьбе.

До трактира они добрались еще засветло, но, как оказалось, одного этого было мало: на заведение случился небывалый наплыв путников, жаждущих переночевать в тепле, и комната осталась только одна. В ней, правда, давно никто не жил, но если госпожа Ная немного подождет... Конечно, трактирщик ее помнит, всегда же через них ездит и иногда выступает, как тут забыть! Сегодня, правда, народ развлекают другие — группа странствующих бардов из двух гитаристов и одной миловидной девицы, которая очарует если не голосом, то мордашкой. Госпожа же на это не обидится?

На заверения, что она не имеет профессиональной ревности к коллегам и вообще не собиралась сегодня нигде выступать, ушло минут двадцать, за которые Ная уже почти решила, что кто-то из них сходит с ума. Да, она всегда останавливалась здесь хотя бы на одну ночь, когда бывала в Даргии, и от возможности подзаработать не отказывалась, но, в самом деле, это уже перебор.

— С тобой удобно путешествовать, — хмыкнул Лис, когда рассыпающийся в извинениях трактирщик устроил их за стойкой — за столами в переполненном обеденном зале мест уже не было.

— Не ерничай, — вздохнула Ная. — Мне и без того неловко. Заставила человека побегать, хотя оно того не стоит.

— Он же не хочет остаться без постоянного посетителя, если ты обидишься и в следующий раз из принципа решишь переночевать в чистом поле.

— Предел моих мечтаний — променять какую угодно кровать на лежак в поле, — она осеклась, вспомнив про единственную комнату. Не то, чтобы для нее это было проблема, но все же приличной девушке полагалось бы остерегаться ночевки с мало знакомым человеком. С другой стороны, приличной девушке вообще не стоило уезжать из дома. — Слушай...

— Как ты думаешь, они разгоняют посетителей на ночь по комнатам? Сдается мне, нет,

во всяком случае, раньше так не делали, — беззаботно перебил ее Лис. — Думаю, посижу здесь, особенно если попозже перебраться в угол.

— Завтра из седла не выпадешь? — со вздохом спросила Ная, раскладывая на стойке заметки. Кое-что она успела набросать в дороге, и теперь было бы неплохо привести обрывки фраз в приличный вид, чтобы потом не забыть. — Не дури. Если бы я тебя боялась, не согласилась бы вместе ехать. Не один маньяк не станет нападать на жертву среди толпы, когда на их пути хватает безлюдных мест.

— На тебя напали в подворотне с понятными намерениями, а ты не боишься? — Лис уперся локтем в стойку и подпер щеку, с интересом глядя на нее. — У тебя странное отношение к людям.

— Какое есть. И я боюсь, очень, — она вспомнила охватившее ее на тракте ощущение беспомощности и передернула плечами. В теплом знакомом трактире, среди веселой шумной толпы и под ненавязчивую музыку из отведенного музыкантам уголка оно ненадолго отступило, и снова оставаться наедине с собой не хотелось. — Но не тебя. Я много путешествовала по Верне и Даргии и если бы плохо разбиралась в людях, до этого дня просто не дожила бы. Тем более, ты сам напросился быть охранником.

— Я предложил наугад. Почти не рассчитывал, что ты согласишься, — признался он. — Обычно леди долго выбирают охранников, и уж точно не на улице.

— Я эмпат и далеко не леди.

Лис вскинул бровь, в остальном не изменившись в лице. Он определенно умел держать себя в руках, но справиться с эмоциями, особенно первым порывом, куда сложнее, чем остановить лишний жест. Действительно не знал, хотя эмпаты среди музыкантов встречаются гораздо чаще, чем те же барды: этому дару важны не способности, хотя они только усиливают, а тонкая душевная организация.

— И никогда не ошибаешься?

— Пару раз случалось. Лет в пятнадцать, — Ная потянулась и, сунув под мышку заметки, встала.

Разносчица носилась по залу, разрываясь между посетителями, а духота в зале и заунывный репертуар выступающих музыкантов вгоняли в сон. Еще и прошлой ночью плохо спала... И пусть служанка не закончила убираться, ее можно потеснить, даже если начнет топтать и шуметь на весь трактир.

Лис оставаться в зале вопреки своему намерению провести там ночь не захотел и догнал ее на лестнице, на вопросительный взгляд непринужденно сказав:

— Пытаюсь выполнять обязанности охранника по мере сил. Вдруг в темной комнате притаился злодей?

— В переполненном трактире? — она выразительно обвела рукой вокруг себя. Коридор второго этажа был пуст, но со стороны лестницы отчетливо доносились голоса и музыка, разбивающие сонную тишину, но и скрывающие звуки с улицы. И честно сказать, Ная предпочитала ночевать так, среди человеческого шума, чем в тихом селянском доме, сквозь стены которого слышно каждый шорох, а шаги по улице в ночи разносятся так далеко, что кажется, будто кто-то бродит под стеной.

— Я тоже много путешествовал и с убийствами на трактах встречался чаще, чем хотелось бы. Мне будет спокойнее, если проверю сам, — в голосе Лиса прозвучала неожиданная серьезность без тени иронии. — Потом спущусь обратно.

Ответить Ная не успела: им навстречу попала служанка, как раз вышедшая из дальней

двери. Заметив их, девчонка остановилась, поставила на пол ведро с переброшенной через край тряпкой и из кармашка на платье достала ключ. Да, дверь запирается снаружи, но если господам нужно, изнутри есть засов. Окно лучше не открывать, даже если сначала покажется, что душно — рама давно рассохлась, обратно плотно закрыть не получится, зато щелей хватает, а ночь обещает быть холодной, и так замерзнут!

Комната и впрямь имела нежилой вид: похоже, местные обитатели приспособились использовать ее под кладовку, кладовку она и напоминала — два шага в ширину и пять в длину с маленьким окном в стене. Надо отдать служанке должное, за последние полчаса она успела вынести все лишнее и умудрилась привести комнату в сравнительно жилой вид. По крайней мере, кровать застелена, на слегка покосившемся, прихрамывающем на одну ногу столе и единственном стуле не было пыли, а ноги не оставляли следов в вековой грязи на полу. Жить можно.

Ная кинула на стол ключ, сумку пристроила на стуле, стянула сапоги и растянулась на кровати, заложив руки за голову. Лис даже заходить не стал, постоял на пороге и, убедившись, что посторонним прятаться негде при всем желании, тихо ушел, прикрыв за собой дверь.

Ная широко зевнула и закрыла глаза, вызывая в памяти образ придуманного днем героя. Вечный скиталец, одинокий мститель, который был... допустим, телохранителем, но не короля — убивать короля это слишком, еще сочтут историю политическим памфлетом, — а какого-нибудь лорда. Пускай этого лорда казнили по ложному обвинению, а герой решил, что это исключительно его вина, и кинулся искать справедливости. Все равно политики многовато, надо будет больше на эмоции давить... и спутницу добавить, которая в себя приведет. Даму сердца? Такое обычно любят.

На сцене, когда мститель геройски кинулся на вражеский арбалет, закрывая собой героиню, Ная задремала. Во сне кто-то с кем-то сначала дрался, потом гнался, потом, видимо, поймав, пытал раскаленным железом по спине, и это было очень больно.

Ная подскочила на кровати, не сразу сообразив, что боль никуда не делась. Медленно поднесла руку к спине, нащупывая шрамы, и чуть не завывла. Неужели опять, здесь?!

Она нашарила сапоги, обулась и, морщась от боли, пошла в зал. Нет, ругаться ни с кем, конечно, не станет, но хотя бы посмотреть на этого наглеца надо! Если, конечно, он в трактире, а не бродит снова где-нибудь вокруг. И как так получилось, что второй раз он натывается именно на нее?

Народу в зале как будто стало больше; люди уже не только сидели за столами, но и стояли вдоль стен, замороженно глядя в угол. Музыканты выступали те же, но понять, кто из них пользовался даром, оказалось непросто: все трое были южных кровей, но играли на гитарах, у девушки инструмента не было вообще. Кто из них? И один ли это человек с тем, кто бродил под окнами в Квинсе, ведь тот предпочитал флейту?

Это, впрочем, ни о чем не говорит — Ная знала тех, кто под настроение играл на разных инструментах. Попробовать пробиться на улицу и понять, не играет ли кто-то там? Нет, ерунда, тогда бы слышала еще из комнаты.

Она поискала взглядом Лиса и подошла к нему, благо, за стол возвращаться не стал, так и стоял внизу лестницы, опершись плечом о стену. На появление Наи он никак не отреагировал, продолжая с совершенно отсутствующим взглядом смотреть перед собой даже тогда, когда она дернула за рукав. Окружающие, как выяснилось, выглядели не лучше, разве что слюни не пускали, особенно мужчины.

Нае это совершенно не понравилось, и она, подхватив Лиса под локоть, потянула его наверх. Каждый сам волен выбирать занятия себе по душе, но не стоит увлекаться, если путешествуешь не один.

Лис на удивление покладисто позволил увести себя на второй этаж, но стоило Нае понадеяться, что все и дальше пойдет так же гладко, как он не просто остановился — начал сопротивляться!

Сдвинуть с места взрослого мужчину, особенно с ноющей спиной, оказалось выше ее сил. Не подпихивать же его сзади, в самом деле!

— Мне кажется, лучше вернуться, — его голос звучал как у деревенского дурачка, и одно это заставляло нервничать. Не может человек, который готов ради чужого комфорта провести ночь за столом, вести себя, как капризный ребенок. — Там ждут.

— Там играют абсолютно кошмарную музыку. Да не стой ты столбом! — Ная выпустила его руку и беспомощно огляделась. По привычке потянулась было к кинжалу — если поцарапать ему руку, боль должна хоть ненадолго привести в чувство — но с досадой вспомнила, что оставила его в сумке, а сумку в комнате. — Беру свои слова назад. Замри и никуда не уходи!

До нужной двери она добежала в три шага, не задумываясь, вытряхнула всю сумку на кровать, чтобы не терять времени. На самой вершине горы вещей обнаружилась острая шпилька для волос, которую Ная любила использовать, когда хотя бы для собственного спокойствия не могла взять с собой кинжал, и про которую успешно забыла. Так даже лучше, не порежет никого случайно, и так пальцы подрагивают.

Ее не было всего пару минут, но Лис успел спуститься до середины лестницы. Двигался он вяло и медленно, словно во сне, не реагируя ни на слова, ни на оклики. Схваченный за запястье, позволил себя увести на несколько ступенек, на верхней заупрямившись, и Ная, разозлившись, ткнула его в ладонь шпилькой. Хорошо так ткнула, от души, вспомнив, видимого, того пьяницу из подворотни — на пол капнуло красным, потом еще и еще...

А в следующее мгновение она оказалась грубо прижата спиной к стене с вывернутой рукой; шпилька с тихим звоном упала на лестницу. Предплечье Лиса упиралось ей под подбородок, мешая не то, что говорить, дышать, а с ладони продолжала капать кровь, только теперь на рубашку Наи. Зато глаза ожили. Замечательный результат, ничего не скажешь!

А внизу никто даже не обратил внимания на возню.

— Пусти, дурак, — прохрипела Ная, чувствуя, что еще немного, и от нехватки воздуха лишится сознания.

— Чтобы ты снова попыталась на меня напасть?

— Пусти. Объясню, — ничего не изменилось, и она скрипнула зубами. — Внизу... бард. Не знаю, что хочет. Боль... приводит в чувство.

Лис помедлил, но потом все же отошел, быстро глянув на поцарапанную ладонь и сжав ее в кулак. Ная закашлялась и почти сползла по стеночке на пол, но жжение в спине напомнило, что расслабляться рано, пришлось, кивнув в сторону комнаты, заставить себя шевелить ногами.

Оказавшись внутри, она первым делом задвинула засов — кто знает, не захочет ли местный талант потом еще и по жилому этажу пройти? Это отдает паранойей, конечно, но кто знает... Опять же, если на Лиса снова нахлынет наваждение, выйти ему будет сложнее, а там можно и повторить трюк со шпилькой, которая, кстати, осталась лежать на лестнице. Ладно, все равно этим томным вечером вряд ли кто-то способен заметить даже лежащую

под носом шпагу.

Ная снова закопалась в вещах, пытаясь отыскать мешочек с кусочком угля. Выглядел мешочек претенциозно: кожаный, с теснением, рунами и бисером по краю, но на деле был не больше, чем симпатичным сувениром, который она прихватила на память о доме. Действительно ритуальные вещи сейчас найти было не то что сложно — практически невозможно, на материке занимающихся ими мастеров не осталось, а на островах мало было поискать, еще надо было договориться.

Уголек тоже был самым обычным и ничем не отличался от других из арсенала художника, у которого Ная его и выпросила. От обычного инструмента большего, впрочем, и не надо, все остальное есть в ней самой.

Она села на корточки перед порогом и быстро, почти наугад в темноте принялась чертить вязь символов. Спустя пару секунд стало чуть светлее, кусок пола у двери озарило тусклое голубоватое сияние. Ная поморщилась. В чем еще можно завидовать бардам, так это в том, что применение их талантов не сопровождается эффектами вроде светящихся глаз. Никто не спорит, выглядит это впечатляюще, особенно в окружении благоговееющих северян, но так у них и отношение к ведьмам и чудесам в целом совсем другое, чем в центральных королевствах. Здесь скорее испугаются.

За спиной скрипнула сперва половица, затем кровать. Ная оглянулась, прищурившись, чтобы прикрыть мерцание: Лис, до этого безучастно смотревший в окно, сел и здоровой рукой взъерошил отросшие волосы, запутавшись в них пальцах. Жест был привычный и выдавал, что такая прическа ему явно не привычна. Интересно.

— Прости, — наконец сказал он, глядя в стену перед собой. — Напугал?

— А ты как думаешь? — она поставила последнюю черту в узоре и пересела на стул. Не великое колдовство, конечно, от неожиданных гостей не защитит — для этого надо немножко больше, чем кусок угля и не самый выдающийся дар, — но, по крайней мере, вошедший растеряется на пороге, ненадолго забыв, зачем пришел.

— Знаешь, что самое странное? — Лис, словно не услышав, повернул к ней голову. — Готов поспорить, среди тех троих не было никого с даром.

— Если ты о флейте, то не обязательно пользоваться именно ей.

— Скорее о манере держаться.

— А ты разбираешься? — с интересом спросила Ная и взяла в руки чехол с флейтой. — Я похожа на барда?

Лис невнятно хмыкнул и заинтригованно посмотрел на нее. Играть под его изучающим взглядом было неуютно, как перед наставником в конце обучения в консерватории, и хватило ее ненадолго, да и то вышло не очень. С другой стороны, не в мастерстве же должно быть дело?

— Да и нет, — после некоторого молчания заключил он. — У тебя нет обычного для музыканта трепета перед флейтой, будто она просто инструмент вроде ножа. Но когда играешь, ты смотришь в себя, не вокруг. Барды так не делают, даже на обычном выступлении они контролируют каждого.

— Не знаю даже, похвалил ты меня или нет, — растерянно улыбнулась Ная. — Откуда знаешь?

— У меня насыщенная жизнь, — уклончиво ответил Лис и вернулся к теме. — И вот те двое были слишком увлечены игрой, во всяком случае, в самом начале, не обращая внимания на людей.

— Ты думаешь, кто-то сидел за стеной и играл еще и на флейте? — с сомнением переспросила она, потянувшись, зевнув, и только сейчас спохватилась, что боль прошла, хотя с первого этажа все еще пробивалась музыка. — Я больше ничего не слышала... Если не возражаешь, я лягу?

— Кстати, как ты вообще смогла понять, что в трактире есть бард? — Лис послушно пересел прямо на пол и посмотрел на нее снизу вверх, уткнувшись подбородком в сложенные на согнутом колене руки.

Вопрос был откровенно неудобным, и что на него ответить, Ная не знала. Рассказывать каждому встречному о своих ухищрениях — плохая затея, кто знает, чем это обернется против нее в будущем. Она не удержалась и, снова устроившись на кровати, сперва захмыкала, а потом и вовсе рассмеялась в голос. Отличная из них вышла парочка, ничего не скажешь! Путешествуют не вдвоем, а в большой компании недомолвок.

— Что-то не так? — нарочито вежливо спросил Лис.

— Нет, просто мы с тобой отличный дуэт. Ты говоришь загадками, я говорю загадками, а правда окажется или столь ужасна, что мы ее не переживем, или слишком банальна, — Ная выдохнула, успокаиваясь, и перевернулась на бок, чтобы видеть его. — Просто интуиция. Я встречала бардов и знаю, как они работают. В зале почти у всех был отсутствующий вид, причем обрати внимание, присутствовали только мужчины. Может, поэтому меня и не зацепило?

— Возможно, — согласился он, принимая ответ, и больше расспрашивать не стал. Так и сидел, закрыв глаза и думая о своем, оставалось только надеяться, что хотя бы не всю ночь.

Утром Ная первым делом едва не запнулась о Лиса, когда, не успев толком проснуться, потянулась к вещам за чистой рубашкой — ходить в заляпанной кровью не хотелось. Он спал на полу на спине, подложив под голову свернутую куртку, но на шум сразу проснулся и заспанно посмотрел на нее. Его одежда тоже была в бурых брызгах, как будто ночью подрался с кем-то из постояльцев. Это никуда не годилось.

— Тебе бы переодеться, — посоветовала Ная и смущенно попросила: — Ты не мог бы отвернуться?

Лис что-то угукнул и сел лицом к двери, всем видом выражая желание не вставать вообще. Остается надеяться, что проснется за завтраком, а то еще выпадет из седла...

— Здесь недалеко есть селение, — он потер ладонями щеки. — Если не торопишься, я съезжу, наверняка что-то найдется. Займет часа два, а делать крюк, съезжая с тракта, смысла нет, выйдет дольше.

— Ладно, — Ная сняла грязную рубашку и поспешила надеть новую, едва не запутавшись в рукавах. Переодеваться при посторонних она не то, чтобы стеснялась, но не любила: вопрос о шрамах был одним из тех, ответить на который было непросто. — Деньги-то есть?

— На одежду найду, — с осязательной улыбкой в голосе сказал Лис и прислонился плечом к стене, явно намереваясь поспать еще немного, но Ная не дала, растормошив.

— Пошли завтракать, иначе такими темпами мы до Лангрии доберемся через полгода.

В общем зале он быстро взбодрился, но долго за столом не просидел: кое-как поковырявшись в тарелке, сказал, что лучше выедет пораньше, чтобы не сильно задерживать. Ная только пожала плечами. Торопиться все равно некуда, ночевать в следующий раз скорее всего придется в поле — она не любила приграничные селения, за ночь тамошние жители

брали как хороший постоянный двор в столице, а приличных трактиров, в которых нет риска быть зарезанным ночью, не встретится до самой границы.

— Госпожа, а не могли бы вы помочь? — на освободившийся стул сел трактирщик, и по его лицу было видно, что он не уверен, стоит ли вообще начинать разговор.

— Чем? — без особого энтузиазма спросила Ная, но прогонять не стала. Время до возвращения Лиса надо было чем-то занять, да и ссориться с местным хозяином не хотелось, не в последний же раз здесь.

— У меня в деревне есть свояк. Хороший мужик, но мы с ним поругались. Звал его расширять мой трактир, так он после ссоры решил свой открыть. И ладно бы, поил только соседей, так он же переманивает моих постояльцев.

— У вас и так комнат не хватает, вам ли жаловаться?

— Так-то оно так. Но он к себе затащил делегацию вернийского дипломата, а это денег больше, чем за весь вчерашний вечер, — с заметной досадой сказал он. — Помириться бы с ним теперь.

— И как я помогу?

— Выступите у него как бы бесплатно, скажем, что я с вами договорился. Пусть знает, что я даже в нашей глуши найду лучших музыкантов, ну и заодно считает это даром доброй воли. Но я все оплачу, не переживайте, — трактирщик немного помолчал и уклончиво сказал. — А если поможете его убедить пойти на мировую...

— Поговорить по душам предлагаете? — хмыкнула Ная, но посмотрела на него и разом все поняла. — Почему вы думаете, я смогу? Было бы логичнее просить тех, кто выступал вчера.

— Так вас многие знают, а их нет. Да и вам только сыграть, договориться мы сумеем. Но если вдруг возможно подсобить...

Она склонила голову к плечу, постукивая пальцами по столу и с интересом разглядывая трактирщика. Тот от такого пристального внимания разнервничался, схватился за полотенце, висевшее на поясе, и тормошил его пальцами. Лезть в его эмоции не хотелось, да и так было видно, что чувствует себя не в своей тарелке с подобными просьбами, а значит, барда вчера не он привел, чтобы повытягивать из посетителей лишних денег. Скорее всего.

— И часто вы пользуетесь подобными услугами? — все-таки уточнила Ная, но больше для порядка. Даже если и пользуется, вряд ли признается. Мало кто любит работать с теми, кто играет нечестно и в открытую пытается влиять на других.

— Да что вы, — трактирщик махнул рукой. — Это ж в Квинсу ехать надо, в Доме договариваться, потом дорогу к нам оплачивать... А без этого же не спрашивать каждого встречного барда, может ли он, еще подумают чего не того...

— Но меня же спросили.

— Так вас же знаю! Да и не прошу многого, просто сыграть для свояка. Недолго, всего часок-другой.

— Три золотых кроны за выступление сразу, сверху оплата комнаты и обеда для меня и спутника, — помолчав, озвучила Ная. — За... помощь в переговорах еще семь по факту. И было бы неплохо, если бы кто-то постирал нам одежду.

— По рукам, — расцвел трактирщик. — Девочки все сделают! Можем уже ехать?

— Возьму только сумку, — вздохнула она и встала из-за стола. — Пусть они заодно передадут моему спутнику, куда я уехала.

Заведение конкурента, пожалуй, и трактиром было сложно назвать: простой, но вместительный дом, который хозяин разделил на небольшой обеденный зал и три комнаты для гостей едва больше той, в которой остановилась Ная. И местоположение неудобное, попадешь сюда, только если свернешь к деревне... Впрочем, при нынешней заполненности трактира на тракте путники вполне могут проситься на постой даже просто к жителям, а слухи рано или поздно разнесут новость.

— Этот домишко ему в наследство достался, гнил без дела уже год, а тут вдруг решил приспособить. И кому он в такой глуши нужен-то, — презрительно фыркнул ее спутник, когда они поднялись на порог и заглянули в открытую дверь. — Эй, Джес, иди сюда!

— Судя по всему, нужен, — хмыкнула Ная, разглядывая посетителей. Четверо самого простецкого вида, явно местные, и трое прилично одетых, держащихся вроде и вместе со всеми — не чурались пошутить или пить с деревенскими — но в то же время отстраненно. Вероятно, они и были сопровождающими дипломата.

Высказаться еще резче трактирщику помешал вынырнувший из-за двери щуплый мужчина самого безобидного вида с благодушным, но хитрым лицом, по всей видимости, тот самый Джес.

— Давно не заходил, Пол. Чем обязаны такой чести? Решил узнать, как дела? — вежливо и на первый взгляд спокойно спросил он, но за напускным спокойствием и вальяжностью, как убедилась Ная, коснувшись его эмоций, скрывалась большая, старательно лелеемая обида. Из-за чего, интересно, они поссорились? Не смогли договориться о деньгах, как это часто бывает, или один позавидовал другому, более успешному, расторопному и предприимчивому? Не захотел оставаться в тени заслуг и решил доказать, что тоже на что-то способен?

— Не поверишь, правда интересно, как живешь, — буркнул Пол, разом как-то стушевавшись. А вот это уже занятно: ему действительно... не стыдно, но искренне досадно от размолвки. Может, он и не хотел товарища задеть, предложив стать партнером в деле? Для начала за небольшую долю, но трактир надо развивать, путников с каждым годом все больше, а значит, больше денег и возможностей... Или это что-то личное, связанное с очаровательной селяночкой?

— Твоими молитвами. Что-то еще?

— Да на мировую я пойти хочу, — не выдержал он. — Занимайся своим заведением, сколько хочешь, но так вдвоем же легче будет! Я бы советом помог, да хоть как дом перестроить, чтобы не выглядел такой хибарой! Указатель бы у моего повесили...

Джес усердно поджимал губы, всем видом выражая непоколебимость убеждений, но Ная уже чувствовала, что обида дала трещину, и если разговор пойдет так же плодотворно, ее можно будет доломать без постороннего вмешательства. Другое дело, что для этого нужно терпение — стоит Полу сорваться, подумать, что слова не дают результата, и все придется начинать сначала. Судя по тому, что они до сих пор не помирились, он этого так и не понял.

— Господин Пол предложил выступить в вашем трактире в знак его добрых намерений, — вмешалась Ная, когда пауза в разговоре слишком затянулась. — И я с удовольствием приму это предложение, если вы не возражаете, конечно.

— Это Ная Лангрийская, своей музыкой известна в двух королевствах, — спохватился Пол. — И уж точно в столицах, твоему гостю из Верны точно должна угодить.

— И влетит мне это в кронку, — нахмурился Джес, хотя интерес проскользнул даже в его голосе. Конечно, за хорошее развлечение щедрый столичный посетитель может накинуть

пару монет.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась она. — С вас платы не возьму.

— Ладно, — растерянно посмотрел сначала на нее, потом на свояка Джес. — Если так, конечно... пойду тогда позову господина Лонма, его-то все здесь, а самого что-то не видно.

Отсутствовал он недолго, вернулся почти сразу, не успел довольный своими дипломатическими успехами Пол высказаться об успехе затеи. Выглядел хозяин деревенского трактира неважно: сам бледный, руки трясутся, в глазах ужас, а в эмоциях — полный хаос из страха, отчаяния и обреченности. Он так и встал у входной двери, молча глядя в пустоту, и чтобы заставить его хоть на что-то обратить внимание, пришлось несколько раз потрясти за плечо.

— Там, — одними губами сказал он и дрожащим пальцем указал на приоткрытую комнату.

Пол недоуменно вскинул бровь, но внутрь все-таки вошел, остановившись на пороге и задумчиво почесав затылок. Ная ненавязчиво подвинула его — он особо и не сопротивлялся — и вошла следом, разом поняв, что так испугало Джеса.

Посреди комнаты в луже крови лежал человек, судя по всему — тот самый Лонм, вернийский дипломат.

— Вот же ж... — только и пробормотал Пол. — Незадача. Надо звать старосту, а то и в лагерь гарнизона скакать.

— Сможете организовать? Мне кажется, ваш свояк не в состоянии этим заняться, — Ная подумала, уловила сомнение мужчины и искренне, больше из жалости к нему — подозревать близких в убийстве непросто, а такая мысль у него явно закралась — предложила. — Хотите убедиться, что это не он?

— Что, вы и это можете? — удивился Пол, но вяло, словно не до конца понял, о чем речь.

— Пошлите человека к старосте и возвращайтесь сюда, я покажу, — пообещала она и достала из сумки чехол с флейтой. Для задуманного инструмент был совсем не обязателен, но не выходить же из образа. Придется объяснять лишнее, сочинять о невероятных способностях бардов, а чем сложнее легенда, тем проще в ней запутаться.

Подходить к телу Ная не стала, так и осталась стоять у двери. Не из боязни к мертвецу — на них она успела насмотреться в жизни — но из опасения, что придется объясняться, если найдут рядом с телом. Тем более, что на несчастного явно кто-то имел зуб и убийство не было случайным: из груди торчало два арбалетных болта, пущенных через открытое окно. Вряд ли кто-то прошел с оружием через небольшой зал, воспользовался им от двери, повернул тело ногами к окну и так же спокойно вышел. Как минимум остались бы следы крови.

— Ну что, госпожа Ная? — выдернул ее из задумчивости удивительно ровный голос Пола. Предполагать, что именно он убил непростого гостя, чтобы насолить конкуренту, глупо — с утра на глазах, да и характера не хватило бы. А вот брать ситуацию в свои руки он привык еще во время торговли, к тому же тракт тоже не самое спокойное и безопасное место. Без этого умения долго не протянешь.

— Стойте рядом, — велела она, поднося флейту к губам. Было бы лучше закрыть глаза, чтобы не выдавать себя их свечением, но тогда ничего не увидит сама, к тому же сейчас день, не так заметно.

Ная сделала два шага к телу, наигрывая простенькую мелодию собственного сочинения.

Лучше, конечно, коснуться рукой, но со стороны это должно выглядеть странно, поэтому придется так.

Она все-таки прикрыла на мгновение глаза, пробуждая в себе силу. В груди разлилось тепло, разбегающееся по всему телу — к голове, животу, к рукам. Музыка, поначалу казавшаяся самой обычной, обволакивала словно кокон, утягивая за собой на границу этого мира — туда, где царствовали тени воспоминаний.

Какой бы великой ведьмой ни была прабабкой, как бы ни чтит традиции и ритуалы, пользоваться надо тем, что есть здесь и сейчас. Крутиться и цепляться за любую возможность — закон не только выживания, но и беспечной жизни.

Ная открыла глаза и опустила флейту. Комнату заволочло едва видной белесой дымкой, в которой проявились призрачные фигуры: одна, хорошо различимая и принадлежавшая дипломату, вошла через дверь и остановилась посреди комнаты. Вторая стояла у окна, прислонившись к стене и сложив на груди руки. Нельзя было различить ни одежду, ни лицо, понятно только, что мужчина.

— Кто это? — сдавленным шепотом спросил Пол. Его лица Ная не видела, но могла предположить, что он таращится во все глаза.

— Этот человек был здесь слишком давно, в комнате не осталось ни одной вещи, принадлежащей ему, — медленно сказала она. — Не осталось его следа, через пару часов мы бы не различили и этого.

— Но ведь...

— Здесь его тело, поэтому образ четкий и сохранится таким еще сутки, если не трогать.

Дипломат замер, а потом сделал решительный шаг вперед, остановившись там, где сейчас лежали ноги трупа. Взмахнул руками, всем своим видом выражая недовольство, что-то сказал, явно повысив голос...

Ная прислушалась, и сквозь тишину комнаты различила далекое эхо голоса покойного дипломата. Разобрать, что говорит он сам, удавалось с трудом, отдельными фразами; ответы его собеседника были не слышны вовсе.

«...врага видишь не в том. Присмотрись к тому... под самым твоим носом».

Он сделал было шаг вперед, как будто хотел избежать конфликта, но ответ заставил остаться на месте. Раздраженный взмах рукой.

«...не дурак, чтобы отказаться... ценнее всегда тот, у кого сила, а в Лангрии ее давно нет, если вообще была... смотри, что стало с Шинтой».

Свист на грани слышимости, и дипломат, вздрогнув, завалился на спину. Мужчина у стены встrepенулся, выпрямился, выглянул в окно и несколько минут стоял там, но, никого не увидев, ударил кулаком по подоконнику и подошел к дергающемуся телу. Недолго думая сунул руку ему за пазуху и что-то достался, умудрившись вторую руку испачкать в темной крови. Через дверь выходить не стал, выпрыгнул в окно, опершись запачканной ладонью о раму.

— Посмотрите, есть на окне след руки? — Ная крепко зажмурилась, возвращаясь в реальность. Когда открыла глаза, в комнате не было ни дымки, ни теней.

Пол, брезгливо морщась и стараясь обходить кровь по стенке, подошел к подоконнику и задумчиво кивнул.

— Это что выходит, за ним охотились?

— Вероятно. Но мне кажется, находившийся здесь мужчина не ожидал выстрела, — Ная тряхнула головой. В ушах все еще звенели отголоски царства теней.

Разбирательство заняло несколько часов — ни Пол, ни сама Ная не стали рассказывать об увиденном, и староста по-простому начал опрашивать каждого, включая их обоих. Были ли знакомы, что видели, замечали ли странных людей в последнее время, хотя в такой близости от пограничья странный как минимум каждый третий...

Особенно его заинтересовала флейта Наи, на что она, не моргнув глазом, предложила посмотреть на ее цвет волос, глаз и кожи и сказать, доводилось ли хоть раз видеть тех самых бардов не южан. Смешно же, в самом деле! Даже дети знаю, что таких не бывает.

Ближе к вечеру в деревню явился человек из гарнизона и начал допрос сначала, уже куда обстоятельнее и дотошнее, так что в трактир они вернулись затемно. И то Пол сказал, что только проводит и рассчитается с Наей, а потом вернется к свояку, ему сейчас крайне нужна поддержка. Она похвалила его за это, вслух понадеялась, что о разладе забудется, но от денег отказываться не стала. В конце концов, в здешних краях такое шоу над трупом вряд ли бы кто-то еще сумел показать.

В комнате она поднялась в глубокой задумчивости, почти не замечая, куда идет и подкидывая на ладони мешочек с деньгами. Развалившийся на кровати Лис лениво повернул голову в ее сторону и отложил книжку, явно выпрошенную у кого-то из местных. Одежду менять полностью он не стал, ограничился только рубашкой, выглядевшей не такой дорогой, зато чистой.

— В этом заведении происходят странные вещи, — с усмешкой поделился он, даже не подумав встать. — Приходила служанка, явно чего-то хотела, но у двери забывала, что именно. Отходила, вспоминала, возвращалась и снова забывала. Пришлось проводить беднягу до лестницы и там расспросить. Наши вещи, кстати, постирали, они успели за время твоего отсутствия высохнуть, лежат на столе.

— Ты давно вернулся? — Ная посмотрела под ноги, отвесила себе мысленную затрещину, но стирать руны не стала. Им придется провести здесь еще одну ночь, главное, утром не забыть.

— Почти сразу. Тут ехать-то, а найти лишнюю рубашку можно в первом же доме, — пожал плечами Лис. — Как выступление? Служанка сказала, тебя уговорил трактирщик.

— Убийственно, — мрачно хмыкнула она, но тут же пояснила. — В доме кого-то убили, так что выступление не состоялось. Зато нас активно допрашивал сначала староста, потом какой-то солдат.

Ная посмотрела на Лиса, ожидая его реакции. Он вполне мог бы быть вторым человеком з комнаты, вполне мог быть знаком с дипломатом, да что угодно мог! И возможность проникнуть в дом была, где-то в это время въезжал в деревню.

Лис отреагировал... никак, только руки за голову заложил, чтобы было удобнее лежать. Проскользнула легкая заинтересованность среди эмоций, но на этом все.

— Ты в порядке?

— Не меня же убили, — Ная достала из сумки тетрадь с заметками и устроилась за столом, поближе к свечам.

— Обычно женщины не так спокойны после встречи с мертвецами. В лучшем случае падают в обморок.

— Ты же не знаешь, может, я тоже полежала без сознания. Меня долго не было, — рассеяно отозвалась она, копаясь в вещах. Потерянный карандаш в итоге обнаружился у ножки стула, выпав, по всей видимости, накануне вечером, когда она искала шпильку.

Лис выразительно хмыкнул, одним этим показывая, что ответом не удовлетворен.

— Слушай, мне не пятнадцать лет, я не благородная девица и за годы путешествий насмотрелась на всякое. В таких придорожных трактирах мертвецы не такое уж редкое явление, особенно по холодам или во время праздников.

— Ты легко относишься к смерти, — уже серьезнее заметил он, садясь на кровати. — Редко можно встретить такой подход.

— Я отношусь к ней непросто. Просто так свою жизнь не отдам, а о смерти близкого человека буду горевать, но она неизбежна, — ровно сказала Ная и подумала, что для кого-то еще и прибыльна, а деньги лишают всякой трепетности, но вслух говорить не стала. Продолжила о другом. — Но я точно знаю, что кто бы ни умер, его смерть не должна переворачивать с ног на голову жизнь окружающих. Иначе это не мир, а хаос.

— К твоим словам не помешало бы прислушаться тем, кто от горя начинает разрушать все вокруг себя, — неожиданно жестко сказал Лис, но тут же осекся, поймав ее недоуменный взгляд. Запустил руку в волосы и уже куда спокойнее попросил. — Извини, не лучшая тема. О чем ты пишешь?

— О! Ты меня натолкнул на идею для пьесы. Напишу, а потом отдам подруге, пусть поставит у себя... Ты бывал в Лангрии в кабаре «У леди Лу»?

— Конечно.

Ная удивленно вскинула бровь. Он ответил так, как будто бы это было само собой разумеющимся — в самом деле, кто не бывал у Лу! Другое дело, что попасть туда стоит немалых денег — Луиза хоть и рассорилась с семьей, но осталась графиней и цену себе знала. Значит, Лис не простой горожанин, которому приходится копить ради одного раза несколько недель, но и не из аристократов, по крайней мере, не из самых видных. Интересно.

— О чем пьеса?

— О телохранителе одного влиятельного лорда. После того, как лорда казнили по ложному обвинению, он бросил все и отправился геройствовать по миру... или будет слишком много параллелей с популярными байками про жизнь принца Крейга? — она задумчиво прикусила кончик карандаша.

— Всей схожести только то, что кто-то сбежал. Или на этом ты собираешься закончить?

— Нет, конечно, побег только начало. До него дойдет слух, что его любимая женщина попала в неприятности в одном из владений, где ее будет держать в заточении местный хозяин. Не из каких-то эгоистичных побуждений, просто по незнанию она умудрилась связаться не с теми людьми и сама выбраться теперь не может...

— Посмотри на меня, — неожиданно попросил Лис, и Ная, вырвавшись из потока идей, подняла на него голову. — У тебя светились глаза.

— Что? — она вскочила на ноги и подошла к окну. В стекле отражались желтые огоньки свечей и освещенное ими лицо мужчины, но и только. В ее собственном же отражении не было ничего необычного. — Не может быть.

— Не светились, ладно, мерцали, — задумчиво сказал он, глядя ей в спину. — Голубоватым.

— Ерунда. Может, так отразились свечи или лунный свет? — без особой уверенности предположила Ная. Пламя свечей было совсем другого цвета, а к окну она сидела полубоком, и свет из него никак не мог попасть на лицо. — Помоги лучше с именем для героя, а то он безымянный.

— Бывший телохранитель лорда? Назови его Роем, — с непонятной горечью в голосе предложил Лис, вставая с кровати.

— Рой... — повторила Ная, пробуя имя. Да, звучит неплохо. Просто, как и многие вернийские мужские имена, но звучно, да и героине в момент отчаяния будет удобно шептать. — Ты куда?

— Подышу воздухом и заодно воспользуюсь твоим именем в корыстных целях. Тебе захватить поесть?

— Не надо, — она сделала последнюю пометку и, убрав тетрадь, перебралась на освободившуюся кровать. — Не задерживайся и будь осторожнее. Даже предположить не могу, кто еще может бродить в округе.

Когда дверь закрылась, и в коридоре стихли шаги, Ная свесила руку и, подтянув к себе за ремень сумку, достала круглое зеркальце размером с ладонь, поднесла к лицу. Глаза казались самыми обычными, без малейшего свечения, но что тогда видел Лис? Вряд ли обманка зрения, свет в комнате не тот, но ведь оно бывает только при колдовстве, а этим вечером Ная не делала ничего, кроме записей!

В груди кольнуло беспокойством. Что происходит вокруг? Вышедший на охоту бард, труп в деревенском трактирчике, признаки колдовства, никак с ним не связанные... Это все — звенья одной цепи?

Ная поерзала, выбивая из-под себя покрывало, и натянула его до самой головы, свернувшись калачиком. И почти сразу на удивление легко уснула, во всяком случае, уже не слышала, как вернулся Лис...

Утром, пока служанка накрывала на стол, Пол рассказал, что человек из гарнизона поставил на уши всю деревню, перевернул каждый дом и куст в окрестностях, но так и не нашел арбалета, из которого был выстрел. Крепла уверенность, что убийца был пришлым, и Джеса никто не подозревал — он и двух-то слов связать от потрясения не мог, а ночью вообще напился вдрызг — но неприятности все равно грозили. Как минимум его трактирчик еще потрясут вернийцы, когда узнают о случившемся.

Зато свояки наконец-то помирились, и это было для Пола куда важнее, чем мертвый дипломат. Сам-то он держался бодро и бросать Джеса не собирался, уверенный, что неприятности проходят, а тракт с голодными и нуждающимися в ночлеге путниками вечен.

Ная такой прагматичный подход всецело одобрила и пообещала в следующий раз обязательно заехать, может, даже на пару дней, так что расстались они почти друзьями.

Погода на улице стояла сухая, но пасмурная — самое то для дороги, хотя настроения высокие серые облака, затянувшие небо, и звенящая предгрозовая тишина с вкраплениями редких птичьих голосов не добавляли. Наоборот, на душе отчего-то было беспокойно, тревожно, и почти безлюдный сегодня тракт это ощущение только усиливал. Сейчас Ная как никогда предпочла бы оказаться среди людей и только радовалась, что в Квинсе ей подвернулся Лис. Как бы она ни бравировала, каким бы ни было ее отношение к смерти и мертвецам, справиться с этим самой оказалось бы куда сложнее — не перед кем было бы держать лицо.

На ночь они остановились в небольшой рощице, за которой начинался приграничный лес, а до самой границы оставалось часа три верхом. При некотором желании можно было добраться до нее и сегодня, еще даже не стемнело окончательно, но смысла не было: проезд в Верну закрывался за несколько часов до заката, а разводить костер и устраиваться на ночлег под бдительными взглядами пограничников не хотелось.

Да и рощица была обжитой — здесь часто останавливались путешественники, не успевающие до закрытия границы, и кое-где даже сохранились добротные шалашики и навесы. Устроившись под одним из таких, Ная подумала, что здесь тоже не хватает предприимчивого человека: сделать больше укрытий и следить за ними, оставляя путникам возможность насладиться походными условиями с максимальным удобством. Организовал бы еще кухню, вообще озолотился.

Но пока инициативных людей вокруг не наблюдалось и приходилось ограничиваться бутербродами, собранными в трактире.

— Что читаешь? — заскучавшая Ная отряхнула руки и подседа поближе к Лису, с таким потерянном видом изучающим лист бумаги, словно там было написано что-то на древневернийском вперемешку с северными рунами.

— Хотел бы знать, — растерянно сказал он и неожиданно протянул лист ей. — Как ты думаешь, что это?

Ная удивленно пробежалась взглядом по тексту. Кто-то очень старался, витиевато и вдохновенно расписывая достоинства некой дамы, «встречи с которой жаждал весь последний месяц». Вышло до ужаса слащаво и на ее вкус совершенно нереалистично; впрочем, не каждому же влюбленному мужчине быть поэтом.

— Тебе не стыдно читать чужие любовные письма? На женщину ты мало похож, а

писал бы сам, так не удивлялся, — она принялась и сморщилась. — Оно что, надушено?

— Ты о чем? — удивился Лис и попытался забрать письмо, но Ная увернулась и поднесла лист совсем близко к носу.

Необычные духи — не сладкие, но терпкие, как будто смесь трав и благовоний... или не духи? Хотя бумага тонкая, совсем обычная, удивительно, как не порвалась. Додумать мысль не дал Лис, изловчившийся выхватить письмо и с самым сосредоточенным видом принявшийся его нюхать. Нахмурился.

— Ты его что, у барда украл?

— Нет, — коротко отозвался он и поднес бумагу к костру; не настолько близко, чтобы могла сгореть, но достаточно, чтобы прогрелась. — Почему так думаешь?

На чистой стороне письма медленно проступило несколько скачущих строк, написанных нервным почерком, на первый взгляд тем же, что и любовное послание.

— Чернила с таким запахом использует только шинтийский Дом бардов. Правда, бумага обычно другая, более плотная, иначе не выдерживала бы вымачивания в растворе, а без него...

— Не проявлялись бы буквы, я знаю, — нетерпеливо перебил ее Лис и цепко, нехорошо на нее посмотрел. — А откуда знаешь ты? Барды не делятся секретами внутренней переписки.

— Брось, я бывала у них, — передернула плечами Ная. От его взгляда стало неуютно, хотелось спрятаться за ближайшим деревом. — И кое-какие дела доводилось иметь. В конце концов, какой музыкант не мечтает иметь такие способности? А если их нет, приходится компенсировать сотрудничеством. Я же не спрашиваю, откуда тебе об этом известно, хотя подобную информацию знают далеко не все клиенты.

— Доводилось иметь с ними кое-какие дела, — он отвернулся к огню и прочитал записку сначала один раз, потом еще и еще, и на его лице явственно отразилось недоумение. Протянутую руку Ная он как будто даже не сразу заметил, а, заметив, скривился, как будто вместо раскрытой ладони к нему было обращено острие ножа.

— Да брось, — закатила глаза Ная. — Это что, какая-то твоя тайна? Даже слепому ясно, что нет, иначе бы знал про чернила, а потом так не удивлялся и не хотел бы спросить, что за бред тебе подсунули. И подумай, что я с этой информацией сделаю, будь она хоть трижды секретной? Может быть, я чем-то помогу?

— И зачем тебе это? — хмуро спросил Лис, не спеша отдавать письмо.

— Обожаю совать нос в чужие дела. Иногда там такие сюжеты можно подцепить, что при художественной обработке выйдут отличные пьесы или рассказы. Лу, может, к себе только ими и привлекает взыскательную публику. Вот ты ради чего к ней ходил — ради интересных впечатлений или голых ножек местных девиц?

Он удивленно изогнул бровь, но отвечать ничего не стал, только перечитал записку еще раз — а потом все-таки вложил в протянутую руку. Ная тут же вцепилась в бумагу, повертев сначала перед глазами на просвет, потом еще раз обнюхав и чуть ли не попробовав на зуб. Интересное дело, буквы не исчезли, хотя на холодном воздухе должны были; значит, им действительно достался лист обычной бумаги, разве что слегка сбрызнутый раствором. Кто-то пытался на ходу копировать стиль переписки бардов? Нет, едва ли, такие чернила в лавке не достанешь, их изготавливают самостоятельно, а рецепты берегут. Значит, кто-то из них пытается... что? Отбилась от стаи и ушел на вольные хлеба, охотясь на своих же — или постоянных клиентов, среди которых наверняка хватает знати. Причем не местячковой

аристократии, а вполне способной ворочить судьбы мира...

Невольно вспомнился неведомый бард, который ходил вокруг двух трактиров, и находиться в стремительно темнеющей роще разом стало неудобно. Ная встряхнула головой и вернулась к записке, пытаясь отвлечься. Может, здесь написана такая ерунда, что достаточно просто спрятать от посторонних глаз, а тратить дорогую бумагу жалко? В ее комнате в доме Лу хранилось несколько таких листов на случай, если вдруг потребуется связаться с шинтийскими бардами — с ними было нечто вроде дружеского соглашения, что они не лезут в дела друг друга, но при случае могут попросить о помощи. Если очень, очень надо.

Отвлечься, впрочем, не вышло.

— О, — только и смогла сказать она, дочитав до конца. — Ты хоть понимаешь, что это?

— Простое сообщение партнеру. На первый взгляд, — медленно ответил Лис. — Чувствую подвох, но не вижу.

— Это заказ на устранение человека, не по обычной форме, но. Причем наглый и на высокий уровень, которому эта бумажка не соответствует, — пояснила Ная и, придвинувшись к нему ближе, принялась обводить пальцем строчки. — Госпожа Дарита, к которой обращается заказчик — глава шинтийского Дома и театра. «Последние события заставляют обратиться к вам не только как другу, но и профессионалу»... здесь понятно, что не на представление попасть хочет. «Если вам дорога Шинта, вы не позволите Крейгу и дальше бесчинствовать на ее землях, иначе еще до конца этого месяца графство вымрет». А здесь про объект и срок... Что происходит в Шинте? — встрепелась Ная и растерянно посмотрела на Лиса, недоверчиво взмахнув бумагой. — Даже не так... Здесь что, речь о принце? Кто-то посмел обратиться к бардам ради его убийства, еще и так нагло? Они же не пойдут на это, особенно госпожа Дарита, она не самоубийца!

— Пойдут, если попросит нужный человек, — Лис осторожно забрал у нее бумагу и убрал подальше от огня, всматриваясь в буквы.

— А писал нужный?

— Нет, и совсем не важно, чьему перу принадлежит письмо. Но причем тут Шинта?

— По-моему это самое важное, — возразила Ная и нахмурилась, соотнося перехваченное письмо с кружащим по окрестностям бардом. — Если ты так осведомлен об их делах, то понимаешь, что так просто рецептами для переписки между собой не разбрасываются! Сам же говоришь. Кто-то из них работает на сторону, пытаюсь подставить весь Дом.

— Симптом, а не болезнь, — Лис аккуратно сложил лист и убрал в карман куртки. — Если бы король не разругался с сыном и не пытался раз в полгода убить его чужими руками, мы бы с таким не сталкивались. Гораздо интереснее, почему речь идет о Шинте? Кто бы там что ни считал, она — самостоятельный регион, не имеющий отношения к Лангрии, с собственным правителем, который хоть и симпатизирует принцу, но лоялен королю.

Ная помотала головой и, вытащив из сумки стопку заметок, нарисовала неровный сильно вытянутый овал. Парой росчерков выделила небольшую территорию на севере и внушительный кусок на северо-востоке — находящийся на материке Стормгрит, столицу севера, и владения герцога Брамса, одного из самых влиятельных лордов Верны. На юго-востоке маленькими кружками изобразила владения таких же мелких дворян, а весь юго-запад отделила толстой извилистой линией, для наглядности подписав: «Лангрия».

Получившийся рисунок показала Лису, но тот только поморщился и отобрал лист с

углем, отрезав от Лангрии почти всю приграничную территорию.

— Шинта — владения графа Мейсома, — пояснил он. — Самостоятельный регион с некоторыми послаблениями. Если бы граф не был лоялен или территория действительно принадлежала Лангрии, у нас давно развязалась бы война за выход к границе с Даргией и торговые пути.

— Ты — беглый королевский советник, — вдохновенно предположила Ная, окончательно запутавшись в политических хитросплетениях родного королевства — именно поэтому она старалась держаться от них подальше. — Впал в немилость и был вынужден бежать к соседям, чтобы спасти свою жизнь, но узнал секретную информацию и в приступе патриотизма решил вернуться на родину, надеясь, что король тебя помилует.

— У тебя хорошая фантазия, — одобрил Лис и, вернув заметки, с искренним интересом спросил. — И чем эта история закончится?

— Трагично. Информация окажется просроченной, или король тебе не поверит и приговорит к смерти, а потом будет прилюдно пытаться посреди главной столичной площади.

— В Верне публичные казни исчезли лет тридцать как.

— Так выйдет драматичнее, у впечатлительных дам в зале будет повод поплакать в своих спутников, — заверила его Ная, вытягиваясь на лежаке и пристраивая сумку под головой. Сомнительное удобство, но одну ночь можно и потерпеть, а ныть нет никакого смысла — ничего не изменится. — Давай попробуем поспать. Я хочу попасть в Лангрию не в следующем веке.

Но уснуть она так и не смогла — ночевки не в трактирах случались слишком редко, чтобы к ним привыкнуть, и сперва мешали лесные шорохи, создавая иллюзию, что рядом, за деревьями, кто-то все время находится, наблюдая, а потом в голову пришли ненужные мысли, окончательно отогнав сон.

В том, что Лис не простой оборванец из городских трущоб, она не сомневалась с самого начала, но о перипетиях внутренней политики он рассуждал с таким знанием дела, как будто имел к ней непосредственное отношение. Нет, вряд ли он связан с королем, иначе бы не слонялся по столице дружественного королевства в таком виде, да и за помощью обратился бы скорее к вернийским дипломатам — значит, не посол и не советник. Шпион? Больше похоже на истину, но для шпиона Лис слишком просто показывает посторонним людям заинтересовавшие его письма.

И он же точно знал про особенность бардовской переписки, знал, как проявить текст послания, но почему-то смотрел на него как на скрижаль с неведомыми письменами. Проверил Наю? Бред, о том, что она умеет чуть больше, чем развлекать народ в трактире, знали очень немногие, с заказчиками всегда общалась Луиза, и большинство даже не знало имени исполнителя.

Единственным исключением из всех правил был лорд Мейсом, о котором говорил Лис: Ная хорошо знала и его, и его семью — жену, леди Авильон, и семнадцатилетнего сына Максимилиана. Да, она не лезла в политику, но лорд был удивительно разумным представителем дворянского сообщества, сумев подкупить своими ясными взглядами на происходящее в королевстве. И никогда не просил невыполнимого вроде убить короля или его приближенных.

Может, Лис его человек? Нет, вряд ли, Ная не так часто бывала в столичном доме Мейсомов, но рано или поздно наверняка бы столкнулись. Имеет отношение к герцогу Брамсу? К его высочеству Крейгу? Кому-то еще? Совершенно точно можно сказать, что не

простой путник, праздно интересующийся делами двух государств и неплохо знающий традиции бардов Шинты.

С которыми тоже не все так просто. Ная была знакомая с госпожой Даритой и могла с уверенностью сказать, что та не настолько безумна, чтобы ввязаться в убийство принца самой или позволить сделать это кому-то из своих подопечных. Кто-то хотел подставить Дом перед знающими людьми? Вся эта имитация переписки с проявляющимся текстом и характерным ароматом... простой смертный ни о чем не догадается, но посвященный может понять именно так, как задумал неведомый злодей. К услугам бардов обращаются в основном аристократы и высшие чины, значит, кто-то хочет посеять смуту среди них.

И письмо еще это... Не оно ли было у убитого посла и не Лис ли его забрал с тела? Доказать уже ничего не получится, никто не признается, но отчего-то такая мысль казалась все более вероятной.

— Проклятье, — Ная поворочалась и резко села, с удивлением обнаружив, что Лис так и сидит у костра.

— Не спится?

— Мы должны рассказать про это письмо бардам в Шинте. Я уважаю Дариту и ее подопечных и не хочу, чтобы ее подставили. Место их Дома займет кто-то другой, это вопрос времени, с учетом обстоятельств, возможно, очень небольшого.

— Я тоже об этом думал, — признался он, глядя в огонь, и подкинул несколько мелких веток. — Но ты вроде собиралась в Лангрию.

— Один день роли не сыграет, а перестановка сил — может, — Ная натянула на плечи сбившийся плащ и сунула руки под мышки. Приближающаяся осень нещадно напоминала о себе ночным похолоданием, еще немного, и путешествовать она сможет только от трактира до трактира. — И на мне тоже скажется, так или иначе.

Границу двух королевств Ная пересекала хотя бы пару раз в год — публика в Квинсе была благодарная и к ней привыкшая, не скупящаяся на гонорары — и это породило в ней твердое убеждение, что нет ничего проще. Граница — просто мысленная черта, проходящая по вершинам горного хребта, разрывающаяся широким ущельем, по обе стороны которого расположились посты приграничной стражи. Для путника без телеги пошлина за въезд составляла всего пару монет, а стражники в лучшем случае удостоивались беглого взгляда в развернутый свиток на гербовой бумаге, подтверждающий подданство одного из королевств, и иногда просили открыть сумку. Всего лишь формальность, которая отсекала откровенно бандитские лица и тех, кто находился в розыске.

По крайней мере, Ная так считала. Раньше. Пока не встала в длинную очередь к границе, начинающейся едва ли не у самой рощи.

— У этих вернийцев совсем крышу поносило, первый раз такой досмотр! И что надеются, что им понесут взятки за ускорение? — выругался стоявший перед ними мужчина с двумя детьми лет десяти, которые то стояли спокойно, то начинали носиться вдоль очереди, порядком раздражая и без того злых путешественников. — Шиш им! Съездили к родне, называется...

— Может, они о нашей безопасности заботятся, — робко предположила подошедшая после Наи девчушка, весь вид которой так и кричал, что настолько далеко от дома она забралась в первый раз, и теперь ей страшно и неудобно, особенно от собственного воображения. — Вдруг границу пытается пересечь опасный преступник?

— Да короли нас всех преступниками считают, потому что не отдаем им последнее, тьфу. Даже тебя, — сплюнул мужчина и, не обнаружив под рукой одного из детей, схватил второго и понесся куда-то в сторону с отчаянным воплем. — Девушка, если что, мы перед вами... Стой, зараза мелкая, кому говорю!

Ная с тревогой покосилась на Лиса: у нее-то и с документами все в порядке, и запрещенных вещей в сумке нет — но он выглядел до раздражающего невозмутимо и совсем не походил на человека, который навязался к ней только ради прохождения границы. Заметив ее взгляд, Лис наклонился к самому уху и тихо сказал:

— Все не так плохо. На этой стороне смотрят не внимательнее обычного, а через ту сейчас поедет перегруженная телега. После нее какое-то время все пойдет быстрее, мы должны проскочить.

— У тебя хоть какие-то документы есть, стратег?

— Конечно, — он пошарил во внутреннем кармане куртки и протянул порядком помятый, сложенный в несколько раз лист гербовой бумаги, только не привычно светлой, а с зеленоватым отливом.

Ная развернула его и скептически пробежалась взглядом по нескольким строчкам. Ничего необычного, стандартная фраза, что предъявитель сего является подданным королевства Верна, витиеватая подпись, отпечаток сургуча, вот только имени нет, да и подпись...

— Лангрия? И это принимают? — удивилась она и не удержалась от едкого вопроса. — Украл?

— Получил личного из рук его высочества Крейга, лорда земель лангрийских, — Лис попытался забрать бумагу, но Ная отдернула руку.

— Лучше, если я покажу документы сразу за двоих. Ты вроде как мой охранник, не забыл еще? И все-таки про Лангрию...

— Если бы все документы подписывал лично король, он бы только этим целыми днями и занимался, — терпеливо пояснил он. — Даже твое свидетельство наверняка подписано не лично им, такой чести удостоиваются только аристократы, а кем-то из канцелярии. В регионах этим занимаются лорды и уже их канцелярии. Земли Лангрии — большая территория и пока еще Вернийская несмотря на родственные склоки, так что приходится считаться, иначе не поймет дворянское собрание.

— Значит, ты — аристократ.

— С чего вдруг?

— Ты же сам сказал, чести получить документ с подписью короля удостоивается лишь аристократия, а до этого — что получил лично из рук принца Крейга, — Ная обличительно помахала листом. — Вот и делаю вывод, что ты аристократ.

— Крейг — очень демократичный правитель.

— И вряд ли он встречается с каждым пожелавшим этого оборванцем.

— Ты не поверишь, — усмехнулся Лис. — Попробуй при случае.

— Я не лезу в политику и к тем, кто ее создает.

Разговор прервала зашевелившаяся очередь: не то Лис оказался прав, и стража, глядя на скопление людей, решила ускориться, то ли поймали того, ради кого ужесточали пропускной режим, но дальше дело пошло бодрее — настолько, что отлавливающий своих детей мужчина в последний момент втиснулся перед Наей, крепко держа под руки двоих мальчишек. Наблюдавший за ними стражник только усмехнулся и не стал задерживать,

пропустив его и следующих сразу за ним людей.

На вернийской стороне пришлось задержаться: проверяющий едва ли не на зуб попробовал именное свидетельство Наи, а вот на документ Лиса, стоявшего с каменным и исключительно глупым выражением лица, почти не обратил внимания к огромному ее возмущению.

— Я же говорил, что с приличной дамой пропустят кого угодно, — с откровенным самодовольством сказал Лис, когда они отошли на достаточное расстояние от границы, и это была едва ли не единственная его яркая эмоция за два дня. Даже не нужно было быть эмпатом, чтобы ее почувствовать. — Спасибо, ты действительно выручила и скрасила дорогу своей компанией.

— На этой стороне ты резко стал подозрительно радостным, — проворчала Ная, уязвленная, что по мнению какого-то приграничного стража она выглядит куда подозрительнее сомнительного мужчины рядом, и после небольшой паузы спросила. — Постой. Ты собираешься к бардам?

— Да.

— Тогда предлагаю не разделяться, — вздохнула Ная. Она бы предпочла пообщаться с госпожой Даритой без посторонних, но если Лис собирается заехать в Дом, они все равно там столкнутся, тем более, что сообщить хотят одно и то же, а без письма рассказ будет неполным. — Бард в трактире, письмо... если Дарита ничего не знает о них, а ее люди не имеют отношения, то хотя бы подскажет, что делать.

— Ты просто музыкант, не бард... не в том смысле, о котором мы сейчас говорим. Или все же случаются чудеса, что дар достается не южанам? — он говорил без угрозы, заинтересованно склонив голову на бок, но от его взгляда Нае снова стало не по себе. Нет, каким бы легким и беспечным человеком Лис ни казался, он опасен — здесь интуиции стоило бы поверить.

Она скрипнула зубами. Да, ей доводилось выполнять те же заказы, что и бардам из Домов — влиять на решения людей, наталкивать на нужные мысли... убивать, и образ музыканта служил благонравным прикрытием и визитной карточкой. Только использовала Ная совсем другой дар, а нередко обходилась исключительно алкоголем, собственным обаянием и ядами, и в работе использовала совсем другое имя, маскируя внешность темными париками и традиционными узорами южан на лице.

Как Ная она работала только с лордом Мейсомом, и рассказывать практически первому встречному о своих увлечениях точно не собиралась.

— Меняю свою тайну на твою, — предложила она. — Какое отношение ты имеешь к шинтийскому Дому?

— Попросила бы ключ от королевской казны, зачем мелочиться, — усмехнулся Лис. — Значит, ты не северная вельва, а южный бард?

— А ты — вернийский шпион, которого отловили в Квинсе и который отчаянно нуждался в том, чтобы спрятаться за чьей-нибудь спиной, потому что одинокие путники привлекают слишком много внимания, — Ная глянула на него и, пожав плечами, тронула поводья. — Значит, едем.

Театр, в котором выступали барды, находился в центре Шинты и привлекал внимание сдержанностью архитектуры и аристократичным обликом фасада, зато в жилом доме в городском предместье они самовыражались вовсю, начиная от вычурной лепнины и

заканчивая пестрыми флагами и гирляндами, развешанными по окружающему двухэтажный особняк яблоневого саду.

Сад же заменял и ограду — никакого, хотя бы символического, заборчика вокруг Дома не было, и, по мнению Наи, зря: не столько ради безопасности, сколько для сохранения душевного равновесия случайных проезжих, направляющихся в город. Барды в большинстве своем славились легким нравом, отсутствием стеснения и веселыми шумными гулянками — сегодня, впрочем, в саду царила непривычная тишина.

Первый местный обитатель им попался только у самого крыльца — щуплый рыжий парень сидел под яблоней, прислонившись спиной к стволу, и с философским видом разглядывал почти пустую бутылку.

— Все в городе, — печально сказал он. — Если хотите договориться о выступлении, приходите... ну, наверное, завтра. Если совсем не уйдут в загул.

— Мы по другому поводу, — Лис спешил и сел на корточки напротив парня. — К госпоже Дарите. Можешь ее позвать?

— На этой неделе она не принимает заказы. Заезжайте на следующей, может, передумает, — парень поднял бутылку и посмотрел сквозь нее на Лиса.

— А ты позови, — доверительно сказал тот, внешне оставаясь спокойным, хотя Нае на мгновение показалось, что он вырвет бутылку и разобьет, и хорошо, если о землю или яблоню, а не рыжую дурную голову. — Поверь, она не будет возражать.

— Что я ей скажу? Кто хоть ее спрашивает?

— Пусть спустится и увидит сама. Я могу дойти до нее сам, но зачем портить друг другу настроение?

Парень тяжело вздохнул, кое-как поднялся и, пошатываясь, побрел к крыльцу. Шел он не слишком быстро, и его поход грозил растянуться надолго.

— Угрожать-то зачем? — без особого, впрочем, упрека спросила Ная, сама неплохо знавшая, как непросто бывает добраться до Дариты, чье человеколюбие и желание общаться с посетителями сильно зависело от настроения.

— И проторчать тут до завтра? Она наверняка захочет посмотреть на тех, кто настолько обнаглел... Хотя бы кого-то из своих приближенных пошлет.

Лис оказался прав: парень вернулся минут через десять в компании рослого южанина, на поясе которого напояк висел чехол с флейтой, напоминающий скорей ножны с мечом, а не музыкальный инструмент.

— Господа, — бард почтительно склонил голову, оценивающе оглядывая посетителей. — Какое дело привело в наш Дом?

Лис одним движением поднялся и показал ему зажатое между двумя пальцами сложенное письмо, но на попытку забрать резко отдернул руку.

— Мне нужна Дарита. Лично, — сухо сказал он. — Я все равно пройду. Это дело касается ее же интересов в первую очередь.

Ная невольно передернула плечами и тоже спешила. Лис и раньше не казался ей безобидным человеком, начиная с встречи в трактире, но сейчас откровенно пугал, позволив угрозе вылезти из-под непроницаемой маски его обычного спокойствия. Значит, он и правда владеет собой настолько, что способен сдерживать эмоции, и от этого открытия отчего-то стало легче — по крайней мере, объясняло ощущения Наи. Не может живой человек в любой ситуации оставаться спокойным, а в бродящих по дорогам драугров верить хотелось еще меньше, чем в эмоциональных калек — при всей любви к легендам севера, она бы

предпочла, чтобы они оставались занятыми сказками, и не более.

Бард заметно напрягся, и чтобы понять это, не нужно было быть эмпатом; но промолчал, пристальнее взглядевшись в лицо Лиса. С минуту подумал и, скупым жестом позвав за собой, поднялся в дом.

В просторном, отделанном деревом холле, среди пестрых тряпок и аромата терпких южных духов их уже ждала женщина, в своем изящном платье, без традиционных узоров на лице и с заколотыми черными волосами казавшаяся воплощением порядка в сердце хаоса. Ная хмыкнула и отвела глаза, не давая себя очаровать. Дарита умела произвести впечатление и манипулировать людьми — как красивая женщина, актриса и глава гильдии наемных убийц.

К ней подошел бард и, склонившись, что-то прошептал, кивнув на гостей. За его спиной Ная не видела выражения лица Дариты, но та решительно отодвинула подчиненного и подошла к ним.

— Хорошо, что в Доме сегодня почти никого нет. У вас вышел громкий визит, — она улыбнулась, пусть и несколько натужно. — Не ожидала тебя здесь увидеть, Лис. Каким ветром?

— Серьезный разговор. Мы можем поговорить наедине? — Лис отдал ей злосчастное письмо и, спохватившись, обернулся к Нае. — Не возражаешь?

— Не сомневаюсь, что ты объяснишь лучше, — она покладисто подняла руки, показывая, что не претендует на роль рассказчика. — Все в порядке. У вас можно где-нибудь упасть? Мы ночевали в приграничном лесу, а потом тряслись в седле, и я мечтаю только о нормальном диване.

Дарита сощурилась, рассматривая ее, но, кажется, так и не вспомнила — голос наверняка показался знакомым, но соотносить с внешностью не смогла. Вопросов, впрочем, задавать не стала: барды давно привыкли, что заурядные посетители к ним не заглядывают, у каждого за душой найдется хотя бы одна, хотя бы маленькая, но тайна.

— Конечно, — она приглашающе указала на одну из дверей, а потом на барда. — Морьен проводит и поможет, если что-то необходимо.

Комнатка оказалась совсем небольшой, но уютной, с широким диваном вдоль стены, витражным окном под легкой полупрозрачной шторой и маленьким столиком, на который Морьен сам вытащил чайник и печенье. Уходить он никуда не собирался, устроился на плетеном кресле в углу, с крайним интересом разглядывая свою флейту.

— Сыграете что-нибудь? — миролюбиво попросила Ная, доставая из сумки хорошо закупоренный флакон и капая из него в чашку, тщательно следя за количеством. Можно было и так отхлебнуть, но тогда оставался риск переборщить, а один из основных ингредиентов зелья считался пусть не самым сильным, но наркотиком.

— Пожелания? — заинтересовался Морьен, меня позу.

— Что-нибудь из любимого, — Ная залила зелье чаем и одним глотком выпила, тут же откинувшись на спинку дивана и вытянув вдоль нее руки. Пальцы коснулись теплой поверхности деревянной панели.

Оставшись наедине со старым знакомым, человек наверняка расскажет куда больше, чем в присутствии постороннего, которому за несколько дней так и не открылся, отшучиваясь на любые расспросы. Стоять под дверью кабинета Дариты Ная не собиралась, хоть и знала, где он находится — никто бы не позволил, да и риск попасться слишком велик.

Но ведь иногда можно вспомнить о том, что помимо эмпатии у нее есть и ведьмовские способности; пусть слабые, но если их усилить снадобьем, то с ними даже можно работать. Давно бы занялась развитием, но для этого нужно будет вернуться на Инеистые острова и застрять там в лучшем случае на несколько месяцев.

Морьен определился с выбором, поднес флейту к губам, начав с легкомысленной мелодии, и Ная закрыла глаза, сосредоточившись на ощущениях. От пальцев по стене побежала теплая волна, нырнула под дерево и расплескалась по каменной кладке, по которой поднялась на второй этаж, от лестницы налево, в угловую комнату за плотно закрытой массивной дверью.

Чтобы разобрать голоса и отделить их от музыки потребовалось приложить усилия, и все равно они становились то громче, то тише, временами пропадая вовсе.

— ...нашел на трупе Лонма, вы должны быть знакомы. Три месяца назад мы с ним нанесли официальный визит даргийскому двору, надеясь, что сумеем договориться несмотря на вернийские внутренние проблемы. Как оказалось, и двор, и Лонм выражают симпатию нашему королю.

— Но ты сейчас здесь.

— У них не было оснований бросать меня в темницу, а выбраться из-под замка в поместье не велика проблема. Правда, удалось только на днях.

— При чем здесь письмо? Это просто любовная записка, я не вижу повода врывать с ней в мой Дом и устраивать переполох.

На какое-то время они замолчали — видимо, Лис решил не объяснять, а сразу показать, в чем дело. Разговор возобновился, но слова разобрать удалось не сразу.

— ...тебя подставить? Бросить нам заказ на убийство принца от твоего имени?

— И вы бы его выполнили.

— Будь целью кто-то другой, да, не раздумывая, — тяжелый вздох. — Я бы первым делом отыскала тебя.

— Автор письма знал, что ты мне доверяешь, но не знал, насколько. Он использовал чернила и бумагу шантийского Дома, адресовал тебе. Дарита, кто-то из твоих имеет зуб на меня, на Крейга и...

На мгновение голоса смешались, отозвавшись тупой болью в голове, и Ная едва не отдернула руку, но смогла сдержаться — настроиться второй раз не получилось бы.

— ...не горячись. Я не отрицаю вины Дома и сделаю все, чтобы выяснить предателя. Верь мне, а не моим бардам.

— На вас было слишком много завязано в наших делах. На твой Дом, больше ни к кому я не обращался.

— В Лангрии живет бард Гильрани. Талантливая девочка, но сама по себе, не вступает ни в один Дом и держится особняком. Уговорить ее на политический заказ непросто, но ты попробуй. Если есть кто-то непредвзятый, то она. Кстати, не знаешь, с кем здешний граф работает? Слухи доходят постоянно, но никак не могу понять... Как раз хотела навестить его, пока приехал разбираться с беспорядками. Ты не знаешь, вероятно, раз три месяца просидел под замком, но здесь... неспокойно.

— Лорд Мейсом в Шинте?

— Да, прибыл дня два назад. Подожди... Ты куда? Стой!

Ная резко выпрямилась, выдохнула и, переведя дыхание, открыла глаза, надеясь, что они перестали светиться — побочное явление ведьмовских способностей, помогающее вельвам с

островов, но совершенно неуместное в обычной жизни центральных королевств. Морьен опустил флейту и недоуменно посмотрел на нее, но ничего спросить не успел: за дверь послышались шаги и голоса, и Ная, схватив сумку, поспешила догнать Лиса. После визита к Дарите им не имело смысла держаться вместе, но любопытство взяло верх.

— Ты же не собираешься его хотя бы убивать? — длинный подол мешал бегать по лестнице, и Дарита задержалась, пытаясь совладать с ним.

— Зачем? — удивился Лис от самой двери. — Но поговорить с ним в столице я не имею возможности, просто не успею добраться до его дома.

— Я очень прошу, не натвори дел, — со вздохом попросила она. — Нам и без того досталось королевской немилости, постарайся не усугубить.

— Что происходит в Шинте? — бесцеремонно влезла Ная. — Я знаю этот край, здесь всегда было спокойно, даже когда принц едва ли не в открытую столкнулся с королем.

— У границы спокойно, но если проехать дальше... — Дарита развела руками, словно пыталась охватить всю Шинту. — Боюсь, вы все увидите сами.

Лис только скрипнул зубами и, не прощаясь, вышел на улицу, так резко распахнув дверь, что едва не прилетел подошедшей слишком близко Нае по лбу. Она едва успела отскочить, почтительно поклонилась обоим бардам сразу и выскочила следом, догнав только у привязанных к яблоне лошадей — своя конюшня у Дома точно была, но воспользоваться ей никто не предложил.

— Ты куда так резво несешься? — для вида спросила Ная. Было бы странно, увяжись она следом просто так, еще страннее, если уверенно скажет, куда он собрался. — Как будто на пожар.

— Дарита сказала, что лорд Мейсом находится в поместье, — рассеяно сказал Лис, отвязывая поводья от тонкого ствола и, мельком глянув на нее, заметил. — У тебя глаза светятся. Мерцают.

— Тебе упорно кажется, — она отвернулась. — Не возражаешь против компании?

— Хочешь посмотреть на графа?

— Навестить старого знакомого. Я выступала в его столичном доме. И, может, хочу увидеться с Максимилианом?

— Ему всего семнадцать, выглядишь для него старовато.

— Или леди Авильон, вдруг мы закадычные подруги? В любом случае, грех не воспользоваться такой возможностью.

— Я не возражаю, — ответил Лис, вскакивая в седло. — Хотя вопрос странный. Даже если бы я отказался, никто не мешал тебе поехать самой.

— Вежливость, — ответила Ная и хитро улыбнулась. — Опять же, тебе могло показаться, что я тебя преследую, и ты бы прикопал под ближайшей елкой.

— Потом бы тебя хватились и рано или поздно вышли на Дариту, а последний раз тебя видели со мной. Она бы не сдала, конечно, а вот в ее барде я сомневаюсь. Ко всему прочему он меня тоже неплохо знает, а я бы однажды вернулся к ним и попал в засаду, — совершенно серьезно предположил Лис, но не выдержал и рассмеялся, поймав недоуменный взгляд. — Что? Я тоже неплохо умею сочинять.

— Достоинно, — Ная уважительно похлопала ему, едва не наворачнувшись с лошади. — В сказители тебя не примут, но что-то определенно есть.

Например, так мог бы рассуждать начальник стражи, лично ведущий расследование особо заковыристого убийства. Четкая скупая логика: изучить жизнь жертвы незадолго до

пропажи, выяснить, с кем общалась, пообщаться с подозреваемыми, выйти на Лиса. С ним ее видели многие, и все они никуда не денутся в ближайшее время: два трактирщика, пограничная стража, Дариты и два барда.

Или наемный убийца. Здесь логика еще прозрачнее: как можно больше узнать о жертве, о ее связях и покровителях, распорядке дня и увлечениях, чтобы проще было запутать следы, выведя их совсем к другому человеку. Без умения видеть на три шага вперед и предвидеть последствия каждого из них в этом деле не обойтись, иначе долго не проработаешь — тех, кто работает слишком грязно, или быстро поймает стража, или прирежут другие наемники, чтобы не привлекал внимания. Этому ее в свободное время учил отец, старший следователь Стормгрита.

Бардам повезло больше всего — их Дома прикрывали всех, кого считали своими, подкидывали заказы, помогали выпутаться из любой ситуации, а еще деньгами и просто советом. Ная порой им завидовала, но ни к одному не собиралась присоединиться. Да, они дают защиту, а быть частью общины выгодно и почетно — но в обмен на свое покровительство Дом всегда забирает часть свободы. Не говоря уж о том, что умения Наи были принципиально иной природы, и притворяться своей ей бы удалось не дольше пары недель. Знает, пробовала.

С помощью флейты барды не могли причинить ей вреда, но простые ножи никто не отменял. Как и нежно любимые ею яды.

Задумавшись, Ная не сразу заметила, как Лис свернул прямо в поле с наезженной и все расширяющейся дороги, ведущей к городу, и успела проехать мимо, но вовремя опомнилась и успела догнать.

— Поместье находится на той стороны Шинты, быстрее будет проехать напрямую через город, — без особой уверенности предположила Ная. Ей не приходилось гостить в поместье лорда Мейсома, но где оно располагалось, была наслышана. — И объездных дорог здесь нет, а в поле лошади могут переломать ноги.

— Не прямо на той стороне, намного западнее. Если потерпишь полчаса, мы выберемся на лангрийский тракт, оттуда свернем к Заречью, — пояснил Лис. — Дальше дорога не самая лучшая, основная торговля все-таки с городом, но до Перекрестка и, соответственно, поместья добраться можно.

— Ты ездил этой дорогой?

— Давно, лет пятнадцать назад, но вряд ли что-то изменилось, разве что деревни разрослись... Ты чувствуешь?

— Что? — Ная закрутила головой, принялась и с трудом различила едва уловимый запах гари, принесенный ветром.

Лис нахмурился и пустил лошадь в галоп, не смотря ей под ноги. Возможно, он неплохо знал местность, но Ная повторять трюк не решилась — в конце концов, покупать новую потом ей же за собственные деньги — и ускорила, только когда нашла тот самый съезд, о котором он говорил. Догнать смогла только у деревни, когда Лис остановился.

— Что это? — дрогнувшим голосом спросила Ная.

— Заречье, — мрачно пояснил он и, тронув поводья, поехал вдоль главной улицы, начинавшейся от обгорелого и повалившегося забора. — Было.

Горело уже давно, несколько дней назад, но в воздухе до сих пор висел тяжелый запах горелого дерева, шерсти... мяса. Огонь охватил и уничтожил почти всю деревню, пощадив разве что самые окраинные дома, но и у тех потемнели стены. Крупное поселение превратилось в черного призрака, щерящегося обвалившимися бревнами перекрытий и следящего за единственными живыми людьми провалами окон.

Ная зацепилась краем глаза за лежащее на дороге наполовину обгоревшее тело и отвернулась, уткнувшись взглядом в лошадиную гриву. Она всегда считала, что к смерти относится легко, без особого трепета и пиетета, как к неизбежному злу, но находиться в выжженном поселении оказалось выше ее сил.

— Дарита говорила, что в Шинте беспокойно, — сказал Лис после долгого молчания, когда они выехали с противоположной стороны на широкую нахоженную тропу, которая для телег бы не подошла, но для двух всадников — в самый раз. — Надеюсь, она не это имела в виду, и Заозерье сгорело без постороннего участия.

Он даже не пытался скрыть смятения и не уверенность в голосе, а в его эмоции Ная побоялась лезть — даже если и прячет, как обычно, ей сейчас собственных было многовато, чтобы еще и чужие случайно хватануть.

— Без постороннего участия пожары не случаются, — угрюмо заметила Ная. Зря она пошутила про пожар... Ее слова, конечно, ничего не меняли, все, что могло сгореть, сгорело задолго до их приезда, но неприятное ощущение, что накаркала, никак не желало проходить.

— Надо добраться до поместья. Может, там смогут что-то рассказать, — Лис подхлестнул лошадь, снова вырываясь вперед.

До следующей деревушки, примыкающей к поместью Мейсома — Перекрестка — они добрались часа через два, и там, к облегчению Наи, все оказалось спокойно. Ни криков, ни горящих домов, разве что людей у колодца собралось чуть больше обычного, и теперь они с интересом смотрели на Лиса, идущего к ним и ведущего под уздцы лошадь. Ная брела следом, надеясь, что все внимание привлечет он.

— У вас такой вид, как будто демона увидели, — заметила одна из женщин вместо приветствия.

— Почти, — Лис остановился рядом с ней и спросил. — Что случилось у ваших соседей?

— В Заозерье? — уточнила она и невесело махнула рукой. — Собака их знает. Нам говорили, что кто-то не уследил за печкой, но не верится. Один дом сгорел бы, два, но не вся деревня.

— Так кто об этом говорил-то, — раздосадовано сплюнул стоявший рядом с ней мужчина. — Приперлись к нам такие, куртки одинаковые, морды кирпичом. Сказали, что разбирались в пожаре, но как им верить... сами и подожгли.

— Не говори ерунды, — зло шикнула еще одна женщина, затравленно оглядываясь. — Услышат, а мне жить хочется.

— Что, если будем молчать, не спалят? Им даже Шинта под боком не указ, — только сильнее распалился мужчина. — Да они запугать хотят, бандитье.

— Кто они? — перебил Лис, не давая начаться перепалке. — Требовали что-то?

— Да если б. Просто сказали... эй, да ты чего?!

В собравшихся, спотыкаясь и тяжело дыша, влетел перепачканный грязью парнишка, повиснув на раздраженном мужчине.

— Пожар... там, — он вяло махнул рукой, указывая направление. — В поместье. Помогите.

От Лиса пошла такая волна ужаса, что Ная помимо воли ощутила и ее, и то, как на голове дыбом встают волосы. Он быстро оглянулся на лошадь и, выпустив поводья, кинулся в указанном направлении — видимо, решил не кидать несчастное животное еще и в костер. Ная проводила его взглядом, выругалась сквозь зубы и побежала следом — если не поможет в тушении, так хоть дурака остановит, а то интуиция всю трубила, что с него станет броситься в огонь, иначе бы так не испугался.

Торопиться, впрочем, было уже некуда — еще издали Ная увидела, что пламенем охвачена даже каменная ограда, внутри которой за стеной огня плескалось огненное море, и в нем не различались ни дом, ни окружившие его постройки, ни сад.

Невдалеке, куда уже не доставало пламя, сиротливо столпились человек пятнадцать — видимо, местные обитатели, сумевшие выбраться из пожара, среди которых Ная с удивлением заметила несколько мордворотов в кожаных куртках и при оружии. Они стояли спиной к поместью, держа под заломленные руки человека, наполовину седого мужчину средних лет, в которых она, подойдя ближе, с ужасом узнала лорда Мейсома.

Добравшийся до людей первым Лис грубо их распихал и подлетел к мордворотам, явно собираясь освободить лорда, но ему не дали, скрутив точно так же.

— Мужик, шел бы ты мимо, — посоветовал один из них. — Если не хочешь оказаться на костре.

— Прогрессивные методы решать проблемы, — оскалился Лис и тут же получил коленом в живот, а от звука его голоса лорд Мейсом поднял поникшую голову, и по одному отсутствующему взгляду Ная предположила, что его чем-то опоили еще до начала пожара, и отнюдь не безобидным вином.

Пробиваться ближе она не стала, остановилась за спинами, пригнувшись — как назло, ростом оказалась выше почти всех присутствующих — и достала флакон со снадобьем. Скептически встряхнула, а потом решительно открыла и выпила половину. Гадость редкостная, и для ясности ума не слишком полезно так много его пить, но когда вокруг во всех смыслах запахло жареным, а из какого-никакого оружия только кинжал, выбрать не приходится.

— Уж какие есть, извиняй, — буркнул мордворот и кивнул тем, которые держали лорда, в сторону пожара. Его напарники понятливо подхватили мужчину и потащили к поместью.

Лис дернулся и, невероятным образом выскользнув из держащих его рук, кинулся следом, а Ная ловко проскользнула между людьми и заступила дорогу двум господам в куртках. В голове царил непривычная ясность, очистившая мысли и дающая ощущение если не всемогущества, то чего-то к нему близкого.

— Добрый день, — ласково улыбнулась она, и в глазах мордворота увидела удивление и голубой отблеск от глаз собственных, за которым показалась бескрайняя снежная пустыня под переливчатым зеленоватым сиянием северного неба. Тишина, пустота, безмолвие... чистота сознания и полная покорность. — Твой друг что-то хочет сказать, не поможешь ему?

И резко развернула покорного мужчину лицом к напарнику, успевшему схватиться за

меч. Остановить занесенное оружие он не успел, и зачарованный мордоворот насадился на него, но не остановился — его сознание находилось у границы миров, от которой теперь не сможет вернуться, и боли для него не существовало. Он кинулся на нападающего, не давая отскочить, и вцепился в лицо.

Окружающие люди понятливо расступились, а кто-то и вовсе кинулся наутек к Перекрестку, надеясь то ли найти помощь, то ли, что вероятнее, спрятаться подальше от обезумевшего человека.

— Может, легенды и не врут, — пробормотала себе под нос Ная, вспоминая о драуграх, неуспокоенных мертвецах, и, пока силы ее не покинули, побежала к Лису, одновременно уворачивающегося от меча и пытавшегося остановить сожжение лорда.

Мордовороты были больше и сильнее него, хуже того — вооружены, и в какой-то момент, у самой границы огня, он запнулся, едва не упав, но вывернулся, оттолкнувшись руками от раскаленной ограды.

Зашипев от боли в обожженных ладонях, он едва успел уклониться от кулака главного этой шайке, потеряв драгоценное время. Мордоворот грубо схватил выпущенного было и начавшего приходить в себя лорда, поднял на ноги и с силой толкнул в огонь, до которого оставалась пара шагов. Этого хватало, чтобы отпрыгнуть, откатиться, но плохо слушающиеся ноги подвели мужчину: он пошатнулся, не удержал равновесия и без посторонней помощи полетел вперед.

Ная застыла, не в силах отвести взгляд от взметнувшегося вокруг человека пламени. Хорошего, преданного своему королевству человека, который в отличие от многих ее заказчиков пытался что-то изменить, сдержатъ резкого и радикального в своих решениях короля. Да он один из немногих пытался наладить хоть сколько-нибудь дипломатические отношения с Лангрией, не давая стране окончательно развалиться!

Из ступора ее вывел мордоворот, схвативший ее за руку и потащивший к поместью; она уперлась и попыталась вывернуться, но держал он крепко, до хруста в запястье, а ловкости Лиса ей не хватало.

— Отпусти, — прошипела Ная, но нападавший притянул ее к себе, чтобы толкнуть следом за лордом. — Пусти!

Собравшаяся благодаря снадобью, но так и не израсходованная сила переполнила ее и перелилась через край; в воздухе словно порвалась туго натянутая струна, и раздавшийся гул до невозможной боли резанул уши, окончательно дезориентировав Наю. Где находится, она поняла только минуту спустя и с вялым удивлением обнаружила, что лежит на животе на земле, а рядом стоит, зажимая уши, мордоворот, по рукам которого тонкой струйкой бежала кровь.

Его напарники чувствовали себя не лучше, и Лис, осоловело тряхнув головой, схватился за оружие, быстрым ударом повалив ближайшего. Второго пнул под колено и, когда тот упал, пригвоздил мечом к земле, так и оставив. Третий попытался сопротивляться, но Лис оказался быстрее, заехав локтем между глаз.

Упали они вместе, а боль, которую Ная уловила от Лиса, придавила надежнее каменной плиты.

— Эй, — она с опасением приподнялась, чувствуя себя совершенно опустошенной, и на коленях подползла к нему. На то, чтобы встать и пройти хоть пару шагов, ее уже не хватило. — Ты жив?

— Нет, — он кое-как перевернулся на спину и, поднеся к лицу обожженную руку, тут

же ее уронил. Досталось и ладони, и запястью, удивительно еще, как за оружие держался.

— Тебе надо показаться лекарю, иначе останешься без рук.

— Нет. Потом.

— Я в Шинте знаю неплохого парня, он работает с любыми сложными травмами, — настойчиво сказала Ная и без лишней сентиментальности всадила в горло лежавшему тут же мордовороту свой кинжал, чтобы точно не встал, а то черепа у таких обычно крепкие.

Внутри что-то дрогнуло, но она тут же отогнала ненужные эмоции. Какая разница, чем убивать, ядом или ножом, разница только в наличии реальной, а не метафорической крови на руках.

Гораздо интереснее оказалось залезть под ворот куртки. Предчувствие не обмануло: на шее обнаружилась цепочка с плоской круглой пластиной, которую Ная тут же сорвала и предъявила Лису. Кроме выбитого номера — 87 — на пластине не было никакого рисунка... во всяком случае, если не знать, что хаотичная россыпь черточек наносится в определенном порядке и определенным способом, можно принять их за царапины от неаккуратной носки.

— И что это? — хмуро спросил Лис и сел, глядя не на протянутую ладонь, а на бушующее пламя.

— Тайная стража короля.

— Тайная подразумевает, что о ней никто не знает.

— Я уверена, — коротко ответила Ная, не вдаваясь в подробности, что однажды изящно вытягивала сведения из человека с таким же медальоном, только номером повыше. По поручению все того же лорда Мейсома, оттуда и узнала.

— Пошли. Надо что-то со всем этим делать, — развивать тему Лис не стал и поднялся на ноги, стараясь не касаться вообще ничего. — Организовать деревенских. У них должен быть староста, который сообщит в столицу.

— Сначала тебе нужно к лекарю.

— Нет, — упрямо сказал он и пошел к опасливо жавшимся к друг другу людям. Они смотрели на него с опаской, а когда заговорил, окончательно пришли в ужас. — Найдите мужиков покрепче и киньте тела в огонь.

— Зачем? — робко спросила бледная женщина, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Я не смогу, а если кто-то обнаружит их в вашей деревне, получите проблемы. Максимилиан и леди Авильон в Шинте?

— Лорд Мейсом приехал оди-ин, — самообладания на большее ей не хватило, и она всхлипнула, зажав рот ладонью.

— Хорошо, — Лис покачнулся и недоуменно нахмурился, еще больше напугав людей. — Надо сообщить герцогу Брамсу в столице... Найдите гонца и...

— Эй-эй-эй, только падать не надо, я тебя до города не дотащу, — Ная поспешила подставить ему плечо, чтобы совсем уж не свалился, хотя и сама едва стояла на ногах. От снадобья подташнивало, кружилась голова, и хотелось лечь под какой-нибудь елкой и сдохнуть. Знающие люди применяли его в ритуалах, находясь в покое в безопасном месте, настроившись на долгую ворожбу и находясь на грани транса, и то пару капель, а не хлестали сразу полфлакона, чтобы после этого кидаться на агрессивных мордоворотов. — Ты в седле-то усидишь? Или давай я съезжу до города и вернусь с Карлом.

— Все нормально, — ответил Лис и еще больше на нее навалился. Хорошо еще, что не маленькая тонкая девочка, рослость и крепкое телосложение северян не зря славились во всех центральных королевствах, иначе бы грохнулись оба.

— Обожаю людей, которые помрут, но о помощи не попросят, — проворчала Ная и со вздохом попросила мальчишку, жавшегося к остальным, но хотя бы с сухими глазами. — В деревне остались наши лошади, можешь привести? А лучше попроси взрослых.

— Это во что же вы такое интересное ввязались? — с граничащим с неприличием любопытством спросил Карл, талантливый лекарь из Шинты и давний знакомый Наи.

Обращаться к нему раньше толком и не доводилось, только если пополнить запасы вроде ранозаживляющей мази или бутылка с обезболивающим, зато он имел нездоровую тягу к историям о разного рода авантюрах и приключениях, чем больше крови, тем лучше. Обычно она специально для него заготавливала что-нибудь увлекательное, но сегодня развлекать кого-то просто не поворачивался язык.

— Сгорело поместье лорда Мейсома, — ответил Лис, терпеливо наблюдая за тем, как Карл смазывает обгоревшие ладони. Удивительное самообладание, даже ни разу не дернулся, хотя болеть должно было невыносимо, Ная даже позавидовала.

Карл только цокнул языком, но ничего не сказал и не сбился, разве что помрачнел; сам когда-то рассказывал, что от четкости его действий иногда зависит чужая жизнь, и позволить себе раскиснуть даже от самой черной внезапной вести было бы попросту безответственно.

Сесть в приемной комнате кроме занятой Лисом кушетки было негде: все свободное место занимали книги, шеренги склянок, свертки ткани и инструменты пыточного вида. Даже в кресле обнаружилась не слишком чистая и липкая металлическая миска со следами копти, в которой явно что-то варили. Ная подцепила ее двумя пальцами, переставила на пол и упала в кресло, откинувшись на спинку. В комнате приятно пахло травами, а наспех намешанная Карлом бурда отогнала тошноту, зато окончательно разболелась голова, а эмпатические способности вырвались из-под контроля, и теперь она улавливала случайные всплески эмоций от окружающих, даже тех, кто просто прошел рядом с домом лекаря.

— Готово, — он затянул бинт, вручил Лису кружку с обезболивающим настоем и снял очки, которые надевал при работе с клиентами. — С поместьем, конечно, дела... У нас все кругом горит, видели, наверное. А лорд что?

— Сгорел.

— Дожили, — Карл бесцеремонно подвинул абсолютно апатичного Лиса и сел на край кушетки. — Даже графов сжигают среди белого дня... Боюсь представить, что теперь будет с Шинтой и кому она достанется. Слышал, у него детей нет?

— Сын, — возразила Ная. — Правда, Максусу всего семнадцать, но у него и жена осталась.

— В семнадцать уже можно соображать. Посмотри на нашего принца, он же из столицы в этом возрасте и сбежал, зато какой регион создал! И это без помощи.

— Да. Но Максимилиан еще ребенок, — через силу сказал Лис. — Пока вырастет и поумнеет, герцог Брамс приберет к своим рукам. Не худший вариант.

— Да лучше б принцу, он хоть рядом. Не доверяю я этим столичным, граф хоть изредка заезжал в город, — Карл махнул рукой и спросил. — Вы сейчас куда? Если на постоянный двор, то лучше у меня оставайтесь, а то смотреть на обоих больно.

— Спасибо, — улыбнулась Ная.

— Тогда пойду готовить ужин, — он встал и скептически оглядел комнату. — Заодно расчищу, где можно лечь.

Ная хмыкнула. С порядком у Карла были натянутые отношения, большее, на что его хватало — сгрести вещи в шкаф, а особо впечатлительных не пускать в жилую и рабочую часть дома, чтобы не шокировать окровавленными тряпками и инструментами, которые не успел отмыть. Впрочем, в работе он всегда умело сдерживал свою тягу к хаосу, с лихвой компенсируя ее в быту.

— Ты дальше в Лангрию? — спросила Ная, когда они с Лисом остались одни. Молчание давило, а от улавливаемых эмоций, смешивающихся в какофонию, становилось тревожно на душе.

— Наверное, найду Макса и леди Авильон, — Лис вздохнул и сгорбился, упершись локтями в колени и свесив между ними кисти рук. — С Эллен у нас не слишком хорошие отношения, но лучше пусть узнают от меня, чем от посыльного.

— Ты думаешь, почта не попадет к ним раньше?

— Не знаю. Надеюсь.

Его настроение Нае совсем не понравилось — слишком упадническое, как будто он вот-вот сойдет с ума, окончательно отключившись от мира.

Поддавшись порыву человеколюбия, она села перед Лисом на корточки и осторожно, не сжимая, взяла его за руки; судя по тому, что он не отдернул и даже не поморщился, больно не было, а вот то, что даже не удивился, уже плохо.

— Происходящее в Шинте ужасно, я до сих пор не осознала, что лорда Мейсома убили. Мы были неплохо знакомы, — тихо сказала Ная, пытаясь заглянуть ему в глаза. — Но себя уничтожать не надо. Что бы ни случилось, всегда важнее живые. Пока не встретились со смертью, мы можем мстить, горевать и разгребать последствия, и без нас этого никто не сделает. Позволь помочь?

— Что ты хочешь? — без особого интереса спросил Лис.

Она не ответила и глубоко вздохнула, сосредотачиваясь на ощущениях. Лис даже не подумал открыться, продолжая прятаться за непроницаемой пеленой мнимого спокойствия, и в другой ситуации Ная не смогла бы через нее пробиться, но сейчас собственные эмоции были обострены до предела, а дикая смесь из вины перед лордом Мейсомом, растерянностью и горечью выливалась в непреодолимое желание куда-то бежать и что-то делать. Да хотя бы помочь ближнему, даже если никто об этом не просит.

Лис не сопротивлялся, не вырвал руки и не отвел взгляд, и Ная смогла поймать отголосок глухой тоски, застаревшую и едва пульсирующую боль, разочарование... постепенно они усиливались, становясь ярче, в них вплетались новые эмоции, просачивающиеся через пелену. В какой-то момент их стало так много, что она не выдержала и разлетелась клочьями, и тогда на Наю словно обрушилась лавина, сносящая все живое на своем пути.

Она давно привыкла, что внутри даже самого уравновешенного человека может бушевать ураган, но во мраке, который скрывал за мнимым спокойствием Лис, не было ничего, кроме беспросветного отчаяния и одиночества.

— И ты с этим живешь?! — ужаснулась Ная и выпустила руки. Наваждение прошло, оставив после себя горечь и пустоту, а тишина комнаты показалась противоестественной и неправильной.

— О чем ты? — устало спросил Лис.

— Да нельзя держать в себе столько негатива, это верный путь к саморазрушению!

— Что, по-твоему, лучше раскисать от любой мелочи? Так ничего и никогда не

добьешься.

— Нет, но хотя бы поорать, побить посуду или какого-нибудь сунувшегося под руку идиота, но не копить! Сдохнув, ты тем более своих целей не достигнешь, — Ная резко поднялась, пересела на кушетку и крепко обняла Лиса, одну руку положив на середину спины, а вторую на шею под самой головой. — Заткнись и не дергайся.

Она закрыла глаза, чтобы не отвлекаться на пестрый хлам Карла вокруг, и уже осознанно окунулась во мрак, на этот раз полностью ему открывшись и позволяя проходить через себя. Хорошие эмпаты могли облегчить чужие страдания и боль, разделив их и пропустив через себя, и если с ведьмовством у Наи не особо ладилось, то с эмоциями работать умела — ценный навык на выступлениях и при выполнении заказов. Поговаривали, что кто-то может полностью управлять чувствами других, меняя настроение окружающих на свой вкус, но для нее это оставалось чем-то из области сказок.

Ная закусил губу, отгоняя лишние мысли. Сейчас отвлекаться не стоило — можно случайно зацепиться за эмоцию, перетянув ее на себя, и тогда эмпату станет совсем плохо, не говоря уж о том, что он перестанет быть проводником, превратившись в болото для слива ненужных чувств.

Нет, не надо думать о постороннем, раз уж взялась помогать. Сосредоточиться на том, что таилось во мраке.

На боли, страхе, одиночестве, злости, безнадежности, которые хлынули сплошным потоком, готовым накрыть с головой и оцарапать ее собственную душу. За несколько минут она успела возненавидеть едва ли не весь мир, захотеть убить случайного прохожего, кинуться в драку, отомстить, пережить расставание с кем-то важным и испугаться непредсказуемого будущего. На то, чтобы не утонуть, приходилось прикладывать все больше сил, и в какой-то момент Ная запаниковала, что не сумеет выбраться, но неожиданно мрак стал светлеть, разлетаясь клочьями.

Ная с трудом разжала сведенные судорогой руки, выдохнула и отстранилась; все тело горело, как при лихорадке — ведьмовская сила пыталась погасить чужие эмоции, используя слишком много резервов организма.

Она с трудом поднялась, отошла к заваленному столу и оперлась на него обеими руками, чувствуя, что начинает падать, прямо так, как стояла, к границе миров, где обитали тени воспоминаний. Ная пользовалась возможностями этого места, даже совсем недавно, после убийства посла, чтобы показать трактирщику происходившее в комнате, но тогда она не была вымотана до предела и контролировала каждый шаг.

— Проклятье, — сквозь зубы прошипела она и обернулась, догадываясь, что может увидеть. Комната потеряла цвета, и теперь на клочке свободного места между ней и Лисом возникали тускло светящиеся силуэты. Вопреки ожиданиям — не Карл с его пациентами, а парень, подросток, сидящий на полу и кидавший в стену мячик.

Каждый раз он отскакивал обратно в руку; в какой-то момент лицо парня исказила злоба, и он с такой силой швырнул мячик, что тот уже не вернулся. Ная с удивлением опознала Лиса, только гораздо моложе — так, должно быть, он выглядел лет в пятнадцать.

— Отец всерьез намерен обвинить тебя в убийстве Криллы. Меня он даже не пытается слушать, — из пустоты появился еще один силуэт, сел перед ним на корточки и вздохнул.

— Наш король безумно милосерден и справедлив, — едко заметил Лис; выходит, разговаривал он с принцем Крейгом после убийства принцессы.

— Именно поэтому я настоял на том, чтобы привлечь дворянское собрание.

— Он тебя не простит.

— Отец выгнал меня из дворца, пообещав приложить все усилия, чтобы мне никогда не достался трон, — усмехнулся Крейг. — Хотел кинуть в соседнюю камеру, но кто бы ему дал. Председательствующий герцог Брамс заявил, что собрание не потерпит бездоказательной казни дворян, тем более крон-принца. Нам дали сутки, чтобы убраться как можно дальше и никогда не появляться в столице.

Он подкинул на ладони забренчавшие ключи от тюремной двери, и видение рассеялось, почти сразу сменившись другим, совсем коротким и бессловесным — чуть повзрослевший Лис раскланивался с совсем еще молодой Даритой, которой и в этом возрасте хватало изящества и стати.

Ная моргнула, и образы снова сменились. Теперь в центре комнаты оживленно сражались на деревянных мечях еще больше повзрослевший и похожий на себя Лис и мальчишка лет десяти, в котором не без труда удалось опознать Макса Мейсома. Мальчик остуился, грохнулся задом на землю и, рассмеявшись, ухватился за протянутую руку усмехающегося мужчины. Возобновить бой им не дала появившаяся леди Авильон, и такой недовольной Ная ее никогда не видела.

— Что вы здесь устроили? — холодно спросила она, поджав губы.

— Рой показал мне несколько приемов, — насуплено ответил Макс, разом растеряв хорошее настроение. — Мы давно не виделись, а у папы постоянно нет времени со мной заниматься.

— Я запрещаю тебе с ним встречаться.

— Эллен, мы не делали ничего плохого, — миролюбиво сказал Лис, забирая у мальчика меч. — Мы далеко от столицы и вокруг ни одной живой души.

— Хочешь, чтобы мой сын тоже был изгнан за убийство и чтобы его больше не принимали в приличном обществе за то, что водится неизвестно с кем?

— Дворянское собрание утвердило заключение, что моя вина не доказана.

— Но весь королевский двор уже пять лет винит в этом только тебя и его высочество, — она раздраженно ткнула в его плечо сложенным веером. — Во всех наших бедах виноват только ты, Рой, и не смей больше подходить к Максимилиану.

— Эллен...

— Мама!

— Я все сказала.

Силуэты дрогнули и растаяли, к комнате постепенно стали возвращаться цвета, а Ная едва не рухнула на стол, окончательно обессилев, и все, на что ее хватило — порадоваться, что смогла вернуться из воспоминаний Лиса, Роя или кто он там. Отдышавшись, она по стенке подошла к двери и почти вывалилась на задний двор, не слыша, что ей говорит Лис.

У самого входа обнаружилась бочка с дождевой водой, в которую Ная по-простому сунула голову, рискуя потерять равновесие и банально утонуть, и почти сразу вытащила, ладонью откинув назад мокрые волосы. Холодная вода потекла по одежде за шиворот, охлаждая тело и возвращая ясность сознания. Чтоб они все провалились, эти снадобья, бандиты из тайной стражи и люди со сложными судьбами! А вместе с ними и она сама со своим нехарактерным желанием помочь ближнему.

— Я слышал, что эмпаты могут вытянуть все лишнее, но, признаться, не верил. Спасибо, — Лис вышел следом и остановился в паре шагов. — Ты в порядке?

— Ты идиот, — хрипло сказала Ная и ткнула его в плечо, неосознанно повторив жест

леди Авильон, только не столь изящно пальцем вместо веера. — Ты сколько все это копил, пятнадцать лет?

— Двенадцать.

— И до сих пор живой.

— Я хорошо владею собой.

— Но эмоции надо проживать, а не запихивать в дальний угол! Начни коллекционировать хотя бы монеты, а не негатив, — проворчала она. — Я в порядке. Буду. Завтра к утру. Хотя если бы знала, до чего ты себя довел, то не полезла бы.

— Зачем ты вообще...

— Потому что я видела, каким ты был после поместья, и видела, как люди ломаются от меньшего, — перебила его Ная. — Ты показался мне не самым плохим человеком, которого встречала, да и не люблю, знаешь, когда на моих глазах вешаются от тоски.

— Для человека с такими взглядами ты удивительно хладнокровно убила того стражника.

Тема была скользкой, и говорить на нее Ная не хотела. Когда она в восемнадцать лет уезжала из дома с амбициозной мечтой перекрасить волосы и притвориться бардом, чтобы зарабатывать славу и деньги, совсем не учла, что известны барды не только музыкой, а территория почти всего королевства поделена между Домами. На чужой случайно забредший одиночка становился злодеем-вторженцем, на которого косо смотрят и иногда пытаются отравить, если не получается справиться музыкой.

А еще оказалось, что совсем неизвестному новичку стоящие деньги готовы платить не за творчество, а за деликатные поручения — убийства, например, хотя к ним Ная пришла только года через три, когда наткнулась на Луизу, обжилась в Лангрии и обзавелась постоянными клиентами. Нет, чуть раньше, когда познакомилась с лордом Мейсомом, но тогда его задания скорее были обучением неопытного новичка, нежели полноценная работа.

Когда Луизе передали первый такой заказ, она долго мялась, не решаясь отдать его Нае. Тогда все прошло не слишком гладко, и Ная едва не попала в городскую стражу, а потом, к неудовольствию Лу, хорошенько пошарилась в запасах алкоголя кабаре, чтобы успокоиться после погони и плутания по подворотням.

Сама же смерть «клиента» тронула мало — на ее родине к человеческой жизни относились куда легче, чем в центральных королевствах, особенно на островах, где сохранилась трепетная память о том, как вельвы решали проблемы, насылая на неугодных проклятия.

— Я эмпат и слишком хорошо знаю людей, чтобы их жалеть, — жестко сказала она. — Особенно тех, кто во время выступления засматривается только на задницу и больше ни на что.

— В любом случае, ты тогда нам очень помогла. И мне сейчас. Ты права. Справиться в этот раз было бы сложнее, — улыбнулся Лис и серьезно предложил. — Если что-то понадобится, в Лангрии всегда можешь зайти в третий дом на Кленовой улице. Я твой должник.

— А меня можешь найти у Лу. Заглядывай, если нужно будет разобраться в себе, — Ная хлопнула его по плечу и открыла дверь в дом. Жар спал, и теперь она ощутила, что на улице стояла совсем не летняя ночь. — Пошли, Карл что-то говорил про ужин.

На Центральном проспекте Лангрии бурлила жизнь, и если на подъезде к городу у Наи в

голове продолжали крутиться невеселые мысли, то в центре непрерывно движущейся толпы, в окружении привычного городского шума и цокота копыт несущихся по проспекту лошадей, запряженных в кареты, хвататься за них просто не осталось времени, иначе собьют, изящно вытащат из кармана скомканный платок, закружат и утянут совсем в другую сторону.

Ная любила лангрийскую суету, но события в Шинте настолько эмоционально вымотали, что меньше всего хотелось крутиться среди людей. Добраться бы скорее до кабаре Лу и, пока есть время до вечернего шоу, пошарить за стойкой. Подруга, конечно, снова будет ругаться на расхищение коньяка, но как-нибудь сочтутся.

Лошадь Ная оставила в конюшне на окраинах, где владельцы были не такими жадными, и теперь брела вдоль проспекта, уворачиваясь от людского потока и приставучих мальчишек, норовящих всучить то листовку об открытии нового ресторана на углу проспекта и Широкой, то свежую газету. Отбиваться от них быстро надоело, и к тому моменту, как она добралась до кабаре, в руках собралась целая стопка.

Дверь оказалась не заперта, а внутри царили тишина и запустение: ни самой Луизы, ни ее сотрудников не было видно, только из соседней комнаты доносился шорох. Ная огляделась, убедилась, что на спланированный налет не похоже, и, сгрузив листовки на стойку, залезла под нее, к закрытому, но не запертому шкафчику с алкоголем. Хорошо, что Лу не видела, иначе бы Дорг, бросивший выпивку в таком общедоступном виде, от души получил бы по мозгам.

Нашарив и без того почти пустую бутылку, она отпила прямо из горла, поймала за хвост мысль, хмыкнула и, прокашлявшись, окликнула пустоту, подражая высокому и властному голосу Луизы.

— Почему дверь открыта и никого нет? — Ная поболтала перед глазами бутылкой. — И кто не запер шкаф с алкоголем? Дорг, раздолбай, не прячься!

Шорох разом прекратился, и сразу за этим что-то с глухим стуком упало, а в коридорчике послышались торопливые шаги. Влетевший в зал Дорг не рассчитал скорость, врезался в один из столов, опрокинув вазу с цветами, и теперь стоял, осоловело хлопая глазами и не видя перед собой Луизу. Выглядел он презабавно: стоящие дыбом короткие волосы, красное пятно на лбу, как будто он бился головой о шкаф, изгвазданная в пыли рубашка.

— Ваше сиятельство? — неуверенно позвал он, и тут его взгляд остановился на Нае, довольная улыбка которой не оставляла сомнений в происходящем. — Тьфу ты, шутница! Я же делом был занят, а ты перепугала.

Дорг схватил перекинутое через спинку стула полотенце и раздосадовано шлепнул им по руке Наи, но та только шире улыбнулась и развела руки в сторону.

— Ничего, тебе полезно встряхнуться. А кто, если не я? — она крепко обняла старого приятеля, в очередной раз подивившись, какой он мелкий, едва достает ей до подбородка. — А чего и правда никого нет?

— Повара придут через полчаса, так что если хочешь есть, уж потерпи. Уборщица все вымыла еще с утра, а графиня ушла встречать сегодняшнего артиста, — проворчал Дорг, похлопав ее по спине, отошел и, оценивающе посмотрев на бутылку, сам полез в шкаф. — Давай пока никто не видит. Ты чего там уже схватила, коньяк?

— Да.

Он похмыкал, позвенел стеклом и поставил на стойку совсем полную, даже, кажется, закрытую, пару стаканов и не иначе, как из собственной заначки, банку с орехами.

Полчаса спустя их дошедшие до нужной степени душевности посиделки, когда Дорг начал болтать без остановки, а Ная окончательно расслабилась и развалилась в кресле, сумев, наконец, выкинуть из головы образ горящего поместья, прервали самым нахальным и возмутительным образом. Дверной колокольчик звякнул, и в зал ввалился посетитель, бухнув что-то на пол.

Дорг, вспомнив, что он здесь все-таки работает и отвечает за сохранность заведения, высунулся из своего кресла и не слишком почтительно спросил у стоявшей на пороге девицы, у ног которой лежали две сумки:

— А вы кто?

— Ассистент маэстро Джона Уршельского, — гордо задрав нос, заявила она. Кто такой этот Джон, Ная краем уха слышала, но никогда лично не пересекалась, а вот его ассистентка с первого взгляда производила впечатление нахальной и бесцеремонной, для этого даже эмпатом быть не надо было. — Он сегодня здесь выступает и велел все подготовить.

— Так три часа дня, какое подготовить, — удивился Дорг. — Обычно за час приходят, ну, может, два.

— Я должна убедиться, что во время выступления не будет никаких накладок, — девица обвела зал цепким взглядом, остановившись на бархатной портьере-занавесе у сцены. — У вас здесь так пыльно.

— На прошлой неделе делали генеральную уборку, — обиделся он за свои усилия. — И честное слово, я совершенно не представляю, что можно так долго проверять с трех до восьми.

— И акустика у вас явно так себе.

— Отличная акустика, специально для выступлений в отличие от большинства трактиров!

Ная фыркнула: девица ей решительно не нравилась, ее замечания были абсолютно пустыми — попробовала бы сначала выступить, а потом рассуждала! Кстати, а ведь идея! Из этого бы вышла неплохая шутка — грубоватая и не слишком изящная, но таких нахалок, лезущих не в свое дело, в котором не разбирается, определенно требовалось иногда ставить на место, чтобы знали!

— Слушайте, а вам не надоело вечно таскаться за маэстро Джоном, а? — с самым сочувствующим видом спросила Ная. — У вас столько артистизма, я же вижу, а вы его бездарно растрачиваете, нося за другим сумки. Нельзя вечно оставаться в тени!

— О чем вы? — заметно растерялась девица, да и Дорг в первый момент недоуменно посмотрел на приятельницу, а потом, развеселившись, но кое-как сохранив серьезное лицо, подхватил:

— О вашей карьере, разумеется!

— Мы же в этом кабаре не посторонние люди и помогаем молодым талантам найти дорогу на большую сцену, а леди Луиза нам за это приплачивает, — подмигнула Ная и выползла из кресла. — Вы что-нибудь слышали про Наю Лангрийскую?

— Да, но никогда...

— Так вот, она ищет себе талантливую ученицу и обратилась к нам. Коллега!

Дорг тоже подскочил, и вместе они, подхватив несчастную ассистентку под руки, выволокли ее на сцену. Дорг посмотрел на початую бутылку на столике, слазил за стаканом, плеснул туда до середины и решительно протянул девице.

— Для храбрости, — и снова вальяжно развалился в кресле, как хозяин жизни.

— Что я должна делать? — спросила она, таращась в стакан.

— Спойте что-нибудь. — Ная тоже села и повелительно махнула рукой. — Мы оценим ваши данные.

Ассистентка выдохнула, залпом выпила весь коньяк, но стоило ей открыть рот, как колокольчик особо уныло брякнул, предвещая нечто совершенно ужасное, просто нечеловечески кошмарное.

— Что здесь происходит? — гневно зазвенел голос Луизы, а следом послышался стук каблуков — за спинками кресел не было видно виновников безобразия, тем более, что оба усиленно втянули голову, но угадала она почти безошибочно. — Дорг, мерзавец, ты что творишь?

— Графиня, — сдавленно пискнул он, как будто его схватили за горло, и попытался стать еще незаметнее.

Луиза обошла кресла и, встав спиной к сцене, зло хлопнула себя по ладони сложенными кружевными перчатками. Вообще-то она была понимающей и очень вежливой девушкой, но теперь так сверлила Дорга взглядом, что Ная не рискнула лезть в ее эмоции.

— Я все еще жду объяснения.

— Ваше сиятельство, это всего лишь невинная шутка...

— Шутка?! Вы затащили на сцену постороннего человека за несколько часов до открытия! И это еще что такое? — она обличающе указала на бутылку.

— В самом деле, Лу, ничего страшного мы не хотели. Просто когда кто-то вваливается и начинает прямо с порога говорить, что все у тебя не так... А за коньяк я тебе отдам, хороший, кстати, покупай еще.

— А ты бы вообще... Ная?! — Луиза с опозданием поняла, кого видит перед собой, и разом остыла. Наверняка кинулась бы на шею, но в присутствии посторонних не позволяло воспитание, да и Ная сидела и вставать была уже не готова. По крайней мере, не для того, чтобы на ней висли. — Ты вернулась! Не представляешь, как я тебе рада! Но все-таки вы что удумали, паршивцы? Зачем над девушкой издеваетесь? А вам, дорогая, я приношу искренние извинения за этих шутников.

— Это была моя идея, если что, и я, кстати, и есть Ная Лангрийская, так что почти не соврала, — хмыкнула Ная и все-таки поднялась. — Я лучше пойду к себе в комнату, пока ты разбираешься, а то же еще этот, Джон Уршельский придет. Закончишь, заходи... Дорг, поможешь? За стойкой где-то моя сумка.

— Конечно, уже бегу, — с готовностью заспешил Дорг, стараясь не смотреть на Луизу.

Во все стороны до самого горизонта простиралась снежная пустыня, но Ная совершенно не помнила, как здесь оказалась — как и того, где находится это «здесь». На севере вдалеке всегда виднелись горы или макушки елей, а здесь не было ничего, даже куцых стелющихся по земле кустарников, только переливающееся северным сиянием небо и клубящаяся вокруг ног снежная поземка.

Ная огляделась и пошла вперед, надеясь, что рано или поздно сможет выйти в обитаемое место или наткнуться на живого человека, который поможет сориентироваться. Под подошвой сапог хрустел наст, а из-за пламени в небе ночь казалась днем, только озаренным холодным зеленоватым светом, от которого становилось не по себе.

За спиной раздались шаги, и она, остановившись, обернулась. К Нае медленно приближалась темная фигура, только двигалась странно, перекосившись на одну сторону и

подволакивая левую ногу, и было в ней что-то неправильное, жуткое настолько, что хотелось сорваться с места и бежать как можно дальше. С другой стороны, больше рядом все равно никого не было, и лучше...

Фигура приблизилась, и Ная поняла, что лучше было все-таки бежать, а теперь поздно: вокруг них широким кольцом вспыхнуло голубоватое пламя выше человеческого роста, и выбраться через него едва ли получилось бы.

Зато Ная сразу поняла, где находится — Аангрем, долина мертвых, куда попадают души умерших и где царит вечная ночь. Точнее, ее предместья: на саму долину живой попасть не мог, хотя поговаривали, что самые могущественные вельвы в трансе проникали туда, куда другим нет хода.

Да и оказаться здесь... в теории Ная знала, что для этого необходимо, но никогда бы не решилась, даже если бы на чаше весов стояла чужая жизнь — души тех, кто еще не перешагнул порог смерти, попадали в предместья, и при некотором умении можно было человека найти и вывести. Но ритуал был долгим, сложным и опасным, не говоря уж о том, что требовалась огромная сила и умения. Лезть без них было чистой воды самоубийством — никого не спасешь, зато застрянешь сама.

Она никак не могла здесь оказаться! Снадобье перестало действовать еще утром, ну не в коньяк же, в самом деле, что-то подмешали! Или что, теперь вообще начать вести исключительно благопристойный образ жизни?!

Фигура остановилась, все так же припадая на одну ногу, и Ная с ужасом опознала лорда Мейсома, обгоревшего, в лохмотьях одежды и совершенно точно мертвого. Половины лица у него просто не было, кожа свисала рваным лоскутом, оголив обугленный череп, а пустые белые глаза недобро мерцали, отражая всполохи пламени.

А его-то сюда что привело? Насколько помнила Ная, он придерживался традиций общепринятой вернийской религии с четырьмя богами, и посмертие у них должно было быть свое, с теплым всепоглощающим светом и внеземной музыкой, а не холодные снега! Кто во что верит и прочее, и прочее. Разумеется, никто не проверял и подтвердить существование других миров не мог — кроме Аангрема, о котором знали вельвы и те, кого они вытаскивали — но очень были убеждены, что попадут именно туда.

И даже не это главное, в конце концов, может же весь мир ошибаться? Но что этому... лорду-другу надо конкретно от нее?!

— Его жизнь оборвалась слишком внезапно. Не каждый способен это осознать сразу, а ты его знала и была рядом, — пламя вспыхнуло особенно ярко и осело, едва доставая теперь Нае до колен. За огненным кругом стоял великан в грубой одежде и меховой накидке, опираясь на тяжелый посох размером с дерево. Его гулкий низкий голос разносился по всей долине и звучал словно отовсюду разом.

Ная охнула и едва удержалась от того, чтобы зажмуриться и упасть на землю, закопавшись в снеге. Легенды о Тольде, Хранителе Аангрема, она всегда считала выдумками и уж точно не рассчитывала его когда-нибудь встретить.

— И что мне с ним делать? — хмуро спросила она. Ей не нравилось место, не нравился стоящий перед ней непонятно с какой целью мертвец и совершенно точно не нравился Тольд с его намеками, хотя в последнем лучше не признаваться.

— Ты же ведьма, — великан пошел вдоль огненного круга, с интересом исследователя наблюдая за происходящим. — Проводи его.

— Моей силы не хватит, я вообще не знаю, как оказалась здесь, — ответила Ная,

настороженно следя за ним взглядом — поворачиваться спиной к драугру она не решалась. — По всем законам этого не должно было произойти.

— Человек не рождается всемогущим. Любой дар нужно развивать, а не утверждаться в мысли, что боги обделили силой.

— Но все мои предки были куда талантливее меня!

— Ты видела их в молодости? В раннем детстве? Мы не можем оценивать других лишь по семейным преданиям. Они сохраняют самое яркое, опуская путь к вершине.

— Ладно, об этом я обязательно подумаю при случае, — скрипнув зубами, пообещала Ная и развела руками. — Я не хочу оставаться здесь вечно. Куда мне вести лорда Мейсома?

Тольд остановился за спиной Наи, вынуждая крутить головой, чтобы видеть и его, и мертвеца, и повел посохом; наверх окутала тьма, которая почти сразу разлилась по долине. Шагах в трехстах от круга из темного пятна потянулись вверх цепляющиеся друг за друга нити, образующие черную арку, чуждо смотревшуюся среди снежного поля. Все пространство в ней занимал медленный тускло мерцающий вихрь.

Ная подошла к лорду и, с внутренним содроганием пытаясь убедить себя, что это все тот же человек, которого она уважала и которому сейчас нужна помощь, взяла его за обгоревшую ладонь. Что делать дальше, она точно не знала, но логично предположила, что раз есть арка — вход в Аангрем — то к ней и надо идти, а самый простой способ — за руку, как маленького ребенка. Опытные вельвы наверняка справлялись иначе, но все ближайшие в лучшем случае посмеивались с той стороны арки.

Вести за собой оказалось непросто: лорд Мейсом не упирался, но и ногами едва шевелил, все также подволакивая одну, что совсем не добавляло скорости. Ко всему прочему через пару шагов вокруг них стали появляться привычные Нае полупрозрачные силуэты, и одного взгляда на них мертвецу хватало, чтобы окончательно замедлиться. Вероятно, отражения его воспоминаний, но как не вовремя!

Они брели, и вдоль их пути то и дело мелькали образы самых разных людей; большинство она не знала, но встречались и знакомые. Король, несколько представителей столичной аристократии, не слишком, впрочем, высокого полета, тайная стража, герцог Брамс, которого Нае однажды довелось увидеть на каком-то крупном мероприятии... Пару раз попадалась она сама, и от этого становилось неимоверно жутко.

Но больше всего было образов, связанных с семьей: смазанный, успевший позабыться за годы образ совсем маленького мальчишки, видимо, Макса; Эллен — улыбающаяся и грустящая, нарядно одетая с веером в руках и совсем домашняя, в простом платье с распущенными волосами; уже подросток Макс, такой, каким он должен был быть сейчас.

Неожиданно среди них затесался и Лис — в основном, рядом с мальчиком, был и один. Ная не выдержала и резко остановилась, бесцеремонно ткнув пальцем в ближайший силуэт.

— Кто это?

Лорд Мейсом поднял на нее невидящий взгляд и что-то ответил, вот только разобраться не удалось ни слова — она их вообще не услышала.

— Я не понимаю.

Он снова заговорил, но все, что смогла Ная — увидеть шевеление губ, насколько позволяла уцелевшая половина лица.

— Слышать мертвых надо уметь, — заметил следующий за ними Тольд, и в его голосе послышалась издевка.

— Ты можешь дать мне услышать?

— Да. Но тогда у тебя не останется повода заняться своим обучением.

— На это уйдет время, у меня его нет.

— У тебя его достаточно. Оно вышло только у твоего спутника, — безмятежно заметил великан. — Закончи дело. Мы подождем, но твое тело может вызвать недоумение у окружающих.

Ная выдохнула сквозь зубы и едва сдержалась от порыва силой волоочь за собой лорда Мейсома. Нет, здесь так не получится, только разозлит Тольда — она была не лучшей ведьмой на островах, но точно знала, что в таких делах, как и в любых ритуалах, спешка только мешает, а нетерпение обернется против нее же самой.

Через несколько шагов образы закончились, а арка оказалась неожиданно близко, как будто сдвинулись навстречу. Ладонь мертвеца выскользнула из пальцев Наи, и дальше он пошел сам, через минуту шагнув в вихрь.

— Похвально, — сказал Тольд, и она упала, провалившись в темноту, чтобы тут же подскочить на кровати.

В главном зале кабаре было тихо и печально: уборщица вяло собирала на поднос забытую вечером за столами посуду, а Дорг сидел за одним из них и со скорбным видом ковырялся в тарелке с завтраком. Судя по его виду, нерадивому сотруднику то ли влетело от Луизы за пьянство на рабочем месте, то ли он продолжил вечером, когда все ушли, а то и вместе с гостями. Самой Лу видно не было, вероятно, уже успела куда-то убежать или разбиралась в своем кабинете со вчерашней выручкой.

Ная спустилась вниз и села на против, дополнив унылую картину утра после праздника. Дорг посмотрел на нее и тяжело вздохнул с душераздирающим стоном.

— Что, влетело?

— Нет, графиня была милостива и сама отдала бутылку, раз уж мы ее открыли, — грустно сказал он. — Но вчера заглядывала пара знакомых, которые после шоу решили продолжить развлечения, ну мы и... — Дорг красноречиво щелкнул себя по шее и с отвращением отодвинул тарелку.

— А как тебе тот бард, Джон... как там его?

— Ты думаешь, я его слушал? — поморщился он, вставая. — Пойду, кофе сделаю, тебе надо?

— И попроси подать завтрак, а то она совершенно невыносима, когда голодная, — на лестнице показалась Лу и с нескрываемой иронией поприветствовала. — Доброе утро, господа шутники и алкоголики.

Дорг, что-то ворча под нос, убрел на кухню, и она заняла освободившееся место. Сегодня Луиза мало походила на изысканную леди — штаны, рубашка с расшитой жилеткой и простая коса вместо сложной прически — и явно не собиралась на официальные встречи. Жила Лу здесь же, предпочитая не тратиться на отдельное жилье деньгами и временем, которое занимала бы дорога. А так она всегда оставалась в курсе дел, не беспокоясь, что в отсутствие хозяйки в кабаре случилось что-то необычное.

— Рада, что ты вернулась, без тебя здесь не так весело, — улыбнулась она. — Заходила пара клиентов, они мне не понравились, и я отказала.

— Я все равно пока не готова браться за работу, — нехотя сказала Ная. Она никогда не считала себя трепетной ланью, но в последние дни и без того был перебор с трупами и впечатлениями, да еще и сон этот... У каждого человека есть пределы, и иногда надо позволять себе расслабиться, чтобы за них не выйти, благо что денег хватало. — Что еще интересного произошло?

— Тебе пришло письмо от госпожи Дариты, — огорошила ее Лу и положила на стол распечатанный конверт. — Вчера утром буквально. Взяла на себя смелость прочитать, вдруг что-то срочное... Завтра она будет в Лангрии и просила о встрече в любое удобное тебе время. Оставила адрес, куда можно передать ответ. Скажи, если готова, я отправлю ей записку.

— В час в кабаке «Сумеречный соловей», — подумав, сказала Ная, хотя внезапный визит Дариты ее немало удивил. Решила лично отрекомендовать Лиса в качестве надежного клиента? Или хочет убедиться, что Гильрани не имеет отношения к интриге некоего барда? В любом случае, скрывать нечего, а выслушать ее будет интересно.

— Я передам, — пообещала Лу и как-то резко замялась, что для нее было

нехарактерно. — И, слушай, есть одна просьба... тебе не понравится.

— Ну?

— Я знаю, ты принципиально не лезешь в политику, и я глубоко ценю тебя и твои убеждения, — она вздохнула и, глядя в сторону, быстро сказала. — Его высочество Крейг просил о встрече, когда ты вернешься в город. И, конечно, речь идет не о выступлении в резиденции, ему нужна помощь.

Ная тяжело на нее посмотрела, не торопясь с ответом — пусть сама додумает, раз настолько хорошо ее знает. В любой другой раз она отказала бы сразу, не задумываясь, и уговаривать не имело бы никакого смысла, но сейчас ситуация складывалась совсем иная. Перед глазами пронеслись сгоревшая деревня, пластинка-медальон тайной стражи и летящий в огонь лорд Мейсом.

Всегда можно зажмуриться и сделать вид, что вокруг не происходит ничего предосудительного, а мир светел и прекрасен, но тогда и удивляться не стоит, что откроешь глаза уже на руинах. В локальный конфликт двух мелких баронов Ная бы не полезла, это сугубо их личные дела, с герцогом Брамсом не стала бы и связываться — он вполне способен постоять за себя сам, но она тепло относилась к лорду Мейсому, много времени в детстве провела в Шинте, да и, в конце концов, просто любила этот край.

К тому же, если король решил устранить неугодных — а неугодны ему все, кто имеет отношение к его своевольному сыну — то рано или поздно запылать может Лангрия.

— Завтра в пять в твоем кабинете.

— Что? — встрепенулась Лу, пытавшаяся, видимо, подобрать подходящие аргументы и не поверившая своим ушам. — Я не ослышалась? Ты согласна?

— Ты слышала, что случилось в Шинте? — спросила Ная и, когда подруга неопределенно дернула плечом, хмуро сообщила. — Так вот, последние новости. По графству полыхают пожары, точно уничтожена одна деревня недалеко от города и поместье лорда Мейсома. Самого лорда сожгли заживо на моих глазах. Те, кто это сделал, носили жетоны тайной стражи короля. Это заставляет пересмотреть политические убеждения.

— Не может быть, — прошептала побледневшая Лу. — Ная, этого просто не может быть, тайная стража не может иметь отношения!..

— Почему тебя это так волнует?

— Потому что уже год ее возглавляет мой братец, чтоб его, граф Сэм Варди, любимый папочкин сын! — она подскочила и заметалась по залу, совершенно неаристократично схватившись за голову. — Меня не волнует, чем занимается моя драгоценная семейка, но я надеялась, что у них осталось хоть немного чести и достоинства, чтобы не падать так низко! Хотя после слов о том, что если глупая девка изволит строить из себя слишком умную, то может катиться на все четыре стороны и заниматься всем, чем пожелает, о достоинстве и говорить не приходится!

— Я сама видела, — Ная хотела было сбегать в комнату и принести жетон в доказательство, но спохватилась, что так и не забрала его у Лиса. Досадно. — Лу, послушай...

Луиза остановилась посреди зала и, молча сжав кулаки и губы, явно пыталась напомнить себе, что леди не к лицу выражать гнев прилюдно, тем более на глазах у подчиненных — как раз вернулся Дорг с кофейником и семенящей за ним служанкой.

— Все хорошо, — совершенно ровным голосом сказала она, сумев совладать с собой. — Раз так все повернулось, я тоже буду присутствовать на встрече. И обязательно найду, чем

смогу помочь.

Святылище Тольда расположилось в светлой роще на дальней окраине городского кладбища; свежих могил там не было уже лет пятнадцать — приказом смотрителя и с согласия представителей всех основных культов захоронения производились на общей территории. Большинство все равно верило в четырех богов, так что разногласий не возникало, а капеллы, алтари и прочие места для общения с высшими силами вынесли на окраины.

В святылище — высокой открытой беседке, заросшей кустами и диким виноградом, с высокой статуей Тольда в центре, у подножья которой стояла жаровня — Ная была впервые и невольно удивилась, как великан не упрекнул ее и в этом. Как же, о мертвых следует помнить и напутствовать их, чтобы они не заблудились по пути от мира живых в Аангрем и не остались здесь навечно драуграми...

Она вошла в пустую беседку, опустилась на одно колено у статуи и положила в жаровню обернутый тонкой тканью грубый браслет — древний символ власти на севере, который носили ярлы. Сейчас он был просто сувениром и такой себе национальной экзотикой, не несшей сакрального смысла, в сувенирной лавке Ная его и купила. Она не была сильна в традиционных похоронных обрядах, но точно знала, что в знак уважения умершему к святылищу Тольда приносили символ, говорящий о человеке. Медальон с боевым молотом для воина, крупную, специально выкованную монету для купца, подкову для конюха, а пластину с раскрытой ладонью для ремесленников, занимавшихся кропотливым ручным трудом.

Что может сказать о владельце целого вернийского графства, Ная, стоя у прилавка в магазинчике ушедшего северянина, так и не смогла придумать, но в итоге решила, что символ власти ярла будет вполне уместен.

Зачем сюда пришла, она не могла сказать и сама — дух лорда Мейсома ушел в Аангрем, и больше его не тревожили мирские хлопоты. Наверное, это нужно было ей самой, чтобы отпустить хорошего человека, бесславно погибшего на ее глазах.

— Необходимо зажечь жаровню, — подсказал тихий голос, и в беседку поднялся смотритель святылища в длинном плаще с массивным ожерельем на груди. — Я могу помочь с огнем.

— Буду признательна, — Ная сделала шаг назад, уступая место мужчине. Он справился куда быстрее, чем смогла бы она.

— Остались только напутственные слова. Пусть Тольд проводит на просторы Аангрема того, о ком вы скорбите.

— Пусть Тольд будет милостив, а ваш дух обретет покой, лорд Мейсом, — прошептала Ная, сморгнув выступившую слезу. — Однажды мы встретимся, но пусть это случится не скоро.

Визит к святылищу настроения не улучшил, поселив в голове настойчивые и безрадостные мысли о вечном, и возвращаться к Лу Ная не стала, чтобы не расстраивать еще и ее, и без того взбудораженную новостью про Шинту. Пришлось гулять по городу, прикупив у уличного торговца корзинку с популярными в Верне пирожками из тонкого, чуть ли не просвечивающего хрустящего теста в надежде утешиться хотя бы едой.

Лангрию охватила привычная предосенняя суета: через пару недель начинался

традиционный масштабный фестиваль урожая, на который съезжались люди со всего герцогства. Пока же вдоль улиц натягивали праздничные гирлянды из разноцветных флажков, расставляли у дорог вазоны с пестрыми цветами и разрисовывали яркими листьями мостовые — к вящему недовольству стражи, но разогнать художников не давал личный указ принца.

У одной продуктовой лавки обнаружилась целая композиция из тыкв и кабачков, которую пытался собрать хозяин и которая то и дело норовила раскатиться в стороны. Судя по звуку, с которым она рассыпалась в очередной раз, овощи выстрогал из дерева и раскрасил умелый плотник, но по виду они ничем не отличались от настоящих, и натюрморт выглядел оригинально.

Кое-где уже разворачивались ярмарки, пробные и небольшие, а на Театральной площади возвели сцену, по которой под задорную народную песенку скакали актеры Лангрийского театра, величественно расположившегося в аллейке на противоположной стороне. Наверное, их хаотичные прыжки должны были изображать танец, но собравшимся вокруг людям нравилось, и они сами с радостью присоединялись. Пройти сквозь пляшущую толпу было невозможно, затопчут и не заметят, пришлось обходить по краю площади, вдоль которого прямо на мостовой расселись беззаботные горожане. Между ними с кружками носился ловкий паренек из соседнего кабака, хозяин которого верно оценил благодушное настроение отдыхающих и не захотел упускать своей выгоды.

Ная поспешила свернуть с шумной площади и неожиданно оказалась на тихой Кленовой улице, по обе стороны застроенной жилыми домами, прячущимися за кленами с пышной листвой. Может, и не зря забрела: целенаправленно искать Лиса она не собиралась, но душа настойчиво требовала поговорить с человеком, которому не придется полдня объяснять происходящее вокруг. Не поплакаться, но обсудить вечные темы: кто виноват и что делать.

Третий дом ничем не отличался от соседей — такой же фархверковый, с отделанным светлым камнем первым этажом и выкрашенным в белый вторым, с аккуратной живой изгородью вместо ограды. Отчего-то Ная представляла его совсем другим, не то грандиознее, не то, наоборот, более зловещим, как полагается логову загадочного преступника.

Дверь тоже открыла самая обычная девушка-южанка с высокой прической и в платье, при всей своей строгости мало похожем на обычную одежду служанок.

— Добрый день, — вежливо сказала она, сложив на груди руки. — Я могу чем-то помочь?

— Здравствуйте. М-м... да, я ищу человека, — окончательно растерялась Ная. Лис то ли обманул, хотя мог бы вообще никакой адрес не называть, его никто не тянул за язык, то ли жил в этом благообразном месте с этой столь же благообразной леди, во что почему-то верилось еще меньше.

— Я многих знаю, — подбодрила девушка. — Кого вы ищите?

— Мне он представился... э-э... как Лис, — наверное, стоило назвать настоящее имя, его домочадцы могут и не знать прозвище; с другой стороны, тогда возникнут вопросы, откуда ей оно известно.

— Он еще не вернулся из поездки, — с сожалением ответила она и предложила. — Я передам, что вы заходили. Как вас зовут?

— Нет, не надо, нет необходимости. Я пойду, — Ная шагнула назад и едва не свалилась с крыльца. — Спасибо.

Результата на первый взгляд визит никакого не дал, впрочем, кое-что новое о Лисе узнать удалось. Живет в самом обычном районе, ни от кого не скрывается — хотя зачем скрываться, если дружит с принцем? Но интересно, кто эта девушка? Ная невольно обернулась на дом. На барда не похожа, совсем не тот типаж... Сестра? Нет, Лис типичный выходец из центральных королевств, в его внешности совершенно точно нет следа южной крови. Хозяйка дома? Супруга? Интересно, можно ли подловить ее в городе и аккуратно расспросить, как умеет Ная? Больно интересная загадка.

Настроение несколько улучшилось от проснувшегося азарта, а значит, можно было возвращаться в кабаре. В конце концов, бегать от Лу не дело, да и подготовка к встрече с принцем и Даритой займет не один час.

По дороге домой Ная завернула в лавку знакомого алхимика и пополнила запасы бальзама, меняющего оттенок кожи, а заодно и хны, которой рисовала узоры на лице и руках. Что-то должно было оставаться дома, но она сомневалась, что хватит, а бегать вечером по городу наверняка поленится, отложит на утро, и в итоге собираться придется в спешке.

Повезло, что Лу никуда не уходила и весь день провела за финансовым отчетом, из-за чего к возвращению подруги озверела и с огромным энтузиазмом вызвалась помочь. Откровенно говоря, ее решимость пугала, но и отказываться Ная не стала: она была хороша в музыке и сочинении историй, но страдала от недостатка художественных способностей. Нарисовать самой себе на лице еще удавалось, а вот на руках выходило криво и не убедительно, приходилось прятаться под плотными рукавами и перчатками.

Закончив, переполненная вдохновением Луиза предложила покрасить еще и волосы, на что Ная молча показала ей парик. После того, как пару лет назад ей пришлось подстричься практически под мальчика, на эксперименты тянуть перестало.

Всю ночь Ная ворочалась, пытаясь отогнать смутные предчувствия; интуиция кричала о том, что встреча с хозяйкой Дома пусть не станет катастрофой, но усложнит жизнь, и уснуть удалось только под утро, когда небо над крышами посветлело, а на улице появились первые прохожие.

Часов в одиннадцать в комнату постучала служанка Лу, чтобы уточнить, не надо ли прибраться и спустится ли госпожа к давно остывшему завтраку, и правильно сделала — госпожа благополучно проспала, и если бы не разбудили, опоздала бы к Дарите.

Этим утром одно только радовало Наю — постоянные сотрудники кабаре давно привыкли к всевозможным артистам и к изменению во внешности относились спокойно, а о том, чтобы не сболтнули лишнего посторонним, она позаботилась сама при помощи Лу уже давно. И Дорг, и служанка, и даже уборщица считали выданные им браслеты из кожи с круглым камешком гордым знаком отличия, но на деле вырезанные на обратной стороне камешка знаки заставили бы их забыть, о чем речь, если бы кто-то начал спрашивать про Гильрани.

«Сумеречный соловей» находился в подвальчике в самом центре города и вечерами считался популярным и людным местечком, которое сильно любили самые нескромные представители лангрийской аристократии. Днем же здесь, как и в любом подобном заведении, было тихо, спокойно и немного печально. Солидные люди если и проводили переговоры за обедом, то предпочитали рестораны или известные трактиры, а веселая молодежь или отсыпалась после гулянки, или сидела без денег. Даже за стойкой никого не

было, а единственная находящаяся в зале служанка вдохновенно натирала выстроенные рядком подсвечники из цветного витражного стекла.

Отличное место, чтобы поговорить без посторонних и на нейтральной территории.

Дарита пришла заранее и теперь сидела за столом у входа, разглядывая зажженную лампу и неосознанно комкая в руках салфетку. Ее нервозность и беспокойство едва не сбили с ног еще на лестнице, но стоило Нае подойти ближе, как хозяйка Дома взяла себя в руки и с привычным доброжелательным видом указала на пустой стул.

— Удивлена, что вы решили встретиться лично, — призналась Ная после дежурного обмена любезностями. — Обычно дело ограничивалось письмом или посылным.

— У Дома серьезные проблемы, — Дарита отложила салфетку и сцепила пальцы в замок. — Я не рискну доверять бумаге, людям тем более. Или обманут, или половину забудут, и не знаю, что сейчас хуже.

— Но обратиться к совсем постороннему человеку, не имеющему к вам отношения, это не помешало.

— Ваша независимость сейчас придется как нельзя кстати.

— И что вас тревожит, с чем не может справиться целый Дом бардов?

Ная изобразила крайнюю заинтересованность, хотя и так понимала, о чем пойдет речь. Наверняка отрекомендует Лиса как своего надежного клиента — посоветовала же обратиться к Гильрани — который не может воспользоваться услугами шинтийского Дома из-за неприятных событий последних дней. Здесь можно будет проявить некоторую осведомленность: про письмо, конечно, говорить не стоит, но о бардах из Даргии, открыто на кого-то охотящихся, сказать нужно.

Но Дарита сумела удивить.

— Лет десять назад, когда я еще не была главой Дома, к нам пришел молодой человек с понятной целью — он искал исполнителя для своих идей. Не разово, для постоянного сотрудничества, — сказала она, откинувшись на спинку стула и глядя на висевшую под потолком пустую клетку с открытой дверцей и деревянной птичкой. — Такие контракты иногда случаются, и я готова была взяться, но Теана, которая тогда возглавляла Дом, испугалась.

Ная тоже посмотрела на птичку, которая так привлекла внимание. Наверное, она что-то символизировала вроде того, что жизнь в клетке превращает любой талант в деревяшку, даже если ты соловей, а клетка золотая.

— Что именно ее испугало?

— Она боялась настроить против себя короля. Тот человек предлагал работать на принца и своего в итоге добился, но договаривался уже со мной.

— К чему вы это говорите? — не выдержала Ная. Экскурс в богатую жизнь Дома выдался увлекательным, как и намеки на участие в ней Лиса, но уж больно туманным.

— Мы десять лет доверяли друг другу, и ни я, ни мои барды не дали повода усомниться в нас. До тех пор, пока недавно его не попытались через нас подставить, — Дарита опустила глаза и вздохнула. — Теана не просто так покинула свой пост, мы с Лисом ей... помогли. О чем теперь, кроме нас, знаете только вы.

— И что мне с этим знанием делать?

— Иметь в виду, если я внезапно исчезну, — мрачно пошутила она. — Мне нужно время, чтобы найти предателя, и я прошу вас проследить за Лисом. Он обратится к вам, других беспристрастных людей в Лангрии и Шинте больше нет, а в столицу он не поедет.

— Вы боитесь, что он убьет и вас, как было с предшественницей, — догадалась Ная, не понимая, впрочем, откуда такой вывод. Ничто из того, что она слышала в их разговоре, не давало повода думать, что Лис затаил какую-то обиду на Дариту лично. Или он возвращался позже? Но в чем логика? Или Дарита просто себя накрутила, помня о незабываемых годах сотрудничества? Ее ребят явно не в кабаках посылали выступать. — А моей жизнью рискнуть не жалко.

— Вы известны своей позицией оставаться в стороне от дел Домов.

— И как это должно меня обезопасить?

— Отсутствием подозрений в сговоре.

— Вы так уверены, что я непричастна? Никто не знает, чем я занимаюсь и с кем встречаюсь, даже Лу известно не все, — заметила Ная, барабаня пальцами по столешнице. — И почему в этом должен быть уверен Лис?

Он не заподозрит, можно не сомневаться — хотя бы потому, что злосчастное письмо читали вместе, вместе находились у поместья лорда Мейсома и вместе же столкнулись с верзилами из тайной стражи. Не говоря уже о том, что если бы Ная была заинтересована в его смерти или компрометации, то узнала и вцепилась бы обеими руками еще в Квинсе, а не пыталась отвязаться от незнакомого бродяги. Но чтобы утверждать об этом, надо иметь представление о событиях последней недели.

Убежденность же в лояльности Лиса к незнакомому барду после столь неприглядной истории выглядела несколько наивной и мало подходящей главе Дома. Ная бы в такой ситуации не доверяла никому, особенно если он действительно так опасен, как говорит Дарита.

— За человека всегда говорит репутация, — отвлекла Наю от размышлений Дарита. — Она зарабатывается не один год, и я не верю, что кто-то готов принести ее в жертву ради раскачивания спокойствия в городе, в котором сам живет. Его высочество Крейг не беззащитен, как привыкли считать недоброжелатели, но без приятеля, взявшего на себя все неприглядные дела, потеряет многое. Если обставить все со скандалом и покушением на убийство, равновесие в городе пошатнется. Хорошая возможность для короны прибрать к рукам беспокойный регион, мешающий, как кость в горле.

— Хорошо. И все же что в итоге хотите от меня?

Выводы были закономерными и логичными, вот только звучали так, как будто ими пытались задурить голову, снова отвлекая от сути.

— Не отказывайтесь от заказа Лиса, когда он придет, проследите за ним и постарайтесь не дать залезть в дела бардов. Я заплачу столько же, сколько даст он... про благодарность шинтийского Дома не стану даже говорить, она будет безгранична. Этим дадите мне время и, — голос Дариты неожиданно стал почти ласковым. — Поможете ему. Моего отношения к нему не изменит даже то, если он решит обвинить меня в чужих грехах.

— Неожиданное отношение к человеку, которого боитесь.

— Мы знакомы десять лет. На моих глазах растерянный мальчик превратился в мужчину, способного вывернуться из любой ситуации. Сложно просто так об этом забыть, — грустно улыбнулась Дарита, окончательно сбив с толку Наю.

— Есть еще кое-что, — она тряхнула головой, пытаясь собрать обратно разбежавшиеся мысли. Послушать о теплых воспоминаниях молодости — дело хорошее, но сейчас исключительно неуместное. — Возможно, поможет в поисках. В Квинсе кто-то из бардов с неделю назад ночью ходил... хм... на охоту вокруг трактира в центре. По пути к границе

встретила еще одного, но не уверена, того же или нет. Похоже, оба кого-то искали.

— Значит, направляясь в Верну, — задумчиво сказала Дарита и, оживившись, подхватила со стула. — Интересная информация. Я прошу прощения, но...

— Идите, конечно, — разрешила Ная, а когда за ней захлопнулась дверь, уперлась локтями в стол и со вздохом обхватила голову руками. Ночное предчувствие не обмануло: встреча действительно создала только больше проблем.

Оставшееся до визита принца время Ная провела, завалившись на кровать в своей комнате и заперев дверь. Ей настоятельно требовалось осмыслить разговор с Даритой, но ни за весь путь от кабака до кабака, ни за полчаса созерцания висевшей под потолком картины никаких ценных мыслей не появилось. Кроме одной: ее пытаются втянуть в темную историю, которая не закончится хорошо. Сильные мира сего выплывут и достигнут своих целей, бросив исполнителей тонуть в разведенном болоте недомолвок и интриг.

С другой стороны... а был ли у нее вариант остаться в стороне? Все ведь началось не с предложения Крейга или Дариты встретиться — незнакомый бард ходил кругами около трактира даже не в этом королевстве! Чаща хрупкого мира балансировала на лезвии ножа, и достаточно всего пары капель, чтобы она сорвалась и разлетелась вдребезги.

Если в чем Дарита и права, так это в том, что любой несчастный случай с принцем скажется на мирной жизни обычных горожан Лангрии. За примером далеко ходить не надо — всего в сутках пути в окружении сожженных деревень находится многострадальная Шинта, судьба которой подвисла на тонкой нити. Так или иначе, трагедия с лордом Мейсомом скажется на всех жителях — приграничье, активная торговля с Даргией и единственный путь вглубь Верны, любые изменения повлияют на привычный уклад.

Но ведь можно и не вмешиваться! Дернуло ее назваться бардом, никто ведь не предупреждал в семнадцать лет, что помимо прочего ее ждет еще и политика... Может, а ну его все? Оттереть лицо, выкинуть парик и уехать, Верной мир не ограничивается. Да хотя бы вернуться на Инеистые острова, север не так мал, а Стормгрит и вовсе один из крупнейших городов. Стать не бардом, а скальдом, подобрать себе национальный костюм и превратиться в еще одну экзотическую диковинку, как тетушка Арна, развлекающая народ гаданием на рунах. А дворцовые перевороты пускай случаются без нее.

Ная перевернулась на бок, обняла вытянутую из-под головы подушку и поджала ноги.

Да, точно — сбежать, а потом краем уха слышать о том, как ломаются судьбы людей, решивших обратиться к ней за помощью и ничего плохого лично ей не сделавших. Знать, что кто-то снова тонет во мраке и находится в одном шаге от черты, за которой начинается безумие. Видеть, как в агонии переплавляется целое королевство, и неважно, повлияло бы ее участие хоть на что-то или нет — она этого даже не узнает, если сдастся и не попробует.

Бросить на растерзание грядущим переменам друзей — Лу, Дорга, всех близких и просто хороших людей. Начать с чистого листа, убеждая себя, что в прошлом не осталось ничего ценного.

Так проще, легче, безопаснее — но совершенно невыносимо будет жить с осознанием, что могла помочь и не стала. Испугалась и спряталась в норку. Да, никто не обвинит в малодушии и трусости — война совсем не ее, но собственную совесть этим не убедишь.

Даже Дарита боится, но бьет лапками по сливкам, в которых тонет.

Ная выдохнула и разжала судорожно стиснутые на несчастной подушке руки. Нет, так просто она не сдастся.

Хотя раз уж вспомнила Арну с ее гаданиями... Говорят, тетушка, обладая сильным даром, отказалась становиться вельвой — якобы заглянула в будущее и увидела, что ее судьба связана не с этим. И, тем не менее, провидицей она была неплохой, а костяные фишки с рунами ощущала как часть себя, научив Наю гадать и собрав для нее собственный комплект. Мастерства Арны Ная так и не смогла достичь, но кое-как разбираться в знаках научилась.

Кажется, сейчас именно тот момент, когда даже скромный совет от высших сил придется кстати.

Она подвинулась к краю кровати и, сунув руку в стоявшую рядом тумбочку, нащупала холщовый мешочек с пятьюдесятью прямоугольными костяными фишками с вырезанными на них рунами. Арна обычно настраивалась на гадание, заваривая настой и зажигая свечи, но глубокое предсказание и не требовалось, а времени на ритуалы не было.

Пальцы одну за другой достали из мешочка три фишки, сложив их рядом друг с другом. Ная глянула на получившийся расклад и вздохнула: проводник, пустота, привратник. Нельзя гадать на ведьм, тем боле самой на себя — попросту бессмысленно, руны улавливают связь с Аангремом, ее и показывают. Спрашивать об Арне было бы вообще бесполезно, руны бы просто не дались в руки, фишки бы выскальзывали, кроме одной, абсолютно чистой, которая попадалась только для тех, чей путь неопределен или окончен, как у мертвецов. Или соблюдающих все предосторожности ведьм.

В дверь постучали, и Ная поспешила смахнуть расклад обратно в мешочек. Не то, чтобы кто-то здесь начал задавать вопросы, но даже перед Лу открывать все свои умения не хотелось. Толку-то от них...

— Его высочество прибыл, — негромко сказала Луиза, деликатно не пытаясь ломиться в комнату, да и такое поведение недостойно графини. — Надеюсь, ты не передумала.

— Нет, — Ная встала и решительно повернула ключ в замке. — Идем.

Чего ждать от встречи с принцем, Ная не знала и на всякий случай готовилась к худшему — расшаркиваниям, разговорам полунамеками и снисходительному отношению, которое часто встречалось у людей знатного происхождения. Этикетом она владела и держаться в обществе умела, но от всей души не любила и старалась без необходимости в высший свет не лезть. Лу, впрочем, была спокойна, как будто ей предстоял деловой разговор не с лордом Лангрии, а музыкантом, решившим выступить в кабаре.

Вопреки опасениям, Крейг производил приятное впечатление человека, не заикнувшегося на придворных условностях. Он расслабленно сидел в кресле в кабинете Луизы и листал одну из книг, которую она имела привычку забывать в самых неожиданных местах, а в обычной рубашке с подвернутыми рукавами вместо строгого мундира и с неаристократически короткой стрижкой больше походил на рядового сотрудника одного из городских департаментов.

Говорят, его отец — великий приверженец этикета, не терпящий вольности при дворе. Ная искренне понадеялась, что изгнание никак не связано с внешним видом непокорного сына, иначе это была бы самая абсурдная междоусобица в мировой истории.

Услышав, что дверь открылась, Крейг отложил книгу и поднялся, приветствуя; Лу ему улыбнулась и, игнорируя правила приличия, устроилась за своим столом.

— Гильрани, бард, — коротко представила она, указав на Наю. — Его высочество герцог Лангрийский.

— Можно по имени, — сказал он, снова садясь. — Так удобнее, если будем сотрудничать. Рад знакомству.

— Взаимно, — Ная опустилась в свободное кресло. — Вы уверены, что я соглашусь? Пока даже не знаю, зачем понадобилась, Луиза не расщедрилась на подробности. Кстати, зачем?

— Вы слышали о событиях в Шинте? — Крейг вопросительно посмотрел на нее и, получив в ответ кивок, продолжил, сложив пальцы домиком. — На днях начинается праздник осени, и я буду вынужден дать несколько приемов для знати и присутствовать на традиционном городском пикнике. В то же время опасаясь, что для меня они могут быть небезопасны. Менее значительные мероприятия я могу проигнорировать или показаться один раз за вечер, но не эти. Не хочется давать людям повод для слухов нарушением традиций.

— У вас нет человека, отвечающего за безопасность? Личной стражи? Почему вы тогда до сих пор живы и в своем уме?

— Стражи недостаточно — они простые люди, пусть и неплохо обученные. Куда эффективнее работать с бардами, но человек, имеющий на них выходы, пропал сам и уже несколько месяцев не давал о себе знать, — в его голосе послышалась досада, а вот в эмоциях ее отчетливо затмевало беспокойство. Любопытно. — Рисковать, обращаясь в Дом напрямую, я не стану. Нет уверенности, что смогу им доверять.

— Мне доверяете, значит?

— Обратиться к тебе посоветовала я, — вмешалась Луиза, крутя в руках выдернутое из подставки чистое перо и ощутимо нервничая. Еще бы! Зная, что Ная не любит вмешиваться в политику и едва ли останется в восторге от такой затеи, предложила ее услуги принцу.

В другое время стоило бы на нее разозлиться — на репутацию, о которой говорила Дарита, влияют в том числе и принципы, которых человек придерживается или нет; начини братья за все подряд, и обращаться станут с любой грязью. Но сейчас это даже на руку, удачно вышло — можно сделать исключение и поступиться принципами, если принц готов заплатить. Не только деньгами, но и информацией, известной лишь ему.

— Луиза вызывает меньше сомнений, чем хозяйка шинтийского Дома? Или любого другого.

— Она не давала повода думать плохо.

Ная хмыкнула. Большинство горожан знали Лу и то, что к ней можно обратиться не только ради выступления или приятного вечера, но этого мало для настолько безусловного доверия. Дарита тоже известна и, судя по всему, работала на принца, пускай и через Лиса, но ей Крейг отчего-то не спешил верить.

— Пусть так, это не главное, — Ная закинула ногу на ногу и сложила на колене пальцы. С точки зрения этикета такой жест, как и занятое без разрешения кресло, был вопиющим нарушением, но барды славились своим вольным обращением к заказчикам и отсутствием пиетета перед властью имущими и родовитыми. Те, кому требовалось учтливое общение, обращались не напрямую к исполнителю, а к главе Дома. — Что именно от меня требуется?

Все это — своеобразная проверка для принца, решившего уладить свои дела самостоятельно и без посредников. Пока, впрочем, он держался достойно и не пытался устанавливать свои порядки; логично — Лис наверняка рассказывал ему о бардах хотя бы для того, чтобы согласовать действия.

— Сопровождать меня и наблюдать за людьми. Если чье-то поведение начнет

выделяться, станет необычным — сразу сообщит мне. К тому же, — Крейг неожиданно усмехнулся. — Одного присутствия барда рядом будет достаточно, чтобы не лезли лишний раз. Для обычных гостей вы будете выглядеть менее подозрительно, чем обвешанный оружием охранник, а те, кто думал воспользоваться отсутствием моего человека, поймут намек.

— И если все-таки рискнут убить вас, первым делом достанется мне, — вскользь заметила Ная и, не дожидаясь ответа, прямо сказала. — Плата будет больше.

Лу выразительно округлила глаза и кашлянула — наверняка успела договориться о цене заранее, а то и наобещала скидку; принц же отреагировал куда спокойнее, только спросил:

— Что вы хотите?

— О деньгах вы наверняка договорились с Луизой, — Ная едва удержалась от соблазна показать подруге язык, но это было бы совсем по-детски. — Сегодня уже упомянули вашего... хм... специалиста по работе с бардами. Если не ошибаюсь, речь идет о Рое? Мне нужна информация о нем.

— Какого рода? — Крейг очень старался, но владел собой определенно не так виртуозно, как Лис. Внешнюю невозмутимость ему удалось сохранить, зато отчетливо ощущались смятение, растерянность и беспокойство. Идя на встречу, он наверняка рассчитывал, что дело ограничится сотней крон, а переговоры благодаря посредничеству Лу пройдут как по маслу.

Вот только свой интерес был не только у его высочества, и к этому он оказался не готов.

— Кто он такой? — Ная встала и, обойдя кресло Крейга, устроилась за ним, положив ладони на спинку.

Лу совсем зашлась в кашле, а градус напряжения в кабинете ощутимо и резко скакнул, Ная едва сумела устоять на ногах, но так даже лучше. Выведенный из равновесия человек всегда говорит больше и тщательно следит за словами, когда контролирует эмоции.

Главное, не показать, насколько самой страшно начинать эту игру.

— Спросите у него, — предложил принц, запрокинув голову и спокойно глядя на нее снизу вверх. — Если найдете.

— Он талантливо уходит от ответа.

— Чужие тайны я выдавать не стану. К чему такой интерес? Спросите о другом.

— Понимаете, пару часов назад я встречалась с госпожой Даритой, — Ная отошла от кресла, прислонилась к столу, скрестив ноги, и почти сразу получила ощутимый тычок в спину — Лу выражала крайнее недовольство. — Она рассказала о нем много занимательного, и я теперь в раздумьях. Стоит ли переходить дорогу человеку, которого боится глава шинтийского Дома? Не хочется, чтобы меня зарезали где-нибудь в подворотне.

— Не все, что говорят о человеке, делает он сам, — пожал плечами Крейг.

— Обманка?

— Удобно, когда боятся кого-то одного. Уверен, никто не заблуждается относительно наличия у меня тайных служб — они имеются у каждого участника политических игр. Однако признавать их наличие не всегда хорошая идея, более того, противоречащая смыслу слова «тайная».

— Всех собак спускаете на одного человека?

— Именно, — одобрительно кивнул Крейг. — В свое время вариантов, кому я мог безоговорочно верить, было немного. Я сам для этой роли не подходил, правитель-деспот не съест народной поддержки, настолько прописные истины очевидны даже в восемнадцать

лет. Рой тоже это понимал и понимает до сих пор.

— То есть весь зловещий ореол вокруг него, — Ная нарисовала в воздухе круг, повела ладонью, словно собирая в кулак, и разжала пальцы, показывая пустоту. — Простая мистификация? А за всеми темными делами стоит тайная служба?

— Не только. Мне тоже доводилось совершать многое, что могло бы навредить моей репутации, от его имени, — сдержанно улыбнулся Крейг, и от простоты, с которой он это сказал, стало не по себе.

— Дарита напрасно его боится?

— То, что его именем прикрываются другие, не значит, что Рой невинная жертва обстоятельств, — уже серьезно пояснил он. — На нас приходится только треть сделанного, остальное полностью его заслуга. Надеюсь, мое откровение удовлетворило ваше любопытство?

— Да, — после паузы ответила Ная, передернув плечами. Ей хотелось как можно скорее завершить разговор и остаться в одиночестве, чтобы подумать, но что-то подсказывало, что удастся не скоро — больно гневно пыхтела за спиной Луиза. — Я готова сотрудничать. Признаюсь, не ожидала.

— В конфликте с отцом мы близки к переломной точке, после которой или установится мир, или Верну захлестнет войной. Настал момент, когда каждый должен держаться за всех союзников, искренность для этого подходит как нельзя лучше. Мы и так многого лишились после гибели графа Мейсома.

— Подождите, — Ная жестом остановила Крейга и нахмурилась. — Лорд Мейсом был лоялен королю.

— По мнению общественности. Открыто поддерживать мятежников он не мог, но снабжал подробной информацией о происходящем в столице и настроениях при дворе и в дворянском собрании, — ответил он, поднимаясь, и вздохнул. — Не представляю, что нас ждет дальше. Макс — неоперившийся птенец, которым будет крутить в своих интересах любой встречный.

— Беспокойтесь, что он не справится?

— Графиня Авильон, бесспорно, прекрасная женщина, но по происхождению иностранка, и ее авторитет при дворе не так высок, а из сына она воспитала человека высшего света, не владельца графства. При всей симпатии к Максимилиану, я предпочту видеть лордом Шинты его родственника, даже если случится это через пять лет, — решительно сказал Крейг и вежливо склонил голову, прощаясь. — До встречи, госпожа Гильрани. Надеюсь, увидеть вас послезавтра на приеме в резиденции.

— Я провожу, — Луиза поднялась с кресла и ловко подхватила принца под руку, но у самой двери обернулась на Наю и гневно чиркнула большим пальцем себе по горлу, одними губами пообещав серьезный разговор вечером.

Полчаса спустя Дорг с самым заговорщицким видом поделился, что Лу велела подать карету и уехала вместе с принцем в его резиденцию. Ная ехидно заметила, что ее сиятельство явно всячески утешает принца после встречи с редкостной нахалкой и домой вернется не скоро, но пояснять разочарованной публике в лице приятеля ничего не стала, после чего они замечательно скоротали вечер за игрой в карты. Жульничали по мере сил оба, так что призовую бутылку, разнообразия ради купленную в соседней лавке вскладчину, распили, не отходя от стола.

— У меня такое чувство, что мое кабаре превратилось в банальный каба́к, а мои сотрудники окончательно пропили последний разум, — Луиза раздраженно кинула на стол перчатки и, подняв недопитую бутылку, всунула ее в руки выглянувшей на шум служанки. — Унеси с глаз. Мне надоело, что вы разоряете мои же запасы, и если еще раз увижу, повыгоняю обоих!

— Кто-то сегодня в плохом настроении, — Ная благодушно посмотрела на нее. — Вообще-то мы всегда оплачиваем, так что не велики убытки, а в этот раз честно купили. К тому же я на тебя не работаю, а...

— Ты! — забыв о всяком воспитании, Лу по-простому ткнула ее пальцев в плечо, после чего тем же пальцем указала в сторону лестницы. — Ко мне. Живо.

— Удачи, — шепотом пожелал Дорг, но под тяжелым взглядом стушевался и разом вспомнил про разобранные карты и неубранную посуду.

Ная же медленно встала и, не торопясь, пошла наверх, умудряясь загородить собой всю лестницу, чтобы Луиза не смогла подняться первой, а в кабинете нахально развалилась в кресле за ее столом.

— Я вас внимательно слушаю, графиня, — вальяжно сказала Ная, подражая некоторым неприятным чиновникам с завышенным самомнением, с которыми ей доводилось встречаться. — С чем пожаловали? Не стойте, присаживайтесь.

— Ах ты бессовестная, наглая, распустившаяся... — подобрать приличного определения подруга не смогла, а до совсем уж ругани опускаться как всегда сочла выше собственного достоинства, и ограничилась тем, что с силой хлопнула дверью. Бедный Дорг наверняка устрасился еще больше и кинулся сам мыть зал.

— Что, его высочество остался недоволен?

— Нет, — нехотя призналась она, присаживаясь в кресло.

— Тогда о чем речь? Если он не совсем идиот, то понимает, что барды далеко не покладистые котята, которые на задних лапках скачут вокруг титулованных особ, и другое поведение вызвало бы гораздо больше вопросов. Если все же идиот, могу только посочувствовать. Нам.

— У любого человека должно быть чувство меры! Ты не с глубоко провинциальным бароном разговаривала, который выбирается из своего захолустья в свет раз в три года!

— Если так подумать, относительно столицы и Лангрия то еще захолустье.

— Заканчивай балаган, — резко одернула Лу, стукнув ладонью по подлокотнику.

Ная, затрепетав от такой суровости, еще и ноги на стол закинула.

— Ная, — подруга потеряла лоб и, не сумев усидеть, встала, прошла по кабинету, остановившись, наконец, у стола. Оперлась о него руками и холодно сказала. — Это не интрижка двух аристократов, пытающихся доказать друг другу свою значимость. Пусть кто-то называет игрой, но ставка здесь — не домик на побережье и не бутылка вина. От жизни одного человека зависит будущее Лангрии, если не всей Верны. И, дорогая, позволь напомнить, еще вчера ты выражала готовность к сотрудничеству и громко заявила о том, что пересмотрела политические убеждения.

— Я согласилась только на встречу и не обещала, что кинусь закрывать его грудью. А ты, я погляжу, решила пойти по стопам брата? Проснулась семейная страсть управлять судьбами мира?

— Во мне проснулось здравомыслие! Если что-то зависит от меня, я разобьюсь, но сделаю. И очень надеялась, что ты разделяешь мои убеждения и представляешь из себя нечто

большее, чем простая любительница денег!

Ная скрипнула зубами. Ссора вышла какой-то пустой и ненужной, но остановиться не получалось — слишком задели за живое упреки в том, что она устроила представление. Да, устроила. Только Лу отчего-то упрямо не хотела признавать, что это нормально, как будто дело касалось ее лично, а не заказчика, пусть и титулованного. В конце концов, она и сама неплохо юлила и прекрасно знала, когда следует нарушить правила приличия, чтобы достичь результата.

— Извини, — кое-как подавив лезущий на язык и совершенно неуместный вопрос о том, не связан ли такой интерес Луизы с тем, что Крейг молод и привлекателен, тем более для столь же молодой графини со схожей жизненной драмой, выдавила из себя Ная.

Ляпни это, и разругались бы всерьез и надолго — Лу всегда оставалась верна в первую очередь делу, иногда до абсурда пренебрегая собственными интересами. Пожелай она кого-то соблазнить, наверняка бы первым делом убедилась, что вокруг нет нуждающихся в ней, а из-за угла не выпрыгивают конкуренты, только и ждущие возможности отобрать кабаре.

— Но я все равно не понимаю, что тебя так разозлило, — Ная убрала ноги со стола и выпрямилась. — Сама говоришь, у принца претензий нет, он всем доволен. Тогда в чем проблема?

— В том, что ты задаешь опасные вопросы. Если тебе это было так необходимо, надо было прежде обсудить со мной!

— Ты бы запретила, — убежденно возразила она. — А информация мне нужна. Ты, зная мою нелюбовь к политическим распрям, подкинула Крейгу идею обратиться ко мне, а из его слов я поняла только то, что меня пытаются втянуть в какую-то темную игру.

— Не стану отрицать, — вздохнула Лу и спросила с таким отчаянием, что оно наверняка сбило бы с ног, если бы Ная не сидела. — Но какое отношение к делу имеет этот... Рой? Его полгорода знает, но никто — по имени. Зовут милордом или еще как-то... Опасный человек.

— Дарита просит ему помочь, когда он к нам обратится. Не стоит? — задумчиво спросила Ная, толкнув по столу мелкую безделушку в виде литой птицы размером с полпальца.

— Я не боюсь запачкать руки и при необходимости поступить бесчестно, — Луиза успела поймать проскользившую до самого края птицу и вернула на место, причем с таким видом, как будто сейчас не было ничего важнее. — Но с кем бы точно не связывалась, так это с детоубийцей.

— А вот с этого места поподробнее, — оживилась Ная и подалась вперед. — Про такое злодеяние я еще не слышала.

— Ты наверняка знаешь, что ее величество Марон с трудом пережила произошедшее с ее детьми. Смерть дочери, вечные обвинения сына в государственной измене, а потом и вовсе изгнание... Неудивительно, что она несколько, хм, утратила связь с реальностью, — возвращаться в кресло Лу не стала и сама по-простому села на стол. — Не знаю, верны ли слухи о ее сумасшествии, но она стала затворницей, избегает светских мероприятий, а встретить королеву можно разве что в родовом поместье на побережье, где она лечится.

История вышла гадкая, но объясняющая неприязнь Луизы. Сумасшедшая королева о детях больше не желала слышать, да и возраст уже не позволял родить здорового ребенка, а с единственным наследником династии король разорвал всякую связь, едва ли не отрекшись от него. Возможно, и вовсе бы настоял на том, что Крейг не его сын, но внешнее сходство не

оставляло сомнений: в отличие от сестры он пошел в отца.

Родной сын в опале, законная супруга замкнулась в себе, и король, выдержав положенный для траура срок, задумался о поиске фаворитки. Ей стала юная Лика, молодая наследница разорившегося рода, подарившая королю официально признанного им бастарда.

Впрочем, надежды династии не продлились долго. За годы междоусобицы в королевстве повылазили несколько партий, настроенных на радикальную смену власти — их не устраивали ни Крейг, ни бастард. В Лангрии на принца было совершенно несколько неудачных покушений, а вот Лике и ее ребенку повезло меньше. Убийцы поджидали их во время конной прогулки, сумев из засады арбалетами снять большую часть сопровождающей охраны. Оставшиеся дали отпор, но нападавшие взяли числом.

Пока шел бой, Лика с пятилетним сыном попытались бежать, но в лесу наткнулись на правую руку его высочества Крейга. Скрылись от одних злодеев, чтобы в итоге попасть в лапы к другому.

— Во всем этом много вопросов, — Ная жестом прервала рассказ Лу. — Если Лика с мальчиком мертвы, то с чего ты взяла, что их убил именно Рой?

— Ей удалось спастись, — пояснила Луиза. — Неподалеку от места проезжал мелкий лангрийский аристократ, который опознал в нападавшем помощника Крейга, спас девушку и позже дал показания в суде.

— То есть того, как Рой убивал ребенка, он не видел?

— Это видела Лика.

— Она так сказала судье?

— Она все рассказала на первом допросе, находясь на грани истерики, а потом и вовсе пропала, — тяжело вздохнула Лу. — Поговаривают, ее убили.

— Звучит как отличная пропагандистская история, — хмыкнула Ная и принялась загибать пальцы. — Надежных свидетелей нет, потерпевшая исчезла в неизвестном направлении, зато имеется труп убитого ребенка и очень жалостливая история про то, какие в Лангрии плохие люди, раз не чураются подобных методов. С чего ты вообще взяла, что Рой там был?

— Это признал Крейг, но сказал, что этот... Рой занимался устранением членов той агрессивной партии. Про то, что там окажется и Лика, он не знал, и к убийству ребенка не имел отношения.

— К слову, смерть сводного брата на руку принцу. Ты ему веришь?

— Так же, как и он мне, — Лу отвернулась и с ошутимой неохотой сказала. — На самом деле мы давно знакомы, только каждому встречному знать об этом необязательно.

— И ты веришь, что он не причастен, но не веришь, что его помощник невиновен? — Ная раздосадовано пихнула ее кулаком в бок, но заострять внимание не стала. Пока. — Я вижу противоречие.

— Рой, или кто он там... не цепной пес и в том числе сам принимает решения, насколько мне известно. К тому же голову того аристократа одним морозным утром нашли пришпиленной кинжалом к двери его дома... Ты знаешь его фамилию?

— Чью, аристократа? Да я про него первый раз сейчас услышала.

— Нет, Роя. Имя кажется очень знакомым.

— Да откуда? — удивилась Ная. — Я и имя-то случайно... Если тебе это поможет, он тот самый друг, который с Крейгом бежал из столицы, принц тебе не рассказывал?

— Нет, — Лу резко развернулась, сбив на пол письменный прибор и опрокинув на

подол чернильницу, но даже не заметила расплзающегося пятна; почти улегшись на столе, схватила Наю за плечи и требовательно спросила. — Ты точно уверена?

— Да точно, отпусти. Зачем на людей нападать-то? Ты знаешь, кто он?

— Если это правда, я догадываюсь, и это... они... о, проклятье, это же катастрофа, — плечи Луиза отпустила, почти тут же схватившись за голову. — Мне нужно к Крейгу.

— На ночь глядя? А мне рассказать не хочешь?!

— Сначала поговорю с ним, — она вскочила, едва не запутавшись в платье и не растянувшись на полу, и кинулась к двери, каким-то чудом не сбивая обстановку.

— Переоденься хотя бы, — вслед ей обреченно пробормотала Ная, переворачивая пустую уже чернильницу. Ничего, подруга в прямом смысле ушла от разговора сейчас, но из своего родного кабаре никуда не денется, а сведения и не из таких вытаскивала.

Ночью Нае снова приснился Аангрэм, но теперь долина была наполнена бесплотными тенями, хаотично перемещавшимися вокруг высившихся среди снега врат, рядом с которыми стоял Тольд. Великан сосредоточенно вылавливал тени, направляя их в нужном направлении, и на Наю не обращал внимания. В конце концов, закружившийся серый вихрь утянул и ее, оглушив гомоном десятков голосов, и проснулась она с гудящей головой и в подавленном настроении.

Шум, впрочем, никуда не делся: даже сквозь запертую дверь пробивались доносящиеся с первого этажа крики — и Ная, спешно одевшись, почти бегом спустилась вниз, едва не навернувшись с последней ступеньки. Кто знает, вдруг случилось что-то неприятное, и Луизе понадобится ее помощь.

Она ожидала увидеть что угодно, от налета бандитов и недовольного гонораром музыканта до скандального булочника из соседней лавки, но точно не сдвинутые в центр зала столы, сдернутый занавес, кучей сваленный на сцену, и не снующих вдоль стен незнакомых людей. Наблюдал за творящимся безобразием Дорг, время от времени с отчаянным видом кидавшийся наперерез кому-то из людей, грудью закрывая столы, чтобы их не начали двигать по углам.

— Что происходит? Выглядит как конец света.

— О, ты проснулась. Нет-нет, не кладите картину на пол, давайте лучше сюда, — он подхватил и прижал к себе небольшой пейзаж с видами Лангрии в объемной раме. Изображенный на картине сюжет, возможно, не отличался оригинальностью — самая обычная улица, которую можно было каждый день видеть из окна — но она принадлежала кисти известного художника, была подарена им на открытие кабаре и тщательно оберегалась всеми сотрудниками.

— Так все-таки? — Ная не нашла стул, не заваленный вещами, и села прямо на стол.

— Крейг захотел последний осенний прием провести у нас. Бал, конечно, мы не потянем, места не хватит, так что пусть отдуваются слуги его резиденции, но развлечь аристократов сможем. Не знаю, чего там ее сиятельство наобещала вчера вечером принцу, но сегодня он прислал ребят для обновления интерьера к празднику и даму для руководства ими. Кстати, познакомься, — Дорг с трепетом положил картину, сбегал в подсобку и вернулся с девушкой, которую Ная уже видела в доме Лиса. — Таша, организатор мероприятий принца.

— Церемониймейстер, если точнее, — вежливо улыбнулась она. — Вы, должно быть, Гильрани, бард, о котором говорил его высочество?

На Наю Таша смотрела вроде бы дружелюбно, но взгляд ее был цепким и оценивающим, больше подходящим сотруднице службы безопасности, чем распорядителю церемоний. Впрочем, ничто не мешало ей совмещать; это должно быть удобно, нет необходимости привлекать еще кого-то, и отчасти бы объяснило ее нахождение в доме Лиса-Роя. Может оказаться, что она подчиняется напрямую ему и приглядывает за домом в отсутствие хозяина, чтобы не бросать на растерзание недоброжелателям, которые наверняка захотят сунуть нос в чужие секреты.

— Да, я.

— Он просил передать приглашение на завтрашний прием, — Таша достала из

закрепленной на поясе сумочки плотный запечатанный конверт и протянула Нае. — Будет неловко, если вас развернет стража от двери.

Ная повертела конверт в руках. Хорошая бумага, тиснение, оттиск личной печати принца на сургуче — не той, которая стоит на документах государственной важности, но все же хорошо известной дворянству и используемой для личной и полуофициальной переписки.

— Его высочество просил прийти раньше хотя бы на полчаса, чтобы вы находились в зале, когда начнут появляться первые гости.

Это становится интересно. Крейг мог передать приглашение и наставление вечером через Луизу, но отчего-то предпочел сделать это через церемониймейстера. Будь Ная рядовым гостем, вопросов бы не возникло, обычная практика, но на приеме она будет не развлекаться, а работать, о чем должно знать ограниченное число людей, иначе теряется всякий смысл ее присутствия.

Принц назвал Таше ее имя, наверняка посвятил в какие-то, пусть и не все, детали, отправил с поручением... она настолько приближена, хм, ко двору, что знает о плетущихся там интригах и пользуется доверием?

Любопытно, но очень, очень опасно — идею ненавязчиво расспросить ее стоит пока забыть. Если Ная не ошиблась в выводах, то Таша правильно поймет интерес к ее персоне со стороны барда — она же южанка и, даже если сама не владеет способностями, уловку распознает. Хуже всего, что ее поведение невозможно предсказать — служанка, даже очень внимательная и недоверчивая, рано или поздно бы разговорилась с в меру участливым собеседником, любовница тем более, а вот сотрудница службы безопасности болтать совершенно точно не станет.

— Спасибо, — кивнула Ная и спрыгнула со стола. Как бы ни было интересно посмотреть, во что превратится зал, в первую очередь стоило выяснить у Лу, насколько она в курсе происходящего, и речь не только о смене интерьера.

Луиза обнаружилась безмятежно валяющейся в кровати в своей комнате с книгой в руках. Несмотря на довольно позднее утро — часы в зале показывали начало одиннадцатого — она не спешила приводить себя в порядок, оставаясь в домашнем платье и с распущенными волосами. На ворвавшуюся без стука подругу Лу посмотрела осуждающе и со вздохом отложила книгу, явно распрощавшись с планами мирно провести первую половину дня, отдав кабаре на растерзание принцевым служащим.

— Что успело тебя так взволновать прямо с утра?

— Ты знаешь про приставленного к нам соглядатая? — Ная махнула все еще зажатым в руке конвертом в сторону лестницы и бесцеремонно села на край кровати.

— Ты о церемониймейстере? Да, — Лу недовольно поджала ноги. — Для каждого официального мероприятия есть свой протокол. Таша займется оформлением кабаре и проследит, чтобы все соответствовало статусу... в том числе поведение моих сотрудников, так что будь добра, перенеси ваши посиделки с Доргом хотя бы в комнату, а лучше в кабак.

— И у тебя нет ощущения, что основное ее назначение — надзирать за нами? Доверяй, но проверяй, а?

— Не могу отрицать. Мне это не нравится, но в нынешней ситуации ждать чего-то другого... У Крейга есть свои люди, не только твой загадочный детоубийца, естественно, что он заботится о своей безопасности. Тем более, сколько я помню, Таша всегда находилась при дворе Крейга с момента его, хм, ссылки.

— Ты же сама распиналась, как он тебе доверяет и как давно вы знакомы.

— Я всего лишь владелица кабаре, а не агент тайной службы. Мое дело — развлекать людей и иногда торговать информацией и твоими услугами, но никак не прикрывать спину, — улыбнулась Луиза, но встретилась взглядом с Наей и уже серьезно сказала. — Начинаю подозревать, что не стоило тебя втягивать. Ты доходишь до паранойи, еще немного — и выдашь теорию заговора.

— Я этого не говорила. Но мне придется работать с незнакомыми новыми людьми, и от моих действий будет зависеть не только мой гонорар. Судьба всей страны и все такое, о чем мне говорят все окружающие. Имею же я право знать хоть что-то о своих напарниках, что от них можно ожидать и каков предел доверия ко мне лично!

Лу снова вздохнула, откинула одеяло и, сев рядом, взялась за расческу, так и не ответив и полностью сосредоточившись на спутавшихся за ночь волосах.

— Не поможешь с косой? Самой плести неудобно, а сегодня меня ждет много работы, не подразумевающей легкомысленную прическу, — попросила она, протягивая расческу и поворачиваясь боком.

Ная покорно прикоснулась к волосам, разделяя их на пряди. Делать высокие изящные укладки она не любила и не умела, но заплетать традиционные для Инеистых островов косы научилась мастерски, что на себя, что на других, чем иногда бессовестно пользовалась Луиза. Да и для выступлений оказывалось полезным, добавляя северного колорита в образ.

— Мне, кстати, недавно предложили взять псевдоним — Вельва. Как думаешь?

— Красивое слово. Оно что-то значит?

— Если упростить, то так называют ведьм на моей родине. В некотором смысле.

— Иронично, — признала Луиза, поморщившись, когда Ная неосторожно дернула за прядь. — Надо обдумать.

— Мне нравится, так что подумай, — Ная кончиками пальцев дотянулась до столика, подцепила ленту и завязала конец косы. Она бы и так не распустилась, Лу повезло с волосами, мягкими и покладистыми, но это бы добавило небрежности в облик, чего графиня себе позволить не могла. — Так что насчет соглядатаев и всех остальных? Ты в курсе, что Таша живет в доме Лиса... в смысле, Роя?

— Ты точно уверена, что дом его? — нахмурилась Лу и тут же одернула себя. — Если они оба работают на Крейга, в этом нет ничего удивительного.

— Абсолютно. Хочу покопать о ней информацию, разрешаешь? А то только вчера отчитывала за это.

— Только, умоляю, очень осторожно, не спрашивай в лоб. И подай, пожалуйста, платье, крайнее в шкафу.

— Спасибо, — Ная наугад сдернула с вешалки платье и, прихватив приглашение, поспешила сбежать, пока на Луизу не напало рабочее вдохновение и желание занять всех попавшихся бездельников.

Возвращаться в зал она не стала, взяла чистую стопку листов, карандаш и устроилась на пустой кухне — служанка ушла на рынок и вряд ли скоро вернется, а больше никто не заглядывал сюда без крайней необходимости.

В центре первого листа Ная крупно написала имя принца, главного виновника всех происходящих событий, ниже набросала тех, с кем пришлось столкнуться: Таша, Лис-Рой, Дарита, чуть в стороне после некоторого размышления вписала и Луизу. Навскидку

соединила имена линиями и склонилась над получившейся паутиной. Крейг оказался соединен с Ташей, Луизой и Лисом, Дарита — только с Лисом, тот же, в свою очередь, оказался связан с ней, Ташей и принцем. Всех четверых объединяла только Ная, но себя отмечать она не стала — и так очевидно.

Второй лист озаглавила Лисом — он интересовал больше всего — и дотошно перечислила все, что знала. Зовут Роем, имеет дела с шинтийским Домом бардов и неплохо осведомлен об их делах, живет в Лангрии, служит принцу и выполняет некие грязные поручения. Скрытный, себе на уме, следит за эмоциями, но не производит мрачного впечатления законченного злодея и детоубийцы. При случае надо будет разузнать в народе, что еще ему приписывают, и предстоящие приемы — отличные возможность что-то выведать.

Что важнее, Лис — друг Крейга, и двенадцать лет назад именно его обвинили в убийстве принцессы. Можно допустить, что в юности его высочество водился с детьми простолюдинов, но нет, слишком разные слои общества, им просто негде было встретиться, да и в семнадцать лет наследника престола должны были привлекать к государственным делам хотя бы по мелочи, откуда бы взялось время на знакомство в городе? Отметать это предположение сразу не стоит, но, вероятнее всего, Рой происходит если не из знатного, то точно влиятельного рода, представители которого допущены ко двору. Опять же за простолюдина не вступилось бы дворянское собрание и не устраивало долгих процессов, казнили бы и его смертью закрыли бы дело об убийстве.

К тому же догадка о том, кто он такой, появилась у Луизы, а она знаток Вернийской аристократии, и пусть давно не бывает в столичном высшем свете, но информацию добывать умеет: что-то рассказывает Ная, что-то — заезжие музыканты или посетители, а что-то доносится со слухами.

Последний вопрос — имеет ли Лис отношение к лорду Мейсому? Убийство графа, очевидно, выбило его из колеи, но из-за чего? Горе от потери ценного союзника в политических делах или личные более теплые чувства? Хороший друг? Нет, слишком разный возраст, лорд Мейсом ощутимо старше Лиса, им должно было быть сложно найти общие темы; тогда родственник? Брат, племянник, кто-то со стороны леди Авильон? Возможно, но у него по-вернийски короткое имя, в Нилье, на родине Эллен, предпочитают более мелодичные и длинные, вроде того же Максимилиана.

У имени лорда Ная поставила вопросительный знак и взяла следующий лист, отведенный под Ташу. На нем получилось всего несколько пунктов, но только напротив одного не стояло вопросов: живет в доме Лиса. Его родственница? Жена, подруга, любовница или просто служанка? Нет, последнее вряд ли, тогда бы не работала на принца.

С принцем дела обстояли куда проще: вся его биография была общеизвестна, он постоянно находился под пристальным вниманием лангрийской общественности, а любое происшествие в резиденции стараниями слуг за пару дней разносилось слухами по всему городу. Впрочем, в народе Крейга любили и почти не говорили о нем плохо.

О Дарите же, напротив, информация почти отсутствовала — глава Дома бардов, занявшая с ее же слов свою должность при помощи Лиса и тепло принявшая в свое время безмозглую девчонку с амбициями барда. Своего покровительства, конечно, не дала, но не обделила благосклонностью; она же посоветовала обосноваться в Лангрии и позже не раз помогала, а иногда, как сейчас, сама обращалась за содействием. Хороший дипломат и, вероятно, интриганка.

Ная оперлась локтями о стол и со вздохом помассировала виски. Похоже, в ее окружении в последнее время только Дорг тот, кем кажется — простой помощник хозяйки кабаре, который время от времени берет на себя обязанности управляющего. Будет смешно, если в конечном счете и он окажется каким-нибудь шпионом, причем даже не королевским, а какой-нибудь Даргии или Нилье.

Нет, одернула она себя, Дорг совершенно точно не шпион, не наемный убийца, не лидер подполья и не пришелец из других миров, даже думать о таком не стоит. Уже сочинила про Лиса историю об опальном королевском советнике — и как назло, попала в точку!

С таким талантом предсказателя пора уходить из бардов и начать писать книги, угрожая недоброжелателям, что они станут прообразом для героя, который трагически погибнет во цвете лет. А что, хорошая идея, Лу наверняка оценит: вот так пишешь для заказчика рассказ об интересующем его человеке, а тот потом приходит и сам все выкладывает, прямо как персонаж. Или грабит банк. Или тихо умирает в постели. Вариантов много, но каждый, что ценно, не оставляет следов. Никакого риска, никаких доказательств, чистое творчество и незамутненная фантазия.

А может, в шутке про пророчество и правда что-то есть. Лис ведь говорил, что у нее глаза светятся, когда они обсуждали сюжет про бывшего королевского телохранителя, а происходит это только при использовании способностей.

Нет, пожалуй, без такого дара прожить можно — разобраться бы с тем, что уже есть.

Ная переборолла малодушное и ничем не способное помочь делу желание побиться головой о столешницу, вместо этого взяла из стоявшей тут же корзины яблоко и собрала листья в одну стопку. Впереди — праздничные приемы, а значит, и хорошая возможность разжиться информацией обо всех, кто ее интересуется. Гости на таких вечерах, как правило, позволяют себе расслабиться и мало следят за языком, особенно если как следует выпьют. В конце концов, никто не заставляет ее неотрывно находиться рядом с Крейгом, и можно будет пройтись по залу, прислушаться к разговорам, расспросить самой.

Лу обеспокоена ее интересом к происходящему, но поразительным образом забывает о прописной истине, наверняка известной и ей — владеющий информацией владеет и миром. Конечно, это слишком громко сказано как для маленьких лангрийских шалостей, но суть верна.

Но даже честолюбие — не единственная причина. Можно забыть про Дариту и Ташу, но когда в поле зрения появляется такой человек, как Лис, к которому тянутся ниточки от разгорающихся катастроф, недостаток информации, в конечном счете, приведет к личной трагедии просто потому, что не сумеешь вовремя уйти с пути большой игры.

Но что еще занятнее — сведения о нем слишком противоречивые, что в свое очередь раздражило простое человеческое любопытство. Дарита полагает его своим союзником, но боится до дрожи, Крейг доверяет, Луиза искренне считает детоубийцей, а Ная увидела человека пусть опасного — помнила еще свои ощущения от встречи в трактире в Квирне — но не ожесточившегося, не убивающего каждого встречного и попросту уставшего. И кто-то из них ошибается, но кто?

Бывать в резиденции Крейга Нае раньше не доводилось, как и работать с его высочеством, о чем она особо не жалела и справедливо полагала, что чем меньше лезешь к приближенным к трону, тем меньше проблем на свою голову имеешь. Время от времени проходила мимо, поглядывая на высокий забор с вечно запертыми коваными воротами, над

которым виднелся только второй этаж особняка.

Сегодня же ворота были распахнуты, открывая путь во двор, и рядом с ними уже ждал лакей. Нае он коротко кивнул и, рассмотрев приглашение, проводил до фонтана в середине выложенной брусчаткой дороги, у которого ее встретил лично принц, уже одетый в парадный фрак.

— Какая честь, — заметила Ная, неловко подбирая подол платья.

Как бард она привыкла к допустимости некоторой вольности в одежде, вечерние наряды носила редко и чувствовала себя неуютно. Радовало одно — современная мода давно ушла от пышных юбок и тугих корсетов, и единственное неудобство составляла только чрезмерно длинная юбка. Луиза рассказывала, что еще лет тридцать назад дамы на светских раутах носили объемные верхние платья с драпировками, красиво выглядевшие со стороны, но совершенно неудобные в носке.

— Внутри уже хватает людей, и как бы я им ни доверял, разболтать лишнее может каждый, — Крейг сделал приглашающий жест в сторону парадного входа. — Спасибо, что учли мою просьбу.

— Разумеется... но я не до конца понимаю необходимости своего присутствия здесь. Это не распугает гостей? Все-таки барды имеют определенную славу.

— Вдоль ограды стоит стража с мушкетами и саблями. Как думаете, добропорядочным людям, которые ничем мне не угрожают, стоит опасаться? Так в чем ваша с ними разница? Вы точно так же подчиняетесь мне. Тонкий намек для, скажем так, оппозиции.

— Намек, что им не рады?

— Что за ними присматривают и не позволят зарываться, — мягко поправил ее Крейг. — Стражу они давно не боятся, тайную службу в лицо, к счастью, не знают, а Роя, который одним своим присутствием устрашал две трети нашего дворянства, сейчас нет.

— Хотите, чтобы я его заменила?

— Да. В начале вечера не отходите далеко, а потом пообщайтесь с людьми. Можете не церемониться с ними, у вас неплохо получается, — улыбнулся Крейг, и Ная только фыркнула.

— Извините, конечно, но вы что, в самом деле ждали от меня реверансов?

— Я не первый год работаю с бардами, пусть и не напрямую, и к манере общаться привык.

— Скажите об этом Луизе, а то она считает, что вы оскорблены до глубины души.

— Говорил и повторю сегодня, — пообещал он и совсем тихо, чтобы не слышал стоявший на крыльце у двери мажордом, сказал. — Сегодня приглашены не случайные горожане, меня интересуют настроения среди них. Что беспокоит, о чем говорят, что планируют. Не думайте о безопасности, для ее обеспечения хватает служб, но от вас я хочу именно информации.

— То есть слухов и сплетен?

— В том числе, — серьезно сказал Крейг, поднимаясь на первую ступеньку ведущей к двери лестницы и подавая Нае руку.

— Не понимаю, — Нае остановилась, проигнорировав его любезность. — Вы хотите, чтобы я припугнула возможных бунтовщиков, но при этом ждете, что со мной будут разговаривать? Не противоречит ли одно другому? Светская беседа о погоде — максимум!

— Пугать одних, общаться с другими — это разные категории. Тех, кого опасаясь я, на откровенность, разумеется, не выведете, остальные же... Бардов окружает флер

загадочности, щекочущий нервы риск, которые притягивают любого, особенно тех, кто успел выпить. Они захотят проверить сами себя, покрасоваться после перед своими друзьями, так воспользуйтесь их слабостями.

Ная помедлила, кивнула и поднялась на крыльцо, к предусмотрительно распахнутой двери, тем более, что со стороны ворот уже раздался цокот копыт и шелест колес кареты кого-то из первых гостей.

Велеречивые слова Крейга сводились к простой мысли — не думать о людях слишком хорошо, большинство на праздничном приеме предпочтет провести время в компании вина и приятных собеседников, а не интриг. Но и недооценивать их тоже идея плохая — самое безобидное на вид явление может оказаться смертельным, и барды здесь лучший пример.

Быть человеком, способным влиять на судьбы мира — незавидная участь, если каждый раз перед тем, как сделать шаг, приходится десять раз его обдумывать. С кем и о чем разговаривать, как поступать, к чему приведет то, что сейчас может казаться не стоящей внимания ерундой; выдерживать постоянное внимание со стороны не просто ближайшего круга или хотя бы города, а всего королевства, и треть из наблюдающих — стервятники, надеющиеся на ошибку, чтобы растерзать.

Ная передернула плечами и взяла бокал вина с накрытого стола, чтобы занять руки и заодно отвлечься, но получалось скверно. Гости подтягивались неторопливо, каждый подходил приветствовать Крейга, но среди них не было ни одного, кто бы испытывал неприязнь. И каждый из них с нескрываемым, заметным даже на лицах любопытством посматривали на саму Наю; взгляды приходилось терпеть — уйти не давали просьба принца и путающийся в ногах подол платья. При случае надо будет озадачить швею Луизы, чтобы подшила юбку, единственным достоинством которой было то, что она закрывала обувь. Несколько часов в узких туфлях на модном неустойчивом каблуке вместо сапог Ная бы точно не выдержала.

— Я вижу, ты полностью довольна жизнью, — Лу ловко подхватила ее под локоть и оттащила на два шага в сторону от принца, с вежливым участием разговаривающего с не слишком представительным господином. — Тебя развеселит, если я расскажу, кто есть кто?

— Местных я знаю и сама. Ральф Гонгрет, владелец главной лангрийской газеты, — Ная качнула бокалом в сторону принца, после, развернувшись, на важных мужчин, шушукающихся в углу под балконом второго этажа. — Безземельные дворяне, так называемая новая аристократия. Не помню имен, но присмотреться стоит, эти поддержат любое движение. У столов Кристиан Шварне, владелец ломбарда, перебрался к нам из Нилье. Говорят, у него можно сбыть краденое, но не афиширует.

— А этих знаешь? — Лу махнула сложенным веером в сторону двух дам, стоявших несколько в стороне.

Ная присмотрелась и покачала головой. Строгая женщина в возрасте, одетая в темное закрытое платье с вышивкой, хотя по ее поджарой фигуре, резкости и четкости движений и почти офицерской выправке можно было предположить, что обычно она носила куда более практичную одежду, рядом с ней — совсем девчонка лет пятнадцати в легкомысленном платьице, любопытно вертящая головой по сторонам. Мать и дочь, бабушка с внучкой или юная аристократка с гувернанткой? Хотя что бы ей в таком случае делать на приеме...

— Баронесса Гвен Эрнот с дочерью. Древний, но обедневший род. Говорят, в юности она пробовала пробиться в свет в столице, но у ее отца из наследников оставалось только ее недалекая кузина, которой нельзя доверить управление даже таким клочком земли, как

имение Эрнотов, так что Гвен пришлось вернуться и взять дело в свои руки. Я как-то встречала ту кузину, дура душой, — шепотом поделилась Луиза, настороженно поглядывая на баронессу, которую ощутимо побаивалась. — Вышла замуж за такого же бедного барона-соседа, так что разорившихся земель, как и головной боли стало в два раза больше.

— Обычный брак по расчету. Но это не повод ее так бояться, как делаешь ты, — заметила Ная и заинтригованно уточнила. — Там все не так просто? Драматическую паузу ты уже выдержала, выкладывай.

— Пару лет назад барон неудачно съездил на охоту — посреди угодий в рукояти его ружья взорвался порох, до дома довести не сумели. Громкий был случай и хороший аргумент для противников огнестрельного оружия, но тут я не знаток, поспрашивай других.

— И первым делом подумали на баронессу, естественно.

— Само собой. Ходят слухи, что она подвизается при герцоге Брамсе, причем не любовницей или наставницей его дочерей, а кем-то вроде, — Лу оглянулась и, встав совсем близко, на грани слышимости прошептала. — Кем-то вроде детоубийцы при Крейге, только о ее... подвигах известно куда меньше.

От рассматривания баронессы отвлек подошедший к ним статный мужчина; он казался незнакомым, но Луиза, похоже, его знала и благосклонно позволила поцеловать руку. Ная удивилась такой обходительности: в последние годы даже в высоком обществе манеры упрощались, становясь все менее изысканными.

— Добрый вечер, Ульрик, — тепло улыбнулась Лу. — Не ожидала встретить сегодня... Слышала, вы уезжали в Даргию?

— Разобрался с делами быстрее, чем ожидалось, — развел руками Ульрик. — Вы сегодня не одна?

— Гильрани, мой добрый друг, — спохватилась она. — Бард.

— Ульрик Рандо, — он окинул Наю взглядом, в котором не было давно привычных напряженности, страха или угрозы, только неприкрытое любопытство. Хотя чего-то мужчина все же опасался, старательно давя вспыхнувшее после слов Луизы беспокойство, но собой он владел определенно хуже, чем Лис, и спрятать эмоции до конца ему не удавалось.

— Приятно познакомиться, — кивнула Ная и, ощутив невысказанное, но ярко ощущающееся желание Ульрика остаться наедине с Луизой, с трудом подавила усмешку. — Не буду мешать.

Люди почти полностью заполнили зал и теперь хаотично перемещались, обмениваясь полагающимися по этикету приветствиями и постепенно расплываясь на отдельные группки. У стены, на отдельном возвышении, драпированном оранжевой и золотой тканью, настраивали инструменты музыканты, и к ним Ная, помня о последних событиях, присмотрелась внимательнее, но ничего предосудительного не обнаружила. Струнный квартет, все явно выходцы из центральных королевств и навряд ли могут нанести вред больший, чем кровь из ушей от плохой игры.

— Вы видели? Первый день празднований, а верный пес Крейга так и не вернулся.

Ная огляделась и ненавязчиво пристроилась с другой стороны колонны от примеченной компании представительных господ, жарко перешептывающихся между собой, и с показным интересом уставилась на музыкантов.

— Думаю, больше о нем и не услышим. Говорят, его отослали в Даргию с посольской миссией, и уже несколько месяцев не появляется при дворе.

— Думаете, убили?

— Или принц наконец-то осознал, что детоубийца — последний, с кем стоит водиться.

— От него мы хотя бы знали, что ожидать. Компания барда устраивает тебя больше?

Один из гостей неудачно обернулся и вздрогнул; Ная отсалютовала ему опустевшим бокалом, который так и держала в руке, и поспешила уйти, чтобы еще сильнее не смущать окружающих.

До первого танца она успела покружить между столами, прислушиваясь к разговорам и собственным ощущениям; кто-то, заметив ее, спешно умолкал и отходил в сторону, кто-то, наоборот, провожал заинтересованным взглядом, а особые смельчаки пытались завести разговор. Первые были неуловимы, вторые быстро стали вызывать раздражение, но встречались и те, кто так увлекался собеседниками, что переставал обращать внимание на происходящее вокруг.

На них Ная возлагала больше всего надежд, но ее ловко подхватили под руку и утащили в центр зала.

— Мне крайне необходим хоть один человек, не пытающийся выразить своего почтения, — вымученно улыбнулся Крейг. — Не возражаете против танца?

Она кисло посмотрела на подол платья, отдала бокал проходившему мимо слуге и кивнула, позволяя приобнять за талию. Танцевать Ная умела, хотя и не любила — подол платья мешал, а партнеры в большинстве своем пытались усугубить ситуацию, наступив на него, а заодно и на ногу. У других дам проблем не возникало, двигались они легко и изящно, а платья красиво, как в романе средненького писателя, струились по ногам... и совершенно не казались унылой тряпкой, метущей пол.

— Почему не с Луизой или баронессой, которая к вам подходила? Решили подкормить высший свет поводом для сплетен?

— Полусвет. Действительно высший сейчас можно встретить разве что в столице, и то с каждым годом все реже, а в нашем городе дельцов о нем точно давно не слышали, — с совсем уж кривой усмешкой поправил Крейг. — Про меня сплетен ходит достаточно, одной больше, одной меньше... А с графиней меня опередил господин Рандо.

— Вы его знаете?

Он рассеяно посмотрел за плечо Наи, и она обернулась, едва не оступившись и не завалившись на пол, но у принца хватило опыта, чтобы поддержать и избежать неприглядной ситуации.

— Он занимается недвижимостью. Скупает, продает, сдает в аренду. По нему не скажешь, но хватка удивительная, мне время от времени приходится сталкиваться. Хотя не отрицаю, что ему могут помогать со стороны. Эффектный, но благообразный фасад позволяет проворачивать самые темные дела.

— Кстати, отсутствие вашего, хм, помощника — главная тема вечера, раз уж мы заговорили о темных делах. Люди гадают, что вы с ним сделали. Он правда убил вашего младшего брата?

— Расчленил и съел, — поморщился Крейг. — Этот слух кто-то настойчиво распространяет, мы никак не можем найти его источники. Один из немногих, который нам совершенно не на руку.

— Вы так верите Рою? — спросила Ная, стараясь подбирать слова. Наглость — это прекрасно, но забывать о границах не стоит, велик шанс однажды проснуться с перерезанным горлом... точнее, не проснуться. Не единственный же на всю Лангрию был убийца, в самом деле.

— Да, — отрезал он. — Рой выгнал Лику из столицы и привез ко мне, после ее спрятали на севере под новым именем. Стормгрит не полезет в политику центральных королевств, а затеряться там не сложно. Особенно на Инеистых островах.

— И она согласилась? — искренне удивилась Ная. Север — не просто расположение на карте и специфичные нравы, не всегда понятные выходцам из других королевств, но и суровая природа, ломающая слабых духом. И если в городе только зима была лютой, то архипелаг испытывал своих обитателей круглый год, и далеко не всех хватало жить там долго. — Почему не Нилье, Даргия, да хотя бы юг? Вы девушку из огня в полымя бросили, причем в прямом смысле.

— Нилье слишком мелкое, Даргия, не афишируясь, но явно поддерживает отца, а Рой хоть и дружен с бардами, но — с вернийскими и связей на юге не имеет.

— А на севере?

— Госпожа Арна помогла пристроить Лику помощницей к своей наставнице.

— Кто?!

Ная резко остановилась, и не ожидавший такого маневра Крейг самым неподобающим для принца образом прошелся по подолу. К счастью, танец закончился, и их заминка осталась почти незамеченной.

— Арна. Насколько я знаю, известная... гм... провидица в Стормгрите, — с некоторым смущением пояснил он, явно не доверяя такому дару, а оттого испытывая неловкость, что приходится говорить о нем вслух. Что, конечно, неудивительно — в Верне хватало шарлатанов, предсказывающих будущее, и около принца их должно было виться особенно много с обещаниями трона и абсолютной власти.

— Я знаю, кто это! Но она же никогда... в смысле, у нее такой сложный... как вы ее уговорили?!

Тетушку Ная по-своему любила и из всех родственников со стороны матери считала самой нормальной и приспособленной к человеческому общению, но одно дело — забавляться гаданиями, и пусть люди сами разбираются с полученным пророчеством, и совсем другое — помочь конкретным делом. Тем более устроить судьбу чужака, тем более — на островах!

Арна не была плохим человеком, просто... своевольным, предпочитавшим не вмешиваться в дела других. И чтобы помочь, она должна была или чем-то заинтересоваться судьбой Лики, или увидеть нечто, неподвластной для осмысления простому разуму.

В любом случае, Ная Лике не завидовала и могла только посочувствовать. Наставница тетушки была древней старухой, почти не имевшей дара, но требовательной и пытающейся обучать молодых ведьм некой старинной и давно устаревшей мудрости. И она же — не единственная, но одна из причин, по которой Ная в свое время предпочла сбежать с севера.

— Что бы о нем ни говорили, с людьми Рой договариваться умеет, — улыбнулся Крейг.

— А еще подчинять своей воле, видимо, потому что в этом случае иных причин я не вижу, — пробормотала Ная.

Разговор прервала подошедшая со спины баронесса Эрнот — на сей раз одна, без дочери. Принц, услышав ее голос, едва заметно поморщился и поджал губы, но обернулся с выражением искреннего дружелюбия на лице.

— Мое почтение, Гвен.

— Я уже начала бояться, что меня избегают, — показательно вздохнула баронесса и неучтиво кивнула на Наю. — Новая охрана?

— На праздники, да. Гильрани, бард.

— А Рой где? Я не застала его дома, а милая девушка сказала, что его там не было уже несколько месяцев.

— В Даргии, — сдержанно ответил Крейг и протянул ей руку. — Сейчас объявят второй танец, не откажешь? Прошу меня простить, Гильрани.

Ная удивленно вскинула бровь и отошла в сторону, чтобы не мешать парам, но взглядом продолжила следить за принцем с баронессой. Интересная женщина, эта Гвен, особенно с учетом того, что имя Роя все старательно скрывают. Вот так запросто подошла, без приветствий и прочих милых формальностей, кинулась прямо спрашивать о делах, ее не касающихся...

Понятно — возраст, она Крейгу в матери годится, и все же такая вольность в общении выглядела бы уместной только при встрече старых друзей или близких соратников, но при их приближении не морщатся так, как будто разбил тухлое яйцо.

Занимательно было бы послушать, о чем они говорят с такими серьезными лицами, но, увы, повторить трюк с кабинетом Дариты не получится — слишком много людей, мешающих сосредоточиться, стучащих по полу каблуками и пристально наблюдающих уже за ней. Жаль.

Впрочем, совсем в неведении она не осталась: градус разговора повысился еще во время танца, став неприлично высоким после его завершения. Гвен выдернула руку и теперь отчитывала Крейга, как мальчишку, а тот стоял, окаменев лицом, но чувствовалось, что тоже вот-вот сорвется, а их голоса было слышно на ползала.

— ...сейчас, когда происходит не пойми что, ты отсылаешь того, кто отвечает за твою безопасность, в недружеское тебе королевство, хотя хватает тех, кто бесполезно проедает жалование?! А он, преданный идиот, слушается!

— Задание было слишком важным, чтобы поручать другому.

— Мальчишка! С тобой кто не свяжется, заканчивает плохо. Шинта в огне, теперь еще и...

— Хватит, Гвен. Если ты забыла, я принц, но если и этого недостаточно, — свистящим шепотом, почти переходящим в шипение, процедил Крейг. — Вспомни, что ты всего лишь провинциальная баронесса, а я герцог Лангрии, в отличие от твоего покровителя не связанный присягой королю и, по мнению многих, нормами морали. Не зарывайся.

Гости с видимым наслаждением останавливались вокруг, прислушиваясь к разгоравшемуся скандалу и готовясь разнести его по всему городу, а то и королевству. Ная распихала их, бесцеремонно подхватила под руки обоих и, воспользовавшись тем, что спорщики опешили от неожиданности, утащила под балкон второго этажа, с которого удачно свисала драпировка, образуя сравнительно укромное место.

— Господа, — она вклинилась между ними, руками раздвинула в стороны и спешно закрылась от эмоций: чужая злость ощущалась как резко выплеснутый кипяток. — Спокойно.

— Не зарывайся, Гвен, — уже спокойнее повторил Крейг, одергивая фрак. — Меня беспокоит долгое отсутствие Роя, и если он погибнет, это будет трагедией. Но сейчас это не твое дело.

— Он жив, — спешно сказала Ная, видя, что Гвен снова заводится, и поспешила закрепить эффект, почти протараторив. — Три или четыре дня назад он был в Шинте. Оттуда уехал искать семью лорда Мейсома.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил Крейг и тут же поправился, прикрыв глаза. — Вы. Знаете.

— Лично там видела, — нехотя призналась она, подхватила принца за руку и, отводя взгляд от баронессы, потащила его к выходу из зала. — Идемте, вам нужно привести себя в порядок. И без того устроили представление.

В холле Крейг первым делом подошел к окну и, дернув за створки, высунулся на улицу, опершись руками о подоконник, как будто ему не хватало воздуха.

— Простите, — пару минут спустя сказал он, выпрямляясь и потирая лоб. — Какое-то наваждение. Обычно я себя контролирую лучше.

— Баронесса тоже повела себя неучтиво и, так понимаю, ссору затеяла она, — мягко заметила Ная. — Но вышло действительно некрасиво.

— Некрасиво, — невесело усмехнулся принц. — Завтра весь город будет в курсе. И без того хватало поводов для пересудов.

— Вам нужно успокоиться, — она огляделась и указала на стоявшую у стены банкетку. — Я могу помочь, только придется мне довериться. Садитесь. Нет, не так, боком.

— Надеюсь, вы не собираетесь меня задушить, — мрачно пошутил Крейг, когда она встала сзади и положила руки на плечи. — Хотя не спорю, это было бы эффективное завершение вечера.

— Нет. Расслабьтесь, — Ная похлопала его по плечам и переложила ладони на виски, устроив пальца на лбу. — А я надеюсь, у вас в голове не такая помойка, как у вашего друга.

Обнимать принца она не решилась, сочтя, что даже для нее это слишком, да и пропускать через себя всю его жизнь не собиралась. Хватит, пробовала так с одним — не понравилось, теперь очищение от лишних эмоций только за дополнительную плату. К тому же много и не требовалось, всего лишь помочь сбросить раздражение и злость, чтобы вернуть человека в душевное равновесие.

Главное, не ухватиться за случайную эмоцию и не размотать целый клубок, но Крейг на удивление пребывал в гармонии с самим собой, а вот весь негатив казался лишним, как будто кто-то заставил его это чувствовать, что само по себе уже повод встревожиться. И как назло, засел крепко, зацепился за другие эмоции, угрожая нарушить равновесие.

— Вы сегодня разговаривали с кем-то необычным?

— Нет, я знал всех, кто подходил. Что вы делаете?

— Помогаю успокоиться. Расслабьтесь, я же прошу.

Без эмпата не обошлось — просто так, без видимых поводов у спокойного человека не могло взяться столько злости, граничащей с ненавистью. Кто-то умело обработал Крейга, а заодно и баронессу, взорвался он после разговора с ней, значит, кто-то из гостей не так прост. Надо будет попросить, чтобы вспомнил точно, кто подходил, хотя эта идея и кажется бесперспективной, короткие вежливые разговоры мало кто запоминает, особенно идущие подряд друг за другом. Побеседовать с госпожой Эрнот? Она явно привлекала меньше людей просто в силу статуса...

Ная выдохнула и закрыла глаза — темнота помогала сосредоточиться и легче представить себя пустым сосудом, который должна наполнить ослепительно полыхающая красная эмоция. Ну же, перекидывайся в пустоту, которую заполнить намного проще, чем вклиниться в удивительно упорядоченный круговорот чувств.

Еще одна вспышка, и алая пульсирующая искра потянулась к пустоте; рукам стало

горячо, в голове на мгновение помутнело от гнева на весь мир, но почти сразу отпустило — несуществующий сосуд, который должна была заполнить эмоция, оказался без дна.

Ная открыла глаза, отстранилась и села на противоположный край банкетки, прислонившись спиной к стене. Совсем простое действие, но по ощущениям словно бегала по городу полдня. Против Крейга работал профессионал, предполагавший, что ему захочет помочь другой эмпат, и старательно об этом позаботившийся. Наверняка бард, в свете последних событий такое предположение следует рассматривать в первую очередь, а значит, следует обойти зал и присмотреться к гостям внимательнее, хотя ни среди них, ни среди прислуги определенно не было южан, а уж тем более с флейтой. К тому же такого посетителя наверняка бы вовсе не пустили в резиденцию, предварительно хотя бы не, гм, разоружив.

— Вам лучше?

— Чувствую себя дураком еще сильнее, — признался принц и пояснил на невысказанный вопрос. — На трезвую голову всегда критически обдумываешь свои действия.

— По крайней мере, больше вы ни с кем не лезете в ссору, — заметила Ная. — Уже неплохой результат. Почему баронесса так интересовалась Роем, что даже рискнула связаться в пошлейший скандал посреди светского мероприятия?

Крейг вздохнул, всем своим видом выражая твердую позицию не раскрывать чужих тайн, и она поморщилась.

— Да бросьте, какой же это секрет? Все, что знают трое, известно всему миру, а в курсе этого уже минимум четверо. Я всегда могу пообщаться с младшей Эрнот, она наверняка будет сговорчивее. Об остальном можете, так и быть, не говорить, хотя выяснить возможно все, чем я и собираюсь заняться.

— Родственница, которая печется о его благополучии, — ответил он, поворачиваясь лицом, и улыбнулся. — Правда. Гвен предпочла бы, чтобы Рой тоже работал на Брамса, хорошими людьми не разбрасываются. Но предложить нечего. Из-под ее командования сбегали и более дисциплинированные и послушные люди.

— Начинаю думать, что всех нас водят за нос, и принц на самом деле он, а вы так, чтобы не убили раньше времени.

— Вы раскрыли главную интригу нашего королевства, — развеселился Крейг. — Это все спектакль, чтобы при случае эффектно выложить козыри на стол. Правда, как доказать свое родство с правящей династией после? Никаких наследственных родинок в интересных местах у моей семьи нет, увы... Бросьте. Я восемнадцать лет рос на виду всего двора и дворянства, подменить будет нетривиальной задачей.

— Жаль, такой сюжет заворачиваете, — в том же шутовском тоне поцокала языком Ная.

— Вы здесь? — из дверей зала почти выбежала встревоженная Луиза, явно испытывавшая облегчение при виде подруги и принца. — Все в порядке?

— Со мной — да, — отозвался Крейг, с неохотой поднимаясь. — Что с Гвен?

— Ульрик попытался ее успокоить, но баронесса переволновалась, плохо себя почувствовала, и дочь увела ее домой. Просила передать извинения и обещала зайти на днях.

— Дочь?

— Баронесса. Не хочу навязывать своего мнения, но вам лучше вернуться, а то, хм, — Луиза запнулась, подбирая тактичные слова. — Гости несколько растеряны.

— Где она остановилась? — влезла Ная, пока ее не бросили в одиночестве, и

пояснила. — Хочу с ней поговорить завтра утром.

— Насколько знаю, обычно Гвен предпочитает апартаменты Хорна, это недалеко от площади Трейса Объединителя. Попробуйте поискать там, — посоветовал Крейг и подхватил Луизу под руку. — Идем.

«Хочешь попытать удачу? На Центральном открывается новое кабаре, говорят, никого из наших там еще нет. Попробуй сунуться, вдруг получится, — доверительно сообщил студент актерских курсов на третий день развеселой попойки, когда у их компании окончательно иссякли запасы алкоголя и денег на добавку, и народ начал помаленьку приходить в себя и жаловаться на больную голову, бедственное финансовое положение и отсутствие работы. — А еще по слухам хозяйка там самая настоящая графиня, ты только представь! Никогда графинь не видел, только графины...»

По опыту Ная знала: пьяные сплетни, особенно от людей творческих, всегда представляли с собой смесь гуляющих в народе слухов, капельки правды и буйной фантазии рассказчика. Но на Центральный проспект все-таки наведалась, рассудив, что от прогулки ничего не потеряет, зато какой шанс столкнуться с хозяйкой! Не важно, кто она в обществе, может, титул — так, для красивого словца, чтобы интриговать посетителей, но если всерьез собралась заниматься кабаре, то должна понимать, что новому заведению просто жизненно необходимы собственные таланты.

Теперь Ная стояла перед приоткрытой дверью, задумчиво разглядывая стоявшую на земле у стены вывеску «У леди Лу» — то ли отвалившуюся, то ли еще не закрепленную. Из-за двери подозрительно не доносилось никаких звуков, для приличия хотя бы ремонта или ругани рабочих, но она все равно решительно зашла внутрь, мысленно готовясь к видам разрухи и запустения.

Разруха была, но на удивление правильная, рабочая, когда вещи навалены кучей не потому, что о них забыли или пытаются растащить, а чтобы разобрать и расставить-развешать по местам.

Посреди бардака обнаружился парень в приметном жилете поверх рубашки и с откровенно стоящими дыбом волосами; он с крайне философским видом разглядывал разложенную на возвышении-сцене тряпку, так глубоко погружившись в мысли, что посетителя заметил только после того, как тот кашлянул.

— Если вы надеялись на шоу, то мы еще закрыты, если хотели чего-то от госпожи Луизы, можете подождать ее здесь, но когда она придет, я не знаю, — меланхолично сообщил парень.

— Поговаривают, вам нужны артисты.

— Пока нам нужна уборщица, — усмехнулся он. — Но и артисты пригодятся. Много умеете?

— Я музыкант. Есть мнение, что неплохой, кое-где меня даже знают, — Ная прошлась вдоль зала, переступая через сваленные мешки и с интересом разглядывая стены, на которых уже можно было заметить следы некой деятельности: свежие деревянные панели, лепнина под потолком, серая тряпка, занавешивающая нишу, перекосившаяся, покрытая пылью картина. — Сочиняю еще всякое... людям нравится.

— Предложить нам пока особо нечего, — развел он руками и направился к единственному неестественно чистому и явно обжитому предмету интерьера — стойке, из-под которой достал початую бутылку и два бокала. — Платить сможем, только когда откроемся и начнем хоть что-то получать, и то не обещаю, что это будет много. Луиза, подозреваю, еще не задумывалась о том, чем будем развлекать людей и где и на какие деньги

искать исполнителей. Будете?

— А вы работаете на чистом энтузиазме? — недоуменно спросила Ная и слишком решительно отпила из бокала, едва не закашлявшись — никак не могла привыкнуть к коньяку и другим крепким напиткам, хотя угощали ее с завидной регулярностью. — На хозяина заведения не похожи.

— В некотором смысле. Но и в этом есть своя корысть. Кое-каких сбережений хватит, чтобы протянуть пару месяцев, жильё тоже есть, а вот возможность поднять с нуля целое кабаре не на каждом шагу подворачивается. У нашей хозяйки сильная деловая хватка, но к творческим людям нужен свой подход, и я или справлюсь, или прослышу законченным неудачником. Я Дорг, кстати.

— Ная, — она пожала протянутую руку и уперлась локтями о стойку. — Честно говоря, хочу обосноваться в Лангрии всерьез и надолго, деньги есть, но если снимать комнату, то скоро их не станет. Так что я готова поработать практически за одно жильё.

— Это надо у Луизы спросить. На втором этаже есть жилые комнаты, но там совсем нет ремонта, и вряд ли она станет возражать, если их кто-то обживет.

Луиза появилась в момент, когда веселье дошло до того, что Ная все-таки решила продемонстрировать Доргу свои навыки и наигрывала бойкую недавно сочиненную мелодию. Тому понравилось настолько, что в порыве эмоций он попытался изобразить акробатический кульбит, но не рассчитал с выпитым и едва не снес вошедшую девушку в строгом костюме почти мужского кроя, совершенно далекого от последних модных веяний среди знати.

Вольготно носить штаны и рубашки из женщин себе позволяли только те, чья работа не позволяла надевать юбки — или кто хотел бросить вызов обществу. Например, всевозможные творческие личности вроде Наи, для которых важнее была яркость, удобство и своеобразный протест, чем чужое одобрение.

Луиза не выглядела бунтаркой, но в ее эмоциях настолько ярко горело желание заткнуть рты общественному мнению, что Ная даже сбилась и опустила флейту, во все глаза глядя на нее. Охотно верилось, что у двери действительно стояла графиня; за пару лет, что Ная моталась по королевствам, она успела познакомиться с несколькими владелицами таверн, трактиров и всевозможных кабаков, и ни у одной из них не было заметной даже под не самым женственным костюмом грации, манеры держаться и гордости.

Сравнить Луизу можно было разве что с главой шинтийского Дома бардов, с которой не так давно пришлось познакомиться, и то с натяжкой. Дарита была скорее дремлющей дикой кошкой, безобидной на вид, но смертоносной по сути.

А потом пронеслись пять лет, за которые молодое кабаре встало на ноги, окрепло и завоевало репутацию одного из лучших в Лангрии; на глазах менялся интерьер, перестраивалась сцена, мелькали их с Доргом выходки на день дурака и лица артистов, от совсем неизвестных поначалу до признанных во всей Верне.

Ная зажмурилась, прячась от разогнавшегося времени, а когда открыла глаза, обнаружила себя в пустом полутемном зале. Сцена была закрыта занавесом, на нескольких столах догорали непотушенные лампы — так бывало вечерами, когда представление недавно закончилось, гости разошлись, а за уборку еще не принимались. Рядом уже не было ни Дорга, ни Луизы — занимались подсчетом выручки, перебором ближайших планов и планированием дел, которых со времен первой встречи значительно прибавилось.

За одним из освещенных столов сидел последний посетитель — совсем юный паренек,

упершийся локтями в столешницу и сжимающий ладонями опущенную голову. Ная подошла ближе и с удивлением его узнала; хрупкое телосложение, собранные в хвостик с выбившимися прядями каштановые волосы... даже в свои семнадцать лет Максимилиан Мейсом не выглядел на свой возраст, оставаясь для тех, кто его плохо знал, несмышленным мальчишкой. От отца ему достались черты лица и волевой характер, но ростом и сложением он совершенно точно пошел в мать.

— Эй, — Ная села на свободный стул и с усилием отняла руки Макса от лица. Здесь происходило что-то ненормальное, парень никак не мог оказаться в кабаре в Лангрии, но и она уже давно не искала заработка где угодно, да и странностей в последнее время хватало. Самым правильным будет расслабиться и плыть по течению.

Макс поднял на нее взгляд серых глаз, и в них вместе с огоньком лампы отразились безразличие и потерянности, которые она уже видела недавно и которые даже у взрослого мужчины казались пугающими.

Ная прикусила губу, не зная, что сказать или сделать. Ей было невообразимо жалко семнадцатилетнего мальчишку, лишившегося отца — а еще в одночасье оказавшегося между молотом и наковальней. Крейг был прав, Макс — птенец, всего лишь ребенок, сообразительный, но не обладающий жестким характером и выдающимися способностями. Да, тот же Крейг может служить отличным примером, когда юнец смог встать на ноги, но для этого нужен внутренний стержень, опора, которая не позволит сломаться под давлением извне.

Ная неплохо знала Макса и была точно уверена: он не такой, он может не выдержать давления, которому подвергнется при дележе Шинты. Хорошо, если станет просто марионеткой, а не погибнет в чужой политической игре.

Не должен человек в этом возрасте взваливать на себя единолично непосильную ношу, не имея рядом никого, кто хотел бы помочь, а не отгрызть кусок побольше. Какой бы хорошей женщиной ни была Эллен, растоптать ее будет немногим сложнее, а ее родня из Нилье едва ли рискнет сунуться в котел вернийских земельных интриг. Крейг? Он может быть хоть праведником, но положение не позволит пренебречь своими интересами в Шинте, а принц далеко не глупец — посочувствует, но возможности не упустит.

Она помнила свои семнадцать лет, когда вырвалась из дома и моталась по всем центральным королевствам, прибываясь то к одной, то к другой компании бродячих музыкантов. На первых порах даже не стала, как собиралась, красить волосы и изображать из себя настоящего барда — оказалось, что северяне с характерной внешностью встречались куда реже выходцев с юга, оттого и запоминались лучше. Занялась этим многим позже, когда поддалась на авантюру хорошего на тот момент знакомого, который просто хотел подшутить над другими своими приятелями, запудрив им мозги встречей с «настоящим бардом». Правда, о том, что все это шутка, костюмированное представление, забыл предупредить Наю, и она на полном серьезе, с применением всех своих невеликих талантов уговорила троих скульпторов и одного художника устроить перформанс прямо в центре города. Без одежды.

Она до сих пор помнила, как эффектно заламывал руки тот знакомый, наматывая круги по комнате в трактирчике. Он-то рассчитывал, что жертвы сперва очаруются мистическим бардовским ореолом, но быстро поймут, в чем тут дело, а после от души посмеются над тем, как легко можно одурачить человека подсевшей за стол легендой. И точно не ожидал, что кинутся исполнять столь несуразное пожелание.

Договариваться со стражей пришлось Нае, после чего творцы вместе с тем знакомым хорошо напились до беспамятства, а она всерьез заинтересовалась своими способностями, время от времени начав применять их, чтобы подзаработать.

Поначалу все складывалось невинно: убедить нечестного хозяина лавки, недоплатившего торговке, обхитрить уличного прохвоста, ловко вытягивающего из зевак деньги... В это время она и попала на глаза Дарите, заинтересовавшейся слухами о некоем неизвестном ей барде.

Нет, хозяйка Дома была сама учтивость, не упрекала, не угрожала, просто предложила присоединиться к ним, и Ная даже какое-то время прожила в шинтийском Доме, только тогда до конца осознав, что из себя представляют барды. Они могли бы стать идеальными шпионами, если бы им хватало дисциплинированности и верности кому-то помимо себя. Ну и если бы не подводила сложившаяся репутация — все-таки ни один вменяемый правитель не позволит влезть в свои дела человеку, у которого на лбу написано, чем он занимается.

Ни один правитель — зато у зажиточной части населения их услуги пользовались спросом. Пригласив барда, показать конкуренту, что лучше не связываться, как сейчас делал Крейг, вытянуть информацию о жизни и делах соперника, избавиться от проблем с городской властью... Тихо и незаметно убить, в конце концов. В отличие от наемных убийц, барды следов не оставляли, но и стоили дороже, и встречались реже, и не каждый готов был лишать жизни.

А полгода спустя она попала во время заказа, которым никто из старших бардов не захотел заниматься из-за его ерундовости и незначительности — один из видных городских торговцев хотел, чтобы внезапно задравший цены поставщик несколько пересмотрел свои взгляды. А легче всего поймать его было в одном из заведений, где Ная и провела почти весь день, сначала работая с поставщиком, после — прогуливая аванс.

Под вечер на свободном месте за столом устроился представительный мужчина средних лет. В этом ничего удивительного не было, народ в заведении едва ли не пихался друг с другом за каждый свободный стул, зато от того, что он говорил, у Наи спина покрылась холодным потом. Нет, ее случайный собеседник был вежлив и учтив, умело поддерживал разговор, но как бы невзначай поинтересовался, не надоедает ли работать по таким пустякам за достаточно скромное по меркам бардов вознаграждение?

Он тогда обиняками сказал о многом: что не стоит пытаться действовать скрытно, в качестве визитной карточки используя приметную внешность; что стоит сортировать клиентов, не берясь за каждый заказ, особенно в одной местности, иначе это привлечет к себе слишком много внимания; в конце концов, что бард, не использующий флейту, а убеждающий людей словами, выглядит так же подозрительно, как городской стражник без шпаги, мушкета или хотя бы арбалета.

И вообще, если хочется иметь достойное занятие, всегда можно найти варианты.

Ночь Ная почти не спала, то и дело поглядывая на записку с адресом и именем, оставленную мужчиной, а утром спешно распрощалась с Даритой, с трудом отмыла волосы, истратив почти всю склянку купленного в аптекарской лавке средства, хотя цвет все равно получился странным, отдающим синевой, как у русалок из мифов центральных королевств, и перебралась в гостиницу в городе уже под своим именем.

Кто такой Джером Мейсом, ей смог поведать первый же встреченный гостиничный слуга, с большим уважением рассказавший о глубоко интересующемся делами Шинты и ее жителей дворянине, причем наследном, а не из расплодившейся в последнее время новой

аристократии. А по указанному в записке адресу находился его городской дом, где он в последнее время проводил больше времени, чем в поместье в предместьях.

Тот же слуга рассказал, что граф Мейсом через неделю собирается принять у себя важных гостей из столицы с обязательной культурной программой в виде небольшого приема. Ная тогда первый и, наверное, единственный раз сама вызвалась выступить у знатного господина, более того, вывернулась наизнанку, чтобы получить эту возможность. Пришлось много убеждать и спустить почти все накопленные во время жизни в Доме в карман распорядителя, но интерес взглянуть на человека, так свободно подсаживающегося к незнакомому барду, перевешивал все доводы здравого смысла. В конце концов, возможно, и правда имелся смысл в том, чтобы постоянно работать на кого-то одного?

За неделю кое-что удалось узнать и о самом графе: в народе его не то, чтобы любили, но точно уважали, он постоянно выделял деньги, материал и рабочих на благоустройство города и региона в целом, будь то мощение дороги, ремонт храма или масштабное строительство отдельного корпуса больницы. К тому же поговаривали, что он неплохо управлялся с приграничьем, не позволяя мелким и неизбежным конфликтам превращаться в серьезные распри.

Женат, есть сын. Правда, несколько человек были убеждены, что детей у него двое, и из этого росли ноги всевозможных баек и страшилок. Кто-то уверял, что старшего в младенчестве зарезала первая жена, а потом и сама свела счеты с жизнью, от других удалось узнать, что старший сын родился неизлечимым уродом и то ли погиб, то ли сослан отцом подальше с глаз. А бывший вояка из столичного гарнизона вообще припомнил, что мальчишка рос нормальным и полноценным, занимался верховой ездой и фехтованием, но однажды, уже будучи подростком, просто пропал.

Прием прошел спокойно, и Ная с удовольствием погрузилась в любимое дело — музыку, искоса наблюдая за графом. Он приветливо общался с каждым гостем, но умело уклонялся от прямых вопросов, переводя речь на самого собеседника. Сейчас Ная сравнила бы его с Роем по умению уйти от ответа.

А на следующий день она прямо с утра заявила в дом Мейсома, нахально потребовав аудиенции, продемонстрировала несколько озадаченному графу его же записку и самым светским тоном, за которым скрывался ужас от собственной наглости, поинтересовалась, актуально ли еще предложение о работе.

Да, пришлось кое-что объяснить и подробно рассказать о себе и планах на ближайшее время, а после первые полтора года разрываться между столицей и Шинтой, забыв о других городах, но в конечном счете Ная не жалела о своем решении. Граф, оказавшийся более того — лордом Шинты, охотно делился своими знаниями, учил ее под себя, ввел в вернийское высшее общество, а затем помог добиться некоторой известности на территории всего королевства. Удобней всего прятать на виду; мило улыбающийся известный музыкант, автор пары популярных пьес, которого были бы рады видеть на многих вечерах и во многих театрах, вызывал куда меньше подозрений, чем бард характерной южной внешности.

Ради этого пришлось освоить этикет, подправить манеры, обуздать свободолюбивый нрав и научиться изъясняться витиеватыми намеками. Леди Авильон никогда не слыла великой интриганкой и, вероятно, не стремилась такой быть, но кое-чему обучить смогла. Однажды, сравнительно недавно, года два назад, она призналась, что ей гораздо спокойнее от того, что муж сотрудничает с одним доверенным человеком, а не обращается каждый раз в Дом, не зная, чего ожидать от очередного наемника.

С самого начала Ная понимала, что силы и средства лорд Мейсом вкладывает ради своего, а не ее блага — он и не скрывал, почти сразу обозначив свою идею. Кое-какие выгоды, однако, нашлись и для нее: новоиспеченный наниматель не требовал ее внимания безраздельно, и она свободно занималась творчеством, имея на сей раз за душой не только голый энтузиазм и незамутненное вдохновение, но деньги и связи.

Большие политические игры, впрочем, полюбить ей так и не удалось — Ная не кривила душой, заявляя, что держится от них подальше. Лорд Мейсом до последнего дня оставался единственным человеком, ради которого она готова была связаться с политикой — из чувства благодарности и от глубокого к нему уважения.

Именно он предложил пять лет назад, когда Ная оступилась и едва не выдала себя, уехать в Лангрию — самовольный нрав ее правителя передался и жителям, город существовал своими законами, и соваться туда столичные выходцы не рискнут. Хороший вариант, чтобы перевести дух.

Ная тогда в шутку поинтересовалась, не придется ли ей обхаживать еще и принца — это, пожалуй, для нее чересчур. Лорд Мейсом ответил с улыбкой, за которой не было никакого веселья, что там и без нее найдется, с кем договориться, не говоря уж о тесном сотрудничестве принца с шинтийским Домом.

— Мне хочется, чтобы происходящее оказалось кошмарным сном, — тихо сказал, наконец, Макс, отвлекая от собственных мыслей. — Жаль, это не так.

— Если так подумать, то именно он и есть. Не знаю, насколько плохой, — Ная обвела рукой помещение. — Но проснуться можно. Если постараться.

— От того, что ждет в действительности, очнуться не получится.

— Увы. Но для начала ты можешь взять под контроль сны. Потом научишься справляться и с остальным. Все начинается с малого.

Макса Ная хорошо помнила одиннадцатилетним мальчишкой, который в присутствии родителей старался подражать взрослым, держась сдержанно и самую малость манерно, но то и дело скашивал взгляд в сторону окна, за которым по улице носились дети, и его нетерпение ощущалось почти физически. Лорд Мейсом только усмехался, но никогда не запрещал расшибать колени в играх с друзьями, из какой бы семьи они ни были, полагая, что мир не ограничивается столицей и стенами королевского дворца.

Видеть его... таким было странно и неправильно. Не дело, когда семнадцатилетнего мальчишку кидают в загон-владение и говорят: «Правь, ты же теперь лорд!» — а сами открывают дверцу клетки с голодными псами, которые сожрут его, а потом перегрызут глотки друг другу за клочок земли. Ладно бы у него хватка имелась или честные советники, или отец вводил в курс дел давно и обстоятельно, или цепкой была бы мать — но, в отличие от того же Крейга, Макс из этого не перепало ничего.

А в конечном счете ему не достанется даже моральной поддержки как сыну, потерявшему отца. Леди Авильон сейчас самой бы удержаться, а близких родственников, Ная знала наверняка, в столице у них не проживало.

— Слушай, — Ная крепче сжала холодные ладони Макса. — Помнишь, я как-то развлекала тебя народными ритуалами северян?

— Ты еще выпросила у меня мой талисман и пообещала, что через него наложишь защитные чары, — слабо улыбнулся он. — Знаешь, хочется верить, что это не просто игра. Глупо, наверное.

— Не глупо! — с волнением возразила она. — Пока ты веришь, они действительно

будут оберегать. От ножа в подворотне, конечно, не спасут, но оградят твой дух от давления, которое сейчас на тебя обрушится со всех сторон.

— Я... наслышан про северное ведовство и убежден, что оно действительно есть, — мечтательно сказал Макс, запрокинув голову, и потолок кабаре исчез, открыв взгляду усыпанную звездами синеву неба, расчерченную переливчатыми зелеными всполохами. — Не понимаю, чем людей так привлекают барды, в них же нет совсем никакой тайны, все умения лежат на поверхности.

Больше вокруг ничего не изменилось, но Ная отчетливо представила разбивающееся о скалы море, шуршащие по каменистому берегу волны, запах соли и водорослей, смешавшийся с дымом от тлеющих в жаровне трав, и исполинские камни в круг в самом сердце Инеистых островов, между которых вельвы с незапамятных времен проводили ритуалы.

Тот островок — святая святых архипелага, сакральное место, в котором дозволялось жить немногим и в которое чужаку попасть без разрешения не удавалось вовсе. Если гость был непрошенным, перед ним непроницаемой пеленой вставал туман, выбраться из которого получалось, только повернув назад, и то не всем.

Ная там, конечно, бывала: из любопытства в попытках осознать свою суть, после — под руководством бабки, не теряющей надежд взрастить в ней трепет перед наследием предков. Но континентальный более прогрессивный Стормгрит, живший сегодняшним днем, был ей куда ближе, чем поросшие традициями, словно те камни мхом, острова.

И все же порой, когда удавалось сбежать от внимания надоевших наставников и остаться в одиночестве под полыхающим зеленым пламенем небом, в душе что-то екало. Однажды, вернувшись домой под утро и изрядно промерзшей, Ная даже поддалась порыву и отыскала засунутую подальше потрепанную книжицу, в которой кто-то из ее прабабок педантично записал многие ритуалы. И наверняка той прогрессивной прабабке страшно попало — до нее такие вещи передавались только устно.

— Если каждый будет интересоваться нашим ведовством, рано или поздно оно опошлится, и ты о нем будешь говорить с тем же пренебрежением, что и о бардах. А им от их поверхности только проще — их боятся, но без потустороннего ужаса, из-за которого появляется желание физически устранить источник страха, и...

Под полом загрохотало, и она резко выпрямилась, с некоторым удивлением обнаружив себя сидящей на кровати в собственной комнате. Из-за окна доносился гомон привычной городской суеты, и Ная, подойдя к нему, отдернула штору, шурясь после полутьмы от солнечного света.

Едва ли не под самым окном пронесся экипаж с королевским гербом, и вслед ему донеслась ругань едва не угодившей под копыта лошадей женщины. Стопка корзин, которую она несла, рассыпалась и раскатилась в разные стороны; проходивший мимо мальчишка кинулся собирать, но замялся и что-то сказал женщине, отчего та только сильнее разозлилась, гневно уперев руки в бока. Слов было не разобрать, но, вероятно, помощник попросил монетку за такую неоценимую услугу. Дети на центральных улицах Лангрии частенько подряжались выполнить мелкие подсобные работы или вызывались побегать курьером, но этот что-то сильно обнаглел.

Досматривать, чем закончилось дело, Ная не стала. Разбираться, судя по начавшей собираться толпе, будут еще долго — пока накричатся в свое удовольствие, пока перемоют косточки молодежи, совсем потерявшей стыд...

Ная зевнула и посмотрелась в зеркало, одной рукой расплетая собранную на ночь косу, а второй нашаривая расческу. Краска, придававшая коже загар, начала бледнеть, но прямо сейчас можно не суетиться. А вот перед следующим приемом Крейга, пожалуй, придется подновить.

Снизу снова застучало, и она, спешно одевшись и натянув парик, спустилась в зал. Двое сосредоточенных мужчин устанавливали по бокам от сцены монументальные конструкции, напоминающие бревна, обмотанные гирляндами из флажков в цветах Лангрии — одни белые, другие оранжевые и зеленые. Суетящаяся рядом женщина ловко уворачивалась от молотков в их руках и втыкала в бревна палочки с такими же цветными лоскутками. Сооружения помаленьку начинали напоминать осенние деревья, особенно если издалека и не всматриваться, а флажки, по всей видимости, были листьями.

У стойки о чем-то воодушевленно щебетала с двумя мужчинами Лу; одним из собеседников подруги был давешний Ульрик, второго Ная опознала как спонсора, которого Луиза привлекала еще в первый год работы кабаре. Деньги ему давно вернули, больше брать не собирались, но он все равно считал себя вправе интересоваться делами заведения и весьма настойчиво в них лезть. Лу регулярно приходилось от него отбиваться, действуя исключительно дипломатично и вежливо: ссориться с крупным городским дельцом, владеющим известным по всему королевству производством тканей, причем не простого льна или сукна, а более дорогих и редких вроде шелка.

Судя по тому, что Луиза выглядела как графиня, только вышедшая из королевского дворца, она собиралась пустить в ход все свое дворянское обаяние. Облокотившийся о стойку Ульрик активно поддакивал, явно участвуя в усмирении переполненного тягой к прекрасному дельца.

— Доброе утро, — в руку ей ткнулась чашка чая, и Ная с благодарностью ее приняла.

— И тебе того же. Чего господин Рандо хочет от нашей графини?

— Он в свое время помогал Луизе найти помещение. Вот этот дом как раз, — Дорг сел на нижнюю ступеньку лестницы и с одобрением похлопал по столбику перил. — Выкупил его, а потом перепродал Луизе же в рассрочку под небольшой процент. Особо никогда не зверствовал, так что сейчас они... не друзья, но что-то вроде хороших деловых приятелей.

— Деловые приятели — интересно сказано.

— Он же не все время с нами работает. Так, от случая к случаю, так что партнером язык не поворачивается назвать. Слушай, ты сегодня сильно занята?

— Схожу до апартаментов Хорна, надо пообщаться с баронессой Эрнот. А ты что хотел?

— Будь другом, зайди в лавку Лероя, а? — Дорг протянул ей сложенный пополам лист бумаги. — У нас ни бутылки вина, пусть по списку доставит. А то я, чтоб их всех, застрял здесь, наблюдая, как бы чего не свернули.

— Сочувствую, — Ная хлопнула его по плечу, отдала кружку и, забрав список, побрела обратно в комнату. Раз дом не разваливается, его не обносят бандиты и в нем не происходит убийство, можно позволить себе нормально собраться. Для начала — хотя бы умыться.

— Так ты зайдешь? Тебе это все равно по пути к Хорну, — окликнул ее Дорг, на что она только махнула рукой.

Заперев дверь, Ная упала на кровать и накрыла голову подушкой, чтобы не слышать ничего вообще. Когда всю ночь снится такая мусть, стирается всякая разница, спала или нет — сил все равно ни на что нет. С баронессой поговорить надо, но после вчерашнего она или с рассветом уехала, или дождетя, пока ее примет Крейг, чтобы извиниться, так что никуда

не денется. Гораздо интереснее другое...

Ная сползла на пол, села, прислонившись спиной к кровати, и достала сперва шкатулку, а потом холщовый мешочек, в котором была спрятана та сама потрепанная книга, доставшаяся от прабабки.

Они и правда с Максом когда-то проводили один из описанных в заметках ритуалов — правда, настоящей ворожбы там было не больше, чем в игре на публику Арны. Парень проявлял живой интерес, собственно, с его вопроса о значении увиденной на иллюстрации в книге руны и пошла идея продемонстрировать что-нибудь интересное. Дурить людям головы с помощью дыма от зажженной травы, как это делала тетя, Ная не умела, но Макс для получения откровения хватило и обычного зелья, которым она пользовалась, пусть и сильно разбавленного.

На дне шкатулки под слоем безделушек лежала монетка в одну кронку; в отверстие в центре был вдет витой кожаный шнурок с завязанными концами, чтобы монета не соскочила. В свое время Макс удивительно легко расстался с ней, хотя сам хвастался, что это были первые заработанные им деньги: в четырнадцать лет решил доказать себе и окружающим, что чего-то стоит, и напросился помощником помощника шинтийского казначея. Даже сам договорился без участия отца, хотя Ная подозревала, что имя лорда Мейсома все же свою роль сыграло — простого мальчишку с улицы не допустили бы пусть не к самим городским деньгам, но даже к информации о них.

Проработал там всего пару месяцев, пока мать не настояла на его возвращении, и очень гордился своим первым заработком, а монетку даже стал постоянно носить под одеждой как талисман — серебро заметно потемнело и потускнело от пота.

И при этом Макс без сожаления отдал ее Нае, когда она попросила дорогую ему вещь для наложения защитных чар. Пожалуй, даже излишне без сожаления — обычно такие вещи имели для людей сакральное и очень личное значение. Он и правда верил, что чары сработают — настолько, что с готовностью вручил ей свой амулет?

Конечно, тогда Ная не собиралась забирать монету совсем: кто-то отвлек, сунула в карман, потом забыла, а Макс не напомнил, постеснялся или счел необходимым условием. А после, так получилось, она встречалась только с самим лордом Мейсомом, но через третьи руки передавать важную вещь не решилась.

И все же интересно, Макс кому-то рассказывал про северные, хм, обычаи и традиции? Явно кто-то близкий, кому он доверял, иначе просто так перешагнуть через взгляды, вложенные последователями культа четырех богов, самого распространенного в центральных королевствах, он бы не смог. Точно не отец — лорд Мейсом всегда относился прагматично к вопросам религии, о любых верованиях говоря равнодушно и без благоговения.

Ная вздохнула и бегло пролистала книгу, без труда найдя нужную заметку — похоже, к ней владельцы обращались чаще всего, и страницы открывались сами. Свободной рукой достала из шкатулки уголь и пучок трав, привезенные еще из дома; она все еще считала, что нет никакой разницы, чем рисовать на полу и где собраны полынь с дягилем и ромашкой, но если это усилит чары, даже если такая дотошность не больше, чем ничем не подтвержденная фантазия прабабки — пускай. Наедине с собой, когда результат важнее принципов, можно не упираться в них до последнего.

От запаха подоженных трав с непривычки закружилась голова, и Ная с трудом переборолла первый порыв открыть окно. Не исключено, что успех всей ворожбы зависит от

затуманенности сознания, хотя Лу, конечно, потом наверняка будет ругаться, что провоняла весь дом и пропахла сама.

Пристроив тлеющий пучок в несколько помятой медной миске, она положила амулет Макса на дно, капнув на него вязкой темной жидкостью с резким и терпким запахом, в первый момент перебившим даже полынь с ромашкой. Потом неторопливо, сверяясь с книгой, начертила вокруг чередующиеся руны: жизнь, защитник, очищение, сила, свет. Образовав круг, они тускло засветились, и Ная почувствовала, как проснулась сила, волной тепла поднялась от живота к груди, растеклась по плечам, опутала руки... В сравнении с этим теплом меркли все фокусы последних дней, что в трактире над телом, что в Доме Дариты — они казались чем-то простым, повседневным, как поправить прическу или почистить одежду, бытовым баловством.

Сейчас же Ная ощутила прикосновение частицы древнего могущества, вызывающего трепет и волнующий ужас, и это ощущение привело в почти детский восторг.

Тонкая струйка дымка, тянущаяся от пучка к потолку, дрогнула и закружилась спиралью, уже не поднимаясь, а стелясь над миской; заполнила ее и перекинулась через край, расползаясь к границам круга. Одна за другой гасли руны; когда потухла последняя, дым развеялся, а вместе с ним исчезло и ощущение могущества, оставив после себя опустошение. Ная оперлась ладонями о пол, чтобы не завалиться на бок, и это был редкий случай, когда она от всей души завидовала ведьмам прошлого. Их-то наверняка после такого простенького ритуала не выворачивало наизнанку, вставали и шли по своим делам дальше...

Монета лежала на дне миски, никак на первый взгляд не изменившись, разве что стала темнее и нагрелась — убедившись, что способна держать равновесие, Ная достала ее за шнурок и переложила в ладонь, в первый момент едва не уронив.

Повертев талисман, она неуверенно закусил губу. Все прошло в точности, как описано в книге, но на душе все равно скребли кошки, выцарапывающие громкий лозунг о том, что это не больше, чем попытка договориться со своей совестью, которой недостаточно. Да, Макс не приходился ей родственником или другом, но он был хорошим парнем, ничем не заслужившим таких испытаний, и оттого казалось, что Ная бросила его на растерзание стервятникам.

Она решительно надела на шею шнурок и перебралась на кровать, рухнув лицом в подушку. Стоит, конечно, отдать самому Максиму, и Ная обязательно его найдет, когда закончит с поручениями Крейга.

Проснулась Ная только через час от настойчивого стука в дверь. На пороге, упрямо сложив руки на груди и старательно пригнувшись, стояла Лу, и на ее лице практически крупными буквами было написано все, что она собиралась сказать.

Однажды Дорг через своих приятелей раздобыл парочку особо ароматных самокруток. Курить одному ему показалось скучно, и, зная тягу Наи к авантюрам, уговорил ее присоединиться, благо, что в кабаре как раз наметился выходной из-за отъезда Луизы. Кое-какая работа, тем не менее, оставалась, и ходить далеко не стали, расположившись на кухне в твердой уверенности, что хозяйка не увидит, а служанка не сдаст по причине отсутствия — отпросилась на денек, заявив, что графини дома не будет, а «эти два оболтуса уже большие и пообедают сами».

В общем-то Ная не курила, но энтузиазм Дорга оказался заразен, а самокрутки — крепкими и душистыми, с таким сложным терпким запахом, что она даже не смогла его опознать. Какие-то травы и что-то фруктовое, а еще и привычный табак, которые использовали все вокруг... И как в глупых комедиях, ровно в тот момент, когда Ная с несколько преувеличенным интересом расколупала бумагу, пытаясь разобрать, что туда намешано (судя по пустоте в голове, составитель свою фантазию не ограничивал), а Дорг с философским видом пускал в потолок дым, на кухню заявила Луиза. То ли поездка сорвалась, то ли она закончила с делами раньше, чем ожидалось — уже никто не помнил. Зато то, как выразительно Лу молчала, а потом, пару часов спустя, долго и пространно рассуждала, что если пьянки она еще готова терпеть, то прованивать свой дом всякой дрянью она не даст, запомнили все, включая ее саму.

И было-то это всего разок, а припоминалось потом при каждом удобном случае. Справедливости ради, конечно, Ная потом жгла свою траву, когда хотела погадать, но это всегда было по делу и совершенно безобидно!

— Всего лишь полынь, никакой запрещенки, — Ная встала, потянулась и ногой затерла круг из рун.

— Возьми тряпку и сотри нормально.

— Ты хуже матери, — возмутилась она, ногой же вытаскивая из-под кровати забытую и давно высохшую тряпку. Пол от этого чище определенно не стал.

— Ты потом растащишь грязь по всему кабаре.

— Внизу все равно бардак.

— Это не повод его множить, — Лу брезгливо перешагнула через угольное пятно и села на край кровати. — И слушай... Ная, ты прекрасный человек и музыкант, а Дорг лучший управляющий из возможных, вы мои друзья, я вас обоих сильно люблю и очень бы не хотела, чтобы вы окончательно спились или обкурились до потери разума. Я даже не о престиже кабаре говорю, а о вас самих.

— Во-первых, курила я единственный раз, и мне, если помнишь, не понравилось, — проворчала Ная, елозя тряпкой по полу. Толку от этого было не много, но обе стороны сделали вид, что компромиссом довольны. — Во-вторых, мы договорились, что для моих ритуалов можно жечь что угодно, а сегодня это было необходимо для дела. Это все, что ты хотела?

— Вообще-то я просто хотела узнать, все ли в порядке, — примиряюще улыбнулась

подруга. — Ты обычно днем не сидишь у себя.

— Плохо спала ночью, уснула сейчас, — Ная зевнула, закрыла дверь и залезла в шкаф в поисках чистого и сравнительно не мятого. Обычно одеждой занималась нанятая Луизой прачка, заходящая раз в два-три дня, но в последнюю неделю было совсем не до нее. — Думаю, надо навестить баронессу Эрнот. Узнать, как себя чувствует, не болит ли голова, не грызет ли совесть.

— Надеюсь, не в таких выражениях? — Лу отодвинула ее в сторону и с первого раза достала свежую, хоть и чересчур парадную рубашку с крупным кружевом под воротником и пышными рукавами. — Не кривись, ничего другого у тебя нет.

— Исключительно в светских. Ваша светлость, как самочувствие? А то его высочество изволит беспокоиться.

— Ваша милость. Светлость — это герцоги, — она заметила хитрый прищур Наи и вздохнула. — Твоя привычка придуриваться до добра не доведет. Не представляю, как с такой любовью доводить высший свет до белого каления с тобой работали в столице.

— Когда надо, я сама кротость.

— Напиши при случае список этих обстоятельств, а то не верится.

— Не переживай, ты вряд ли в них окажешься, — «успокоила» ее Ная и ненавязчиво подтолкнула к двери. — Если это все, дай мне заняться проблемами Крейга. Или, если хочешь, можем поговорить о твоём к нему отношении.

— В другой раз, если не возражаешь, — сдержанно ответила Лу и вышла, напоследок одарив укоряющим взглядом угольное пятно.

Здание, в которых расположились апартаменты Хорна, находилось недалеко от центра города и даже на фоне соседних богатых особняков выделялось широким крыльцом с колоннадой и претенциозностью фасада с обильной лепниной. Поговаривали, что возвел его еще при деде Крейга некий дворянин, вложивший большую часть состояния в строительство, а оставшуюся потратил на взятку городскому архитектору, чтобы тот согласовал проект, резко отличавшийся от строгого облика всей остальной Лангрии.

Его счастье, однако, не продлилось долго: денег на обслуживание особняка не осталось, да и со временем всплыла история с подкупом. Дом передали городу, и что с ним делать, градоправитель думал не один месяц, в конце концов решив, что сносить столь дорогую постройку было бы расточительно, а перестраивать — затратно. Здание отошло сперва городскому архиву, после — лангрийскому университету, разместившему в нем один из корпусов общежития.

Всего за пару лет студенты справились с главным источником раздражения всех местных эстетов, планомерно поотбивав сначала ту лепнину, до которой могли дотянуться, а позже и всю остальную с использованием камней, бутылок и несчастных случаев.

Когда несколько лет назад особняк выкупил Хорн, больше всего тот напоминал жертву военных действий с участием варваров. Восстанавливать внутреннюю планировку — для студентов дом перестраивался в угоду удобства их размещения — пришлось едва ли не с нуля, а облик фасада Хорн с полгода отстаивал перед созданным городским архитектурным советом, называя его историческим и оригинальным. Отстоял, и теперь отреставрированные апартаменты пользовались большим спросом у постояльцев с деньгами и запросами.

Баронесса заняла апартаменты на втором этаже, куда Наю любезно проводил метрдотель — правда, с минутной заминкой, потребовавшейся его помощнику, чтобы

сбегать наверх с докладом о посетителе. Мучать ожиданием постояльцы не стали и пригласили почти сразу, однако вместо ожидаемой баронессы в гостиной Наю встретила ее дочь в сопровождении чопорной дамы лет пятидесяти.

— Мама покинула меня еще пару часов назад. Мое общество ей куда менее интересно, чем компания обворожительного мужчины, — состроила гримаску девочка, встала и, одернув светлое платье, слегка присела в приветствии. — Криста Эрнот.

— На... Гильрани, — едва не сбившись от удивления, представилась Ная. — Честно говоря, мне нужна сама баронесса... почему вы меня впустили?

— Мне безумно скучно сидеть здесь в одиночестве целый день, не имея возможности выйти из-за строгого запрета, за которым пристально следит Клара, — Криста оглянулась на даму, и ее светская улыбка вышла неприлично кислой. — Которая, думаю, не имеет ничего против того, чтобы нас оставить.

Ее поведение производило странное впечатление: она старалась подражать выходцам из высшего света и тем самым казаться старше, но слишком бросалось в глаза отсутствие выучки и умения держать лицо. При дворе на нее наверняка бы смотрели свысока: к этому возрасту большинство девушек, намеревавшихся окунуться в пучину интриг, могли задурить голову практически кому угодно. С другой стороны, Лангрия далеко не столица, а Криста вряд ли имела за душой что-то серьезнее желаний развлечься и, вероятно, посплетничать.

— Буду ждать в соседней комнате, — сухо сказала Клара, смерив Наю цепким пронизательным взглядом и натолкнув на мысль, что она не просто дуэнья при девчонке. С другой стороны, если баронесса действительно отвечала за не самые благопристойные решения герцога Брамса, нет ничего удивительно в желании приставить к дочери проверенного соглядатая.

— Присаживайтесь, — дождавшись, когда закроется дверь, предложила девочка и тут же сама устроилась на диване, с ожиданием уставившись на посетительницу. — Вы хотели обсудить вчерашний инцидент, да?

— Вы пронизательны, — ободряюще улыбнулась Ная и, поколебавшись, села на стул рядом с диваном, чтобы создать иллюзию тайного и доверительного разговора между подружками. Судя по всему, Кристе этого очень не хватало. — Происшествие взволновало всех, и я хотела узнать у вашей матери, не случилось ли вчера чего-то необычного до перепалки с Крейгом? Вы же тоже были там весь вечер.

А может, и неплохо, что вместо баронессы ей попала дочь. Такие старающиеся казаться взрослее и значительнее девочки на поверку часто оказываются бесхитростными болтушками, из которых при некотором умении можно вытащить какую угодно информацию.

— Ничем не примечательный вечер, — передернула плечами Криста. — Не поймите неправильно, но я бывала с мамой на стольких, что они все начинают казаться одинаковыми. Вчерашний не исключение.

— Может, подходил кто-то или задавал странные вопросы? Неправильно себя вел?

— Я в Лангрии второй раз в жизни, мне сложно судить, чье поведение выбивается из обычного. Я же никого не знаю, — почти виновато улыбнулась она и, помявшись, спросила сама. — Скажите, а вы... м... подменяете Роя?

— Роя? — удивилась Ная. В городе по имени его называл разве что Крейг.

— Помощника его высочества.

— Откуда такой интерес? Вы же сказали, что никого не знаете.

— Он иногда приезжает к нам домой. К маме, у них какие-то дела... Я не лезу! — поспешила отпереться Криста и смутилась, закусив губу, а потом неожиданно подалась вперед и зашептала так тихо, что даже сидящей рядом Нае услышать было сложно. — Но он просил меня присмотреть кое за кем, и мне есть, что рассказать. Я надеялась, Рой будет на приеме.

— Расскажите мне, — предложила Ная. — Я передам, когда он вернется в город.

Лезть в чужие секреты — неблагодарное и опасное дело, но для другого ее нанимали редко, да и сложно остаться в стороне, если шагу нельзя ступить, чтобы не влезть в чью-то тайну, а окружающие дружно разучились отвечать на вопросы прямо, вынуждая добывать информацию любым способом.

Зачем ей может пригодиться знание о делах Роя с дочерью баронессы, она пока не представляла, но кто знает, для чего потребуется в будущем? К тому же такой необычный союз... Чем Криста могла заинтересовать приспешника принца и насколько Гвен в курсе происходящего?

— Криста, у вас все хорошо? — из соседней комнаты выглянула Клара, словно бы привлеченная затянувшейся паузой в разговоре, и девочка, едва не подпрыгнув, выпрямилась и попыталась натянуть на лицо беззаботное выражение. Актрисой она была посредственной, да и самообладания ощутимо не хватало. — Не напомните, как обстоят дела у леди Тэи?

Криста побледнела, цветом лица почти слившись с платьем, как будто дуэнья, по меньшей мере, предложила позвать палача, который вырвет болтушке язык. Хотя, конечно, еще неизвестно, кто такая леди Тэя и на что способна — за последние годы Ная насмотрелась на титулованных особ, ведущих себя не лучше разбойников, и на разбойников, пользующихся титулом вместо прозвища. Но выяснять не стала, чтобы не вредить девочке: слишком высокая цена за простое любопытство, а ей и так, похоже, достанется.

— Спасибо, что уделили время, — она поднялась, первой прекращая разговор. — Передайте баронессе, что я ее искала. Возможно, еще удастся перекинуться с ней парой слов.

Криста смотрела ей вслед с такой тоской, что Ная ощущала ее, даже наглухо закрывшись от чужих эмоций.

За оставшиеся до пикника три дня поймать баронессу так и не удалось, хотя из города она не уезжала, Ная уточняла у метрдотеля, который к третьему визиту смирился с ее существованием и сам сообщал, что интересующие апартаменты до сих пор не освободились. Не ответила Гвен и на переданное через него письмо, а на слова дочери то ли не обратила внимания, то ли проигнорировала.

В резиденции принца ее тоже не видели. Внутрь Наю без приглашения не пустили, но один из стражников снизошел до ответа, что его высочество готовится к дальнейшим празднествам и посетителей не принимает, какими бы титулованными они ни были.

О том, имелся ли в наличии сам Крейг, за которым раньше не наблюдался такой осадный режим, спрашивать она постеснялась, подозревая, что здесь что-то не чисто, и делиться с ней никто не собирался.

Свободному времени Ная обрадовалась сильнее, чем возможному появлению баронессы, и потратила его куда приятнее, праздной прогулкой по самым безлюдным улицам и переулкам обойдя если не всю Лангрию, то ее треть точно.

Только оставшись наедине с собой, она ощутила, насколько вымоталась всего за

неделю. Шинта, Крейг, Дарита, со своими недомолвками ему не уступающая... Необходимость все время держать душу нараспашку, чтобы лучше чувствовать других. Вечное проклятие каждого эмпата — слушая других, выжигать себя, и Ная встречала много историй, когда самые альтруисты просто сгорали, спиваясь или сходя с ума, и не доживали даже до двадцати. Усталость накапливалась, как снежный ком, и срывалась от малейшего толчка, погребая под собой человека и оставляя от него только тень.

Справляться с эмоциями, своими и чужими, ее в детстве научила тетя, ловкими расспросами выяснив, что ребенок не просто капризничает, а ощущает слишком много для своего возраста. Арна не была прирожденным эмпатом, но предсказания требовали не меньшего самоконтроля и сосредоточенности, и кое-каким опытом она смогла поделиться. А еще объяснила, что не стоит пропускать через себя проблемы каждого человека: большинству нужен всего лишь слив для эмоций, и открываться стоит только тем, кто действительно нуждается, но никогда — в ущерб себе.

Если бы не она, Ная наверняка разделила бы незавидную участь собратьев по дару.

Улица постепенно вывела на набережную в том месте, где река разливалась шире всего, и противоположный берег словно заволакивало дымкой. Ная подошла к кованому ограждению и оперлась о него, бездумно глядя на слившиеся в зеленую стену деревья самого крупного парка Лангрии, раскинувшегося в тихом университетском районе: слева от него высился монументальный главный корпус, окруженный хозяйственными постройками, вдоль реки выстроились здания факультетов, а пройдя парк насквозь, можно было выйти к ратуше.

Ная любила там гулять и уже собиралась свернуть к мосту, но в ее одиночество бесцеремонно влез мужчина в просторной не до конца выпущенной из-за пояса рубашке с небрежно повязанным на шее пестрым шарфом. Любой другой в таком наряде выглядел бы городским сумасшедшим или неряхой, но мужчина смотрелся удивительно гармонично и естественно, дополняя нелепость костюма легкостью движений.

— Джеймс, — констатировала Ная, позволяя себя обнять и ритуально расцеловать в обе щеки.

— Какими судьбами? Слышал, ты давно уехала из Лангрии, — как само собой разумеющееся, он подхватил ее под руку и повел вдоль набережной, наверняка даже не задумываясь о том, в каком направлении идет.

Университетский мост благополучно остался за спиной и с каждым шагом удалялся все больше.

— Но не навсегда же. И здесь я точно знаю, что всегда смогу подзаработать.

— Обидно за родной город, что ты его воспринимаешь лишь источником дохода.

— Я люблю Лангрию, но деньги, согласись, не самый последний аргумент. Без них даже тебе пришлось бы туго. Никакого здания театра, никаких приглашенных артистов из столицы...

— Кстати, об этом, — воодушевился Джеймс и взмахнул рукой, словно надеясь показать блестящие перспективы очередной затеи. Справедливости ради, большинство из них оказывались удачными, позволяя небольшому театру выделяться на фоне известного, но несколько старомодного центрального Лангрийского. — Мне удалось заманить к нам саму Миру! Она путешествовала между городами с гастролями и согласилась несколько дней провести в Лангрии, на нашей сцене! Как раз три выступления осталось.

— И сколько стоит билет? — с показным равнодушием спросила Ная, скрывая от

неугомонного приятеля охвативший ее трепет.

Несмотря на небольшой возраст — они с Наей были почти ровесницами — Мира успела снискать славу одной из лучших вернийских танцовщиц. Заполучить ее хотя бы на один вечер мечтали большинство театров, кабаре, ресторанов и трактиров, под нее писали музыку, а многие музыканты отдали бы свой инструмент в обмен на совместный номер.

Нае доводилось видеть ее в столице, и она навсегда осталась очарована пластикой и выразительностью танца, теми историями, которые Мира рассказывала людям через свои движения — грациозные и решительные, плавные и резкие...

Если бы существовала очередь из желающих выступить с ней на одной сцене, Ная распахала бы всех и встала первой.

— Все раскуплено, — развел руками Джеймс и с подозрительным энтузиазмом предложил. — Но мы же друзья, да? И я готов провести тебя в свою ложу!

— Что ты за это хочешь? Не строй из себя оскорбленную невинность, твой альтруизм сильно ограничен твоей корыстью.

— Допустим, — легко согласился он. — Завтра вечером я проведу тебя в ложу и познакомлю с Мирой, а если договоритесь о программе, то в первую очередь покажете у меня. По рукам?

— Завтра вечером я буду на городском пикнике, и вариантов не ходить у меня нет, — разом поскущела Ная. С куда большим удовольствием она променяла бы Крейга на вечер в театре, вот только обещания привыкла исполнять всегда и не собиралась бросать работу на середине. В конце концов, возможность посмотреть на Миру еще выпадет, а испорченную репутацию придется восстанавливать не один год.

— Тогда через два дня, на последнем выступлении. Там, конечно, уже приглашено много гостей, придется выкручиваться...

— Хватит юлить, ты уже знаешь, что от меня хочешь. Говори прямо.

— Как тебе известно, зрители проходят в театр по билетам, но для тех, кого приглашаем, составляются отдельные списки, они лежат у капельдинера на входе. Выступающим артистам мы всегда готовы организовать приглашение для пары друзей, и Мира им воспользовалась.

— Что, привела за собой целый табор? — пошутила Ная, но Джеймс, напротив, помрачнел и тяжело вздохнул, как будто на его плечи лег непосильный груз. Для него такое уныние было совсем не свойственно, и она предположила. — Или вписала кого-то лишнего?

— Ладно бы лишнего! Хотя бы имя, а то так, одно обращение — некто «милорд».

— И тебе это не нравится? Не думаешь, что это может оказаться, допустим, любовник, личность которого женщина не хочет раскрывать?

— Да ради всех богов, пускай! Что я, на романы в театре не насмотрелся, чтобы мне было дело до того, кто с кем спит? Но, веришь ли, опасаясь, — Джеймс настороженно оглянулся и перешел на едва слышимый шепот. — Не люблю в театре посторонних, и пусть скрывать мне особо нечего, но... К тому же, поговаривают, в городе «милордом» зовут одного не слишком законопослушного деятеля. Одним словом, хочу знать, кто это, а то вдруг надо бежать в управление стражи и вымалывать у них пару лишних ребят.

— Как ты это себе представляешь? — на всякий случай уточнила Ная. Просьба была не уникальной, обращались к ней и с таким, и способов выяснить личность она знала несколько, от совсем элементарных расспросов горожан до применения личного обаяния и способностей. И не то, чтобы у нее оставались правила приличия, через которые бы не

позволила перешагнуть необходимость, но на кону стояла слишком привлекательная возможность сотрудничества. — Я день и ночь буду дежурить у ее гостиницы, высматривая посетителей? Или лично к ней на допрос сходить? Боюсь, тогда о выступлении можешь забыть, да и у меня завтра пикник.

— Что ты! — неподдельно ужаснулся Джеймс: спугнуть редкую птицу ему самому очень не хотелось, и было бы весьма некстати с учетом аншлагов. — Просто присмотришь, когда мы будем в театре. Он же наверняка захочет попасть к ней в гримерную, но я попрошу ребят никого не пускать за сцену до конца выступления, а там ты подойдешь, постоишь за углом, присмотришься.

— Но ничего не обещаю, учти, — предупредила Ная. — Если он в тот день не придет или не попытается встретиться с Мирой, неудача не будет нарушением нашей договоренности.

— Само собой, это, в сущности, пустяк, — поспешно заверил он. — Сможешь что-то выяснить — буду крайне признателен.

Общегородской пикник смело мог претендовать на то, чтобы стать кошмаром любого человека, заботящегося о безопасности: в отличие от приема в резиденции принца, проходил он в том самом парке, до которого Ная так и не дошла (вечер предсказуемо закончился в кабаке в компании Джеймса), а на территорию пускали всех подряд, даже не по приглашениям.

Откровенно говоря, по мнению Наи слово «пикник» применительно к мероприятию звучало излишне претенциозно и громко, куда больше происходящее напоминало ярмарку, только не на площади, а среди деревьев. Те же широкие столы с едой, разнообразной и в честь праздника недорогой (как сказала Лу, все потери торговцам потом возместит казна, если, конечно, те смогут доказать казначею свои убытки), те же прилавки с сувенирами и поделками, та же толпа народу... Разве что вместо зазывал музыканты у центрального фонтана, и люди не отталкивают друг друга от прилавков, а отдыхают на траве. В основном.

Ная проводила взглядом скрученного стражником дебошира, перебравшего пивом, и поспешила вернуться к Крейгу. Смысла бродить по парку не было, слишком много людей, чтобы прислушиваться к их эмоциям — они сливались в сплошной гул и вызывали только головную боль. Лучше уж покружить вокруг принца, если кто-то задумает напасть на него сейчас, то наверняка обнаружится неподалеку, а заговор государственных масштабов гораздо удобнее планировать дома, за закрытой дверью и без лишних ушей.

— Наверное, спрошу глупость, но какой в этом смысл? — без особого воодушевления поинтересовалась она, когда Крейг, сперва внимательно и с внешне искренним участием выслушал компанию оживленных студентов, а потом до того душевно с ними распрощался, что аж челюсть свело от переизбытка любезности. Хотя он наверняка тут же забыл, о чем шла речь.

— Традиция, заведенная еще дедом, — пожал плечами принц.

— Так отмените, теперь вы хозяин Лангрии. Вам же самому эти празднества не доставляют удовольствия.

— Традиции — основа королевской власти в любой стране. Они повторяются из года в год, как нечто неизменное, какие бы потрясения не происходили, и если однажды некий самодур их отменит, — он похлопал себя по груди, — это воспримется как знак перемен, ненадежности. Пора сниматься с мест, подхватывать пожитки и перебираться в куда более

спокойную Даргию или маленький уютный Нилье. Мы не в том положении, чтобы раскачивать лодку.

— И еще люди видят, что вы от них не прячетесь и готовы к диалогу, — развила мысль Ная, все еще без особого одобрения. — Противопоставляете распускаемые королем сплетни своей открытости и при этом обращаетесь к барду, потому что опасаетесь тех самых людей. Ничего не забыла?

— И отец тоже опасается. Дед опасался. Политик всегда находится под прицелом.

— Незавидная участь.

— Какая есть, — развел руками Крейг. — Если рождаешься принцем, при этом не глуп, как пробка, и растешь на рассуждениях о долге, других вариантов нет. Бросить все и отправиться в путешествие по миру? Кто-то осудит, кто-то наверняка восхитится, особенно в других королевствах. То же самое касается герцогов, графов, баронов, только в несколько меньшей степени.

— Но иногда даже принц бросает все просто потому, что король безосновательно обвинил его друга, — не смогла сдержаться Ная и тут же прикусила язык, но Крейг отнесся к ее словам на удивление благосклонно.

— Раз уж мы в определенной степени говорим откровенно, позволю себе прямоту. Надеюсь, вас не удивит, что святых в политике нет — не уживаются, — спокойно сказал он. — Меня, безусловно, огорчает смерть сестры и то, что отец сломал жизнь Рою, но дело здесь не в судьбе конкретного человека. Он позволил горю затмить разум, слушал только недоброжелателей и выдумщиков, а не смотрел на доказательства. Я пытался вразумить, но вразумили в итоге меня и наверняка бы в лучшем случае перестали доверять хоть какое-то принятие решений, а, вероятнее, нашли бы формальный повод сослать еще дальше, уже в статусе изгнанника. Тогда же на моей стороне осталась половина и один член дворянского собрания, и до сих пор они не могут договориться.

Ная передернула плечами. Семнадцатилетний мальчишка будто больше смыслит в управлении королевством! С другой стороны, он же, в конечном счете, действительно удержал в своих руках власть и земли, заставил считаться с собой, как с весомой силой, устоял под натиском стервятников, которые наверняка пытались отхватить кусок пожирнее в своих интересах. От Роя тогда толку явно было немного, такой же подросток без связей и положения.

Которые он в итоге сумел наработать и заслужить.

У этих двоих внутри несгибаемый стержень, если за столько лет они не сломались и не повесились на балконе принцессы резиденции, как на их месте произошло бы с другими. С тем же Максом, надо будет его и правда навестить, чтобы чего не натворил.

— Не жалеете нас, для чего-то такого и меня, и Роя растили. У вас на лице все написано, — с улыбкой пояснил Крейг и, краем глаза кого-то заметив, спешно отошел. — Прощу прощения, скоро вернусь.

Ная хмыкнула. Она давно умела не принимать близко к сердцу чужие переживания и не додумывать за других, что они должны чувствовать, и уж точно никогда не была трепетной девой, обливающейся слезами от жалостливых рассказов, даже в детстве. Единственные, кому она сейчас сочувствовали — два парня, которые слишком рано встали перед необходимостью прогрызть себе дорогу. С другой стороны, семнадцать — не семь.

Заслуживает ли в этой истории хоть кто-то жалости?

— Извините, я только что видел здесь его высочество. Не подскажите, куда он пошел?

Ная обернулась, скептически глянув на подошедшего со спины юношу, по виду студента — очки, куртка с какой-то замысловатой вышивкой, какие нынче модны среди университетских слушателей, крайне серьезный вид законченного отличника.

Хотя нет, наверное, все-таки молодой мужчина, возможно, ее ровесник, а то и старше. Смотрит цепко, без стеснения, как будто пытался залезть в мысли. Преподаватель, глава одной из кафедр, член ректората? Правда, есть во всем этом одно «но»...

— Вы если хотите казаться университетским, сделайте лицо попроще и купите одежду подешевле, а то одна ваша куртка стоит полугодовую стипендию, и с таким надменным видом даже студенты с правового факультета не ходят, — посоветовала она. Мужчина ей категорически не нравился, таких доводилось встречать в столице, и на поверку они оказывались не простыми канцелярскими служащими. Возможно, как раз о таких говорил Крейг? — Что вы хотите от принца?

— Перекинуться парой слов, разве не в этом смысл мероприятия?

— Так поищите его в толпе, должен быть где-то тут, — предложила Ная, собираясь заняться тем же самым, отыскать принца первой и предупредить. — Откуда мне знать?

— Бард, который постоянно крутится с его высочеством, явно находится здесь не ради свежего воздуха, — мужчина подошел ближе и отвернул воротник куртки, показывая начищенный до блеска металлический знак в форме совы с ключом, прикрепленный на подкладку.

Такие знаки отливают из стали и серебра, и выбор того или другого мог многое сказать о владельце — разумеется, тому, кто мог отличить два на первый взгляд одинаковых металла.

Такой же он студент, как и Рой — бродяга. Ничего удивительного.

— Не проще вам было наведаться к нему в резиденцию, а не бегать по парку и тыкать во всех подряд статусом? — хмуро спросила Ная.

Как ей рассказывал лорд Мейсом (а после показывал на конкретных примерах), королевскую дипломатическую службу можно было условно поделить на три уровня: рядовых служащих, занимающихся решением таких же рядовых проблем вроде урегулирования вопроса о ввозных пошлинах и торговле; переговорщиков, самостоятельно наносящим визиты дружественным и не очень королевствам; и третий, самый малочисленный — особо приближенные к королю, пользующиеся его доверием и отвечающие безусловной преданностью.

Первым выдавался стальной кругляшок с чеканной совой и грамота с перечнем их невеликих полномочий, вторые выделялись большим объемом прав и совой литой и с ключом, последние же, из которых назначались в том числе послы, были счастливыми обладателями верительных грамот и серебряных знаков.

Вот как этот.

Хотя, конечно, всегда оставался шанс, что он просто убил настоящего дипломата и забрал себе знак. Одного, кстати, действительно на днях убили в Даргии.

— Все хорошо? — со своими делами Крейг разобрался удивительно быстро и незаметно подошел к Нае, при внешнем спокойствии лучась беспокойством.

— Ваше высочество, — мужчина на грани приличия едва склонил голову и достал из внутреннего кармана куртки письмо, заодно показав и знак. — Как раз вас искал.

— Рилло Кайнен, верно? Занятно, что помощник главы королевской дипломатии нанялся курьером, — хмуро заметил Крейг.

— Неожиданная осведомленность для человека, не бывающего в столице и не имеющего дел с государственными службами.

— Если для вас это неожиданность, то у меня большие сомнения в качестве вашей работы. Бросьте, мои люди тоже не зря едят свой хлеб, а симпатизирующих мне столичных жителей хватает, — поморщился он, ломая сургуч и разворачивая письмо.

Рилло вежливо улыбнулся и, дождавшись, когда принц дочитает, достал коробок длинных спичек.

— Позвольте, или надо еще время? — он чиркнул одной из них по наждаку, поджигая.

Крейг молча поднес бумагу и также молча смотрел, как она загорается, не отпуская до конца. И только когда огонь подобрался к пальцам, разжал их, а упавший на землю черный пепел раздавил и растер.

— Ваш ответ? — спросил Рилло, с одобрением наблюдая за ним.

— Да, — как будто через силу ответил Крейг. — Я буду.

— Не берите с собой много людей. Внутрь, кроме вас, никого не допустят, снаружи останутся двое — я и ваш человек, все остальные сопровождающие должны держаться по периметру в тридцати шагах от дома. До начала у вашего человека будет возможность проверить, что посторонние отсутствуют. Не возражаем, если решите взять советника, обвинений предъявлять не станем. На этот раз.

— Поедет она, — принц кивнул на Наю, и ей хватило ума не возражать, только изобразить верного служащего, хотя происходящее не сулило ничего хорошо. Вот позже, когда рядом не будут околачиваться посторонние и любопытные, можно и выпытать в подробностях содержание письма, и, что уж там, обругать.

— Понимаю, у графа сейчас хватает забот. Только напомните ему, что на столицу наша благосклонность не распространяется, — с тщательно отмеренным сочувствием сказал Рилло. — Знаете место, о котором шла речь в письме?

— Да.

— Тогда больше не мешаю. Ваше высочество, госпожа бард, — он снова кивнул обоим, развернулся и быстро затерялся среди людей.

Ная проводила его взглядом и, выждав пару минут, чтобы убедиться, что они остались одни, поинтересовалась у Крейга, пока он погрузился в себя.

— Рой — граф?

Сейчас вопрос был далеко не самым актуальным, но удержаться и не воспользоваться рассеянностью принца она не смогла.

— Что? Да, — отмахнулся он и велел. — Найдите Ташу, она где-то в парке. Через полчаса вы нужны мне обе на этом же месте.

Ная поморщилась. Выполнить поручение Крейга было не легче, чем найти иголку в стоге сена. Впрочем, занимающаяся организацией всего пикника церемониймейстер фигура заметная и так просто не потеряется, и уж наверняка ее кто-нибудь видел!

По закону подлости, пришлось обойти почти весь парк, сосредоточенным и хмурым лицом привлекая внимание наслаждающихся отдыхом людей, прежде чем случайно наткнуться на Ташу, оживленно беседующую с представительного вида мужчиной. Пока Ная решала, стоит ли влезать в разговор — все-таки на поиски ее отправил принц, а не праздное любопытство — та успела договорить, раскланяться с собеседником и обернуться.

— О, госпожа Гильрани, — благожелательно приветствовала ее Таша, явно довольная прошедшими переговорами. Впрочем, ее хорошему настроению было не суждено продлиться

долго.

— Вас ищет принц. Срочно. У центрального фонтана, — лаконично, как и сам Крейг, сообщила Ная, наблюдая, как с лица церемониймейстера сходит умиротворение. Ждать ответа не стала, развернулась и пошла к ближайшей дорожке, которая могла бы вывести к центру — забралась они достаточно далеко.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Таша, и ее голос выдавал, что она вообразила себе нечто ужасное.

— Не знаю, — честно призналась Ная. — Полагаю, он сейчас сам скажет.

Разговаривать в парке Крейг раздумал и, дождавшись Наю с Ташей, коротко велел отравляться к ожидающему у выхода экипажу. Сам подошел позже, мрачный и задумчивый, и за всю дорогу до резиденции не сказал ни слова, глядя в точку над головами спутниц. Ная даже не выдержала, с интересом оглянулась, удостоверившись только в том, что за спиной нет ничего, кроме стенки кареты.

— Когда я говорил, что в нашем с отцом конфликте дело движется к развязке, я не думал, что она может наступить так скоро, — криво усмехнулся Крейг, уткнувшись лбом в закрывшуюся дверь его кабинета. Всех слуг и служащих, находящихся в резиденции, он разогнал одним своим видом, неожиданно рывкнув на тех, кто не понял сразу и для кого повысивший голос принц оказался сюрпризом. Даже Таша сжалась, из решительного церемониймейстера превратившись в напуганную девушку, и теперь с опаской на него посматривала.

— Это из-за письма? — спросила сидевшая на подлокотнике занятого Ташей кресла Ная, когда пауза затянулась, а объяснений так и не последовало. Ее Крейг не пугал уже потому, что чувствовала: его захлестывала не искренняя злость на окружающий мир, но растерянность и излишняя собранность от необходимости спешно принимать решения. Да и хоть кто-то из присутствующих должен был оставаться с холодной головой.

— Господин Стабо выразил желание встретиться. Глава дипломатической службы, потому Рилло и отправил, — он оторвался от двери и подошел к массивному столу, но садиться в кресло не стал, тяжело опершись руками о столешницу. — Или отец одумался, или в столице зреет заговор с намерением скинуть его и возвести на трон меня.

— Когда? — тихо спросила посеревшая Таша, комкая подол платья и явно этого не замечая.

— Завтра. Охотничий дом в Гетрийском графстве, это почти на границе земель Лангрии. Часа три езды. Я отправил людей, чтобы проследили за местом, и... Проклятье, — он провел, взлохмачивая ладонью по волосам и тяжело вздохнул. — Предпочел бы, чтобы этим занимался Рой. Где его только носит...

— Так доверяете ему? Не боитесь, что может предать? — спросила Ная, большей частью из праздного интереса — отчего-то такой вариант ей и самой казался сомнительным.

— Нет, — отрезал Крейг и повторил. — Нет. Не он.

— Артигетт, — выждав минуту и так и не дождавшись другого ответа, тихо сказала она. — Предполагаю, что он мог поехать туда.

— Откуда вы это знаете?

— Макс. Он летом часто бывает там, а Рой хотел его найти. Я же говорила, что видела его несколько дней назад в Шинте, оттуда до крепости не так далеко.

— Артигетт? — переспросила Таша, переводя озадаченный и несколько смущенный взгляд с одного на другую. — Что это?

— Школа для непослушных детей, — усмехнулась Ная. — В основном для мальчиков, но я слышала, что девочек туда тоже стали принимать. Немного и в зависимости от размера кошелька их родителей.

Невольно вспомнилась сцена, которую она застала года три назад, заглянув во время проезда через столицу к лорду Мейсому. Он как раз поставил Макса перед фактом, что ему

стоит уделить внимание развитию тела, даже если его не прельщает перспектива однажды с кем-то сойтись в драке. Леди Авильон всегда старалась привить сыну светские манеры и умение вести себя в обществе, но игнорировала физические упражнения, полагая, что современному образованному дворянину это ни к чему. Вероятно, просто боялась, из-за чего к четырнадцати годам Макс обладал хрупким телосложением и несколько капризным характером.

Про Артигетт он, разумеется, был наслышан — в основном через страшилки и малоприятные сплетни, что туда набирают отморожков с улиц, которых нагаскивают верно служить своему покровителю и перегрызать глотку любому по щелчку пальцев. И, разумеется, всеми ногами уперся, что никогда не поедет туда.

В чем-то Ная могла бы его понять — подростку в том возрасте, воспитанному в среде высшего света, сама мысль о совместном обучении с какими-то (по мнению некоторых сплетников) отбросам должна была казаться невыносимой и оскорбительной. Только слухи, как часто бывает, ошибались — Нае удалось однажды побывать в крепости и своими глазами увидеть, какой железной дисциплины придерживаются ее ученики и насколько они сдержаны и обходительны.

Это лорд Мейсом и пытался донести до Макса: учеба в Артигетте, причем не полноценная, всего лишь на лето — не ссылка, не повинность, а возможность нарастить крепкую броню. Пусть даже не физическую, великим воином с изначально скромными данными и за несколько месяцев не стать, но внутреннюю. Увидеть, что помимо высокого дворянского общества, чопорного и консервативного, с балами и приемами есть простые люди, с которыми выгодно уметь налаживать отношения, хотя бы партнерские, и лояльность которых стоит заслужить.

— Древняя крепость в герцогстве Илмо, принадлежит роду герцога Артига. Сам герцог основал там школу, и нет, учатся там не только непослушные дети. Многие после остаются служить в Илмо на разных должностях, от архивариуса в городской библиотеке до секретаря градоправителя. Надо сказать, редкий в Верне случай полного взаимопонимания аристократа со своими детьми, — криво усмехнулся Крейг, выпрямляясь. — Старший сын — градоправитель в Илмо, младший и дочь занимаются школой. Влиятельная семья. Артиг — один из тех, кто в свое время вступился за меня, и с графом он сотрудничал. Допускаю, что Рой мог туда поехать, и тогда он будет в Лангрии со дня на день.

Говорил он уверенно, но Ная чувствовала его смятение и, хотя не имела возможности узнать мысли, могла с долей уверенности предположить, что терзало принца. Почему Рой долго не давал о себе знать, если отправился в соседнее королевство с заданием, а не ради прогулки по значимым местам? Почему сразу не вернулся в Лангрию, не рассказал о результатах поездки, а занялся своими делами?

Почему сторонний, незнакомый бард знает о его перемещениях больше Крейга?

Ная поймала его оценивающий взгляд, но он так ничего и не спросил, подойдя к Таше и сев перед ней на свободный стул.

— Здесь мне понадобится твоя помощь, — мягко сказал Крейг, отрывая ее ладонь от измятого платья и сжимая в своей. — Если вернется в мое отсутствие, расскажи ему, куда я уехал. Не хочу докладывать широкой общественности о своих делах со столицей, а информация обязательно просочится, если доверить ее кому-то другому.

— Но почему вы не боитесь довериться мне? — едва слышно спросила Таша, чуть не плача и захлебываясь в острой боязни не справиться и подвести. — Вы же знаете, я просто...

— Ты — мой человек, за двенадцать лет ни разу не обманувший доверия. И кем ты была раньше, сейчас значения не имеет, — твердо сказал Крейг. — Ко всему прочему, я не знаю, когда вернусь, завтра вечером или через неделю, и мне надо, чтобы ты узнавала, что говорят в городе. Любые слухи, сплетни, подозрительные разговоры. Поняла?

Она кивнула, не поднимая головы, и скосила взгляд на дверь, молчаливо спрашивая разрешения идти. Какой бы решительной, собранной и сдержанной Таша ни казалась в присутствии посторонних, как бы лихо ни командовала рабочими в кабаре, принца она не столько опасалась, сколько относилась с удивительным для служительницы резиденции трепетом.

— Иди, — разрешил он с ласковой улыбкой, пропавшей почти сразу, как закрылась дверь. — Поговорим?

— Почему нет, — согласилась Ная, пересаживаясь в освободившееся кресло и с трудом удерживая невозмутимость на лице. С ней принц говорил суше, без прежней теплоты, сквозившей в обращении к Таше, и в то же время задумчиво, как будто заново пытался понять, с кем решил сотрудничать.

— На кого вы раньше работали?

— Лу наверняка должна была рассказать, что я не ввязываюсь в политику, — после паузы осторожно заметила она. — Только отдельные заказы.

— Бросьте, — так скривился Крейг, будто услышал редкостную чушь. — В этом королевстве каждый, кто вхож в высшие круги, или участвует в интригах, или на такого работает. Даже Луиза.

— Лу? Бред, она занимается кабаре и никогда...

— Не знали? — перебив, усмехнулся Крейг. — Мы знакомы с тех времен, когда я жил в столице, а ее начали впервые выводить в свет. А пять лет назад за помощью в создании кабаре она пришла именно ко мне.

Ная прикрыла глаза. Со стороны это наверняка выглядело так, будто она сражена внезапным откровением, но и пускай, от нее не убудет, если принц запишет на свой счет небольшую победу в разговоре. Куда интереснее спуститься на границу миров и уцепиться за нити воспоминаний, оплетающие Крейга. Люди врут и не договаривают, и только тени с приграничья хранят полную картину.

На этот раз не потребовалось ни снадобья, ни музыки, на которую она опиралась раньше и к которой не могла обратиться сейчас — зеленые полупрозрачные фигуры возникли за спиной принца, двигаясь в такт его словам. Видеть самой было гораздо проще, чем показывать другим.

— Я боюсь, наши разногласия с родителями стали слишком... непримиримыми, — голос мечущейся по кабинету Луизы доносился едва-едва, словно из-за толстой стены. — Боги, да, я понимаю, как глупо бежать в никуда! Но лучше сдохнуть под лангрийским забором, чем превратиться в куклу, которой будут помыкать муж, семья, общество!

— Изящные, однако, для графини выражения... Присядь, — предложил Крейг и, когда Лу даже не остановилась, насильно усадил в появившееся из ниоткуда кресло. — И послушай меня. Лангрия давно превратилась в убежище вольнодумцев и, хм, сдохнуть тебе никто не позволит. В конце концов, даже если не найдем тебе жилье, статус позволит остаться в резиденции. Но чем ты хочешь заняться сама?

— Кабаре.

— Прости?

— Вы не ослышались, ваше высочество, — неожиданно холодно улыбнулась Лу, вздернув подбородок. — Я могу бросить вызов обществу? Значит, я это сделаю.

— Она не хотела, чтобы я ей помогал, и я не вмешивался... открыто, — слова настоящего Крейга едва пробилась сквозь шепот теней, заглушивший все звуки реального мира. — Но ничто не мешало мне встретиться с Ульриком и намекнуть на удачную возможность улучшить отношения со мной в обмен на маленькую услугу. Он как раз давно намекал, что готов взять под управление королевскую собственность, оставшуюся бесхозной... Или заглянуть на премьеру и после обмолвиться о ней на одном из приемов.

— И этим вы ее завербовали?

— Она сама предложила. Однажды услышала на представлении занимательный разговор среди зрителей и сочла, что мне может быть интересно — тогда и в дальнейшем.

Тени рассыпались брызгами и собрались снова, сложившись в новую картинку. Теперь принц сидел, склонившись над бумагами, за столом, к которому быстрым шагом подошла разгоряченная Луиза, кажется, только чудом не путавшаяся в подоле платья. Ная даже позавидовала: она сама наверняка тут же запнулась бы и растянулась на полу.

— Ты в курсе, какое трепло работает в твоей резиденции?

— Пока я вижу только, какая здесь бесполезная охрана, — сказал Крейг, хмуро глядя на перчатки, брошенные на столешницу перед ним.

— Было распоряжение пускать графиню в любое время и без доклада... ваше высочество.

Ная вздрогнула и похолодела, когда из-за ее спины вышел Рой, узнать которого удалось только по голосу и неестественному спокойствию. В этом воспоминании он казался ледяной статуей, лишённой жизни и человеческих эмоций, и если бы Ная не видела его своими глазами всего пару дней назад, сама бы не поверила, что хоть что-то способно заставить его оттаять. Неудивительно, что Лу отзывалась о нем так нелестно.

— Давай условимся: в пределах разумного. Точно не тогда, когда мы пытаемся работать, — вздохнул Крейг. — Так что ты хотела?

Луиза поджала губы, неприязненно обернувшись на Роя, и что-то ответила, но Ная уже не услышала.

Кое-что общее у них все-таки было; нечто, недоступное обычному взгляду — та тьма, которую Ная увидела в душе Роя в Шинте, преследовала его всегда, проникая даже к границе миров и оставляя отпечатки в воспоминаниях.

Дышать стало труднее, и Ная подскочила, оперлась руками о подоконник, хватая ртом воздух; тени снова рассыпались, но вместо того, чтобы исчезнуть, вихрем налетели на нее, словно утягивая за собой. Кабинет принца смазался, превратившись в безликий серый фон, и она ощутила, как, лишившись опоры, спиной вперед полетела туда, где должен был быть пол.

Серость сменилась зеленой вспышкой перед глазами, а тело глубоко провалилось в царпнувший щеки рыхлый снег. Ная села, все еще ослепленная светом, и попыталась встать, но руки не находили опоры и только глубже тонули. Сама себе она сейчас напоминала еще слепого котенка, который отбилась от мамы и потерялся посреди незнакомого поля.

— Одна ведьма мне недавно сказала, что не слишком талантлива и не знает, как попасть сюда, — кто-то легко подхватил ее под мышки и рывком поставил на ноги, напоследок хорошенько встряхнув. Ная покачнулась, зато сознание прояснилось, исчезли стоявшие перед глазами круги, и она смогла разглядеть все тот же простирающийся к

горизонту Аангрем и подозрительно благодушного великана. — Напомни, кто это был?

— Я и не знаю, — выдохнула она, сгибаясь и упираясь ладонями в колени — отчего-то начало мутить, и стоять прямо оказалось тяжело. — Я вообще должна быть сейчас не здесь!

— Кого-то околдовывала? — с раздражающим участием спросил Тольд, наваливаясь на посох. — И от усердия перестаралась? Просто так сюда попадают только мертвые, по тебе так не скажешь.

— Я не колдовала. Спустилась к приграничью посмотреть воспоминания, это не сложно.

— Если бы ты знала, как попасть сюда, я бы счел, что ты на кого-то нарвалась в приграничье и сбежала в Аангрем. Но ты не знаешь. Как тебя могли учить подходить к границе, не показав дороги? — из голоса великана резко пропала шутливость, и он серьезно спросил. — Тебя же учили?

— Мне рассказывали, что это царство воспоминаний, тени, оставшиеся от людей, — осторожно сказала Ная, чувствуя подвох. — Честно говоря, мы не слишком много об этом разговаривали, не сошлись во мнении... Моя наставница была старомодна.

— Молодые рвутся создавать свое, отринув традиции, на которых держится весь миропорядок — старая история. Никогда не слышала про Ингрид Огненную? Сожгла сама себя, пытаясь донести до людей то, о чем не просили — знание, к которому ваш мир оказался не готов. Хотя ее предупреждали.

— Расскажешь? — спросила Ная, но Тольд только поморщился и сделал приглашающий жест к горизонту.

— О ней наверняка сложили сагу. Я же в качестве жеста доброй воли покажу то, до чего не удосужились снизить другие.

Он подтолкнул ее в спину посохом, задавая направление — легонько, но все же едва не снеся обратно в снег.

Идти пришлось долго, хотя ничего точно сказать Ная не могла — в долине не было ориентиров, только бесконечный снег, и ориентироваться оставалось только на свои ощущения. Великан шел впереди и на счастье молчал, давая возможность подумать. То, что он сказал, несомненно, требовало осмысления, но когда-нибудь потом; важнее было то, что она выпала из реальности посреди разговора с принцем и хорошо еще, если не свалилась кулем на пол. Нет ничего лучше, чем деловой партнер, внезапно потерявший сознание.

Удобный способ уйти от неприятных вопросов.

Нае настойчиво требовалась передышка, чтобы решить, стоило ли Крейгу знать о лорде Мейсоне. Со слов принца можно было понять, что они сотрудничали, но насколько тесно, и насколько глубоко были осведомлены о делах друг друга? Судя по тому, что о лорде ходила слава пусть и не верного до глубины души сподвижника короля, но лояльного короне человека, а о его связях с вольной Лангрией даже в распоследнем шинтийском кабаке не ползло слухов, вряд ли эти связи были слишком тесными.

Более того, об этом не слышала Ная, проработавшая на него пять лет. Само по себе это ни о чем не говорило, она не вникала во все его дела, но такое шило в мешке не утаишь, хоть что-то за эти годы вылезло бы наружу.

С другой стороны, Крейгу известно о Максе, и его рассуждения звучат... уверенно, как о человеке, чьей судьбой интересоваться начал не вчера. Значит ли это что-то? Не факт, быть осведомленным о значимых лицах в политике королевства и их наследниках для опального принца с претензиями естественно.

Задумавшись, она не заметила, когда остановился Тольд, и как на молодое деревце посреди тропы налетела на его посох, перегородивший путь. По бокам и за спиной неизменно лежал снег, зато впереди клубилось серое марево, время от времени вытягивая щупальца в долину.

— Отсюда начинается приграничье. Через него можно попасть в ваш мир или добраться до Утранды, но таких самоубийц немного.

— Утранда — это миф.

— Так же, как и Аангрем, и великан Тольд, стерегущий его, — благожелательно подсказал Тольд. — Должно же существовать место, где обитают те, кого вы почитаете. Кого, кстати, если про Ингрид ты никогда не слышала?

— Почему ходить здесь — самоубийство? — проигнорировав вопрос, в свою очередь спросила Ная, вглядываясь в марево, в котором ей чудилось суетливое и дерганное движение смазанных теней.

— Ходить можно, если знать тропы и с них не сворачивать. Ты же знаешь, что первопричиной всего являлся хаос? Только здесь, — великан обвел свободной рукой долину, — или в вашем мире он упорядочен, на границе же он остается необузданным, изменяющим суть любого, кто или что туда попадет. Но тебе страшнее не это, ведьмы задолго до тебя нашли способ уменьшить риск. Видишь тени? — он повел посохом, и марево посветлело, став почти прозрачным.

— Да.

— Это души тех, кто не смог попасть в Аангрем. Случайные жертвы убийц, потерявшиеся в лесах, умершие в одиночестве и забвении, воины на поле боя... Все те, кого некому было проводить после смерти. В этом смысл всех похоронных обрядов, даже если их совершает не ведьма.

— Лорд Мейсом был убит, но сюда попал.

— Ты испугалась его внешнего вида — наглядная демонстрация влияния хаоса, спокойные души не отражают состояние тела в момент смерти. И ты тогда была рядом со своим приятелем, после думала о нем, этим вытянув сюда, но попала в Аангрем и сама, не имея такого намерения, — с расстановкой сказал Тольд и опустил на одно колено, прямо глядя на Наю. Радужка его глаз почти не отличалась по цвету от зрачка, и в ней не отражались ни отблески разлитого в небе сияния, ни слабое свечение посоха. — Мне неизвестно, почему необученной ведьме дали свободу воли, не рассказав даже основ — безответственно и глупо с их стороны. Выбор у тебя невелик: забыть о своих способностях и никогда к ним не обращаться, убить себя необдуманно действием или учиться.

Ная снова перевела взгляд на марево, ничего не ответив. К самой границе со снегом подплыла хорошо различимая фигура, в которой с трудом угадывался обезображенный человек — плечи перекошились, руки казались отеками и вовсе лишенными кости, половина лица вздулась и покрылась крупными волдырями, и сейчас даже сложно было сказать, мужчина это или женщина. От того, что некогда было одеждой, остались неопознаваемые клочки разной длины, неряшливо свисающие с плеч, рук, пояса.

Фигура, кажется, заметила тех, кто стоял по ту сторону, и бросилась на невидимую границу, но преодолеть не смогла, снова налетев на стену. Не остановилась, не достигнув результата, и кинулась снова, и снова, и снова...

Ная отвернулась. Фигура неприятно напоминала выброшенную на берег рыбу, не вызывая при этом жалости или сострадания, только брезгливость.

— Я поняла, — тихо сказала она. — Чтобы вернуться, надо снова пройти там?

— Туда тебе нельзя, только если хочешь покончить с жизнью, — ответил Тольд, и в его голосе впервые прорезалось недовольство, граничащее с раздражением. — Мне нет необходимости бывать в вашем мире, и как выводить тех, кто попал сюда по собственной дурости, не знаю. Жди. Натура возьмет свое и вытянет обратно.

— Долго?

Он только пожал плечами и отвернулся, глядя в марево.

— Прекрасно, — пробормотала Ная, последний раз взглянула на фигуру и, передернув плечами, пошла по снежной пустыне. Стоять или идти в никуда, когда во все стороны простирается одно и то же — какая, в сущности, разница.

В голове царила пустота, и казалось, само место, через которое проходят души, чтобы обрести вечный покой, отторгало ненужные мысли. Где еще слушать тишину и безмолвие, как не перед воротами вечности...

Ная глубоко вдохнула, почти неосознанно пытаясь прочувствовать существо долины. Воздух здесь не был морозным, как ожидалось, он вообще отличался от того, что наполнял реальность — без температуры и почти без вкуса, смешанный с едва ощутимой горечью, которая бывает после травы, сожженной давно и не здесь.

Еще один вдох; она остановилась, закрыв глаза и чувствуя, как по телу разливается тепло, надежный предвестник пробуждения ведьмовской силы. Только теперь она ощущалась безграничной, не скованной скромными возможностями человеческого тела; ощущалась стихией, способной снести любое препятствие и перекроить мир под себя. Ная растворялась в этой стихии, не чувствуя больше границ, только могущество, которое Аангрему не удержать.

Когда она открыла глаза, долина исчезла, сменившись склоном холма, о подножье которого бились волны. Ная стояла в центре перекрестка трех узких троп рядом с покрытым мхом камнем, на котором едва можно было различить некогда выбитые руны; одна тропа, припорошенная нетающим снегом, вела в сторону, огибая холм, вторая, заросшая травой, сбегала вниз. На третьей, ведущей к туманной вершине, сидел крупный черный с проседью волк, недвусмысленно перекрывая проход.

Подходить Ная не рискнула, припомнив легенду об Охотнике, способном оборачиваться волком и вороном. О нем говорили как о молчаливом, угрюмом и совершенно неприметном человеке, которого можно встретить на пустых удаленных дорогах и в лесах. Зла никому не причинял и первым не нападал, но добычу и владения охранял всегда ревностно.

Заснеженная тропа напоминала только об Аангреме, возвращаться в который не было желания, и Ная пошла вниз, стараясь смотреть под ноги и не наступать на скрытые травой камни — едва не навернулась на таком. Ощущение могущества ушло, оставив после себя легкость и опустошение.

Сквозь плеск моря донесся встревоженный голос; мир раскололся, осыпавшись осколками, и Ная не удержалась на ногах. К счастью, упасть ей не дали чужие руки, подхватившие и усадившие в кресло, и сквозь застывшую глаза мутную пелену она смогла разглядеть Крейга.

— Велеть принести воды?

— Не надо, — Ная потерла лоб, с неудовольствием отметив, как дрожат пальцы. — Спасибо.

— Отложим наш разговор. Завтра будет несколько часов в дороге, сможем продолжить,

а сегодня лучше отдохните, — Крейг внимательно на нее посмотрел, явно не оставив без внимания дрожь, и вздохнул. — Если будете в состоянии.

— Я могу еще полчаса посидеть здесь? — тихо попросила она, не веря, что сможет устоять, и даже не пытаясь подняться.

— Кабинет в вашем распоряжении, — пожал плечами принц, пересаживаясь за стол и разворачивая одно из сложенных на нем писем. — Как придете в себя, распоряжусь об экипаже.

— Что вчера произошло? Вы побледнели и несколько минут стояли в ступоре, потом упали.

Остаток дня Ная провела, запершись в комнате и не открывая даже обеспокоенной Луизе, в конце концов сперва пригрозившей привлечь Дорга и сломать дверь, чтобы убедиться, что не найдет за ней остывшее тело, а потом отчаялась и попросила хотя бы на минуту показаться перед ужином. Сил на то, чтобы ответить ей, не нашлось, и Лу пришлось успокаивать себя донесшимся невнятным мычанием.

Желание жить появилось только под вечер, и его хватило только на то, чтобы поесть, подняться обратно и упасть лицом в подушку. После всю ночь снилось что-то невнятное и муторное, из-за чего проснулась Ная все такой же разбитой, не повеселев даже к полудню, когда за ней прибыл посыльный от Крейга.

— В кабинете было душно, поплохело. Хотела открыть окно, — она зябко дернула плечом, глядя на проносящиеся за окном кареты деревьев. Хорошо, не пришлось ехать верхом, иначе бы наверняка сверзилась. — Сейчас все в порядке.

— И сможете ответить, на кого работаете? — благодушно спросил Крейг, но не надо было быть эмпатом, чтобы понять: отказа он не потерпит и ответа намерен добиться любой ценой.

— Работала. Моего нанимателя убили несколько дней назад, — нехотя отозвалась Ная. — На графа Шинты.

Это никогда не было особой тайной, Наю Лангрийскую многие знали в столичном светском обществе как протеже лорда Мейсома и верную подружку его супруги, а что до барда Гильрани... Она не тешила себя надеждой, что эту тайну удастся хранить вечно. В конце концов, один человек однажды ее уже раскусил, и пусть с тех времен она стала куда опытнее — не важно; принц не дурак, да и Рой, если вернется в Лангрию, и им доведется встретиться, разоблачит ее без особого труда. Хотя бы потому, что провел рядом несколько дней и вряд ли страдает от невнимательности и слабой памяти на лица.

В самом деле, весь этот маскарад обмануть может только тех, у кого дела не связаны с государственными и кто не привык видеть подвох за каждым углом. Тех, кому совсем не важно, кто устранил конкурента или любовника жены. При случае надо будет расстаться с добрым бардом Гильрани — пусть вернется на юг или окажется убитой в какой-нибудь подворотне.

Отравленной другим бардом уже из-за своего любовника. Драматичный финал.

— На Джерома? — не сразу переспросил Крейг, и весь его вид выдавал крайнюю растерянность, как будто Ная сообщила ему что-то совсем невероятное. Например, что она внебрачная дочь вернийской королевы, которая решила воспользоваться около престольной неразберихой, свергнуть короля и взойти на трон. — Он не работал с бардами.

— Все гораздо сложнее, чем выглядит, — мягко, но уклончиво ответила Ная, искренне

удивленная реакцией.

— Нет, подождите, — он надавил пальцами на переносицу и шумно выдохнул. — Подождите. Если вы работали на Джерома, становится понятна осведомленность о Максe. При этом о Рое вопросы адресованы мне, не говоря о том, что, по вашим же словам, вы встречались с ним в Шинте на днях. Что он там делал?

— Направлялся в Лангрию. До этого, полагаю, спасался от вернийской делегации в Квинсе и перебирался через даргийскую границу.

Крейг посмотрел на нее... странно, как будто пытался определить, кто из двоих сошел с ума — рассказ явно не вязался с тем, что знал он.

— Мы были в Шинте, когда убили лорда Мейсома. Видели убийц, — тихо сказала Ная, все также продолжая смотреть в окно и не поворачиваясь к принцу. — Они сгорели на работе. Буквально.

— Кто они?

— Королевская тайная стража. Или просто пытались их подставить... не знаю. Но медальоны настоящие. Я забрала один, но он остался у Роя.

— Я должен был об этом знать, — твердо сказал Крейг, и его лицо словно застыло. — Проклятье, если отец имеет отношение к убийству Джерома, я должен был знать!

— Не думала, что для вас это имеет значение. Мне не было известно о связи лорда Мейсома с Лангрией, — Ная вжалась в спинку сиденья, стараясь отстраниться от принца. Он злился, и его злость была почти осязаема... вот только к Нае отношения не имела. От барда, нанятого со стороны ради некоего задания, нет смысла ждать доклада о каждом шаге; в отличие от человека, который тебе служит и который внезапно бросил все ради своих интересов. — Это ведь и правда могла быть попытка очернить служителей короля, или среди них нашлись предатели.

Или предателем оказался Рой, убив лорда Мейсома, и причин для этого может быть множество — желание сохранить опасную тайну, или личная месть, или что угодно еще. Ная знала правду, видела, как все произошло на самом деле, но все, что оставалось принцу — верить ее словам и верить человеку, которого знал с детства и с которым прошел через многое. Но ведь обмануть могла и она, как и вести двойную игру, несмотря на все заверения Луизы.

Хуже всего, что люди меняются, даже те, кто казался безусловно надежным. Кто сказал, что Лу до конца разорвала связи с семьей и не помогает тайно брату, главе тайной стражи? Кто сказал, что Рой, после того, как вырвался из Квинсы, не решит послать все и скрыться на севере, которому, судя по всему, симпатизирует?

— Рой не убивал лорда Мейсома.

— Знаю, — натянуто улыбнулся Крейг. — У него хватало причин не делать этого, не говоря о том, что просто не выгодно. Предположить, что это помогло бы обелить его имя в глазах короля? Он понимает, что нет.

— Вам Луиза не рассказывала?

— О чем?

— Об убийцах. Ее брат — глава тайной стражи, ей я говорила.

Крейг вздохнул и промолчал, безучастно глядя в окно. Лангрийские деревни остались позади, и, насколько помнила Ная, вдоль тракта их уже не будет до самого Гетри, центра графства. Редкие березовые рощи вдоль полей скоро смешаются с соснами, превращаясь в сплошной заболоченный лес. Граница Лангрии с этой стороны считалась злчным и гиблым

местом, испещренным оврагами и перегороженным буреломами. Поговаривали, что там водятся злые существа, заманивающие охотников и грибников, но в них Ная не верила. Людипропадали постоянно, но виной тому, скорее всего, были сумрак и топи, которые незнающий человек не заметит, а неподготовленный — не обойдет и не выберется, случись что.

Необычное место для переговоров, способных решить судьбу королевства. Повернуть, если что-то пойдет не так, будет непросто, и тогда одна из сторон окажется в западне — или обе, если решит вмешаться третья сила в виде партий, мечтающих сменить королевскую власть. Конечно, с принцем едет вооруженный отряд, состоящий явно не из обычной городской стражи, это видно даже по манере держаться, одежде и оружию; но толку с этого, если со всех сторон болото? Разве что кто-то из них местный, хорошо знающий леса, что тоже вполне возможно...

Сам дом наверняка стоит вдалеке от дороги, раз его называют охотничьим, и принадлежит или Крейгу, или его таинственному визави; доверять графу Гетри, чтобы он принял переговорщиков в своем обиталище, с учетом всех предосторожностей было бы неосмотрительно. Доберется ли туда карета или хотя бы лошади? Сомнительно, у границы лес гуще всего, там людям бы не переломать ноги.

— Возможно, все произошедшее не так плохо, как может казаться, пусть даже это прозвучит цинично с моей стороны, — сказал Крейг, когда их делегация свернула на неприметную дорогу и почти сразу остановилась. — Если отец не имеет отношения к смерти Джерома, тогда у нас появится общий враг. Договориться о союзе ради победы над ним будет куда проще, а дальше посмотрим.

Дверь открылась, и он легко спрыгнул на землю, огляделся и подал Нае руку, как будто высокопоставленным лицом была она, а принц — телохранителем.

Почти сразу к ним подошел неприметный крепкий мужчина в потертой куртке, посматривающий на всех пронзительно и с подозрением. В городе встреча с таким наверняка не запомнилась бы, даже длинный кинжал в поясных ножнах на нем смотрелся естественнее, чем более популярная нынче шпага, от которой в лесу толку немного. Не дятлов же ей, в самом деле, устрашать.

— Отсюда придется пешком, — без приветствия сказал он. — Рилло и его люди уже там, за ними присматривают мои парни. Дом осмотрен.

Крейг кивнул, принимая доклад, и пошел следом, сперва глядя по сторонам, а потом, запнувшись о корень, уткнулся взглядом в землю. Ная почти не отставала, не спотыкалась и не цеплялась за все подряд ветки, заслужив молчаливое одобрение провожатого; за годы путешествий по городам центральных королевств она привыкла к удобным и сравнительно ровным дорогам, но детство, проведенное в лесах вокруг Стормгрита, так просто не забывалось.

Вокруг охотничьего дома — добротного каменного строения в два этажа — их уже ждали: высокий мужчина в плаще с глубоким капюшоном, по всей видимости, тот, с кем и должен был встретиться Крейг, Рилло, на вид более усталый и деловой, чем был в Лангрии, и несколько вооруженных людей, таких же неприметных, как и провожатый Крейга. Который как раз остановился напротив и коротко глянул в сторону входа.

— Можете проверить, — позволил Рилло и, спохватившись, коротко склонил голову в сторону принца. — Ваше высочество, госпожа бард.

Крейг рассеяно кивнул, не отводя взгляда от человека в плаще, и по тому, как он

хмурился, можно было предположить, что что-то уже идет не так, как ожидалось. Уж точно перед ними стоял не господин Стабо, приземистый и плотный, которого Ная однажды видела в столице на одном из приемов. Мельком, но даже того хватило, чтобы запомнить рост, комплекцию и плавные, словно растянутые движения.

— Чисто, — отчитался подчиненный Крейга, останавливаясь неподалеку. Ная отчетливо ощущала исходящую от него неприязнь и раздражение. Уверен, что от этих переговоров стоит ждать подвоха, и не приемлет саму идею оставить принца наедине с человеком, у которого не видит даже лицо. Но надо отдать должное — все это оставалось эмоциями, спрятанными внутри под маской отстраненности.

— Отойдите за границу поляны со стороны, откуда мы пришли. Ждите там и не лезьте, только если Гильрани заметит что-то подозрительное. Она останется здесь, — велел принц и первым зашел в дом, следуя приглашающему жесту Рилло.

Дверь закрылась, но вооруженные люди так и остались стоять, в недружелюбной тишине косясь то на нее, то друг на друга. Рилло же неторопливо спустился с высокого крыльца и устроился на одной из ступеней, выразительно кашлянув.

— Господа, позволю себе напомнить протокол, о котором договорились обе наши стороны, — с благожелательной улыбкой сказал он, когда на нем сошлись все взгляды, и уже серьезно пояснил. — Прочь с поляны. Все.

Стоявшая рядом Ная слышала, как провожатый скрипнул зубами, но подчинился, и вслед за ним ушли четверо. Оставшиеся, впрочем, тоже не задержались, растворившись в кустах с противоположной стороны.

— Дом просматривается со всех сторон, никто из них не даст подойти другому ближе оговоренного, но при этом каждый счел необходимым испытать границы дозволенного, — недовольно сказал Рилло и приглашающе похлопал ладонью по ступени. — Присаживайтесь, к чему стоять.

— Вы не переживаете? Мы сейчас находимся, возможно, при судьбоносных переговорах, — дурнота время от времени накатывала с новой силой, и отказываться Ная не стала, тем более, что опасности не чувствовала, а крыльцо было достаточно широким, чтобы уместиться вдвоем и при этом не напоминать парочку влюбленных.

— Так и вы тоже, — заметил он. — Я сделал все, что мог, до этого дня, и большего сделать не могу. Доводилось слышать об Огненной Деве?

«Никогда не слышала про Ингрид Огненную?»

— Огненной Деве?

— Одна из древних идиолов Вольных княжеств на западе, хотя поклоняются им до сих пор. Вечный Охотник, Сумрачный Странник, Светлый Витязь, Ревнитель Порядка и Огненная Дева, — Рилло устроился удобней, прислонившись спиной к ступеньке выше и опершись о нее локтями, явно настроенный поговорить на отвлеченные темы. — Дева — дочь Странника, долгое время путешествовавшая с ним по земле и собиравшая души. Она видела, как легко люди покоряются судьбе, часто даже не пробуя бороться — при болезни, ранении, бедности, еще каких-то обстоятельствах, и однажды взбунтовалась, ушла к людям, чтобы заставить взять судьбу в свои руки. Человек всемогущ, если пожелает сам, говорила Дева, но люди ее не слушали. Со временем она утратила пыл, вышла замуж и жила в отдаленной деревне, постепенно возвращая в жителях приверженность ее собственным убеждениям. Оттуда, кстати, и пошли легенды о колдунах, для которых нет границ реальности... Однажды ее дом сожгли вместе с ней и мужем.

— Поэтому огненная?

— Говорят, она повелевала огнем и в том пожаре не сгорела, но отвернулась от людей, кроме тех, кто тоже одарен. У нас ее почитают как покровительницу ведунов.

— В центральных королевствах обычно не принято говорить о ведьмах и ведунах, если не запрещено, и это вкладывается в голову с детства. Вы не верниец, верно? — почти убежденно предположила Ная.

— Родился и до десяти лет жил в Кратене, — пожал плечами Рилло и широким жестом обвел вокруг себя. — Самое крупное из Вольных княжеств, но размеры его территорий не дотягивают даже до Гетри. Понимаете, идолы — не то же самое, что четыре бога в других королевствах, хотя при желании можно увидеть, что Дева нашла свое отражение в Инге, Странник в Ерене, а Ревнитель в Теодоре. Им не молятся время от времени, когда возникает потребность решить вопрос — люди живут, зная, что покровитель всегда рядом. Ведуны выступают кем-то вроде проводников их воли.

Ная хотела спросить, не близки ли тогда ведуны жрецам, но осеклась, на мгновение выпав из реальности, как будто кто-то в лесной тишине над самым ухом слишком громко и резко хлопнул в ладоши. Всего одна секунда, неуловимый миг, за которым все потекло так же, как и до него, только внутри осталось неприятное ощущение испуга, чего-то неправильного, чего здесь быть не должно.

— Вы ничего не видели? — спросила она, скривившись и пытаясь расправить плечи, на которые словно закинули неподъемный груз. — И не слышали?

Рилло мельком глянул на ее лицо, нахмурился и замер, прислушиваясь. Ничего не изменилось; шумел в кронах ветер, гоняя прячущихся там птиц, за кустами слышались приглушенные голоса сопровождающих, и Ная была уверена — только тех, кто стоял на поляне, на деле их наверняка больше, как и людей принца, но те молчали, не выдавая себя. Где-то в стороне звучно хрустнуло, как будто с силой наступили на сухую ветку.

Хлопок. Рилло подскочил, рука дернулась к застегнутой куртке, и он раздраженно буркнул под нос на незнакомом языке.

— Стреляют, — пояснил он, выдыхая, медленно расстегнул пуговицы и из кобуры, закрепленной на портупее под курткой, достал небольшой револьвер. Ная такие почти не встречала даже в Даргии или Нилье, в которых огнестрельное оружие было куда более развито и популярно не только среди солдат и стражи. — Сидите здесь.

Рилло пошел вдоль дома, держа револьвер в опущенной руке и настороженно посматривая в сторону леса. Когда он скрылся за углом, Ная перевела дыхание и попыталась расслабиться, почувствовать тех, кто находится рядом. Крейг и его собеседник слишком далеко, скрытые каменными стенами; ощутить сопровождение в кустах тоже мешает расстояние, а Рилло напряжен и сосредоточен. Больше никого, полное спокойствие, ни одной посторонней эмоции.

И в этой тишине к спине словно приложили медленно накаляющийся прут; жжение, поначалу слабое, постепенно усиливалось, и происходящее, наконец, выстроилось в линию, прямую и ровную. Спина, навалившаяся тяжесть, движение в кустах... Неведомый бард не оставлял попыток вмешаться в политику, начав с убийства дипломата практически у самой границы. Имел ли он отношение к пожару в Шинте и убийцам лорда Мейсома? Вполне, надежная подстраховка и отвлечение внимания. И что может быть более эффективным, чем следующим шагом сорвать переговоры государственной важности, а то и убить принца?

Мог ли тот же бард охотиться за Роем, искать его в трактирах сразу после того, как в

Квинсе поднялся переполюх? Он сам сказал, что его пытаются подставить, из-за этого угрожал Дарите, плюс все то, что стало о нем известно, да и сам маршрут барда... Проклятье.

— Рилло! — не выдержав, окликнула Ная мужчину, когда тот только показался из-за угла.

— Вокруг дома никого нет, — хмуро сказал он, подходя к крыльцу, но не спеша снова садиться.

— Вы восприимчивы к воздействию бардов?

— Простите?

— Здесь рядом бард, уверена, что бы ни происходило, в этом замешан он, — без особой надежды пояснила она, снова вспоминая Роя. Он себя контролировал лучше многих, сдерживал эмоции, и все же в том трактире оказался очарован музыкой, как и все прочие.

Рилло промолчал, а потом переложил револьвер в другую руку и молча сдвинул ворот рубашки, показывая небольшую татуировку под ключицей — пять лучей разной длины, выходящие из одной точки, опоясанные тремя кругами и с незнакомыми символами на концах.

— Всегда помогало.

— Надеюсь, иначе... Осторожно!

Он стоял спиной к углу, из-за которого пришел, и подскочившего со спины человека заметил слишком поздно, когда инстинктивно обернулся после окрика Наи. Выстрелить или хотя бы увернуться Рилло не успел — нападавший двигался слишком быстро и словно бы текуче, ускользая от ударов противника и опережая его на несколько секунд. Будь на месте дипломата опытный боец, у него бы еще был шанс, Рилло же заметно не хватало ни навыков, ни скорости.

Ная не успела рассмотреть даже одежду нападавшего — обычные штаны, обычная куртка, которые могли быть у любого сопровождающего любой из сторон или совсем постороннего человека. Нет, со стороны вряд ли кто-то мог узнать так просто и подобраться без участия предателя в одном из отрядов.

Мысль мелькнула и растворилась — для рефлексии было не место и не время. Не слишком рассчитывая на результат и больше от надежды отвлечь от Рилло на пару мгновений, отчетливо понимая, что ей нечего противопоставить даже шпане из подворотни, не говоря уж об опытном бойце, Ная вцепилась в плечо мужчины и попыталась ударить согнутым коленом. Тот уклонился, будто даже не обратив внимания, но хватку ослабил. Этого хватило, чтобы дипломат с неожиданным проворством и шипением вырвался и кувырнулся в сторону, разрывая дистанцию. Жаль только, в противоположную от выпавшего револьвера сторону.

Нападающий же с легкостью оттолкнул от себя Наю — еще и с такой силой, что она не удержалась на ногах и упала на крыльцо, неудачно приложившись щекой о ступеньку. В голове загудело, мир поплыл и раздвоился, а когда вернулся в привычные очертания, рядом обнаружился один из стражников, которых она мельком видела после остановки экипажа принца.

И помогать он совсем не собирался, прижав к крыльцу так, что заныла спина. Одно хорошо, если в такой ситуации хоть что-то может быть хорошо — хотя бы не отворачивается.

Такое уже происходила, у поместья лорда Мейсома, когда они с Роем схлестнулись с убийцами. Да, тогда ей помогало снадобье, но ведь как-то же вчера удалось провалиться в

Аангрем и без него! А значит, если собраться, заставить себя забыть о раскалывающейся голове и временами все еще накатывающей слабости...

Тольд говорил, что ей не стоит использовать свой дар, чтобы не погибнуть, но если смерть и так грозит, то какая разница!

Но силы не было; она не ощущалась, не поднималась волна, заставлявшая других подчиниться, только крупницы, вспыхивающие и ничем не способные помочь. От накатывающей слабости, вновь проснувшегося подавляющего чувства беспомощности, ощущения стального лезвия у горла, прижатого вторым нападающим и уже оцарапавшим кожу, хотелось заскулить и сдаться.

«Человек всемогущ, если пожелает сам».

Время замедлилось, и теперь движения противников казались растянутыми, почти что дурашливыми, как во время напыщенной потасовки в дурацком водевиле.

Нет, сдаться — слишком просто, особенно когда рядом, всего в нескольких десятков шагов, находятся вооруженные бойцы, которые не смогут остаться в стороне, когда разберутся со своей дракой. Всех не перебьют — по крайней мере, в это надо верить. Арна всегда считала, что мысль даже простого человека способна менять мир, что уж говорить о ведьмах, одной своей волей, если верить древним сагам, перекраивающих мироздание.

И пусть легендарных ведьм рядом не было, но та, что есть, не могла отступить.

Ей ведь уж приходилось перешагивать через себя — когда ушла из дома под бурчание бабки, когда прибилась к бардам, когда под руководством лорда Мейсома осваивала непривычный ей придворный этикет и пробивалась в высший свет, создавала имя, которое теперь знали... Бросить все и плыть по течению всегда было проще, но она упорно ломала себя, из обломков складывая того человека, которого хотела видеть.

Тело скрутило судорогой, и в опустевшем сознании вспыхнуло понимание: сейчас. Один короткий шанс, который нельзя упустить, потому что ради него придется вывернуться наизнанку, и второй раз не получится — возможно, и попробовать-то потом будет уже некому.

Взгляд противника встретился со взглядом Наи, и в его глазах отразилось голубое свечение, бескрайние снега Аангрема... а после их сменила взметнувшаяся, словно потревоженный ветром пепел, тьма, несущая за собой страх, отчаяние, холод и смерть.

За плечом мужчины Ная отчетливо увидела призрачный силуэт женщины — белая кожа, залитые тьмой глаза, заплетенные в тонкие косы развивающиеся черные волосы и черное же рваное платье, опоясанное кожаными ремнями и в плечах подбитое облезлым мехом. Она смотрела на Наю, скалилась, предчувствуя жертву, и, наконец, требовательно протянула руку. Самую обычную, без когтей и не костлявую, хоть и тонкую, с черными короткими ногтями.

Йорн. Собирательница душ и воплощение смерти. Те, кто попадает в ее объятия, не обретают вечного покоя на просторах Аангрема...

— Отойди, — из последних сил велела Ная противнику, застывшему с остекленевшими глазами.

Тот дернулся, но не сдвинулся: рука Йорн властно легла на затылок, не давая отстраниться. Виски заломило нестерпимой болью, и Ная едва не закричала, кое-как сохранив самообладание, но отчетливо понимая: надолго ее не хватит. Воплощенная смерть куда сильнее обычной ведьмы, бороться с ней на равных нечего и надеяться.

— Уходи, — твердо прошептала она, вкладывая в короткий приказ всю свою оставшуюся волю и крупницы силы. — Уходи!

Мужчина дернулся, раз, другой; нож в его руке дергался вместе с ним, только сильнее расцарапывая кожу. Из носа хлынула кровь, сосуды в глазах полопались, и, наконец, тело не выдержало сопротивления, обмякло и рухнуло на землю, где и забилося в судорогах.

Оскал Йорн стал шире, и она резко сжала кулак. Боль вспыхнула разом везде, от головы до пальцев ног, но и исчезла почти сразу — вместе со всем окружающим миром.

Вокруг осталось только клубящееся марево; не грязно серое, как на границе миров — темное, почти черное, медленно кружащее. В нем ровно горели далекие точки, напоминающие о звездах, и изредка вспыхивали голубы и фиолетовые молнии, подсвечивающие клубящиеся облака и вызывающие не ужас, а необъяснимый трепет перед стихией, которая была древнее самого мира.

Где-то впереди среди окружающего ничто завис большой медленно вращающийся шар, сверху окутанный переливающейся огненной сетью. С двух сторон от него стояли фигуры — одна в сером многослойном плаще с закрытым капюшоном лицом и посохом, отдаленно напоминающий посох Тольда, другая — мужчина в приталенном белом одеянии, с открытым, сосредоточенным лицом и сложенными на груди руками. Оба человека смотрели на шар, и время от времени молнии сверкали совсем рядом с ним, ударяя в сеть, и тогда она вспыхивала ярче, а огонь становился то белым, то голубым или зеленым, то снова привычно оранжевым.

А еще все вокруг дышало силой — дикой, древней, неистовой, мало похожей на ту, что Ная ощущала в себе, или ту, что исходила от призрачной Йорн. Обуздать эту не могло ни что, она была больше людей, больше покровителей, почитаемых на севере или в Вольных княжествах, больше богов центральных королевств; больше самой жизни и смерти.

Первородный Хаос — то, что породило этот мир, то, из чего состоит все сущее, то, перед чем меркнут любые людские распри и дворцовые интриги. И те двое — творцы, воплощение хаоса и воплощение порядка, вечные противники и противоположности, создающие гармонию и равновесие.

Это знание не пришло сейчас, в один момент, оно существовало всегда, с момента рождения и даже до него; просто только теперь всплыло на поверхность, и Ная ощутила такой же дикий восторг, не похожий ни на что, испытанное раньше. Любое искусство, любые люди, приводившие ее раньше в восторг, меркли перед тем, что она видела и чувствовала в это мгновение.

И сила, бесконечная сила, проходящая сквозь тело и вновь дающее то могущество, которое возникло вчера в Аангреме, но в то же время настойчиво выталкивающая обратно: это место не предназначено для людей.

Глава 10

Когда Ная открыла глаза, на поляне у дома почти ничего не изменилось: у крыльца лежало затихшее тело, а Рилло был прижат к стене и почти не шевелился, только пытался разжать держащую его руку, но явно находился на последнем издыхании. Из кустов вывалился один из сопровождающих принца с обнаженным оружием — тот, что вел через лес и осматривал дом, и ему явно требовалась минута, чтобы сориентироваться в ситуации, которой у Рилло не оставалось.

— Эй, — окликнула нападавшего Ная и сама удивилась силе и властности в голосе. — Отпусти и отойди в сторону.

Тот послушно разжал пальцы и сделал два шага назад, замерев на месте, даже руку не опустил, так и стоял, пока в него не влетел разъяренный воин.

— Спасибо, — прохрипел Рилло и сполз на землю, одной рукой пытаясь найти опору, чтобы подняться, а второй потирая горло.

— Обращайтесь, — отозвалась Ная и потеряла сознание, на этот раз провалившись в темноту без всякого хаоса и снегов.

— Среди моих парней этого человека не было.

— Моим сопровождающим он тоже не являлся. Не мог же он взяться из ниоткуда, узнать о нашем местонахождении и спокойно пройти мимо двух вооруженных отрядов?

— Они были втянуты в перестрелку. К тому же, если верить госпоже барду, здесь неподалеку находится другой бард. По крайней мере, находился какое-то время назад.

— Стоит ли ей доверять — отдельный разговор.

— Я — доверяю, и обсуждать это не намерен.

— Вынужден согласиться с его высочеством. Не думаю, что предатель позволил бы своим наемникам покалечить себя, к тому же она предупредила и, в конечном счете, спасла меня. И этот человек жив благодаря ей, вряд ли господин охранник смог бы захватить его без жертв.

— Лучше посмотрите сюда.

— Что такое, Эрик?

Ная разлепила глаза и со стоном приподнялась на локте. Она все еще лежала на крыльце, но кто-то заботливо подложил под голову свернутую куртку и накрыл еще одной; судя по тому, что принц и Рилло стояли над бесчувственным и связанным телом первого нападавшего в одних рубашках, одежда принадлежала им. Горло обхватывала нетугая повязка, остановившая кровь из пореза, но дышать все равно было трудновато. Оставалось надеяться, что ткань была хотя бы чистой.

Сидящий у тела на корточках проводник Крейга — по всей видимости, Эрик — дернул за какой-то шнурок и продемонстрировал собравшимся нечто, лежащее на раскрытой ладони. Принц первым склонился над находкой и едва не столкнулся лбами со своим недавним собеседником. Теперь тот стоял без плаща, и можно было разглядеть и все еще густые седые волосы, и хорошо узнаваемое лицо с холодными карими глазами и властным выражением. Крейг не был его копией, но сомнений в том, чей он сын, не оставалось.

Знал ли он, с кем предстоит встреча? Вряд ли, судя по тому, как отреагировал, когда их делегация добралась до поляны.

Провокации в Даргии, лезущие в политику барды, убийство лорда Мейсома и теперь — явление Йорн... при одной мысли о последней в душе всколыхнулась паника. Если все остальное пусть и не было простым, но решалось обычными людьми, то с воплощением смерти им справиться не удастся. Первым же дело надо сообщить об этом на Инеистые острова, если кто-то поможет, то только оттуда.

И если даже Винсент Первый, непримиримый король Верны, сам пошел на переговоры со своим бунтующим сыном, королевство ждут непростые времена.

— Тайная стража.

— Провокация, — отрезал король. — В тайной страже каждый человек проверен и перепроверен. Медальон подделан.

— Ты его толком не рассмотрел. Я сегодня уже рассказывал, что такие же были найдены на убийцах в Шинте.

— С каких пор принц, играющий в правителя региона, верит слухам?

— Мне об этом рассказал Рой. Он был свидетелем, — спокойно соврал Крейг, в упор глядя на отца. — Обманывать в этом ему нет необходимости. И мы оба знаем, что Джерома убил не он.

Он замолчал так резко, что Ная почти услышала недосказанное: «Как и мою сестру».

— Мы все давно подозреваем, что ударить в спину может любой, из-за этого, полагаю, сегодня прибыли сюда. Просто потому, что оппозиционные партии становятся сильнее, а дворянство никак не придет к единому мнению, — кашлянув для привлечения внимания, дипломатично заметил Рилло, одним этим разрядив обстановку. — Артиг верен короне, мелкие бароны начинают посматривать в сторону оппозиции, а Брамс, имея одно из самых больших герцогств, сохраняет нейтралитет, что значит — ведет свою игру. Смерть Мейсома, имевшего влияние, еще больше осложнила ситуацию. Ваше величество, ваше высочество, я прошу не забывать, что сейчас нам надо действовать вместе, или проиграют все.

— Он прав, — справившись с собой, сказал король, и Ная, ощутившая его короткую вспышку злости и боли, готова была поклясться, что и он в мыслях окончил за Крейга фразу. — Нам нужен ты и мальчишка. Вы не обеспечите большинство на собрании, но не дадите его и баронам. Впрочем, мы это только что обсудили. Думай.

— Мы найдем решение. Условия я услышал, — сдержанно кивнул Крейг, и в его голосе одновременно прозвучали облегчение и металл, который бывает у людей, принявших трудное решение, которое не одобряют окружающие.

Рилло, убедившись, что семейной сцены не последует, опустил рядом с Эриком, закончившим обшаривать пленника, и под неодобрительный взгляд прошелся сам, тщательно проверяя карманы, ремень, сапоги. Один даже стащил, закатал штанину, нахмурился, и от хлынувшего от него ужаса Ная едва не подскочила, пришлось спешно закрываться ото всех — и без того было не по себе.

— Метка культа Ерены, — сумрачно сказал он, переходя ко второму, бездыханному телу, и, разув его, выругался. — Культисты. Кто-то не гнушается обращаться к бардам и запрещенным верованиям.

«...при желании можно увидеть, что Дева нашла свое отражение в Инге, Странник в Ерене, а Ревнитель в Теодоре».

Дева — дочь Сумрачного Странника, собиравшая души вслед за отцом. Странник, нашедший свое отражение в Ерене. Ерена, если верить жрецам, хранительница вечного покоя. Культ Ерены. Собирательница душ Йорн, стоящая за плечом культиста и ему

благоволящая.

Разные имена, суть одна.

— Покажите, — хрипло попросила Ная, кое-как вставая, скидывая куртку и перебираясь к телу. Собравшиеся оглянулись на нее с таким видом, словно вовсе забыли о присутствии.

— Клеймо, — Рилло обвел пальцем небольшой выжженный и давно заживший круг на лодыжке. — Слышал о них, но встречаю впервые.

Ная коснулась метки и тут же отдернула руку, ощутив под пальцами обжигающий холод, и паника захлестнула с новой силой. Нет, это не просто знак, и ей не почудилось от перенапряжения.

— Все в порядке? — к принцу и королю она сидела спиной, но от находящегося рядом Рилло перемена в настроении не укрылась.

— Нет, — тихо ответила Ная, неосознанно отстраняясь как можно дальше. — Большая проблема для всех. Надо допросить второго, лучше в моем присутствии и не в лесу.

— Я постараюсь, если меня не порвут, — тихо вздохнул он и повысил голос. — Полагаю, нам не стоит задерживаться, здесь может быть небезопасно.

— Что делаем с этим? — хмуро уточнил Эрик.

— До Лангрии ближе, рисковать, везя его через всю страну в столицу, нет смысла, — опередив всех, сказал Рилло и обратился к недовольному королю. — Ваше величество, если позволите, я поеду с ними. Не думаю, что допрос займет больше ночи.

— Это вы зря, — буркнул Эрик себе под нос, но влезать в разговор не стал.

— И завтра к вечеру смогу вас нагнать.

— Рилло должен присутствовать на допросе все время, — после долгой паузы ответил король, глядя на Крейга. Тот сдержанно кивнул.

— Разумеется.

— Тогда не задерживайтесь, — велел Винсент Первый. — Рилло, узнай о состоянии моих людей, и езжайте сразу.

В дальнейшей суете Ная не участвовала, добрела до стоянки и с помощью Эрика забралась в экипаж. Толку от нее сейчас все равно было мало, даже если ее помощь и требовалась; голова раскалывалась, невыносимо болела щека, почти наверняка наливаясь эффектным синяком, жгло под повязкой шею, и одна мысль о необходимости трястись следующие несколько часов в карете по не самой ровной дороге вызывала тошноту.

Стоило поговорить с принцем, но — наедине, без лишних ушей. Рилло, возможно, заслуживал доверия, но в нынешнем состоянии она не могла определить его границы. Про Йорн ему необходимо знать, остальное же...

Пленника решили перевозить внутри экипажа, связанного и без сознания — Эрик лично и с ощутимым удовольствием зарядил ему кулаком в челюсть. В кустах, в которых таились отряды, произошла практически бойня, когда часть бойцов внезапно озверела и кинулась на своих же, поначалу не без деятельного участия тех двоих, кто позже выскочил на поляну. Первой же капли крови хватало, чтобы люди приходили в себя, как часто и бывало с воздействием бардов, вот только обороняющиеся, опытные закаленные воины, этого не знали и били на поражение.

Из отряда короля выжили пятеро и один из зачарованных, из пятнадцати людей Эрика — четверо, оставшихся в своем уме, не считая его самого.

Рилло отправился в Лангрию верхом на одной из лишившихся хозяина лошадей, хотя и смерил ее скептическим взглядом. Выбора ему в любом случае никто не предлагал, в карете

места не осталось, если только сесть друг другу на колени, но к столь тесному сотрудничеству даже в сложившейся ситуации желающих не нашлось.

Ехать в одном небольшом пространстве с человеком, который всего час назад пытался убить, было неудобно, хотя рядом с ним сидел угрюмый и контролирующий каждое движение Эрик, а напротив, мужественно прикрыв Наю, устроился Крейг. Он неотрывно смотрел в окно, и его нервозность выдавали постукивающие по колену пальцы.

— Ваше высочество... Крейг, — принц среагировал, только когда она позвала по имени. — Допрос произойдет сразу, как только мы вернемся в город, так?

— Смысл тянуть? Вы же слышали, дипломат собирается утром вернуться к королю, — процедил Эрик сквозь зубы, сжимая кулак. Его явно раздражал Рилло, но куда сильнее провал и потеря людей. Хорошо, что не пострадал принц — этого он себе наверняка бы не простил.

— Вам стоит кое-что знать, — нехотя сказала Ная и выразительно замолчала. Крейг, стоило отдать ему должное, проблему понял сразу.

— Эрик служит у меня двенадцать лет, до этого возглавлял гарнизон на границе с Даргией. Для нас с Роем он во многом своего рода наставник... Говорите.

— Две вещи. Я не знаю о культе Ерены, и что о нем говорят, но за этими двумя помимо неизвестного барда стоит Йорн. Это не человек, что-то вроде... сущности. Одна из самых жестоких северных саг. Наш пленник — опасен, вы должны от своего имени сообщить на Инеистые острова, — Ная выдохнула и закончила совсем тихо, через силу. — Я не бард. Все это маскарад, образ, как вы сами говорили, пугающий людей. Я ведьма родом из Стормгрита и действительно кое-что могу, Луиза вас не обманывала. Но сейчас меня недостаточно, нужен кто-то сильнее.

В этот момент, с нездоровым весельем подумала Ная, стоило бы эффектно сорвать парик и взмахнуть светлыми волосами, только вот незадача: слишком хорошо закреплен, иначе бы слетел еще на поляне.

— Занятно, — признался Крейг, не выглядевший слишком удивленным. — По крайней мере, объясняет... у вас совсем не южный тип лица, светлые глаза. На это не сразу обращаешь внимание, только когда задумываешься. И какое у вас настоящее имя?

— Ная. Фамилия не слишком важна, в Шинте, где в молодости жил мой отец, ее слишком хорошо знают, поэтому в центральных королевствах представляюсь Лангрийской. По крайней мере, для музыканта это допустимо и вполне звучно.

— Музыканта?

Ная обреченно вздохнула. Ожидаемо, что рассказав одно, придется говорить и о другом, особенно после того, как по пути к месту переговоров уже рассказала о своей работе. Естественно, что интерес принца разгорится сильнее, и отделаться общим: «Да, я сотрудничала с лордом Мейсомом», — уже не удастся. Хотя отвечать она старалась сдержанно, с оглядкой на спутников отложив подробности для более подходящего случая, когда рядом не окажется лишних ушей. Никто не собирался отпускать пленника после допроса, но полагать, что он никак не сможет выбраться на свободу, было бы самонадеянно.

Пересказ избранных мест из ее насыщенной биографии занял большую часть пути, а оставшуюся Ная, убаюканная дорогой, проспала, привалившись боком к стенке кареты. Проснувшись только на въезде в город и к немалому удивлению принца попросила сделать крюк к кабаре и там ее подождать пару минут. Допросить пленника собирались незамедлительно, но подходить к адепту Йорн без хоть какой-нибудь подготовки, она не

рискнула, особенно с учетом полного истощения собственных ресурсов. Возможности передохнуть ей никто не даст, так что придется снова использовать зелье, а после расплачиваться за это с собственным организмом. Хорошо, если хотя бы не сразу.

В кабаре никого не было, кроме наводящей порядок служанки, и неудобных вопросов никто не задавал; желание о многом спросить отчетливо читалось на лице девушки, перепуганной помятым видом обитательницы дома, но она стоически сдержала любопытство.

В комнате Ная достала шкатулку и, подумав, запихнула ее в сумку целиком, чтобы не гадать сейчас, что понадобится, а что нет, и не ошибиться. Туда же сунула кинжал, который в путешествиях носила на ноге, и прабабкину книгу. В зале же, немного подумав, залезла в бар Дорга и позаимствовала початую бутылку коньяка, взамен сунув записку, чтобы со всеми претензиями он Луизу отсылал к ней.

Наверное, алкоголь был не самым верным решением, тем более в таком деле и в присутствии столь высокопоставленных персон, но он поможет хотя бы приглушить страх.

На бутылку в ее руках Крейг посмотрел с неожиданным пониманием и никак комментировать не стал.

В резиденции помещения, пригодного для допроса, не обнаружилось, и экипаж, минуя ее, направился к зданию городской тюрьмы, расположенной на другой стороне города. В самой камере, отдаленной и отгороженной от остальных поворотом коридора, Ная под пристальным взглядом Крейга и присоединившегося к нему Рилло долго рисовала углем защитную вязь рун, педантично сверяясь с книгой. Со стороны ее действия наверняка выглядели странно и несущественно, как детская игра, но глубине души то и дело поднимал голову страх, несколько притупленный выпитым по дороге. Лучше уж показаться глупой сейчас, чем потом пытаться справиться с Йорн.

Для пленника она очертила широкий круг, оставив, тем не менее, достаточно места, чтобы допрашивающие могли свободно стоять у стены и ходить, не рискуя его переступить или задеть подошвой. Подумав, ближе к двери начертила руну из самого конца книги; судя по короткой записи, она усиливала все остальные, хотя ее значение было старательно вымарано.

Узор на стенах и у порога на мгновение тускло засветился и сразу погас, и Ная, несмотря на подступившую слабость, ощутила наполнявшую их силу.

На всякий случай щедро отхлебнула из бутылка с зельем, чтобы обессилено не упасть в неподходящий момент, и попросила Крейга организовать ей какой-нибудь стул. Смешивать алкоголь, наркотик и крайнее истощение было сомнительной затеей, но уж как-нибудь расплатится за это потом. Если потом, конечно, настанет.

Пленник зашел в камеру своими ногами, хотя пошатывался и выглядел неважно — Эрик не страдал излишками гуманизма и приложил его как следует. Глаз заплыл, по подбородку расплзалась синева, а нос казался неестественно свернутым. Впрочем, Ная после близкого знакомства лица с лестницей представляла едва ли лучшее зрелище: ушибленная правая половина ныла, на скуле осталась ссадина от выступа ступени, но хотя бы глаз нормально видел.

— Имя, — потребовал Крейг, когда Эрик лично усадил пленника на низкий стул.

— Что, неужели всеведущий Рилло Кайнен чего-то не знает? — ощерился тот, но гримаса вышла неубедительной. Видимо, кривляться все-таки было больно.

— Я не всеведущий, никогда о себе так не заявлял и работаю не на тайную службу. В отличие от, — спокойно сказал Рилло, подкидывая на руке предусмотрительно срезанный медальон. — Среди наших людей тебя не было.

— Среди моих тоже, — хмуро вставил Эрик, оставшийся стоять у двери.

— Видишь? Так что имя твое нам все еще интересно.

— О тебе ходят любопытные слухи, Рилло. Не зря же король потащил на встречу всего лишь дипломата.

— Если верить слухам, в Лангрии живут сплошь детоубийцы, просто убийцы, предатели и прочий разномастный сброд, который в других частях страны не найдешь. Обо мне в том числе. Тайны и происхождения господина Кайнена нас интересуют мало. Как видишь, он сейчас стоит рядом со мной, — ровно и непривычно холодно сказал принц, и было в его словах, голосе, расслабленной позе что-то жутковатое.

— Допустим, Билл. Легче?

— Намного, — согласился он. — От прочих имен ваш культ отказывается?

— Они не нужны и бессмысленны. Кому есть дело, к какой семье ты относился?

— Никогда не смущало почитать Ерену? Из всех богов она самая безжалостная не только к врагам, но и к своим служителям, — без перехода спросил Рилло, и Билл расплылся в неожиданной блаженной улыбке.

— Госпожа щедра к тем, кто ей угоден, и никогда не забывает о награде, если верно служишь... в отличие от земных правителей. Что скажете, принц, вы не забываете оплачивать преданность?

— Вы же не убиваете просто так, вы не наемники. Зачем тогда нужна была эта бойня?

— Нас привела туда вестница госпожи. И ведь вы ее даже не заметили.

— Бард, — Рилло мельком глянул на Наю и склонился к пленнику. — Мы знаем о ее присутствии в Гетри. Кто она?

— Не знаю. Пришла из ниоткуда и так же в никуда уйдет.

— Вы же ее как-то называете? У нее есть имя?

— Вестница, большего не требуется.

— Эти медальоны, — он ткнул одним из них почти в нос Билла. — Настоящие, тайная стража. Откуда они у вас? Человеку с улицы их не достать, только если убить или ограбить, но в это верится слабо.

— Меня туда привела вестница. Не знаю, о чем она говорила, но ей подчинялись. Предложил бы ее бояться, но вы отсюда не выйдете, — руки Билла были скованы спереди и на первый взгляд безжизненно висели между колен под тяжестью кандалов, но он внезапно вскинулся, целясь в шею слишком близко подошедшего Рилло. Тот успел отшатнуться, и добычей стал лишь край рукава, вырвать который не составило труда.

— Отойдите, — велела Ная, но прозвучало неубедительно; пришлось собраться с силами и рывкнуть, чтобы хоть от неожиданности самонадеянные мужчины отшатнулись. — Отойдите, я сказала!

Зрачки пленника расширились, заполнив всю радужку, а затем тьма заполнила оба глаза полностью, и в комнате ощутимо даже для простых людей повеяло затхлостью и холодом. Ная и вовсе оцепенела на мгновение, с нарастающим ужасом глядя на проявляющуюся за спиной Билла фигуру — бледную женщину с развевающимися волосами и в рваном платье.

Судя по тому, как замерли остальные, они ее тоже видели.

Йорн стояла, положив тонкие руки на плечи пленника, и неотрывно смотрела на

принца, как на жертву; наконец, что-то велела, но услышал ее, казалось, только пленник. До остальных донесся только неразборчивый многоголосый шепот, раздающийся со всех сторон, но почти сразу смолк — на стенах и на полу ярко до рези в глазах вспыхнули защитные руны, и воздух посвежел, а холод отступил, оставшись только в пределах круга и совсем рядом с ним.

Ная зажмурилась и решительно встала перед мужчинами, загораживая их собой. Лишь бы не оскорбились, что женщина пытается защитить... в принце с Рилло можно не сомневаться, они производили впечатление людей, способных ориентироваться в ситуации, а вот Эрика она почти не знала и опасалась, что обычные для воинов представления о чести и доблести могут застит ему глаза.

В грудь ударила волна силы, заставив пошатнуться; в круге, кажется, и вовсе бушевал ураган, все пытавшийся вырваться, но не находящий бреши. Хуже всего, что Ная больше ничего не могла сделать, только полагаться на выстроенную защиту. Ей никогда не рассказывали, как противостоять могущественным созданиям, да даже о том, что такое может произойти — не рассказывали! Все детство ей с наставительным видом говорили о важности ее дара для тех, кто рядом, и для людей в целом, она хорошо помнила, с какой небрежностью и легкомыслием о способностях рассуждала мать, и выросла на том, как Арна тратила себя на развлечение людей.

И никто! Ни слова! Не проронил! О больших! Опасностях!

Обида от несвоевременной мысли захлестнула ее с головой, но Ная упрямо подняла голову, встретившись с Йорн взглядом и чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Я тебя запомню, — прошелестело в голове, и тут же ее сдавило обручем, но Ная не отвернулась, только сделала шаг в сторону, чтобы оказаться у единственной не светящейся руны, которая, чтоб их всех, должна была усиливать остальные!

Но, видимо, об одном бабкины заметки умолчали: одной силы для этого мало.

С трудом, чувствуя, как одеревенело все тело, она нагнулась, вытянула из сапога запасливо припрятанный нож и от души полоснула себя по ладони, не ощутив боли и стараясь, чтобы кровь падала на руну или хотя бы рядом с ней.

Руны вспыхнула красным, перелившимся в фиолетовый, синий... На зеленом от нее в обе стороны по линии круга побежали две дорожки высокого огня, достающие едва ли не до потолка, и сомкнулись за спиной Йорн.

Прямо как тогда, в Аангреме, когда Тольд пытался заставить ее провести лорда Мейсома к воротам.

Только теперь Ная стояла снаружи, в безопасности, а в самом круге происходило нечто невообразимое. У самой черты из ниоткуда возникла еще одна фигура — в сером плаще, с закрытым капюшоном лицом и посохом.

Йорн обернулась, и ее лицо перекосилось, когда человек... создание... сущность... молча направил на нее посох. Кажется, она кричала, и ее крик приглушенным далеким эхом доносился из круга, больно отдавая в ушах, отражаясь от стен и превращаясь в пытку для всех собравшихся. Крейг со стоном упал на колени, Рилло согнулся, закрыв уши руками, а Эрик привалился в стене.

Каменная кладка не выдержала и треснула.

Только Ная осталась стоять, чутьем понимая, что стоит отступить, проявить слабость, и неведомая могущественная сила окончательно вырвется из-под контроля, сметя хорошо, если людей, а не все здание, а то и город.

Йорн застыла, будто превратившись в лед, рассыпалась, и в тот же миг все прекратилось. Сначала спал, а затем и вовсе исчез огонь, растворился в воздухе неведомый помощник, а в комнате воцарилась блаженная тишина, нарушаемая только грохотом от кулем завалившегося на пол пленника.

— Что это было? — Крейг оперся о руку, но все никак не мог встать с колен, а голос звучал хрипло, как будто его только что душили.

— Ерена, вероятно, — Рилло потер правое ухо, поморщился и помог принцу встать, после чего бесцеремонно ткнул носком сапога в лежащее тело. — Что дальше?

— Жив, — Эрик, слегка покачиваясь, присел рядом с Биллом, перевернул на спину и прижал пальцы к шее. — Может, добить, пока еще что не вылезло?

— Сомневаюсь, что покровительство Йорн осталось с ним. Я его не ощущаю, — пробормотала Ная и выбежала из камеры, чтобы ее если и вывернуло, то хотя бы не при мужчинах.

Следующий час она провела на скамейке в приемном зале тюрьмы, наблюдая за деловито отдающим указания Крейгом. Пленника — в целую камеру как можно дальше от той, в которой проходил допрос, и привести к нему служителя с кладбища, чтобы на всякий случай начертить новые защитные знаки, он должен знать хотя бы самые распространенные. Срочно отыскать архитектора и строителей, чтобы оценили масштаб бедствия и последствия для здания от треснувшей стены, после чего доложить о необходимости (или ее отсутствии) срочно вывезти прочих заключенных и служащих. Немедленно организовать доставку на Инеистые острова письма, которое принц составил чуть ли не на ходу.

Рилло уехал почти сразу, задумчиво сказав, что вряд ли сообщит королю вообще обо всем — по крайней мере, еще хорошо подумает, что ему следует знать, а о чем лучше благоразумно промолчать.

Наконец, Крейг выдохся, упал на ту же скамейку и требовательно протянул руку.

— Я видел коньяк.

Ная с сочувствием передала ему бутылку, на которую сама уже не могла смотреть. И без того плохо, алкоголь тут вряд ли поможет.

— Вы сейчас в кабаре?

— Куда еще? — растерялась она. — Я же там живу.

— Хорошо... эй! — Крейг жестом подозвал проходящего мимо служащего, нагруженного составленными друг на друга ящиками с бумагами. — Организуй нам экипаж до заведения госпожи Луизы.

— Нам?

— В резиденции как-нибудь обойдутся и без меня, — криво усмехнулся он, основательно прикладываясь к бутылке, и Ная всерьез обеспокоилась.

Понятно, не каждый день и не каждому доводится столкнуться в буквальном смысле со смертью, она бы сама хотела забыться, но не напиваться же вот так, на глазах у всего города! Пусть здесь не так много народу, но слухи о недопустимом поведении принца на пустом месте дойдут наверняка до каждого. Мало ему было скандала с баронессой на приеме!

Конечно, есть и ее вина — не стоило отдавать бутылку, но не отбирать же сейчас обратно. Перебороть взрослого мужчину наверняка не смогла бы и в лучшие дни, уж тем более — сейчас.

А уж как не хотелось, чтобы это сомнительное счастье досталось Луизе...

Лу сидела за столом в зале и сосредоточенно читала разложенные по столу документы. На бряцанье дверного колокольчика она обернулась с таким видом, как будто хотела растерзать непрошенного посетителя — похоже, содержимое бумаг мало ее радовало — но, увидев изрядно помятую Наю и производящего зловещее впечатление, к тому же еще и пьяного, Крейга, подскочила и кинулась к ним, властным жестом велев служанке исчезнуть. Ная едва успела ее поймать и попросить приготовить ванну.

Возящийся под стойкой Дорг остался незамеченным и теперь любопытно поглядывал на происходящее, предусмотрительно не высовываясь полностью.

— Боги, что произошло? Я слышала, в городской тюрьме обрушилась стена... вы оттуда?

— Их хватило на целый час, — глубокомысленно заметил Крейг, нехорошим взглядом обводя зал. — До завтра, видимо, тюрьма вообще рухнет, а по городу будут расхаживать неприкаянные преступники. Отличная сплетня! Народ попрячется по домам, меня традиционно обвинят во всех бедах, начиная от государственного разлада и заканчивая неурожаем в ближайшей деревне.

— И уж точно в том, что вы напились и завалились в кабаре к Луизе, — проворчала Ная, падая на ближайший стул. С куда большим удовольствием растянулась бы на кровати, но не бросать же Лу одну... Каким бы воспитанным и порядочным ни был принц, алкоголь и стресс никого не красят.

— И собираюсь продолжать. Графиня, это же из ваших запасов? — он вручил ошарашенной Луизе пустую бутылку и прошел к столу у самой сцены, сев прямо на него. — Найдется для меня еще?

— Конечно, — та растеряно оглянулась на Наю, отчетливо не понимая, что со всем этим делать. Спасибо Доргу, сориентировался и быстро, а, главное, молча, забрал из судорожно сжатых на горлышке рук пустую бутылку, взамен поставив перед принцем только открытую вместе со стаканом. Собирался было так же деликатно распрощаться и уйти, но Крейг остановил щедрым предложением.

— Присоединяйся.

Дорг только пожал плечами и достал второй стакан.

Лу наблюдала за ними с широко открытыми глазами, и, наконец, ее терпение иссякло: она настойчиво потянула Наю за руку и утащила в укромный угол, скрытый возвращенным на место занавесом, где их бы уже не услышали.

Из зала донесся красноречивый звон стаканов.

— Что тут происходит? — сдавленным шепотом спросила Луиза. — Ладно Дорг, он не упустит своего, но почему в моем заведении пьет невменяемый принц?! И что с твоим лицом, почему ты выглядишь так, будто упала с лестницы? И почему шея в крови?

— Ты не далека от истины, — Ная прислонилась к стене, не испытывая желаний стоять, но не убегать же от подруги. — На Крейга и его сопровождающих напали за городом, я подвернулась под горячую руку. Потом в тюрьме во время допроса... — она осеклась. Не пугать же в самом деле подругу историями, достойными баек, которыми обычно развлекаются по ночам дети! — Треснула стена. Так что, наверное, пусть, лучше уж здесь. И очень прошу, поддержи его, вы же давно знакомы.

— Ты мне тоже предлагаешь напиться до свинского состояния?

— Просто побудь рядом и найди, где пристроить на ночь, чтобы не шатался по улицам.

Уверяю, после будет крайне признателен, я даже не поручусь, что сейчас понимает, что делает.

— Да я что, хозяйка отеля? У меня нет столько комнат, будет спать на диване в кабинете! — возмутилась Лу, справившись с первым потрясением.

— Думаю, подойдет, — Ная развернула ее и легонько подтолкнула в сторону занятого стола. Дорг что-то оживленно рассказывал, жестикулируя и плеская во все стороны коньяком, принц внимательно слушал, как будто речь шла о государственных делах. — А я пойду, утоплюсь, когда будет готова ванна.

Утром в коридоре жилого этажа Ная столкнулась с принцем, не сразу вспомнив, что он здесь делает. Кажется, утешительная попойка продолжалась до глубокой ночи и завершилась уже после того, как Ная, хорошо отмокнув в ванной и оттерев и без того начавший стираться затемняющий кожу бальзам, доползла до кровати. Даже не расчесала волосы и не дождалась, пока высохнут, из-за чего на голове собрался колтун, мало подходящий для утренних светских встреч. Впрочем, Крейг выглядел не лучше: не заправленная рубашка, стоящие дыбом волосы и красный след на щеке от подлокотника дивана. Точно, Лу же собиралась устроить его в кабинете...

— Доброе утро, — зевнув, поприветствовала Ная. Она на удивление хорошо себя чувствовала, разве что немилосердно саднила щека, но ни головокружение, ни тошноты, ни двоения в глаза не было, разве что все еще хотелось спать. Можно понадеяться, что встреча с лестницей не закончилась серьезным сотрясением. — Может, вам кофе?

— Был бы признателен, — сонно пробормотал принц, потирая лицо. Кажется, он даже не понял, с кем разговаривает.

— Сидите в кабинете, я сейчас, — велела Ная, спускаясь вниз и недоверчиво глядя на часы. Почти полдень! И Луиза никого не растолкала?

Дорг обнаружился сидящим с крайне унылым видом среди пустой посуды и бутылок за тем же самым столом, где пили вечером, и, кажется, пытался научиться гадать на кофейной гуще — по крайней мере, в чашку смотрел внимательно и выразительно. Все его бесхитростные мысли сводились к одному вопросу, легко читающемуся на лбу: устроит ли Луиза очередную лекцию о вреде алкоголя в ее заведении, если инициатором возлияний стал Крейг?

— Готовишься, что Луиза тебя в пыль сотрет? — сочувственно спросила Ная, проходя мимо на кухню.

— Она сказала, что все в порядке, наоборот, мне благодарна, — озадаченно ответил Дорг, подпирая голову ладонью. Кажется, слова не укладывались у него в сознании и рушили привычную картину мира. — Мне просто паршиво. Голова болит.

— Попробуй выпить чаю и нормально выспаться, а не лицом в тарелке, — посоветовала она. — Если тебя утешит, принцу сейчас не лучше... А что, Лу уже выходила?

— Да, куда-то уехала часа два назад.

Оставив страдальца дальше приходить в себя, Ная сунулась на кухню и быстро организовала кофе, благо печь уже была растоплена для приготовления обеда, и, прихватив свежую булку из накрытой полотенцем корзины, вернулась в кабинет.

Принц пребывал в прострации, с увлеченным видом разглядывая фарфоровую статуэтку на столе, и на появившуюся на столе чашку отреагировал заторможено.

— Настроение вряд ли улучшит, но взбодриться поможет.

— Не улучшит — это точно, — усмехнулся Крейг. — Что может помочь, не знаю.

— Не впадать в рефлексию, вы нам нужны в ясном уме, — посоветовала Ная, устраиваясь в кресле. Расчесаться можно и позже, уж как-нибудь потерпит его высочество затрапезный вид собеседницы. — Что, в конце концов, поменялись? Вы просто узнали чуть больше о мире, но Йорн сама по себе появиться не может, первопричина всегда в обычных людях. Разберитесь с ними, как всегда делали с другими проблемами, и этим сведете угрозы к минимуму, а с остальным помогут острова.

— Звучит просто, но...

— Оно и есть просто. Не пытайтесь уложить в привычное то, что видели вчера, все равно не получится, а себя накрутите. Не удивляют же вас барды... Берите пример с Рилло, его, кажется, совсем ничто не взволновало.

— В вольных княжествах религиозность куда сильнее, их же с детства приучают, что за каждым наблюдает покровитель. Как и на севере, полагаю.

— На севере это не религиозность, а уверенность в существовании большего, чем мы можем осмыслить, и умение с ним договориться, — пожалала плечами Ная и обернулась на открывшуюся дверь. Кажется, Луиза ожидала увидеть здесь только принца, но с растерянностью справилась быстро и приветливо кивнула обоим.

Рядом с лохматыми и затопанными посетителями она в своем аккуратном платье, с собранными волосами и с одежным чехлом в руках казалась воплощением порядка в хаосе жизни. Или наставницей, застукавшей воспитанников за тайным поеданием сладостей и пренебрежением приличным видом.

— Я с утра была в резиденции, госпожа Таша помогла подобрать костюм, вам не стоит в таком виде выходить на улицу. К слову, она очень волновалась, я позволила себе заверить, что все в порядке, — Луиза положила чехол на свободное кресло и присела на подлокотник рядом с Наей, задумчиво осматривая ее лицо. — Как твоя щека? Заехала в аптеку Бремма, он передал мазь, которая помогает от ссадин и отеков, но не мгновенно. Если все еще собираешься вечером в театр, я помогу с прической, которая хотя бы часть прикроет.

— Лу, — Ная едва не прослезилась от переполнившей ее благодарности. — Ты незаменима.

— Точно. Без меня вы бы распугали своим внешним видом приличных горожан, и это было бы неоправданной жестокостью, — Луиза поджала губы, но не от злости, а из-за едва сдерживаемого смеха. — Пойдем, дадим человеку переодеться, а я займусь твоим лицом.

Под свой театр Джеймс облюбывал бывшее здание Лангрийского театра, на момент приобретения пустовавшего несколько лет и грозившего повторить судьбу апартаментов Хорна за тем исключением, что сцена и зрительный зал мало привлекали потенциальных владельцев, предпочитавших вкладываться в дома, пригодные для аренды, производства или ресторана. В итоге стены и внутренняя отделка ветшали без присмотра, а кое-кто поговаривал, что стоит и вовсе снести, а на месте построить нечто более применимое в жизни.

Джеймс, как сам рассказывал, услышав такое, не смог сдержать негодование и, вложив все сбережения и набрав займов, здание выкупил и отреставрировал, тем более, что давно мечтал о постоянном пристанище для своей труппы. Тогдашний градоправитель — а дело происходило лет пятнадцать назад — к идее отнесся благосклонно и поддержал, скинув часть цены и поучаствовав в реконструкции.

За прошедшее время Джеймс расплатился с долгами и теперь уверенно развивал свое детище, заработав себе репутацию смелого экспериментатора, отпугивающую часть публики, но привлекавшую куда больше потенциальных зрителей. Мог себе позволить — в отличие от все того же центрального, он не принадлежал городским властям и рисковал только собственными деньгами и именем.

Иногда его посещали воистину гениальные идеи, собиравшие полные залы — например, пригласить известную танцовщицу — но после всех приключений, с гудящей головой и ноющими щекой и царапиной на шее находиться в толпе было тяжело. Ко всему прочему платье, пусть приятного темно-зеленого цвета с длинными рукавами, воротом, закрывающим шею, и лаконичного прямого свободного фасона, оставалось неудобным и пугалось в ногах, одолженное у Луизы массивное украшение камнем давило на грудь, а один глаз закрывали волосы, надежно зафиксированные заколками и каким-то пахучим бальзамом. Запах у него вообще-то был приятным, но сильным и под самым носом, из-за чего раздражал невероятно.

К моменту, когда она добралась до ложи, Ная чувствовала себя самым несчастным существом в городе, умудрившись еще и столкнуться по дороге с кем-то, кому внушительный букет, видимо, загораживал обзор.

Ситуацию несколько спасал предусмотрительный Джеймс, ненавязчиво окружив вниманием и оградив от посторонних — в свою ложу он пускал немногих даже при полном зале, как сегодня. В историю с переменчивой внешностью Наи он был в общих чертах посвящен и с восторгом считал ее весьма пикантной, пообещав хранить в секрете, хотя избежать тех же чар, что и сотрудникам кабаре, ему не удалось. Благо, что подаренный Наей браслет ему понравился, и он носил его, не снимая, даже сейчас, под парадным сюртуком, более строгим, чем его обычная одежда, но все равно выделяющимся среди остальных цветком из пестрого шелка в петлице и не до конца застегнутой рубашкой кремового цвета. Привычный творческий беспорядок, иначе бы он был кем угодно другим, но не Джеймсом.

Вместе с Мирой выступали два скрипача и флейтист, сидевшие по краям сцены и до начала представления наигрывавшие тихую мелодию. Ная прислушалась, но так и не смогла определить, слышала ли раньше и кто композитор. Кажется, кто-то из столичных, молодых и не слишком известных; творения признанных маэстро отличались тяжеловесностью и

популярной в последние годы мрачностью, по их мнению, отражающей реальность. Такую легкую, летящую и при этом задорную мелодию мог сочинить только молодой талант, еще не обремененный грузом опыта и обществом старших коллег. Нае даже самой захотелось взяться за флейту, но сейчас, конечно же, музыкальные эксперименты были совсем неуместны.

На нескрытой занавесом сцене почти отсутствовали твердые декорации, зато под потолком находилось кольцо, от которого расходились полотна светлой воздушной ткани разной ширины и длины. Часть свободно свисала, часть крепилась к кулисам, образуя не то шатер, не то паутину.

С опозданием вспомнив про просьбу Джеймса, Ная отвлеклась от музыки и присмотрелась к людям в зале, благо, ложа находилась на втором ярусе, и можно было увидеть практически каждого.

Под самой ложей пробежала группка студенток, шумных и смешливых, купивших сравнительно недорогие билеты на галерку и теперь посматривающих, нельзя ли пересесть — к их разочарованию, свободных мест почти не осталось, да и те постепенно заполнялись опаздывающими.

Большинство зрителей выглядели степенными и торжественными, выбравшимися на светское мероприятие выгулять дорогие наряды и украшения. Кое-где мелькали представители местной богемы, такие же вызывающе яркие на фоне остальных, как и Джеймс — кажется, его друзья.

Многие в руках держали букеты — от совсем небольших в три цветочка до огромных практически в обхват. Как с такими на руках сидеть несколько часов, а, главное, что-то видеть, Ная не представляла.

Определить, есть ли среди разношерстой публики кто-то подозрительный, не удалось — им равно мог оказаться любой: и представительный господин в центре зала, своим ростом закрывавший обзор возмущенной даме, и студент в куртке в стиле Рилло...

Музыка смолкла, вслед за ней постепенно притих зал, и первые, робкие и нежные, звуки скрипки прозвучали в выжидающей тишине. Постепенно скрипач набирал темп, к нему присоединились напарник и флейтист, и в момент, когда музыка на мгновение оборвалась на пике, чтобы мгновение спустя продолжиться, на сцене появилась Мира.

Она казалась хаотичным огненным вихрем — языки пламени заменяла все та же ткань, красная и переливающаяся в движении; и это пламя двигалось в такт мелодии, повинувшись тонким изящным рукам. В последний раз оно взметнулось на финальных аккордах и опало; ткань словно стекла по фигуре, открывая лицо, россыпь каштановых волос, спадающих на плечи, простое свободное платье до колен и босые ноги. Зал взорвался аплодисментами, но их почти сразу, без перехода прервало журчанье флейты и легкое невесомое движение. Кольцо над сценой начало медленно поворачиваться, заставляя трепетать закрепленную на нем ткань, и Мира шагнула внутрь этого шатра, как под водопад. Теперь ее танец казался не страстным, как несколько минут назад, но умиротворенным и гармоничным, при этом наполненным такой внутренней силой, что у Наи захватило дух, как перед стихией. Спокойной, не стремящейся снести все на своем пути, но на это способной...

На следующие два часа Ная напрочь забыла и о принце с его проблемами, и о собственных переживаниях, и даже о вчерашнем явлении Йорн, которое все утро всецело занимало мысли. На эти часы во всем мире не осталось ничего значимее музыки, тонкой фигуры на сцене и урагана эмоций, которые после себя оставил танец, в котором стихии

сменились уверенностью, после — нежностью и любовью, а в конце затаенной болью, рвущейся наружу.

Зрители еще долго рукоплескали стоя, пока край сцены превращался в цветочную лавку; Джеймс, стоявший рядом с Наей, усердно вытирал платком выступившие слезы.

— Я проведу тебя в служебную часть, — сказал он, подхватывая ее под локоть, когда зал начал постепенно пустеть. — Мне надо отлучиться буквально на пару минут, подождешь меня у гримерной... присмотришься заодно.

Ная рассеяно кивнула, не в силах отбросить впечатления и почти не вслушиваясь в слова, и позволила увести себя через неприметную дверь по темному, заставленному реквизитом и вешалками коридору, из которого вело еще несколько дверей. Часть была завалена разнообразным хламом, часть заперта; только одна оказалась приоткрыта наружу, и сквозь щель падала полоса света.

В ожидании Джеймса Ная присела на один из ящиков рядом с дверью, прислонившись к стене. Эйфория от представления постепенно угасала, сменяясь опустошением и головной болью, не сильной, но это пока — если приятель задержится надолго, встреча потеряет всякий смысл просто потому, что она не сможет связно соображать.

С противоположной стороны коридора послышались шаги, и в гримерную вошел мужчина с очередным букетом. В темноте разглядеть лицо не удалось, а в полосе света он не задержался, так что узнать внешне кого-то из горожан не получилось. Тот самый посетитель, о котором говорил Джеймс? Правда, он совсем забыл упомянуть, что его должны были пропустить за сцену... или просто поклонник, который сумел договориться с охраной? Нет, тогда бы вряд ли обстановка оставалась такой спокойной: какая женщина была бы рада постороннему в момент переодевания? Повысила бы голос уж точно, а то и закричала, выскочила бы в коридор или хотя бы попыталась, чтобы позвать помощь...

Ная коснулась пальцами стены, невольно вспомнив слова Тольда и тут же от них отмахнувшись. Лезть на границу миров — это одно дело, совсем другое — подслушать разговор в соседней комнате, для этого почти не требуется усилий.

— ...красивые. Поставь, пожалуйста, вон в то ведро, цветов так много, что вазы закончились, — судя по голосу, Мира улыбалась и была настроена благосклонно. — Я уже не ждала, что ты придешь.

— Тебе повезло, я вернулся в город несколько часов назад. Что ты хотела?

Ная едва не упала с ящика от удивления, пропустив часть разговора. После всех рассуждений Крейга о несвоевременности исчезновения Роя услышать его просто так, в театре, как будто в мире не происходит ничего особенного, было неожиданно и как будто неправильно. Но голос точно принадлежал ему, пусть и звучал куда суше, чем во время их недолгого знакомства, и особенно это было заметно рядом с переполненной радостью Мирой.

— ...большая потеря, не могу представить, что ты чувствуешь. Мне жаль, правда.

— С моими чувствами, извини, разбираться не тебе. Что ты хотела? Не поверю, что ты забросала меня приглашениями от большой любви.

Мира вздохнула, выдержала паузу и дальше заговорила уже спокойно, деловито, что совершенно не вязалось с эфемерным образом танцовщицы.

— Три года прошло, а ты не можешь меня простить? Это достойно впечатлительной девицы, не тебя.

— Мы слишком давно знакомы, дело в этом, а не в моей несуществующей обиде. Так

зачем я тебе понадобился?

— Помоги мне избавиться от Дэма.

Раздался сухой смешок, как будто она попросила о чем-то абсурдном и типично девичьем вроде поиска сбежавшей собачки.

— Три года назад ты рвалась за него замуж. Надоел?

— Рой, это не любовь. Он связан с... некими рвущимися к власти людьми и играет среди них не последнюю роль. Это был самый удобный способ наблюдать, но в дело влез один из запрещенных культов, ситуация обострилась и стала опасной для меня. Не прошу его убивать, просто слей информацию Гвен, дальше она разберется.

— Почему этого не может сделать Брамс?

— Мы не должны быть втянуты в эту историю, с той стороны тоже не дураки сидят. Если в конце концов выйдут на тебя, это никого не удивит, вы наверняка рано или поздно докопались бы до того же. К тому же у тебя... репутация, и Гвен сможешь убедить. Я же не зря затеяла эту историю с выступлениями, мне следовало бы держаться подальше от Лангрии и уж точно не приходить открыто к тебе домой, а приглашения написаны даже не моей рукой, — в комнате что-то упало, это было слышно даже из коридора, зашуршала бумага. — Возьми. Все, что смогла узнать.

— Ты не заскучала? — при появлении Джеймса Ная едва не подскочила, а от того, что слишком резко отдернула руку, прекратив слушать, загудела голова. Приятель заметно даже в темноте лучился счастьем и больше всего напоминал цветочную клумбу, явно решив переплюнуть всех сегодняшних дарителей. — Идем?

— Да, — Ная поднялась и попыталась собрать разбегающиеся мысли. После подслушанного разговора успевший сложиться образ Миры безжалостно рушился, оставляя одну лишь досаду, сводившуюся к простому вопросу: есть хоть кто-то в этом королевстве, не успевший залезть в политику?!

Джеймс постучался, вошел, дождавшись ответа, и сразу же рассыпался в комплиментах, попутно умудряясь представить Наю и красочно расписать ее таланты и достижения. Пришлось натянуть улыбку, радуясь, что половина лица спрятана под волосами. Владеть собой и удерживать эмоциональную маску так же хорошо, как некоторые, она не умела.

Рой оказался зажат в дальнем углу среди ведер с цветами, и чтобы пробраться к двери, пришлось бы отодвинуть Джеймса, сумевшего занять все свободное пространство. Сегодня «бродяга» из Квинсы выглядел куда приличнее, если не сказать — презентабельно: сюртук и рубашка из хорошей ткани, волосы собрал в короткий хвостик, а отросшую щетину не сбрил совсем, но подровнял, напоминая теперь больше светского щеголя, а не беглого каторжника.

Наю он, конечно, заметил, и она только кисло скривилась, поймав его взгляд, благо стояла за спиной Джеймса, а Мира была слишком увлечена разговором.

— А я вас не могла видеть раньше? — спросила она, обернувшись к Нае, когда собеседник умолк. Голос ее звучал легко, приветливо и немного восторженно, и сложно было поверить, что всего пару минут назад эта же женщина рассуждала о большой политике.

— Не исключено, я выступала в столице и других городах.

— Возможно, в Шинте весной?

— Весной я там была проездом и только на дне рождения сына друзей.

— Вы не о Максе говорите? — Мира улыбнулась вроде бы непринужденно, но взгляд стал острым и цепким, неприятно напомнив Роя, Дариту и многих других замечательных людей, увлекающихся сбором информации.

— Возможно, — уклончиво ответила Ная, судорожно вспоминая гостей. Проклятье, всего пара месяцев прошла, по ощущениям — год! И на празднике собралось слишком много людей, не поленились же приехать из столицы, чтобы выразить почтение без года совершеннолетнему сыну одного из значимых политиков королевства; запоминать каждого — рехнуться можно, тем более, что хоть где-то она присутствовала как приглашенная гостья, а не по заданию. — Но вас там не припоминаю.

— Мне нездоровилось, и много времени пришлось провести на балконе, — охотно пояснила Мира и с преувеличенным энтузиазмом спохватилась. — Вы же что-то говорили о сотрудничестве? Давайте обсудим! Только выпустите для начала моего гостя, думаю, внутренние творческие тонкости ему неинтересны.

Джеймс неприязненно покосился на Роя и поспешил пододвинуться, тут же о нем забыв и пустившись в пространные и вдохновленные рассуждения о грядущих проектах двух талантов на сцене его театра. Ная старательно изображала вовлеченность в разговор, хотя прежнее воодушевление давно погасло.

Вываться удалось только минут через двадцать, когда все заинтересованные стороны по три раза заверили друг друга о готовности к сотрудничеству, а полностью довольный Джеймс спохватился, что главной героине не то, что вечера — всей последней недели! — наверняка хочется отдохнуть от внимания.

На улице стоял по-осеннему прохладный вечер, и лучше бы было захватить с собой пальто или пелерину, но Ная, не обращая внимания на погоду, сползла по стене и обхватила голову руками. Начинаясь от самой стены брусчатка влажно блестела под висевшим над входом фонарем — за время выступления прошел дождь, и Луиза наверняка сделает замечание за испорченное платье.

Наверное, нет ничего страшного в том, что ее узнала Мира, на кого бы она ни работала — не велик секрет, ее постоянно видели в обществе лорда Мейсома или Эллен, вся столица об этом знала. Но отчего-то складывалось неприятное чувство, что этот факт зафиксирован на будущее и еще всплывет.

— Не боишься заболеть? И платье жалко.

Ная подняла голову, с удивлением обнаружив, что на глаза помимо воли выступили слезы — дурной знак, означающий, что перестала справляться с ситуацией. Надо срочно приходить в себя, дальше все станет еще хуже, и тогда расклеиться в ненужный момент будет смерти подобно.

— Ты же уехал в противоположную от Лангрии сторону, — напомнила она, принимая галантно протянутую руку, затянутую в плотную кожаную перчатку, не слишком сочетающуюся с костюмом.

Сидеть на мокром камне под стеной уж точно не лучший выход.

— Не навсегда же. Красиво. Кто тебя так? — Рой бесцеремонно сдвинул с ее лица волосы, и о брусчатку звякнула выпавшая невидимка, но искать ее в темноте было гиблым делом, проще купить Луизе новый набор. — Не ожидал встретить в театре.

— Я произвожу впечатление музыканта, выступающего только по трактирам? Спасибо. А вот что ты здесь делаешь, особенно когда... — Ная прикусила язык и вздохнула. Не объяснять же ему, что едва ли не душу из принца вытрясла в попытках узнать, кто он такой, а все, что узнала, получилось практически случайно, потому что сам Рой не назвал даже имени. Это долгая история, и рассказывать ее сейчас, когда вот-вот расплается, она была не готова. — Надо поговорить. Завтра.

— Знаешь гостиницу «Грот»? — он сделал вид, что не заметил оговорку, хотя взглядом одарил весьма красноречивым. — Подходи к полудню, двадцатая комната.

— Ладно, — Ная сжала виски пальцами и едва не сползла обратно на брусчатку, но ее предусмотрительно поддержал Рой. Кажется, он что-то говорил или спрашивал, но слова проходили мимо ушей, теряясь в дождливом вечере. Потом он, не дождавшись ответа, куда-то повел по освещенной улице — кажется, к небольшой площади за театром, в это время почти опустевшей...

Даже принц позволяет себе расклеиться на глазах у посторонних, так чем она хуже? Крейг не единственный, кто впервые столкнулся с Йорн и теперь не знает, что делать, и точно не единственный, кому страшно. Ему должно быть даже легче, он никогда не слышал северных саг, часто жестоких и кровавых, в которых добро побеждало редко; на нем нет той ответственности, которую сейчас ощущала Ная — хотя бы потому, что справиться с этим не в его силах, каким бы прекрасным правителем он ни был.

— ...До кабаре леди Луизы на Центральном проспекте.

Кажется, на той площади часто останавливались экипажи, дожидавшиеся пассажиров, и Рой подошел к едва ли не последнему, припозднившемуся и раздумывающему, не стоит ли сворачиваться. Ная не вслушивалась, о чем он коротко переговаривался с возницей; слова сливались в белый шум, не слишком мешающий и не раздражающий, но которым можно было пренебречь.

Наконец, дверца распахнулась, и Ная, не слишком грациозно забравшись внутрь, устроилась на сиденье, откинулась на спинку и закрыла глаза. Если ехать, то здесь совсем недалеко, потерпеть осталось полчаса, когда, закрывшись в комнате, получится дать волю эмоциям. Проще говоря, поплакать, на худой конец хотя бы избить ни в чем не повинную подушку, сбрасывая напряжение... а потом в нее же все же поплакать.

Экипаж качнулся, скрипнуло сидение напротив; Рой забрался следом, закрыл дверцу и постучал в небольшое окошко за своей спиной, давая знак ехать.

Ная прижалась лбом к холодной спинке. Последние две недели оказались худшими за пять лет — все, что могло пойти не так, пошло, выкинув ее на перепутье, с которого не ясно, куда сворачивать. Символично, что тогда из Аангрема она на перекресток же и вышла, только там все было куда очевиднее.

Сложно сказать, почему смерть лорда Мейсома трагедия для Крейга, Наю не посвящали в его планы, но для нее это настоящая катастрофа. Даже если забыть о том, что он всегда был неплохим человеком и тепло к ней относился, если забыть обо всем, что он сделал — вывел в свет и помог занять в нем устойчивое положение... Влияния графа хватало, чтобы нужные люди закрывали глаза на неудобные ситуации и откровенные промахи.

Что теперь? Те, кто догадывался, или даже знал наверняка, что Ная не просто подруга Эллен или любовница самого лорда Мейсома — весной в Шинте ей рассказали, что в столице завелся и такой любопытный слух — они не отстанут. Захотят переманить к себе, попутно выведав все, что ей известно, а, получив отказ, постараются избавиться. Проще будет утопиться самой, слишком много успела узнать.

Например, знала, что Пауль де Ривьен, герцог из Нилье и, что важнее, троюродный кузен леди Авильон, был отравлен не ягодами тиса в ресторане одного из видных столичных деятелей, удачное совпадение, не более. Какой лекарь вообще дал заключение о тисе? В некотором смысле досадно, что уникальный сбор с Инеистых островов и чуточку волшбы спутали с таким распространенным ядом... И совсем не имело значения, что он заявился в

Верну и под предлогом дипломатической миссии весьма неумело попытался узнать о настроениях в верхах. Не стоило подбивать Эллен на убийство мужа — титул и земли все равно отходят сыну, а она любила лорда Мейсома и сильно возмутилась такому предложению.

Скандал тогда вышел знатный, хотя позже граф, выпытавший подробности у заговорщиц, с усмешкой рассказывал, что в дипломатической миссии Нилье только обрадовались, что не пришлось избавляться своими руками.

Знала, что особо доверенный курьер одного из дворцовых заговорщиков соблазнился вечером в компании очаровательной дамы — известного в придворных кругах музыканта — и случайно перепутал информацию о месте и времени, которую ему доверили устно, предварительно подробно обо всем рассказав. Справиться с ним оказалось сложно, парень был идейным и глубоко преданным своему подполью, мечтавшему взорвать крыло королевского дворца и спихнуть ответственность на дворянское собрание, давно несогласное с политикой короля. Даже выманить на прогулку получилось далеко не сразу, и, в конечном счете, пришлось грубо и бесцеремонно зачаровать. И то подчинился он через силу, Ная почти начала опасаться, что он раньше умрет, чем расскажет что-то полезное.

Но в конечном итоге получилось удачно: лорд Мейсом с отрядом королевской стражи встретил направленных не туда подрывников, а герцог Брамс лично поприветствовал заговорщика, и тем самым они заслужили личную королевскую признательность, заодно несколько примирив с дворянским собранием. Ная же тогда дня три пролежала с головной болью, не в силах подняться.

Знала, о чем перед зимней сессией дворянского собрания перешептывались два мелких барона, решивших сорвать голосование, а в итоге их голоса, хорошо замотивированные письмами, содержащими не конкретику, но массу намеков на тот разговор, оказались решающими. Идея с необходимостью поиска нового наследника престола среди дальних родственников короля заглохла, и второй раз развернуться ей не дали, а Крейг так и остался кронпринцем.

Знала...

Экипаж подскочил на какой-то выбоине, и она хорошенько приложилась лбом. С улицы донесся раскат грома, прозвучавший едва ли не над ухом, и это стало последней каплей.

Ная сама не помнила, когда плакала так — с тихим подвыванием и слезами, которые не получалось остановить, задыхаясь от всхлипов и обхватив себя руками. Хотелось сползти на пол и забиться под сиденье, стать маленькой, незаметной...

Кто она такая во всех этих политических игрищах? Так, обычная пешка, всего лишь исполнитель, в которого вложено многое, но которого раздавят вместе с тем, кто давал поручения. У нее нет ни титула, за которым можно спрятаться, ни другого покровителя, заинтересованного не в ее прошлых свершениях, а исключительно в будущих...

Рой пересел на сидение рядом с ней и приобнял, не давая совсем уж сползти на пол и позволяя уткнуться в плечо. Кажется, еще и успокаивающе гладил по спине, но Наю так трясло, что она уже ни в чем не была уверена.

...К тому моменту, как она начала успокаиваться, экипаж должен был проехать половину города, но он, к удивлению, стоял на месте и, похоже, остановился на полпути. Ная выпрямилась, шмыгнула носом и недоверчиво уставилась в окно.

— Я попросил придержать коней. Если бы пришлось вытаскивать тебя на улицу, ты бы точно не успокоилась, — пояснил Рой, с некоторым сожалением рассматривая намокший

рукав. — Будем считать это возвратом моего долга за вечер в Шинте?

— Половиной, а то и четвертью. Мне твои переживания стоили больше, чем испорченный сюртук, — мрачно возразила Ная, проводя ладонями по щекам. Видок у нее сейчас, надо думать, как у жертвы маньяка из подворотни. — Извини, кстати. Хороший костюм, жалко портить.

— Не переживай, — отмахнулся он и снова постучал в окошко. Экипаж неторопливо тронулся, мелко трясясь на брусчатке. — Почистят.

— Странное отношение к вещам от человека, который неделю назад выглядел последним бродягой. И «Грот» не самая дешевая гостиница, в курсе? Ты вроде говорил, что у тебя дом в городе?

— Если я там появлюсь, об этом быстро узнают. Зачем тревожить людей? Меня давно не было в городе, осмотрюсь, узнаю последние новости, — с раздражающей после всего случившегося беспечностью ответил Рой. Все бы ничего, если бы его который день не разыскивал принц, а ситуация не превращалась все в больший хаос с каждым днем.

— Не трать завтра время, я расскажу, и как раз это надо будет обсудить.

Эмоциональный всплеск утих, возвращая относительную ясность. Да, она осталась без защиты, но куда пойти — есть, Крейг сам на нее вышел и вряд ли пожелает прекратить сотрудничество, точно не сейчас. Репутация же Роя может оказаться куда лучшим щитом, чем любое положение в обществе. После такого, правда, в столицу не сунешься, но в ближайшее время ей там точно делать нечего, по крайней мере, пока не улягутся страсти по Шинте. А там... Кто знает, возможно, переговоры на что-то, в конечном счете, повлияют, и расстановка сил изменится?

Экипаж дернулся, останавливаясь у входа в кабаре, и возница распахнул дверцу. Первым, как ни странно, выпрыгнул Рой, расплатился за поездку и подал Нае руку. Это пришлось кстати — успокоиться она успокоилась, но теперь ее одолевала слабость, и для полноты картины не хватало только вывалиться из экипажа на землю, запутавшись в подоле платья.

— Я думала, ты поедешь дальше.

— Прогуляюсь. Погода располагает.

Ная скептически хмыкнула. Они стояли под навесом у двери, но на улице все еще накрапывал дождь и, кажется, постепенно усиливался. И правда, лучший момент для дальних прогулок.

— Осторожней. Простынешь, и некому будет творить великие дела, — она улыбнулась и взялась за ручку. — Спасибо. За костюм больше извиняться не буду, ты все равно собрался его портить дальше.

Главный зал кабаре навевал меланхолию и осеннюю тоску: лампа горела только на одном столе в углу, освещая сложную драпировку из темной переливчатой ткани, сидящих вокруг людей, разложенные по столешнице карточки, чернильницы и перья. Его высочество сидел, подперев голову рукой, а второй неторопливо выводил росчерк на ближайшей карточке. Луиза без особого энтузиазма заполняла лежащие с ее стороны и подсовывала их под перо Крейга, время от времени выразительно покашливая, когда тот начинал откровенно клевать носом. Дело было, очевидно, важным и нужным, но совсем уж строить, как Дорга, она не решалась.

— Чем вы таким заняты? — Ная села на свободный стул и взяла одну из карточек. — «Господину Ульрику Рандо. Будем рады видеть на традиционном осеннем торжестве,

которое...». Заполняете приглашения?

— Формальность. Все, кто приглашен, и так об этом знают, — скучающе пояснил принц, разве что не зевнул.

— Этим вы выказываете уважение. Вы же сами понимаете, как много это значит, — Лу вздохнула и призналась. — Хотя я начинаю подозревать, что процесс можно упростить. Видеть эти бумажки не могу.

— Давай, разрушь окончательно стереотипы о благородных дамах, — искренне одобрила Ная. — Консерваторов в столице удар хватит.

— Как сходила?

Она глянула на принца, с отсутствующим видом разглядывающего что-то на потолке. Можно, конечно, рассказать ему про Роя, но что-то подсказывало: не поможет, хотел бы — пришел сразу и сам, а так будет скрываться до последнего, с большой вероятностью, удачно.

— Хорошо. Встретилась с парой занимательных знакомых.

— Рада за тебя. А еще больше рада, что ты с нами, — хищно улыбнулась Луиза и придвинула ворох чистых приглашений и перо. — Вперед, мой друг, на помощь утопающим. Родина тебя не забудет, может, даже выдаст благодарственную грамоту. Текст смотри на прошлых, имена — в списке, твои — семеро снизу.

— Вот спасибо, — проворчала Ная, окуная перо в чернильницу.

«Грот», являясь гостиницей недешевой, имел не самую благопристойную репутацию места, в котором решались все деловые вопросы города, требующие конфиденциальности, и не важно, какой они имели масштаб. Обсудить условия сделки по продаже телеги с зерном, чтобы о них не узнали соседи-лавочники? Договориться о крупных инвестициях в рискованный проект? Нанять убийцу для партнера? Эти стены слышали многое, но хранили молчание. Главное — плати, и никто никогда не узнает, что ты задумал.

Попасть в «Грот» постороннему можно было только по приглашению постояльца. Сведения о посетителях заносились в список, хранящийся у метрдотеля, лично провожающего каждого до нужной комнаты. Конечно, когда-то были попытки и шпионить, и подкупать персонал, но хозяин гостиницы обратился одновременно к деловым кругам и преступным низам, услугами которых время от времени пользовались дельцы. Несогласным с политикой заведения быстро и доступно объяснили, в чем они оказались не правы, и с тех пор каждый посетитель придерживался негласного, но всем известного правила: ничего не видел, ничего не слышал, никому не сказал.

Двадцатая комната находилась на втором этаже в дальнем от лестницы конце коридора. Сопровождавший мужчина остановился у двери, постучал, распахнул ее, дождавшись ответа, и посторонился, пропуская. Уходить он не торопился, и Нае захотелось выглянуть, узнать, опустел ли коридор. Судя по тихим шагам, заглушающимся коричневым, в цвет деревянных панелей на стенах, ковром, все же ушел.

Рой оказался не один, и ее появление прервало его на полуслове. Кивнув Нае, он, не отходя от стола, на котором сидел, продолжил, обращаясь к скользкому незапоминающемуся парнишке не самой презентабельной внешности.

— Южанка, черные волосы, светлые раскосые глаза. Миниатюрная, ростом мне до плеча. Ищите везде, но осторожно, она бард, причем опасный. Постарайтесь не слишком открыто демонстрировать интерес и лучше не пересекайтесь, мне нужна только информация, а не ваши трупы.

— Не, Лис, ну мы твою бабенку поищем, конечно, но ты уверен, что она в городе? — швыркнув носом, с сомнением спросил парень.

— Не знаю, — пожал плечами Рой. — Из того, что я успел узнать, должна быть, если замешана. Никаких громких происшествий в последнее время не случилось.

— Ты че, спал где? Не случилось, тьфу, — Ная слышала, что горничные здесь получали прилично не только за глухоту и слепоту в нужный момент, но сейчас могла только искренне им посочувствовать и восхититься работой. Наверняка же не единственный человек, плюющий в ковер. — У нас тюрьма чуть не рухнула, а ты... Слышал, в одной из камер на днях выло чего-то и дверь ходуном, а потом стена в трещинах. Наши еще потом видели с высочеством бабу, подходила бы под описание, но крепкая, с тебя. Или вон с нее, — парень пренебрежительно кивнул в сторону Наи, так и стоявшей у двери. — Только не блондиночка, а черная. И без фингала. Че, так выбесила, что руку приложил? Понимаю.

— Мне нужна мелкая. Ищите, буду должен. Я всегда плачу, ты знаешь.

— Угу, — он хмыкнул и пошел к выходу, одарив Наю напоследок сальным взглядом. — Ты только не пропадай, Лис, а то придется за должками к высочеству идти. А баба у тебя ниче так.

Она сжала зубы и мысленно досчитала до десяти, одновременно представляя, как парень послушно бьется головой о стену, и убеждая себя, что от таких другого отношения ждать не стоит.

— Садись, — скомандовал Рой, кивая на кресло, когда дверь закрылась. — Я слушаю. Какие новости?

— Я могу и стоя доложить, если тебе так удобнее. Только обрисуй, в каком виде? Строго по фактам, с художественными дополнениями?

— Извини, — он потер переносицу и смягчил тон. — Успел пообщаться со всякими... но новости я слушаю. В любом виде, как тебе удобно. И ты сама что-то хотела обсудить.

— Начнем с того, что попроще, — Ная устроилась в кресле, закинув ногу на ногу и обхватив колено сплетенными в замок пальцами. — На традиционном осеннем приеме в резиденции принца произошел скандал: он поссорился с баронессой Эрнот. Не говоря уж о том, что большинство посетителей очень громко гадало, почему вместо привычной правой руки его высочество сопровождала бард.

Рой нахмурился, глядя на нее исподлобья, но промолчал.

— На следующий день юная дочь баронессы собиралась о чем-то поведать доверенному лицу принца, но помешала дуэнья. А на пикнике пару дней спустя был замечен в студенческой куртке господин Кайнен, старательно искавший встречи с Крейгом, чтобы передать лично в руки письмо.

Судя по тому, как сжались пальцы на краю стола, имя было Рою известно, и ничего хорошего он от Рилло не ждал, но все еще молчал. И эмоции свои тоже держал под контролем.

— В письме было всего лишь приглашение на переговоры, которые состоялись следующим днем в Гетри, — если до этого Ная говорила с улыбкой на лице и в голосе, как о светской сплетне, то теперь стала серьезней. — Пока король с принцем говорили в охотничьем домике, отряды обоих при участии барда и культистов Ерены прилично проредили и напали на сопровождающих. Один из них очень неудачно ушибся лицом о крыльцо, хотя нападение отбили. Даже одного взяли живым.

Она демонстративно коснулась синяка, пожелтевшего и этим только больше привлекавшего внимание. Разумеется, Рой жест заметил — и, судя по взгляду, понял верно.

— Что с тюрьмой?

— Пойманному культисту покровительствовала Йорн. Она попыталась напасть на Крейга и Рилло во время допроса, но...

— Йорн, — он поднял руку, явно собираясь взъерошить волосы, но одернул и потер лоб. Перчатки Рой снял, и стало видно, что ладони стянуты тугими свежими повязками, чем-то пропитанными, судя по выступившему темному пятну. — Они сунулись допрашивать культиста сами? Хотя бы без служителя с кладбища?

— В этом случае, боюсь, мы бы сейчас оплакивали его высочество.

— Он цел?

— Физически — да. За тем же, чтобы не натворил глупостей, присмотрит Луиза. Ты не удивлен?

— Я знаю, кто такая Йорн, и сталкивался с культом.

— Такой многоопытный человек очень пригодился бы позавчера, — ляпнула Ная и прикусила язык, вжавшись в спинку кресла от мощнейшей удушливой волны злости, почти ненависти к самому себе, снесший даже ее привычный блок на чужие эмоции. За свое

отсутствие Рой винил себя так, как не смогло бы общество за все его прошлые подвиги. — Как твои руки?

— Что? — растеряно переспросил он. Перескок на другую тему отвлек его от самобичевания, и сразу исчезло давящее чувство, даже дышать стало легче. — Не знаю. Твой приятель хороший специалист. И у меня есть обезболивающее.

Рой достал из кармана стеклянный пузырек, в который были насыпаны зелено-коричневые маленькие шарики, поставил на стол. Подумав, вытряхнул один и собрался закинуть в рот, но Ная, поразившись своей реакции, подскочила и перехватила руку.

— Дай-ка, — мягко попросила она, забирая и разламывая шарик. Мягкий, как воск, с вкраплением толченых листьев и резким травяным запахом, ощущавшимся только у пузырька. Знакомый запах, а вкус...

Нет, не листья и не воск — травяной настой, смешанный со смолой, и Ная наверняка не ошибется, предположив, что собирали эту смолу с реликтовой сосны на Инеистых островах. Мешочек с похожими лежал у нее в комнате, плотно завязанный и спрятанный, использующийся только... м-да.

— Откуда у тебя это? — с большим интересом спросила она, разглядывая пузырек на просвет. — Еще и в таком количестве.

— Дала знакомая с настойчивым пожеланием всегда носить с собой и в качестве обезболивающего при необходимости.

— И часто ты их ешь?

— Всю последнюю неделю каждый день. Что-то не так?

— Твоя знакомая или глупа, или мечтает от тебя избавиться, — криво усмехнулась Ная, возвращая пузырек. — Это яд. Специфический и срабатывающий при определенных условиях... Про де Ривьена слышал? Если разозлишь имеющую хоть какие-то способности ведьму, закончишь тем же. А так да, вполне допускаю, что можно использовать как лекарство.

— Сама не боишься отравиться? — с не меньшим любопытством спросил Рой, разом забыв о своих терзаниях.

— Не подействует. К тому же я съела меньше трети. Что, тебя не напугало?

— Сдохну, так сдохну, зато помогает, — он пожал плечами и все-таки проглотил шарик. — И ведьмы сейчас большая редкость даже на севере. Вероятность встретить ее на улице не так высока. Ты только новости хотела рассказать?

— Нет, — Ная села рядом, благо стол в номере был широкий, и оценивающе посмотрела на Роя.

Он больше не казался безмятежным и беспечным, как прошлым вечером или во время пути, вот сосредоточенным, серьезным и совсем немного замученным — да; сумел взять себя в руки и загнать совесть в угол. Ная не успела толком его узнать, но отчего-то крепла уверенность, что такие эмоциональные срывы для него несвойственны, а то и вовсе удивительны. За последние недели нечто сумело его надломить, что не удалось предыдущим двенадцати годам. Что? Проблемы в Квинсе? Смерть лорда Мейсома, пришедшаяся некстати вообще всем? События в Лангрии? Такое пошатнет кого угодно, как это случилось с принцем.

И в этот момент она с отчетливой ясностью осознала: больше всего боится, что Рой не выдержит и присоединится к Крейгу, а тот не справится и не выкарабкается из затягивающего его омута апатии и страха. И тогда помощи ждать будет уже неоткуда. Разве

что податься к герцогу Брамсу, но тот слишком себе на уме, раздавит и не заметит.

— Тогда о чем хотела поговорить?

— Мне нужна помощь.

Рой хмыкнул, заставив поморщиться. Да, вышло до нелепого похоже на слова Миры, и просить собиралась примерно о том же, но на то, чтобы ходить кругами, намекая на сотрудничество и потенциальные взаимные выгоды, ни у кого не оставалось желания.

— Смерть лорда Мейсома поставила меня в неприятное положение. Слишком многие догадывались, что я на него работала, и теперь захотят... пообщаться.

— А ты работала?

В его голосе не прозвучало ни агрессии, ни угрозы, взгляд остался спокойным и прямым, а на лице застыл вежливый интерес, но все равно стало не по себе и захотелось опустить глаза, но Ная волевым усилием сдержалась.

— Да. Я не прошу нянчиться со мной, как с ребенком, но мы можем быть друг другу полезны. Я кое-что умею, а твоя репутация говорит за тебя. Извини, я интересовалась твоей личностью.

— Вряд ли за две недели ты успела накопать много и сейчас просто не знаешь всего. Моя репутация тебя скорее погубит, — Рой выдохнул и устало сгорбился, упершись локтями в колени. — Эллен и Макс, кстати, просили найти тебя и передать, чтобы была осторожней. Письмо еще... Не до конца был уверен, что правильно понял, о ком они говорят. С другой стороны, у леди Луизы вряд ли живет много светловолосых флейтисток.

— Как Макс? — голос дрогнул, и Ная невольно приложила руку к груди, нащупывая его монетку.

— Как может быть подросток, лишившийся отца? Я не мог пробыть с ними долго, а когда уезжал, они собирались вернуться в столицу.

Она промолчала, догадываясь, что оба сейчас испытывают схожие чувства — сожаление и вину за то, что не смогли быть рядом, и за то, что за своими проблемами и переживаниями забыли о парне в самый тяжелый момент. Да, его личное горе — не трагедия государственного масштаба, и есть куда более значимые и неотложные вещи, но все же...

Ная ободряюще положила ладонь на плечо Роя, опасаясь, что тот снова уйдет в себя, но он только вздрогнул и хрипло спросил:

— Чем ты занималась у... лорда? Не просто же блистала в свете, для этого есть Эллен.

— Посмотри на меня, — попросила она. Самый просто трюк: поймать взгляд и добавить немного силы, чтобы человек выполнил простое действие. Не так затратно, как было в бою, но многие попадались на крючок, успев совершить пусть даже мелочь, порочащую, например, их имя. — А теперь открой окно.

Зрачки Роя расширились, и он с пустым взглядом спрыгнул на пол, сделал два шага и дернулся, как от пощечины, когда в окно ударилась и тут же с возмущенным карканьем улетела ворона. И в этот же момент Наю толкнуло настолько мощной невидимой волной, что она слетела со стола на стоявшую рядом кровать. Повезло, чуть в сторону, и лицо для симметрии украсил бы второй синяк.

— Что это было? — приподняться удалось с трудом и тут же пришлось зажимать нос, из которого хлынула кровь, что случилось последний раз лет десять назад.

— Хороший вопрос, — Рой ошарашенно тряхнул головой и протянул платок. — Ты все-таки вельва?

— Нет, это другое, — с досадой ответила Ная, вытирая лицо и пытаясь разглядеть,

насколько сильно заляпала рубашку. Большая часть крови попала на шарф, которым она прикрывала царапину на шее, если его снять, то должно быть и ничего... по крайней мере, добраться до экипажа успеет. — Просто ведьма.

— И ты можешь превратить эти пилюли в яд?

— Могу. Вспомни де Ривьена, говорю же.

Неужели Тольд, когда предупреждал не использовать силу, говорил именно об этом? Она едва не убила, если бы кровать стояла чуть дальше или в комнате были острые предметы... Нет, вряд ли, волна напоминала скорее те, что ощущались около круга во время явления Йорн и неизвестной сущности. Но откуда?! Посторонних рядом не появилось, в окружении не изменилось вообще ничего, а Рой не мог обладать никаким даром! Или мог?

Или не он, а тот, кто его защитил, как она Макса.

— Кто дал тебе яд? Ты его не мог купить в случайной лавке сувениров севера, значит, получил от конкретного человека. Имя.

— Арна, — Рой все же открыл окно и выглянул на улицу, но ворона, разумеется, давно улетела. — Провидица из Стормгрита.

— Что-то кроме она тебе дала? Амулет, талисман, безделушку?

— Нет, только гадала, — он сел рядом, ощутимо примяв матрас. — Это важно?

Ная застонала и откинулась обратно на подушку, благо, кровь остановилась, и риска захлебнуться больше не было. Тетя! Еще бы, со всеми совпадениями последних дней, кто мог оказаться доброжелателем, как не она?

— Вы знакомы?

— Арна... местная достопримечательность, — уклончиво ответила Ная, не решив, стоит ли посвящать Роя в детали о своей семье. — Что-то вроде. Про нее все слышали. Видимо, она постаралась с защитой для тебя.

С другой стороны, каким образом? Тетя провидица, никогда не занималась чарами, как подозревала Ная — по идейным соображениям. Да и до настоящих, серьезных и глубоких предсказаний снисходила не часто, они требовали большой самоотдачи, на которую из-за первого встречного не пойдешь.

Значит, он сумел добиться ее расположения — чем? Чтобы впечатлить Арну, надо иметь в себе нечто большее, чем смазливая мордашка или хорошо подвешенный язык. Или она правда увидела заинтересовавшее ее будущее, потому и вручила, гм, лекарство, не сообщив об истинных свойствах?

«Госпожа Арна помогла пристроить Лику помощницей к своей наставнице... Что бы о нем ни говорили, с людьми Рой договариваться умеет».

Нет, дело не в том, что он способен установить контакт с нужным человеком. И зачем ему пилюли? Обезболивающее можно купить в любой аптеке или у врачей, не столь редкое, но сравнимое по эффективности. Выходит, значение имеет яд, но без активации он так и останется травяным сбором, а предположения, что в городах массово начнут появляться ведьмы, абсурдно само по себе.

Ная резко села и провела ладонью по лицу, словно собирая лишние мысли. Если подумать еще немного, то можно прийти к тому, что встреча в Квинсе predetermined судьбой, и ей предстоит убить Роя, чтобы он... что? Не развалил королевство? Смешно.

— У тебя все-таки светятся глаза. Ладно, это лирика, — оборвал он сам себя. — Нам надо разобраться с насущными проблемами до конца осенних торжеств, то есть в запасе пара дней. А их две: бард и культ.

— И принц.

— В чувство его приводить нет времени, а безопасность... Найдем барда и заткнем эту дыру. Мне передали кое-какую информацию, больше, правда, по культистам, — Рой наклонился, вытаскивая из-под кровати сумку, а из сумки — сложенные и несколько помятые листы. Ровные строки, написанные аккуратным почерком, перечеркивали размашистые кривые пометки, сделанные, видимо, позже и в спешке. — Хорошо, что ты пришла, мне как раз нужен будет посредник, чтобы пообщаться с местными бардами из «Солнца юга». У нас с ними некоторое... недопонимание. Взаимное.

— Чем они тебе могут помочь? — удивилась Ная.

«Солнцем юга» называлось небольшое кафе с национальным колоритом, принадлежавшее смешливому и приятному в общении южанину. Поначалу оно привлекало только любителей экзотики, со временем превратившись в пристанище для «бездомных» бардов, как правило, мирных и предпочитавших зарабатывать музыкой, а оттого мало заинтересованных в присоединении к той же Дарите. Гильрани они знали и всегда тепло встречали, когда доводилось зайти.

— В чужом королевстве человек всегда острее замечает своих, даже если не относит себя к диаспоре. До них могли доходить слухи или какие-то новости. Так что?

— Дай мне пару часов, и сможем сходить, — криво усмехнулась Ная, с содроганием представляя, что придется все-таки расчесать парик, который после лесных приключений она так и кинула в угол шкафа.

— Внезапно, — признался Рой, обходя и с живым интересом ее разглядывая. — С другой стороны, это дополняет картину.

Встретились они предусмотрительно в паре кварталов от кафе — Ная рассудила, что возникнут вопросы относительно ее внешнего вида, отвечать на которые перед убежищем бардов было бы опрометчиво. Специально подслушивать никто не станет, но ведь и затыкать уши, выходя или проходя мимо — тоже.

— Например? — хмуро ответила Ная. На улице снова собирался дождь, не улучшая настроения, и без того паршивого из-за необходимости в очередной раз делиться жизненной историей. Можно было, конечно, заявиться и без грима, но это только усложнило бы процесс — с бардом барды охотнее разговаряются, тем более со знакомым.

К тому же ей все равно пришлось бы снова влезать в образ Гильрани, чтобы сопровождать принца на финальном приеме в кабаре: и потому, что уже показалась в его обществе раньше, а очередная смена, гм, помощника даст повод к лишним пересудам, и потому, что попросту было боязно светить на подобных мероприятиях своим лицом, как есть. По крайней мере, в ближайшее время, когда любые предосторожности не лишены смысла.

— Например, новости ты рассказала так, будто видела все своими глазами, а не пересказывала с чужих слов. Предположим, на прием ты попала через кого-то, на него приглашают многих. Но встреча с Рилло и переговоры, тем более, как ты говоришь, с королем? Я знаю Крейга, он не расплывется и не тащит на каждое дело нового человека, значит, рядом постоянно присутствовал бард. При этом ты однозначно намекнула, что синяк получила именно там, а Рилло бы вряд ли допустил больше одного постороннего на встрече — сложнее контролировать ситуацию. Факты не стыковались, — пояснил Рой, неторопливо направляясь в сторону кафе. На разговор у них оставалось минут десять.

— Слушай, предлагаю честный обмен, — озарило Наю. — Я расскажу о себе, ты о себе. Меня тоже очень интересует, откуда в Квинсе взялся бродяга в дорогой одежде не с чужого плеча, вокруг которого увиваются барды и о котором печется Арна. При этом ты знаком с семьей лорда Мейсома и с Рилло, сейчас почти похож на приличного человека, остановившегося в недешевой гостинице, но не хочешь попадаться на глаза Крейгу.

— Ты же и так все выяснила.

— Крейг отказался дать подробную информацию в счет гонорара и отправил узнавать у тебя. К слову, он со мной даже не до конца рассчитался, — с досадой сказала она. Отказ принца скорее интриговал, но без этих сведений любопытство никак не успокаивалось, а в расстановке сил в Лангрии зияли проплешины. — Так что мне остались только слухи и обмолвки.

«И собственные способности», — мысленно договорила Ная. Эта тема требовала отдельного обсуждения, желательно демонстрации... и лучше ее не поднимать вовсе, помня о последних событиях. К тому же... еще вечером, обдумывая свой срыв, она решила доверять Рою — хотя бы потому, что больше никто руку помощи не протянет однозначно — но насколько это оправдано?

— Ты думаешь, я расскажу все, и это окажется правда?

— Кое-что мне все же известно. Смогу сверить.

— Давай попробуем, — наконец, согласился он, когда до крыльца кафе осталось несколько шагов. — Только сначала разберемся с насущными угрозами.

Обеденное время заканчивалось, и в «Солнце юга» помимо пары посетителей за дальними столиками сейчас находился только хозяин — щуплый, но харизматичный Серэн с настолько зычным и выразительным голосом, что заполнял собой любое помещение и с легкостью перекрикивал кого угодно.

Гостям он искренне обрадовался, вопреки словам Роя — обоим. Конфликт, похоже, был все же не с ним, а с кем-то из бардов, и Ная, припомнив постоянную публику, даже смогла с почти полной уверенностью предположить, с кем именно.

— Кого я вижу! — Серэн широко улыбнулся и пожал Рою руку, зато Наю обнял и расцеловал в обе щеки со всей своей пылкостью. — Давно не заходили, я уж начал думать, что... и не важно это. Вы поесте или так, чайку?

— По делу, — несколько осадил его Рой, и улыбка разом померкла, исчезнув вовсе после следующих слов. — Никто из твоих не собирается зайти?

— Орин и Леяна обещали после обеда, но не думаю, что ты от них чего-то добьешься. Орин грозился повесить в комнате твой портрет и кидать в него дротики, — скривился Серэн, явно не одобряя кровожадности приятеля. — Слушай, ну зачем тебе они? Поговори со мной. Мы много говорим вечерами, я в курсе почти всех их дел.

— Если повесит, расскажи. Таким мне еще никто не угрожал, — серьезно попросил Рой, хотя в голосе так и слышалась усмешка, и указал на один из столов. — Ты тоже годишься. Присядем?

Хозяин кивнул, но садиться не спешил: сперва поймал успевшую заскучать официантку и велел подать свежий кофе, потом сам принес с кухни коронное арахисовое печенье и только тогда успокоился.

— Рассказывайте, — скомандовал он, разваливаясь на плетеном стуле. — Что еще успело случиться в городе?

— Объявился бард, который сильно мешает нам всем и которого никак не удастся

поймать и хотя бы опознать, — сказала Ная, когда Рой внезапно замешкался.

— Так прямо и никак? А Лис, сдается, имеет на этот счет мысли, — пронизательно прищурился Серэн.

— Сильнее всего мне хочется подозревать Ильяну, — угрюмо ответил Рой. — Но ты сам понимаешь...

— Этого не может быть, — категорично отрезал хозяин, для пущей убедительности саданув ладонью по столу. Его благодущие в мгновение сошло на нет. — Мертвые не встают.

— Я знаю.

— Ты сам говорил, с такими ранами не живут.

— Не живут. Но я больше не видел тела и не могу утверждать уверенно, что она действительно мертва. Чудеса случаются всякие.

— Кто такая Ильяна? — вмешалась Ная, видя, что Серэн вот-вот вспыхнет, расплескав только поданный кофе. Она знала многих бардов, но это имя слышала впервые.

Над открывшейся дверью мелодично звякнул колокольчик, и внутрь ворвались, помешав ответить, веселые голоса молодых людей. Правда, стоило мужчине увидеть посетителей, как он разом напрягся и посмурнел, сжав руку в кулак.

— Предупреждать надо, что ты пригласишь сюда всякое... отребье, — почти выплюнул он, но, заметив Наю, несколько смягчился. — Тебе я рад, но лучше не связывайся с кем попало, если хочешь жить.

— Ты можешь считать что угодно, Орин, но Терина сама решила влезть в опасное дело. Это не я ее просил, — скучающе ответил Рой, словно повторяя нечто, давно набившее оскомину и совершенно бесполезное. Но за его уже почти привычной показной беспечностью отчетливо слышалась жесткость, граничащая с жестокостью.

— Она работала с тобой! — повысил голос Орин, едва не срываясь на крик, и навис над столом.

— Мы были напарниками, а не маленьким ребенком и нянькой. В том, что у нее за неделю до смерти срезали кошелек, тоже я виноват? Извини, в тот момент находился на другом конце города.

— Ты должен был отговорить! Защитить! Пусть даже лег бы сам! — он все-таки не сдержался и заорал, напугав обедавших посетителей. Те поспешили расплатиться и по стеночке уйти, чтобы не превратиться в случайных жертв. — И ты все еще смеешь показываться мне на глаза?!

— Позволь на минутку, — Ная встала и, подхватив едва ли не дышащего огнем мужчину под локоть, оттащила в сторону. — Поговори со мной, не с ним.

— Ты вообще в курсе, что он сделал?! Не представляю, как Серэн после смерти племянницы его вообще на порог пускает, — не понижая голоса, возмутился Орин, не желая успокаиваться. — Но это еще стерпеть можно, Ильяне он вообще вспорол живот и едва ли не освежевал, бросив умирать. Одну из наших! Предал человек! Работающий с Домом!

Ная оглянулась на спину Роя, полностью отдавшего ей на растерзание разгорячившегося барда. Знала бы сразу суть их конфликта, лучше бы поймала Орина на улице, не показывая ему на глаза этого... напарника.

— Возьми себя в руки, пожалуйста. Мне и всей Лангрии нужна твоя помощь, — удерживать миролюбивый настрой удавалось с трудом, особенно с учетом волн всепоглощающей ненависти, исходящих от собеседника. — Есть подозрение, что некий бард замешан в темных делах с массовым убийством, направленных на свержение короля. Ты не

слышал в последнее время ни о каких новичках или происшествиях?

— Чтобы он его тут же порешил?

— Чтобы мы не допустили уничтожение той мирной жизни, которой дорожишь в том числе ты.

Орин шумно выдохнул и обессиленно упал на стул и облокотился о стол, подперев голову рукой.

— К нам подкатывал какой-то мужик, интересовался, кто сейчас работает на принца. Не напрямую, конечно, а кружными путями, но и так понятно. С месяц назад, может. Про Лиса расспрашивал, но, — он кисло усмехнулся. — Я его далеко послал.

— У тебя остался его контакт или хоть какая-то информация, где можно найти? Лис подозревает, что он может быть связан с Ильяной, а только оживших мертвецов нам не хватало. И в любом случае, человек, интересующийся подобными вопросами, опасен.

— Нет, — помедлив, ответил Орин и очевидно соврал. — Ничего не знаю. Сказал, что зайдет при случае, но больше не видел.

Вот это была уже правда. То есть имеется некий человек, интересующийся принцем, но на первый взгляд не слишком активно, если больше не заходил. С другой стороны, логично, зачем лишний раз светиться? Тем более, что в тот момент с Крейгом не работал никто, и Рой, и Ная еще находились в Даргии. Но способ для связи оставил, причем наверняка не слишком очевидный.

Вывод? Надо проследить за Орином.

— Спасибо, и то хлеб, — с показательным разочарованием вздохнула Ная. — Не кипятись, мы сейчас уйдем.

— Ты все-таки с ним осторожнее, — проворчал Орин. — Будет жалко, если и тебя убьют.

— Постараюсь, — пообещала она.

— Серэн говорит, месяца два назад на кладбище навели шуму, когда задержали парочку каких-то любителей устраивать ритуалы. По слухам это было просто прикрытие, чтобы отпугивать случайных прохожих, а на самом деле орудовала банда гробокопателей. Но само происшествие кажется интересным, по крайней мере, стоит узнать подробнее.

Отходить далеко от кафе они не стали, устроились между домами в соседнем проулке, откуда хорошо было видно крыльцо, а их — нет. Вопреки ожиданиям, Орин не помчался к любопытствующему, хотя про Ильяну Ная упомянула специально — если есть связь, тот человек наверняка не останется в стороне и как-то себя проявит. Испугался, побоялся навредить приятельнице?

Впрочем, ничего это не значило, его вполне мог задержать Серэн с выговором за поведение.

— Орин тоже рассказал занятное, хотя и весьма немногословно, — она в двух словах обрисовала свои подозрения.

— Дурак, — вздохнул Рой, приваливаясь к стене.

— Кто?

— Я. Надо было отправить тебя одну, если бы Орин не завелся на пустом месте, возможно, мы бы имели больше информации. Не ожидал такой злопамятности и трепета к своим обидам, — поморщился он, не скрывая досады. — Если бы в этом королевстве поменьше носились со своими травмами, всем бы жилось намного проще.

— Кстати, об этом. Не хочешь, рассказать, из-за чего ты у него числишься в смертельных врагах?

— Терина работала со мной, но подумывала завязывать, собиралась выйти замуж за Орина, а он был против такого... досуга. В качестве последнего дела полгода назад ввязалась в мутную историю, денег предложили много, зато перешла дорогу банде южан. Она действительно просила меня помочь, но их просто было для двоих слишком много, при всем желании не успевал к ней. Не подумай, что мне все равно — нет. Но я не готов посыпать голову пеплом до конца жизни, как, кстати, и Серэн, Терина была его племянницей.

— А Ильяна? Ты правда бросил ее умирать? — спросила Ная, но исключительно от любопытства, а не ради того, чтобы обозвать убийцей, плюнуть в лицо и уйти в закат. Сама не безгрешна, а страшилок успела послушаться.

— Нет, — с жутковато хищным выражением ответил Рой, и сразу стало понятно, что речь пойдет не о том, как он героически пытался ее спасти. — Я бил наверняка. С такими ранами не живут.

— Даже не будешь рассказывать, что ты не жуткий маньяк, и мне нечего бояться?

— Она пыталась интриговать и баламутить воду, надеясь избавиться от Дариты примерно тем же способом, которым та в свое время избавилась от Теаны. Никому не нужно и никогда не было, чтобы шинтийский Дом подчинялся заносчивой эгоистке, рассорившись с остальными из-за радикальных идей. Именно поэтому я думаю на нее, как бы невероятно ни звучало, — он поморщился от неприятных воспоминаний и отмахнулся. — Ладно, сейчас не об этом. Предлагаю разделиться. Я останусь здесь, прослежу за Орином, с его характером он долго не высидит на месте, а ты иди в сыскное управление. Надо узнать подробности истории с гробокопателями.

— И мне их просто так выложат?

— Скажи, что тебя срочно послал Крейг. Он туда все равно не заглядывает, а если ты действительно была рядом с ним на мероприятиях, то успела примелькаться и запомниться. Часов в семь встречаемся у «Грота», времени должно хватить. Я пошел, только не выскакивай сразу, а лучше выйди с той стороны.

Шагах в двадцати от них пронесся Орин, не глядя по сторонам и едва не врезаясь в случайных прохожих, но источая при этом столько смятения, что Нае стало некомфортно и немного совестно. Не натворил бы, в самом деле, чего — в таком состоянии люди не всегда способны себя контролировать. Человек он неплохой, хоть и вспыльчивый, и точно не заслужил, чтобы кто-нибудь размозжил голову в темном переулке из-за неаккуратно сказанного слова.

Рой выскользнул из проулка и со скучающим видом пошел следом, попинывая начавшую опадать листву, благо, улица была широкой и в этот час малолюдной, и бегущий человек хорошо просматривался.

Ная же, согласившись с советом, пошла к противоположному концу проулка.

Сыскное управление находилось на той же улице, что и тюрьма, чтобы дознавателям не приходилось носить через весь город ради допросов, как, по слухам, было всего лет десять назад. Все тот же градоправитель, помогавший Джеймсу с театром, поспособствовал строительству нового здания к вящему удовольствию сотрудников, перебравшихся подальше от излишнего внимания центра.

В управлении стояла суета, но не авральная, случающаяся при серьезных происшествий,

а рядовая и для сотрудников привычная. Наяим посочувствовала: сама бы она не смогла работать в таком ритме, когда носишься по коридорам, никого не замечая и сшибая посетителей.

— Вы что-то хотели? — наконец, заметил ее задевший плечом сотрудник, и его взгляд, до этого застывший и сосредоточенный, ненадолго ожил.

— Я по поручению его высочества. Принца очень заинтересовала история с гробокопателями двухмесячной давности, мне нужны материалы по этому делу.

— Что именно вас интересует? — разом собравшись, подозрительно посмотрел на нее мужчина. — Ими занимался я.

— Прямо посреди коридора?

Он нахмурился и махнул рукой, призывая идти следом. Собственного кабинета, похоже, у него не было, так что пришлось устроиться в закутке перед архивом, предварительно выгнав оттуда двух стажеров, увлеченно закопавшихся в бумаги.

— Я слушаю.

— Что удалось о них выяснить? Имена, откуда пришли, с кем контактировали? Говорят, они проводили обряды, это была постановка для прикрытия или убеждение, что действительно имеет силу?

— Пять человек, коренные лангрийцы, ко всему довольно юные и безмозглые, — дознаватель подошел к шкафу и вытащил из него прошитую папку. — Идею легкой наживы подкинул приятель, которого, кстати, давно пытались поймать не только мы, но и в нескольких соседних городах. Известный деятель, хотя осторожный, так попал впервые. Ритуалы — чистой воды инсценировка, взяты из приключенческой книги, есть в университетской библиотеке.

— А религиозных деятелей среди или рядом с ними не замечали? Проповедники, культисты, просто идейные?

— Да о чем вы, — он скривился, как будто говорил о детях или недалеких людях. — Они и приятеля-то своего первым делом выдали, до камеры не успели довести.

— Могилы сами выбирали или кто-то давал наводку?

— Сами. Правда, один из пацанов помладше и подурней сказал, что тот самый приятель обещал свести с крупным заказчиком, заинтересованным в этой... банде. Кто это — никто не в курсе, а наш деятель всегда встречался со своим контактом в темноте и знает только, что женщина в белой вуали. И прозвище — Вестница, но я раньше такого не встречал.

— Вестница, — повторила Ная, невольно чувствуя холодок по спине. Какое отношение неудачливые гробокопатели имеют к культу? Точнее, чем могли заинтересовать? Неужели не нашлось бы кого-то толковее? — И богатая у них была добыча, если заинтересовал кого-то крупного?

— Мое мнение — отвлекают внимание. От чего? Это уже другой хороший вопрос, в городе больше ни до, ни после не случилось происшествий религиозного характера. А для больших краж или убийств слишком мелкое событие, о котором давно все забыли.

— Что сейчас с гробокопателями?

— На общественных работах по городу. Приятель на рудниках на востоке, давно заслужил. Если хотите, вот отчет, — дознаватель достал из папки скрепленные листы и положил на стол.

— Могу сделать копию? — Ная пролистала отчет. Всего пара страниц, переписать не займет много времени, тем более, что даже за письменными принадлежностями ходить не

придется: стопка бумаги и чернильница уже находились на столе. Видимо, пользовались спросом у посетителей архива.

— Пожалуйста. Я подожду.

— И вас не смущает, что я так просто копаюсь в материалах дела?

— Под моим присмотром, — заметил он и улыбнулся. — Вас видели с его высочеством в тюрьме и несколько дней назад на приеме. Думаю, для простого разговора этого достаточно.

В архиве Ная просидела почти до вечера, занятая не столько переписыванием, сколько ответом на многочисленные вопросы дознавателя обо всем на свете, начиная от причин интереса принца и заканчивая ссорой у булочной на одной из площадей. Ввязываться в пустую светскую беседу не хотелось, но и навязана она была не на пустом месте: мужчина оценивал посетительницу, пытаясь найти подвох, из-за чего приходилось следить за своими ответами, жестами, лицом, что, в свою очередь, не ускоряло процесс и портило настроение.

Вырвавшись из управления и не найдя поблизости свободного экипажа, Ная едва не бежала до «Грота» — как оказалось, только для того, чтобы ткнуться в закрытые двери: Рой еще не вернулся, а запустить в его отсутствие в комнату метрдотель, разумеется, не мог.

Уходить она не стала, понадеявшись, что ожидание не затянется, устроилась на скамейке неподалеку, о чем скоро пожалела; в ресторане при гостинице что-то громко праздновали, время от времени выплескивая веселье на улицу.

Ближе к восьми, когда от шума и густого сигаретного дыма, клубящегося вокруг выходящих посетителей, разболелась голова, и Ная всерьез задумалась оставить записку и вернуться в кабаре, из-за угла наконец-то появился раздосадованный и хмурый Рой.

— Подозреваю, здесь мы вместо содержательного разговора рискуем заработать мигрень, — поморщилась она, отходя в сторону и пропуская в очередной раз выглянувшую компанию, на этот раз без сигарет, зато с бутылкой. Кто-то даже скабрёзно предложил присоединиться, пришлось отойти подальше, с трудом удерживаясь от того, чтобы скривиться.

— Если ты не считаешь меня маньяком, заманивающим жертв в глухие подворотни, могу предложить уединенные руины, — усмехнулся Рой. — Мне в любом случае надо обдумать ситуацию, это подходящее место.

— Веди, — она приглашающе махнула рукой и только на полпути к выезду из города спохватилась. — Что за руины? Я думала, вокруг Лангрии освоены все земли.

— Остались от древней сторожевой башни с тех времен, когда город окружала стена. Кажется, это были восточные ворота... Потом Лангрия начала разрастаться в противоположную сторону, от стены лет семьдесят назад избавились окончательно, а башня рухнула и того раньше — от ветхости.

— И чем она тебе так приглянулась? Любишь посидеть на камнях, повспоминать о величии древней Верны, как некоторые господа, отрицающие прогресс?

— В детстве мы с Крейгом любили бегать по королевскому парку, ты его наверняка знаешь, он больше похож на лес. Там тоже находились развалины, по которым удобно было лазить, хотя и не слишком безопасно. Своеобразная полоса препятствия вроде тех, на которых тренируют гвардию, — Рой скосил на нее взгляд, наблюдая за реакцией, и отметил. — Не удивляешься, я посмотрю.

— Чему, что ты был ребенком или дружил с принцем? Брось, первое очевидно, а второе такой секрет, что о нем не сложно догадаться. Удивительно другое. С чего вдруг такая откровенность?

— Мы же договорились, — он пожал плечами. — Как раз по дороге расскажу.

— И даже не будешь юлить и изворачиваться? Неожиданно, — приятно удивилась Ная. — И король не возражал против вашего общения?

— С чего бы? Я не сын булочника, мои родители участвовали в придворной жизни. Во всяком случае, в то время и несколько по-отдельности.

— А кто твои родители?

— Сейчас это не важно, в первую очередь, из-за их безопасности. Мы все равно давно не поддерживаем связь, но если тебя интересует, попробуй докопаться. Вряд ли это слишком сложно.

И вроде бы Рой продолжал говорить спокойно, почти благодушно, но Ная прикусила язык и настаивать дальше не рискнула — слишком за этим благодушием звенела сталь. Впрочем, он не стал вставать в позу героического страдальца, стойко выдерживающего удары судьбы, и с шутливым вызовом предложил.

— Зато какая возможность показать, что ты действительно хороша, и лорд Мейсом работал с тобой не за красивые глаза.

— А что, красивые?

— Если без маскарада — вполне, иначе слишком выделяются и привлекают внимание, что неплохо для музыканта, но смертельно для... исполнителя деликатных поручений.

— Как ты изящно, — хмыкнула Ная, оглядываясь. С этой стороны она из города выезжала редко и не успевала отследить за всеми происходящими изменениями, случавшимися медленнее, чем в центре, зато монументальнее.

Исторически этот район славился своими мануфактурами и ремесленниками: здесь они жили, работали, производили ткани, посуду, украшения — и продавали в открытых тут же лавках. С неумолимым шествием технического прогресса ситуация практически не менялась, все хоть сколько-нибудь крупные производства, способные испортить жизнь горожанам, находились в пригороде, а ручной труд все так же ценился и пользовался спросом — товары имели индивидуальность при меньшей цене в отличие от фабричных, одно производство которых обходилось куда дороже и, в свою очередь, влияло на стоимость. Да и хвастливая вывеска: «Производим ткани сто лет», — впечатляла многих.

Хотя Ная полагала, лет десять, двадцать, и Лангрия разрастется настолько, что те фабрики окажутся в городской черте. Если доживут, конечно.

— Надеюсь, примешь это за совет?

— В первую очередь за намек, что моя очередь рассказывать байки о детстве, — она скривилась. Собственная история порядком набила оскомину и от частого повторения начала казаться глупой, особенно в сравнении с трагедиями государственного масштаба. Наверное, такая затея могла прийти в голову только в семнадцать лет, а сработать от большой удачи; лорд Мейсом наверняка в свое время посчитал ее забавной, хотя за прошедшие годы ни разу не позволил себе высмеять или раскритиковать.

Чем дальше Ная говорила, тем скупее становился рассказ: подробный в начале, к моменту судьбоносной встречи он сжался до пары фраз, большей частью из-за неясного предчувствия, что за удачу в прошлом еще ждет расплата.

К чести Роя, он тоже не стал насмехаться и изображать из себя многоопытного героя — возможно, большей частью от того, что его интересовало совсем другое.

— И какие ты выполняла поручения для графа?

— Об этом мы не договаривались. Не упускай возможность доказать, что ты действительно всемогущий злодей, как о тебе рассказывают в городе, — вернула шпильку Ная. — При желании все можно узнать, а, как ты выразился, маскарад для его поручений я не использовала.

— Тогда вернемся к делу? — предложил Рой. — Хотя, честно говоря, выдающимися результатами похвастаться не могу. К слову, мы пришли.

Он свернул с дороги на малозаметную нехоженую тропу, через десяток шагов потерявшуюся в редких зарослях орешника.

Скрывавшиеся за ветками развалины представляли гнетущее зрелище: отчего-то Ная успела представить их более... величественными, а не осыпающийся, покрытый плющом и мхом полукруг стены, на котором сохранился обрывок лестницы, половина бойницы на втором этаже и держащийся на нескольких торчащих балках огрызок пола. Все это опиралось на приземистую каменную пристройку с провалившейся под весом наваленных сверху камней крышей. Снизу же пол и все пространство вокруг было усыпано обломками разных размеров, от совсем мелких, с гальку, до булыжников, на которых при желании вполне можно было сидеть.

— Не хочу задеть твоих чувств, но чем тебе так нравится это место? — осторожно спросила Ная, с опаской прикасаясь к стене. Та выглядела крепкой и обрушаться на головы не собиралась. Пока что. — Обычные развалины, а я почти успела сочинить таинственную историю.

— Я еще по пути к границе понял, что сочинять ты любишь. С крыши открывается красивый вид, особенно на закате, но со своими руками я туда не заберусь и тебя не подниму, — и тут же, противореча своим словам, Рой ловко запрыгнул на один из булыжников рядом с пристройкой и, опасно балансируя, вытянулся, словно надеялся что-то разглядеть за окружившей развалины редкой порослью молодых деревьев. Впрочем, спрыгнул он почти сразу. — Здесь удобно лазить.

— Еще удобнее расшибиться.

— Эта башня крепче, чем кажется, к тому же хорошая возможность выпустить пар и не давать себе расслабиться. Тебе бы, кстати, тоже не помешали занятия, чтобы хотя бы не быть беззащитной при встрече с обычной пьяню. Это вдвойне обидно — крутиться в большой политике, но подставляться по ерунде.

— Спасибо за заботу, я учту, — вежливо поблагодарила Ная, передернув плечами. Его слова пришились по больному. — Так что у тебя с результатами?

— Орин дурак, в отличие от тех, с кем встречался. Он долго сидел в кабаке на входе в Торговый квартал, предполагаю, нужные люди его там заметили и через разносчицу передали записку с местом, куда идти дальше. Больше к нему никто, насколько можно было видеть с улицы, не подходил, а после его сопровождали чуть ли не от входа. Профессионалы, в толпе их почти не заметно, куда свернули, тоже не успел понять, — с досадой сказал Рой. — Остается один кабак, есть у меня мысль на этот счет, но сначала расскажи, что у тебя.

— Вестница. Ее упоминал культист, который попытался напасть во время переговоров, но я тогда сочла, что это нечто вроде... должности. Теперь думаю, что прозвище, — Ная протянула слегка помятую копию протокола и замолчала, давая возможность прочитать, благо солнце не успело скрыться до конца, и текст еще был различим.

— Не слышал такого. Допускаю участие Ильяны, она считается мертвой, а представляться новым сподвижникам как-то надо. Опять же в последние пару месяцев слишком много событий, чтобы это было совпадением. Гробокопатели появились, когда я уехал, после чего очень активно пытались избавиться от меня и подставить Дом Дариты, — Рой выдохнул и попытался взъерошить волосы, но только запутался и выругался. Подстриг

бы уже, в самом деле, раз вернулся в Лангрию, зачем терпеть неудобства? — Не знаю. Предлагаю взять это на заметку, но начать с кабака и попробовать выманить хотя бы связного. Подбросим им пищи для размышления, пусть заинтересуются.

— Какие идеи?

— Я слишком увлекся и показался на глаза, пока шел за Орином от кабака. Отследить, уверен, не сумели, я тоже не вчера родился, но теперь знают, что я в городе, отросшими волосами и щетиной их не запутаешь, — он раздраженно дернул за особенно настойчиво лезущую в лицо прядь. — Наверняка теперь околачиваются у дома и резиденции... Не суть. Хочу завтра заявиться в этот кабак, привлекая внимание всех заинтересованных.

— Не хочу критиковать план, но уверен, что они клюнут, раз так хорошо тебя знают? Добьешься только того, что начнут ходить следом.

— А вот тут пригодишься ты, как человек, активно в последние недели присутствующий в окружении Крейга и для большинства все еще являющийся темной лошадкой. Появилась практически из ниоткуда, сразу заслужила доверие... Пришлю приглашение на встречу, на которой мы должны будем обсудить мое предложение об участии в некоем деле, и отправлю самым сомнительным курьером, чтобы письмо наверняка вскрыли.

— Не понимаю. Что за дело, какое предложение?

— На самом деле скорее просьба. Где будет проходить последний прием?

— В кабаре.

— Мне нужно будет туда незаметно попасть, чтобы гости и Крейг не видели. Хочу понаблюдать со стороны, но моя персона обычно привлекает излишнее внимание на таких мероприятиях, — Рой поморщился. Он неплохо потрудился над своей репутацией за прошедшие годы, но порой она создавала досадные помехи. — Кстати, это возможно?

Ная покосилась на его руки и задумалась, вспоминая планировку кабаре. Если Рой действительно увлекается лазаньем по стенам, то наверняка сумел бы забраться, допустим, в кабинет Луизы, окна которого выходят во двор. Не слишком удобно, но теоретически возможно, вот только ожоги... Через черный ход наверняка в тот день будет ходить много людей, и наверняка Эрик выставит охрану.

— На первом этаже есть кладовка, окно не слишком большое, но при некотором старании пролезть можно, — наконец, сказала она. Надо будет только заранее разгрести вещи и проверить раму, ее давно не открывали. — Но об этом мы договоримся сейчас, тогда в чем смысл?

— За нами будут наблюдать. Я спрошу, обдумала ли ты мое предложение, с тебя требуется лишь нагнать таинственности, поломаться и очень нехотя согласиться. Для них это будет выглядеть как удобная возможность организовать провокацию и обвинить нас в покушении на Крейга, что создаст суматоху и разброд в резиденции, под которые можно повернуть нужное дело.

— Не боишься подставить гостей приема? И принца с Луизой в том числе.

— Думаешь, без нас все пройдет мирно?

Ная поджала губы. Рой был, несомненно, прав, единственным спокойным событием оказался пикник в парке — но, вероятно, из-за того, что Крейг слишком быстро оттуда ушел, а нападение случилось на следующий день во время куда более значимых переговоров. Прощупывать почву противник начал еще на первом приеме в резиденции и вряд ли остановится на достигнутом, тем более, когда появится такая эффектная возможность — под конец праздников, при большом скоплении людей.

Но очень не хотелось жертв — не столько из человеколюбия, сколько из опасения еще больше накалить ситуацию. Небольшой скандал с баронессой общество простит и спишет на вино, перенапряжение, волнение и что угодно еще, а вот ответственность за убитых или покалеченных с охотой возложит на хозяина вечера, особенно если в толпе появятся правильные настроения, создать которые не так сложно.

— Нет. О чем бы ни договорились Крейг с королем, мирно не будет точно, — признала Ная, стараясь задавить всколыхнувшееся дурное предчувствие. Не стоило так просто отмахиваться от своей интуиции, но то, что мир вокруг давно трещит по швам, понятно и без нее, а тревога только обезоруживает, парализует, мешая действовать.

— История их конфликта слишком давняя, многие успели воспользоваться расколом, и возможное воссоединение королевской семьи теперь как кость в горле. То, что благо для Верны, далеко не всегда является им для желающих ее растащить. Так что?

— Надеюсь, твою идею мы хотя бы переживем, — с мрачной усмешкой согласилась она.

В город они вернулись затемно, и до самого кабае пришлось идти пешком; на темных улицах окраин Ная, прислушиваясь к возне в переулках и улавливая отголоски самых разных, в основном гадких и тяжелых, эмоций, неосознанно старалась держаться ближе к Рою, которого, кажется, подозрительные личности старались вовсе обходить стороной.

Провожать до самого кабае он не стал, чтобы не мелькать рядом лишний раз, но идти по освещенным центральным улицам было куда спокойнее, хотя пару раз Ная, задумавшись, все-таки шарахнулась от тени фонаря, приняв за притаившегося преследователя.

А может, кто-то действительно следил за ней? Да, Рой был уверен, что смог запутать возможных ищек, но кто сказал, что за нее они не начали охоту еще раньше, когда только появилась первый раз в обществе принца? Не получится ли, что вся затея с приманкой окажется напрасной, потому что кто-то успел их подслушать в развалинах? Место там не слишком заросшее, но спрятаться можно.

Нет, бред. Решение прогуляться до башни было спонтанным, а ведущая к ней дорога — слишком открытой, более опытный Рой наверняка бы заметил посторонних. Да и так скрывать эмоции, как это делал он, могли далеко не все даже среди профессиональных наемников, значит, чужое присутствие почувствовала бы и она.

Успокоенные мысли почти тут же переключились на другое, зацепившись за одну из прошлых. Ная сталкивалась с лишенными эмоций людьми, приучившими себя к сдержанности, но такие не переживали ни о близких, ни о друзьях, ни о благе государства. Цинично и равнодушно выполняли свою работу, также относясь к людям и видя в них только выгоду или возможность развлечься. И предают они тоже цинично, легко переходя на сторону более сильного или богатого.

Рой же слишком переживал как минимум о Максе, да и эмоции лишь загонял вглубь себя, не показывая на людях, но все же их испытывая — вспомнить хотя бы тот срыв в Шинте. Откуда это взялось? Тренировка или нечто иное? Тот ворон на окне в гостинице и откинувшая Наю сила — они имеют отношение, или пусть странное, но совпадение?

Увлечшись, она замешкалась на пороге и едва не получила по лбу открывшейся дверью. Выходивший Дорг построил виноватую физиономию и участливо спросил:

— Не зашиб?

— Ты очень старался, но нет. Я просто задумалась.

— И замечательно, что ты мне попала, будет кому излить душу. Я собирался доползти до кровати и там издохнуть, но раз ты здесь, — он подхватил Наю под локоть и настойчиво втянул внутрь, драматично обведя рукой зал. — Я просто не могу не показать, что сотворило с нашим уютным кабаре чудовище из резиденции принца!

По мнению Наи, такой уж вселенской катастрофы не случилось. Кроме уже знакомых «деревьев» у сцены, обросших в дополнение к лентам сложной плетеной и уходящей в потолок конструкцией из веток и оранжево-красного шифона, в зале появились тяжелые парчовые занавески в королевских же цветах, отгораживающих насколько укромных уголков, а у дальней стены расположились кресла, одно из которых особо выделялось монументальностью. Вся остальная мебель отсутствовала, не считая нескольких столов, установленных в центре, вероятно, под фуршет.

Драпировки на стенах скрыли выход на лестницу и все двери, кроме кухонной; и они же подчеркивали отполированные и кое-где подремонтированные деревянные панели, у которых уже стояли заготовленные под цветы вазы.

— Ткани у нас обычно меньше, но в целом неплохо, — осторожно сказала Ная, на всякий случай вытаскивая руку и отодвигаясь от расстроенного Дорга. — Вас к этому привлекали, что ли?

— Вешать — нет, зато мне пришлось драить все подряд, а потом таскать лишние столы в кладовку. А потом ставить друг на друга! И делать так, чтобы туда еще стулья поместились»

— Там теперь все совсем забито? — перебила Ная, воспользовавшись паузой, пока он переводил дыхание. — Пройти хоть можно?

— А как, по-твоему, я бы все упихивал? Можно, конечно, у стены полшага свободных есть, — проворчал Дорг и достал из нагрудного кармана жилета сложенный лист. — А потом это чудовище озвучило распорядок и, хм, обязанности. С утра, когда начнут привозить еду, надо всячески помогать, а после следить за тем, чтобы приглашенные артисты вовремя выходили на сцену, музыканты ни в чем не нуждались, и вообще желательно развлекать публику и объявлять номера.

— Ты же всегда выступаешь конферансье.

— Да, но эту программу я видел всего один раз!

— Ничего, потребуй потом от Луизы надбавку, — Ная ободряюще хлопнула его по плечу. — Кабаре от этого мероприятия только выиграет, так что с нее причитается.

— А ты чем будешь заниматься? — тоскливо спросил Дорг, снова пряча список своих обязанностей, и с завистью вздохнул. — Не работать же явно.

— Если бы, — она вспомнила разговор с Роем и помрачнела. — Буду как приклеенная рядом с принцем, так что еще большой вопрос, кто веселее проведет время.

— Давай еще поспорим, кого во всем этом надо больше пожалеть, — он вяло махнул рукой. — Ладно, пойду, попытаюсь выспаться.

Оставшись в одиночестве, Ная еще раз рассеяно оглядела зал, начиная понимать причины подавленности Дорга. Родное, знакомое до каждой трещины в стене или скрипучей ступени кабаре, в котором и стойка с алкоголем, и слегка пыльный занавес, и отколовшаяся резьба стенной панели, замаскированная канделябром, казались не досадной небрежностью хозяйки, а пикантным воплощением богемности, превратилось в место официальных встреч. Красивое, продуманное, представительное — но растерявшее ту непринужденную атмосферу, за которое его любили посетители.

Как будто у кабаре отняли душу.

Раньше Ная почти не задумывалась, с чем приходится сталкиваться Луизе для поддержки заведения — подруга никогда не жаловалась и не требовала чего-то большего, чем выступления и редкая посильная помощь. Иногда разве что просила пообщаться с артистами, но все остальные вопросы решала сама, от рекламы и денег до утверждения меню. И почти никогда не показывала, как порой бывает непросто, всегда сохраняя достоинство и хладнокровие. Казалось, что даже если мир начнет рассыпаться и рушиться, а люди упадут на колени, Лу до последнего будет стоять, по-аристократически гордо выпрямив спину.

Теперь, находясь посреди пустого зала, освещенного единственной тусклой лампой, а оттого наполненного таинственными густыми тенями, даже Ная ощутила глухую тоску, словно очутилась в чужом неприветливом доме. Что же должна испытывать Луиза, вложившая всю себя в свое дело? Неважно, решила она воспользоваться ситуацией для хорошей рекламы или просто не смогла отказать принцу в просьбе, как графиня и как женщина, но не могла не чувствовать, что начавшиеся изменения уже не остановить, даже если вернуть залу прежний вид. Смена интерьера — лишь первый звонок.

Крейг, если верить его словам, никогда не вмешивавшийся напрямую в дела кабаре, избрал именно его местом проведения важного события и только за последнюю неделю бывал здесь чаще, чем за весь предыдущий год, доверившись Луизе и позволяя себе быть беззащитным, не опасаясь ножа в спину. Вспомнить хотя бы ту пьянку после памятного допроса... Давешние приглашения, которые он заполнял под строгим руководством Лу, сидя в этом зале.

Это крепкая связь, которую уже не оборвешь одним движением руки и которая потянет за собой, если (а скорее — когда) принц восстановит отношения с отцом и снова станет признанным наследником.

Кажется, остаться в стороне от вершащейся истории не удалось никому, и ее жернова теперь перемелют каждого. Вон, разве что, один Дорг выкарабкается и подхватит знамя владельца кабаре. Если, конечно, его раньше не доведет Таша.

Ная мотнула головой, отгоняя упаднические мысли, и погасила лампу, собираясь подняться в комнату. Зал погрузился во тьму, разгоняемую лишь голубоватым мерцанием глаз.

А еще она едва не сдернула старания принцевых оформителей, запутавшись в драпировке в попытке найти лестницу.

Тянуть с письмом Рой не стал, и курьер прибежал прямо с утра, встретив только Луизу, традиционно встающую раньше всех. К моменту, когда Ная спустилась вниз, конверт лежал на стойке и выглядел вскрытым, хотя подруга только отмахнулась, что слишком занята, и времени на чтение чужих писем не осталось.

Верхний уголок, выдернутый из-под сургуча, вызывающе загнулся, хотя в другой ситуации она вряд ли заподозрила бы чужое вмешательство: запечатан конверт был небрежно и при неосторожном движении мог раскрыться сам. С учетом того, что Рой намеревался донести содержимое до всех заинтересованных, сделано это было специально.

Сильнее привлек внимание оттиск печати в сургучном кругляше: вензель казался смутно знакомым, но буквы так хитро переплетались, что с уверенностью распознать их никак не получалось. Может, Рой позаимствовал у кого-то? Но у кого и когда успел, у него

была на это всего одна ночь? Владелец «Грота»? Маловероятно, он наверняка пользуется более узнаваемыми символами, а принц, помимо названия герцогства Лангрия, использовал лангрийского феникса в огненном кольце.

Может, письмо пришло от кого-то другого, от прошлых клиентов? Ная торопливо достала и развернула вложенный лист, на котором ровным, но быстрым почерком было выведено: «Начало Торгового квартала, кабак, сегодня в час дня, стол у окна напротив входа. Надеюсь на положительное решение по моему вопросу».

— Лу, ты в дворянских вензелях разбираешься? — Ная села напротив подруги, склонившейся над бумагами, и протянула конверт. — Знаешь этот?

— Младшая родовая печать, я бы сказала, не ниже графской, — подумав, заключила Луиза, с ощутимым облегчением прервавшись. — Сейчас, конечно, все подряд стали себе делать, но они куда проще.

— Младшая — это как?

— Есть, допустим, герцог Брамс, свою переписку он заверяет печатью с первой буквой фамилии на фоне, кажется, василиска. Его дочь Миранда, как наследница, если ей будет позволено принимать решения и вести дела от своего имени, сможет добавить «М» в узор, чтобы подчеркнуть статус. После ей все равно придется использовать родовую, но сейчас это допустимо. Такие печати делают наследникам, обычно — старшим детям.

— У твоего брата есть?

— Открою секрет: у меня тоже. Правда, разрешения отца я не спрашивала.

— Знаешь, кому принадлежит эта?

Лу взяла конверт, повертела, разглядывая оттиск, зачем-то ковырнула сургуч ногтем, но в итоге пожалала плечами.

— Впервые вижу. Пытаешься выяснить отправителя?

— Нет, он известен. Просто вензель показался знакомым, — Ная вздохнула и встала. Об этом еще надо будет подумать, но уже потом, когда появится время, а значит, едва ли в обозримом будущем. — Спасибо.

Имейся у Наи выбор, она бы ни за что не стала проводить деловые встречи в том кабаке, куда их занесло. Слишком людно даже в середине дня, собирались там преимущественно всевозможные разнорабочие из ближайших лавок, и в целом складывалось ощущение места, в котором творились темные дела. Что было недалеко от истины, если здешними услугами пользовались сомнительные барды.

Рой на удивление удачно вписался в простую и нарочито непритязательную обстановку, сменив одежду на более дешевую, не выделяющуюся тканью и подгонкой по фигуре, и вольготно развалившись за столом с кружкой пива. С подошедшей Наей он не поздоровался и не встал, только смерил равнодушным взглядом и небрежно махнул рукой в сторону свободного стула.

— С нетерпением жду ответ на мое предложение.

— Оно, конечно, весьма соблазнительно, — едко ответила она, стараясь не кривиться больше необходимого. Поведение Роя было игрой, но раздражало до невозможности. В другой ситуации с таким... самонадеянным партнером не стала бы и разговаривать. — Особенно в части, где мне придется обманывать нанимателя.

— Во многом это ради его же блага. Речь, поверьте, не идет о том, чтобы его убить или причинить вред, только заставить притормозить. Пусть сосредоточит свои интересы на

хозяйке кабаре, а королевство оставит другим.

— Вы же советник принца, о чем вы сейчас говорите?

— Я тоже так полагал, пока он не попытался грубо меня подставить в Квинсе. Полтора месяца пусть не в темнице, но в крайне ограниченных условиях заставляют пересмотреть взгляды на расстановку политических сил. Особенно когда есть куда более одаренные люди, которые через день приходят с предложениями. Я устал чувствовать себя разменной монетой для Лангрии. Сегодня нужен, завтра отдали на растерзание врагу.

Дар эмпата достался Нае с рождения, и пусть поначалу он был слабым и неконтролируемым, с детства она привыкала ощущать отзвуки чужих эмоций, полагаться на них в разговорах, выбирать нужные слова и подстраиваться, чтобы не сболтнуть лишнего. Это давно стало неотделимой частью ее личности.

Но Рой сейчас снова закрылся ото всех, не позволяя себе не то, что эмоций — лишнего жеста, взгляда, выражения лица. Да даже с Тольдом в Аангреме разговаривать было легче — пусть он не относился к ней слишком серьезно, но хотя бы не казался каменным изваянием!

Наткнувшись на глухую непроницаемую стену, за которой не было ничего, Ная чувствовала себя разом лишившейся слуха и зрения и неожиданно растерялась. Да, встречу они спланировали накануне, но вдруг правдой было то, что он говорил сейчас? Как можно верить человеку, который талантливо рассказывает о себе умолчаниями и совсем не пытается дать повода для доверия, хотя прекрасно знает, что перед ним эмпат?

Ная почти отчетливо ощутила, как ее сковывает льдом ужаса от возможной непоправимой ошибки. Никогда раньше ей не приходилось принимать полностью самостоятельно настолько серьезных решений, от которых зависели чужие жизни и судьбы. Всегда за спиной стоял лорд Мейсом, никогда этого не говоривший, но готовый помочь с исправлением неверных выборов.

— Зачем вы мне это сейчас говорите?

— Всего лишь хочу, чтобы вы понимали мои мотивы, и заодно надеюсь на продуктивное сотрудничество в дальнейшем. Вам это будет выгодно. Про деньги промолчу, это само собой, но что насчет, допустим, покровительства шинтийского Дома?

— Хотела бы, давно бы договорилась без посредников. Мне не нужны обязательства перед Домом.

— Только покровительство, Дарита моя давняя должница и не откажется. Слышали про Ильяну? — Рой подался вперед, навалившись на стол и упершись локтями в столешницу, словно делился секретом, только смотрел за плечо Наи. Туда, откуда слишком ярко даже на общем возбужденном фоне нетрезвых уже в обед посетителей полыхнуло злостью. — За нее будет благодарна отдельно и до конца дней.

Ная едва удержалась от того, чтобы обернуться и посмотреть, кто настолько впечатлился сказанным. И чем именно, долгом хозяйки Дома или упоминанием Ильяны?

Но интересно, действительно ли Дарита обязана ему настолько, чтобы добровольно взвалить на себя возможные проблемы? Бард, не несущий ответственности перед Домом, но пользующийся его полной защитой, может творить практически что угодно — за ним будет стоять в прямом смысле огромная сила. Известны случаи, когда на юге во время устроенных на них гонений недовольные барды, объединившись, едва не свергли правителя — тому пришлось договариваться и идти на уступки, отменяя приказ и в качестве извинения даруя больше вольностей. Верне такое не грозит, разумеется, но и один человек с развязанными руками может натворить достаточно.

Убить принца на глазах у толпы, например, и остаться безнаказанным.

Подстеречь в темном парке одинокую принцессу и бросить ее там умирать, растворившись в сумраке и переложив вину на других. Верный способ выбить из колеи слишком любящего дочь короля, чтобы тот не заметил... что?

Имеют ли барды отношение к истории двенадцатилетней давности?

— Так что скажете? Уже за ту услугу, о которой прошу сейчас, готов переговорить с Даритой, — напомнил о себе Рой, нахмурившись от затянувшейся паузы и от этого несколько ожив.

— Будьте завтра где-то поблизости. Попробую помочь, — «сдалась» Ная и резко встала, поджав губы и надеясь, что со стороны ее гримаса может сойти за презрение и неприязнь. — Это все?

— Проводить? — участливо предложил Рой, снова откидываясь на спинку стула.

— Не стоит, — отрезала она и все-таки оглянулась. В том углу стояло несколько столов, за каждым сидели большие компании откровенных забулдыг, больше сосредоточенных на кружках и скабрзных шутках друг друга. Никого заинтересованного в окружающих, тем более женщин, видно не было, но это не показатель. Подстроиться под такую публику не слишком сложно. Возможно, Рой заметил больше, и с ним стоит обсудить, но точно не сейчас.

И если, конечно, не он — главное зло во всей истории.

Домой Ная возвращалась самыми людными улицами, но от тревожного ощущения пристального оценивающего взгляда в спину это не спасало. Хотелось ускориться, чтобы поскорей скрыться в убежище — своей комнате, хотя бы оглянуться, но она, сжав зубы, заставила себя идти неторопливо и не вертеть головой. Ожидаемо, что просто так ее не отпустят, если план удастся, и противник заинтересуется новой фигурой на доске. Проследят — однозначно, и почти наверняка успели навести справки о столь примечательной персоне, времени с первого приема было достаточно.

Хуже всего, что зудела спина не только метафорически — не сильно, но раздражающе жгло защитные шрамы, а значит, неподалеку был бард. Попытки невзначай осмотреться, остановившись у уличного прилавка пекарни, результата не дали; в Лангрии проживало достаточно южан, чтобы примелькаться и не казаться экзотикой, они встречались в любой толпе, а даром обладали единицы.

Прислушаться тоже не вышло: горожане торопились в последние дни тепла наверстать упущенное лето, и гомон стоял невыносимый. Где-то звонко разбилась о мостовую тарелка, у крыльца громко переругивались женщины, втягивая в скандал прохожих, а на соседней улице точно так же грызлись собаки. Чтобы услышать за всем этим легкие звуки флейты, пришлось бы подойти к музыканту вплотную.

О том, что не сказала Рою время, Ная с досадой вспомнила только на крыльце кабаре. Не идти же в гостиницу, в самом деле, лишнее внимание... С него, разумеется, станет сидеть под окном с ночи, но зачем?

В итоге, поколебавшись, она написала короткую записку из пары цифр, подписавшись «вельвой», как в Квинсе окрестил ее Рой, и попросила Дорга по дороге домой заглянуть в «Грот» и передать через метрдотеля.

Остаток дня Ная провела на кровати, заложив руки за голову и наблюдая, как постепенно исчезает светлый квадрат на стене напротив окна. Окружающий мир казался ненастоящим, зыбким, подернутым маревом, как в самое пекло над каменной мостовой. Звуки улицы казались далекими и неправдоподобными, слуховой галлюцинацией, порождением нереальности сродни Аангрема...

Состояние необыкновенного покоя и умиротворения, словно все проблемы, тревоги, опасности остались за невидимой завесой.

Затишье перед бурей, которая вот-вот разразится. Тучи затянули небо, и вдалеке уже грохотали первые раскаты грома.

Сильней всего Ная боялась в этом состоянии во сне провалиться в Аангрем, но ночь прошла спокойно. Гроза разразилась на самом деле, обрушившись на город очередным ливнем, но к утру распогодилось, и солнце на чистом небе закрывали разве что редкие облака.

Утром всем было не до того, чтобы следить, чем занята Ная: Дорг вместе с Ташей следил за сноровистыми слугами из резиденции, Луиза заперлась в кабинете, велел не беспокоить до приезда Крейга — и она спокойно зашла в кладовку.

Места там действительно не осталось: столы громоздились друг на друга в два яруса, во все возможные дыры были воткнуты стулья, неизвестно как державшиеся временами под

немыслимым углом. Пройти получалось только вдоль стены, повернувшись боком, прижавшись к ней спиной и посматривая под ноги, под которые иногда попадались кое-как запиханы предметы вроде древнего, на ее памяти ни разу не использовавшегося канделябра, свертка ткани и хрустких осколков, судя по всему — от чудом оказавшейся здесь чашки.

— Что ты здесь делаешь? — удивился пробежавший мимо и привлеченный открытой дверью Дорг. — Еще же рань, ты бы точно могла спать.

— Ищу шпильку для волос. Она мне нужна для прически.

— Здесь?!

— Я тут ходила неделю назад, пока было пусто, обдумывала сюжет и крутила ее в руках. Как сейчас искать — не представляю, — пожаловалась Ная. Врать обитателям кабаре было, возможно, излишне, но предосторожность не помешает и экономит всем бесценное сейчас время. Объясниться можно будет и потом... если потребуется.

— Удачи, — от души пожелал Дорг и сразу же исчез, привлеченный недовольными голосами.

Окно в кладовой не открывалось годами, и пришлось постараться, чтобы рама поддалась, и при этом не выпачкаться в пыли — Ная сразу надела приготовленную к приему рубашку, чтобы потом не заморачиваться с переодеванием.

— Надеюсь, я не пожалею, — пробормотала она, отходя к приоткрытой двери и посматривая в зал. Впрочем, из-за драпировок все равно ничего не было видно, но, по крайней мере, рядом никто не ошивался.

Роя пришлось ждать — лезущий в окно сразу после открытия человек гарантировано привлечет внимание, особенно когда вокруг снуют многочисленные слуги и охрана принца. Наконец, в суматохе наступил перерыв: все, что должны были занести, занесли, и дверь черного входа закрылась.

От скуки Ная крутила в руках серебряную шпильку, которую захватила с собой на всякий случай, и ожидаемо выпустила из пальцев. Вздохнув, она полезла под стол, чувствуя себя в лабиринте из ножек и всякой мелочевки, но иначе бы на приеме осталась совсем безоружной: кинжал не возьмешь — бард должен быть куда опаснее сам по себе; от дара толку немного, если придется пускать кровь, чтобы привести в чувство, а шпильки в волосах отлично себя зарекомендовали. Подходящих случаю и наряду имелась всего одна пара, и терять, пусть и на время, было очень жалко.

Выбравшись, Ная налетела на Роя, успевшего не только забраться, но и закрыть за собой окно, и теперь со сдержанным интересом разглядывающего нагромождение вещей. Ничего не сказав, она жестом позвала за собой, надеясь, что под тканью их никто не заметит, а на втором этаже пусто, разве что Луиза выглянет из кабинета, но не должна.

И все же ситуация — глупее некуда. Рой мог заявиться на прием официально, вместе с принцем, однако предпочел дешевый спектакль. Кого он сейчас водит за нос, врага или доверчивую ведьму? Вчерашние сомнения, отступившие ночью, всколыхнулись с новой силой.

— Подождем здесь до начала и спустимся, когда соберутся гости, — в комнате Ная приглашающе указала на кровать, но сама, заперев дверь, осталась стоять, прислонившись к стене спиной. — А еще ты хороший актер, я впечатлена. Убедительно вчера изображал мерзавца. Или не изображал?

— Если бы я разговаривал с тобой как сейчас, они наверняка заподозрили бы подвох. Ты не обратила внимание на наблюдателей, которые сидели с показательно

незаинтересованным видом? Разносчик и треть посетителей минимум, насчет остальных не уверен, но не удивлюсь, — Рой сел и устало посмотрел на нее снизу вверх. — Меня знают слишком хорошо, как и мою манеру общаться.

— Мне хочется тебе верить, вариантов-то других нет, только уехать на север и бросить Лангрию на растерзание бардам и Йорн. Но я эмпат и привыкла понимать людей не только разумом, но и эмоциями, а ты закрываешься ото всех и ведешь свою игру, не посвящая в подробности других участников. О каком доверии может идти речь? Ты даже имя не называешь.

— Рой, но его почти никто не использует. Горожане зовут Милордом, напарники Лисом, я привык, — он криво усмехнулся. — Что касается остального, я действительно провел полтора месяца взаперти, но не в темнице, а в загородном особняке главы даргийского дипломатического корпуса. Да, меня подставили, но не Крейг и не с его ведома, а его посол, которого потом убили в приграничье, кто и зачем — не знаю. Ты действительно удачно подвернулась, я на тот момент только выбрался и едва успел добраться до города.

Ная сползла по стене, сев прямо на пол и закрыв лицо руками. Кто бы ей теперь сказал, как следует поступить? Да и знает ли хоть кто-нибудь, как лучше, когда обстоятельства меняются трижды за день?

— Слушай, я привык работать с людьми, с которыми давно знакомы, и в этом сейчас наша проблема. Ты не подхватываешь мои идеи с полуслова, я не представляю, что важно для тебя, а репутация играет против меня же. И мы обязательно обсудим нюансы, но потом, в спокойной обстановке и с чем-нибудь выпить, когда вокруг закончатся ожившие мертвецы. Сейчас же предлагаю довериться друг другу. В конце концов, ты же не оставишь просто так, если я тебя обману, — Рой протянул руку с раскрытой ладонью, все так же затянутой в перчатку, демонстрируя, по всей видимости, честные намерения.

— Я говорила, что твое лекарство — яд, помнишь? Я могу заставить его сработать, так что ты прав, обмана не потерплю, — предупредила Ная, сжимая ладонь.

В дверь коротко постучались, и Луиза деловито напомнила, что скоро начнут появляться первые гости, и ей необходимо будет присутствовать, так что лучше начинать собираться. Она была права, но одеться — дело пары минут, куда сложнее совладать с собой, чтобы не показывать собравшимся, а, главное, принцу своего смятения.

— Она права, — Ная потерла щеку, надеясь так избавиться от лишних мыслей. потянувшись, достала из тумбочки пестрое бисерное полотно-ожерелье и повернулась спиной к Рою, убрав в сторону волосы. Самостоятельно подцепить четыре крючка можно, но неудобно, тем более, когда рядом кто-то есть. — Поможешь?

Ожерелье было удачным, закрывая шею и верх груди — царапина почти зажила, но след все еще оставался, привлекая внимание, а ворот рубашки без дополнений казался вызывающе простым. Ей было все равно на мнение лангрйских дам, но и ловить осуждающие взгляды не хотелось — пусть лучше обсуждают слишком яркий наряд, который можно списать на южную моду.

— Графиня не заключает за отсутствие платья?

— Переживет. Иначе я все время буду думать о платье, а не об окружающих. Я не могла без него обойтись в столице, но там от меня требовалось только слушать и разговаривать, иногда танцевать, а не пытаться помешать заговору. Не дергай так, порвешь.

— Извини. Ожидаешь неприятностей?

— Разве не к этому было вчерашнее представление? К тому же за мной кто-то все

дорогу тащился, бард, и пытался повлиять. Не знаю, на что конкретно рассчитывал, — помедлив и прикинув, чем для нее это может закончиться, Ная призналась. — На меня их способности не действуют.

— Ценное качество, — отметил Рой, подцепляя последний крючок и опуская руки, и она с облегчением выдохнула. У него были неприятно холодные пальцы, и каждый раз, когда они задевали кожу, возникала пугающая мысль, что сейчас схватят за горло. — Все в порядке?

— Да, — она резко отстранилась и встала. От внезапно накатившего ощущения близкой опасности холодело внутри и подкашивались ноги, Ная даже неосознанно потянулась потереть шею, одернув руку, только когда почувствовала под ладонью бисер. — Я пойду. Выходи через какое-то время, сейчас наверху никого не должно быть, Луиза с принцем, остальные где-то в зале.

Уже в коридоре она опомнилась и вернулась, выдернув из шкафа полупрозрачную пеструю накидку в тон ожерелью. Вот за нее некогда пришлось заплатить приличные деньги торговцу с юга, зато для самобытного барда лучшей одежды не придумаешь. И еще больше сгладит впечатление от штанов и рубашки.

Не к месту вспомнилась пришедшая из Вольных княжеств примета, что вернувшегося ждут неудачи, особенно, если ожидается судьбоносное событие, и от этого узел ужаса внутри затянулся только туже. Там же говорят, что достаточно посмотреть в зеркало, чтобы отвести возможное несчастье.

Ная вздрогнула, встретившись в отражении взглядом с Роем, и одернула себя. Накручивать — точно путь в никуда, и демонстрировать окружающим свою слабость тоже не стоит. Рою еще можно, по крайней мере, пока их интересы сходятся хотя бы на словах, но общество, собравшееся внизу, и потенциальный противник с радостью уцепятся за любое сомнение и тут же сожрут, не подавившись.

Изображавший дружелюбное изваяние в центре зала Крейг поприветствовал ее кивком и вымученной улыбкой. Выглядел он неважно, словно после бессонной ночи: усталый взгляд, хорошо видимые на бледном лице круги под глазами, манжета, небрежно расстегнутая не ради эпатажа, а по недосмотру. Впрочем, Луиза бдела и быстрыми изящными движениями привела одежду принца в порядок: застегнула манжету, поправила воротник, смахнула прилипшую к рукаву нитку, за что тоже была вознаграждена улыбкой. Настроение Крейга явно не располагало к душевным беседам, но то и дело приходилось держать лицо и изображать отсутствующие дружелюбие, приветствуя подходящих гостей.

В какой-то момент он взглянул на вход и замер, окончательно посерев и испытывая такой шквал эмоций одновременно, что Наю словно толкнули в спину.

— Что она здесь делает?

Ная обернулась, с замиранием сердца ожидая увидеть искомого барда, нахально и открыто заявившегося на прием, но обнаружила всего лишь Кристу, уверенно направляющуюся к ним. Чем безобидная девчонка могла так напугать принца?

— Ваше высочество, — улыбнулась она, но по дрожащим рукам, комкающим карточку приглашения, становилось очевидно, что уверенность была напускной.

— Что ты здесь делаешь? — на какой-то миг Нае показалось, что Крейг схватит юную баронессу за воротник и встряхнет, как собачонку, но воспитание пересилило, и он сдержался. — Гвен ответила отказом на приглашение, сообщив, что дома ждут неотложные дела.

— Она разрешила мне остаться.

— Гвен оставила тебя в одиночестве в Лангрии и разрешила прийти на прием? На нее опять нашло помрачнение?

— Нет, Рой поручился, что со мной ничего не случится, — из спрятанного в юбке кармашка Криста достала сложенный в несколько раз лист и протянула Крейгу. — Маме этого достаточно.

Крейг выдохнул сквозь зубы, чересчур резко вырвав письмо, развернул и пробежался по нему взглядом, а после по-простому скомкал, зажав в рукаве.

— Это не его почерк. Похож, но не его. И Гвен этого оказалось достаточно? Бред, Криста, ты же это знаешь.

— Дома случилось что-то серьезное, мама была взволнована, ей хватило, — нехотя пробормотала Криста, опуская глаза. — Я позаимствовала ее приглашение.

— Кто писал письмо? — как можно мягче спросила Ная, вытаскивая лист из пальцев принца. Действительно, что-то общее в летящем начертании букв было, но писавший баронессе выводил их куда круглее и явно привык к другому наклону, хоть и старался подражать. — Сейчас это крайне важно, вопрос безопасности нас всех.

— Я сама писала, у меня есть много образцов... Но, в конце концов, что такого? — в первый момент девочка окончательно стушеввалась, но потом вскинулась, задрав подбородок и выпрямив спину. Должного эффекта это не произвело — рядом со статной Луизой она казалась наивной подражательницей. Хотя, несомненно, пара лет тренировок поправила бы дело. — Я не хочу прозябать в четырех стенах, запертая на все замки. Мне давно не двенадцать лет! Даже дочерям герцога Брамса позволено самим распоряжаться своей жизнью и появляться в свете!

— Миранде двадцать семь, и она давно замужем, Эйла — мать двоих детей. Не сравнивай с ними, — хмуро велел Крейг. — Они обе — взрослые женщины. У Тэи же прав не больше, чем у тебя. Луиза, прошу, проводи баронессу в кабинет, чтобы она не попала в неприятности. Если Рой вернется, — он особенно выделил голосом «если». — То ему придется разбираться с самонадеянным ребенком.

— Никуда я не пойду! — воскликнула Криста, вырывая ладонь из руки Луизы. Хорошо, что гостей еще собралось не так много, и пока все были заняты друг другом, не обратив внимания на неуместный шум. — Я не ребенок, чтобы со мной не считаться, не сопляк Максимилиан, который не способен отлепиться от материнской юбки, и не Эллен... бесхребетная шлюха! Я заставлю со мной считаться, хватит!

Ная мрачно посмотрела ей в глаза, с трудом удерживаясь от резкого ответа — Макс и Эллен были ее друзьями, и оскорбления в их адрес вызывали все нарастающее раздражение. Но сказать бы ничего и не успела в любом случае: в центр лба словно ткнули раскаленным прутом, неестественно расширенные зрачки девчонки заполнили всю радужку, и Криста резко обмякла, не упав только потому, что к принцу подскочил привлеченный ссорой Эрик.

— Отведем в мою спальню, — не растерявшись, велела Луиза. — Кажется, баронессе стоит выдохнуть.

— Не понимаю, — тихо сказал Крейг, когда они ушли, а гости вернулись к прерванному общению. — Что-то здесь не чисто, Гвен ни за что не оставила бы дочь одну. Допустим, Рою она доверяет, но его здесь нет, и, честно говоря, после отказа я был уверен, что они обе уехали.

— Криста говорила с чужих слов, — Ная потерла лоб. Тупая, хоть и несильная боль

расползлась от места невидимого удара по всей голове.

— Неудивительно. Так считает Гвен.

— Я не про то. Она как будто не в себе, как баронесса на приеме в резиденции. Если во всем происходящем замешан бард, это даже не удивительно.

— Значит, нам придется быть особенно внимательными сегодня. Завтра все закончится, сможем вплотную заняться нашими проблемами. Пока же надо не упустить контроль над ситуацией, это на руку слишком большому количеству недоброжелателей, — Крейг позволил себе на мгновение закрыть глаза, помассировал веки и тут же отвесил себе мысленную затрещину. — Я надеюсь на вас с Эриком.

Почти сразу его отвлекли разговором, и Ная отошла в сторону, после и вовсе нырнув под драпировку с острым желанием отыскать Роя, но вместо него налетела на спускавшегося в зал Эрика, отшатнувшись от неожиданности. Впрочем, ничего удивительного, они же поднимались наверх, уводя Криту.

— Что-то потеряли? — вроде бы вежливо спросил он, но в голосе отчетливо звучало напряжение.

— Я здесь живу, и там, — она махнула рукой в сторону лестницы. — Моя комната.

— Не лучший момент для отдыха, — вопреки своим же словам, мужчина подхватил ее за руку и не слишком обходительно оттащил в сторону.

— Вы не замечаете некоего противоречия в происходящем?

Вместо ответа Эрик протянул сложенный в несколько раз обрывок бумаги, причем отрывали его не слишком старательно, и край выглядел неровным. Впрочем, судя по жирным пятнам, аккуратностью прошлый владелец не отличался.

Внутри оказалась записка — всего несколько слов, зато заставивших и без того задерганного событиями последних дней стража смотреть на окружающих с подозрением, особенно — на Наю. Его понять можно было, вот только лучше бы отложил разборки на потом, в конце концов, сейчас важно другое.

— «Ваш бард вчера встречался с изменником. Проверьте ее, если не хотите катастрофы», — она хмыкнула. Провокация удалась, по крайней мере, противник зашевелился. Вряд ли рассчитывал на то, что анонимная записка без доказательств вынудит прогнать мешающего барда, но поселит сомнение — уже неплохо.

Кто помимо нее отвечает за безопасность? Кабаре охраняет много людей, но они лишь исполнители, решения принимает Эрик, возможно, посоветовавшись с принцем. Крейг сейчас занят и не станет вдаваться в подробности, положившись на верного подчиненного, которому доверяет — а все обстоит именно так, иначе бы не таскал с собой ни на переговоры с отцом, ни в темницу, ни на приемы.

И в итоге получается, что ответственный человек будет занят, выводя на чистую воду злокозненного барда, в то время как настоящий злодей сможет реализовать свой план.

— Я действительно вчера встречалась с человеком в кабаке у торговых кварталов, но, уверяю, он не изменник, и вы наверняка будете рады его видеть, — доброжелательно улыбнулась Ная, ощущая недоверие собеседника. — Нам пришлось разыграть спектакль перед искушенной публикой, чтобы сегодня вам прислали это.

Сейчас сомнения Эрика смог бы при должном желании заметить любой, даже не обладая даром эмпата — все было написано на лице. На одной чаше мысленных весов находилась Ная — совсем незнакомый для него человек, пользующийся доверием принца и успевший неплохо себя показать во время переговоров; на другой — тревожное послание от

незнакомца, удачно попавшее в собственные опасения.

И кого слушать — здравый смысл, почти наверняка утверждающий, что для убийства Крейга было много куда более удобных моментов, или интуицию, временами переходящую в неистовую паранойю, в последние дни разыгравшуюся не на шутку?

— Эрик, я понимаю ваши эмоции, — почти ласково сказала Ная, спешно закрываясь, а то от перекинувшейся тревоги самой хотелось лезть на стену. — Некто, не спрашивайте, не знаю, кто, и без того собирался добавить огонька в сегодняшний прием, мы просто подтолкнули, чтобы они оступились. Судя по этой кляузе, что-то произойдет — уже происходит, если вспомнить про Кристу. Но мы хотя бы можем не упустить контроль.

— Почему мне не сказали сразу? — сквозь зубы спросил Эрик, стараясь держать лицо, но удавалось едва-едва. — И кто — «мы»?

— За мной вчера весь день следили. Как думаете, кто-нибудь поверил бы, что я заговорщица, если бы сразу после встречи побежала к начальнику стражи? Об остальном, прошу, давайте поговорим завтра. Мы и без того уединилась слишком надолго.

— Верните письмо, — он требовательно протянул раскрытую ладонь. — Я должен показать Крейгу.

— Лучше возьмите себя в руки и сделайте лицо попроще, — посоветовала Ная, складывая записку и демонстративно пряча за ворот рубашки. Главное, не делать резких движений; с другой стороны, низ все равно заправлен в штаны, так что далеко не улетит. — Отдам вечером.

Эрик шумно выдохнул и, больше ничего не сказав, отошел, с такой силой отдернув драпировку, что та едва не сорвалась. Когда ткань опустилась обратно, Ная прислонилась к стене и согнулась, опершись ладонями о колени и переводя дыхание. Не хватало только настроить против себя верного подручного Крейга!

— Проблемы? — Рой подошел незаметно с противоположной от лестницы стороны — видимо, успел спуститься еще до инцидента с Кристой.

Най толкнула его в плечо, заставляя отступить на пару шагов. Разговаривать на том же месте слишком рискованно — в лучшем случае вернется Эрик, в худшем сунется кто-нибудь любопытный, привлеченный многообещающим шевелением ткани.

— В резиденцию сегодня передали это, — под недоуменным взглядом она напарила под рубашкой послание и вручила Рою. — Мне устроили допрос, как это понимать.

— Укладывается в мои ожидания. Смотри, — он мельком взглянул на бумагу и аккуратно раздвинул драпировку. — Вон там, в углу напротив нас, мужчина в простом сером костюме, еще один у входа с синим платком на шее. В кабаке их не было, но после они таскались за мной весь день.

— Ждут начала своего представления? — мрачно предположила Ная. Мужчины, разумеется, стояли без оружия и сдержанно улыбались окружающим, но она не обольщалась — для кинжала или даже револьвера по примеру Рилло много места не требовалось, их легко можно спрятать под сюртуком. Впрочем, интуиция подсказывала, что вряд ли они собирались что-то предпринимать самостоятельно — скорее наблюдали, чтобы при необходимости подтолкнуть ситуацию в нужное русло. Поведение Кристы имеет к ним отношение? Скорее всего, да — точнее, к их... главарю? Нанимателю? Идейному лидеру. — К слову...

— Где она сейчас? — спросил Рой, выслушав историю про явление юной баронессы. Кажется, это была одна из немногих вещей за время их короткого знакомства, заставившая

всерьез обеспокоиться.

— В спальне Луизы.

— Попроси Эрика, чтобы поставил кого-нибудь из парней ко входу на лестницу. Криста не должна появиться внизу, даже если будет кричать, истерить и грозить карами за неправильное обращение с баронессой. Хотя это совсем не в ее характере. Сама посматривай за этими, — он кивнул на распрямившуюся драпировку. — Но не лезь. Если что, я рядом.

Ная кивнула и поспешила вернуться в зал. Долго отсутствовать в самом деле сомнительная затея, привлечет куда больше внимания, чем яркий наряд и мелькание среди расслабленных людей. И ладно бы Эрик, он вряд ли успокоится до самого конца, стараясь постоянно держать на виду подозрительного барда, но ведь и те соглядатаи, на которых указал Рой, наверняка заинтересуются, почему телохранитель принца не крутится постоянно рядом.

Просьбу охранять лестницу Эрик воспринял на удивление спокойно и без возражений — вероятно, совпала с его собственными мыслями. Десятью минутами позже, проходя мимо, Ная заметила мужчину с отстраненным лицом и с металлическим медальоном личной стражи принца на шее.

В остальном прием проходил без происшествий. Когда собралась основная масса гостей (кое-кто, как с нехорошей улыбкой пояснила на ухо Луиза, считал, что покажет собственную значимость, позволив себе заявиться позже всех), на сцену вышел Дорг. Если он и нервничал, сомневаясь в своих силах, это терялось за исходившим от него энтузиазмом и дружелюбием. Ная давно заметила, что сцена действовала на него благотворно, как на истинного артиста — глаза блестели, движения казались оточенными и выверенными, а меткие шутки он вкручивал на удивление уместно.

Сложно сказать, кому больше аплодировала публика — ему или приглашенной на сцену танцовщице. Сама Ная предпочла бы еще послушать Дорга — девушка танцевала умело, но за ее техничностью совершенно терялись хоть какие-нибудь чувства. До Миры ей определенно далеко.

С другой стороны, большего сейчас и не требовалось. Те, кто хотел пережить эмоциональный всплеск, успели сходить в театр и теперь с куда большим интересом вели светские беседы, время от времени втягивая в них то Крейга, то почти не отходившую от него Луизу.

С Роем Ная больше не пересекалась, только один раз отловила его неподалеку от кухонной двери, но ничего нового он сказать не смог. Обстановка оставалась спокойной, подозрительные люди ограничились двумя соглядатаями, Криста даже не пыталась вернуться на прием, хотя Лу пожалала плечами и сказала, что и не думала ее заперать, но от этого становилось только тревожнее.

К вечеру, когда артисты закончили выступать, на сцене остались только ненавязчивые музыканты, а Дорг чуть ли не лежал на столе на кухне, будучи способным общаться только жестами, ощутимо расслабились и Крейг с Луизой — по крайней мере, они наконец-то позволили опустеть дежурным бокалами, с которыми ходили весь день, и с куда большим жаром разговаривали с обступившими их знакомыми. Судя по тому, насколько довольны были оба, этих людей они знали и находили приятными собеседниками.

Круг вокруг них постепенно становился больше, пока едва ли не все гости застыли в ожидании некой пламенной речи от повеселевшего хозяина вечера. Он польщенно и

несколько нетрезво улыбнулся и что-то сказал. В зале почти смолкли прочие шепотки и повисла почтительная тишина.

Эрик тоже успокоился и стоял теперь чуть свободнее, чем идеально ровный столб, а за происходящим наблюдал с благодушием наставника, а не бдительностью стража.

Под лопаткой неприятно засосало, а потом почти одновременно вспыхнули болью шрамы и откуда-то от сцены донесся неестественно громкий, резкий оклик:

— Вельва!

Гости ничего не поняли — они как будто вообще ничего не слышали; Ная же обернулась и рванула вперед, осознавая одновременно две неприятные вещи.

Рой находился слишком далеко и даже если бы распихал каждого, просто не успевал пробиться.

Криста каким-то невероятным образом прошла мимо всех, держа в руке окровавленный нож, больше похожий на тесак. У лестницы в расплзающейся луже крови лежал ее недавний страж.

Девчонка почти подошла со спины к Крейгу, когда Ная ухватила ее за руку и дернула назад. Криста была куда легче и слабее и пошатнулась, но оружие не выпустила, посмотрев на помеху с совершенно равнодушным взглядом убийцы. Неправдоподобно быстро нож снова взлетел, метя теперь в горло Наи, она едва успела увернуться. Тонкое запястье вывернулось из пальцев, и Криста уверенно шагнула к остолбеневшему Крейгу.

Ная скрипнула зубами и совершенно неблагородно пнула ее со спины под колени, одновременно уклоняясь от рук одного из соглядатая — того, что в сером. Правда, продолжить охоту ему уже не пришлось — помешал торчащий из спины кинжал.

Девчонка ожидаемо упала: что бы на нее ни нашло, оно не прибавляло ни навыков, ни реакции, ни тренированности тела — и почти тут же истошно завопила, обнаружив кровь на руках.

— Уведи их наверх! — рявкнула Ная на наконец-то пробившегося к ним Эрика. — Ну!

Он и еще один страж, ворвавшийся с улицы, сориентировались почти сразу. Эрик подхватил под руки безвольных Крейга и Луизу, его подручный поставил на ноги Кристу и вслед за начальством потащил к лестнице. Гости провожали их тупыми взглядами, но кое-кто даже дернулся, пытаясь помешать, хотя и не преуспел, переборщив с вином и растянувшись на полу.

А потом все обернулись на Наю, и она почти наверняка оцепенела бы от ужаса, вызванного невозможной смесью кровожадности и равнодушия на лицах тех, кто только что искренне веселился, ели бы спиной не ощутила спину Роя.

— Если у тебя есть предложения, что нам делать, я с радостью их выслушаю. Боюсь, вся надежда на твои умения. Тыкать в каждого шпилькой в надежде, что это образумит, мы не сможем, — проницательно заметил он. — Только быстро, иначе нас обоих сейчас порвут.

Его слова оказались пророческими: кольцо ощутимо сжалось, несколько человек покрепче выдвинулись вперед, намереваясь схватить, но Рой не дал, отскакивая к стене через едва заметный зазор, утягивая за собой Наю и сдергивая драпировку. Люди подрастеряли пыл, путаясь в тяжелой ткани и мешая друг другу выбраться, но передышка едва ли продлится долго. По крайней мере, их теперь не было хотя бы с одной стороны, если только не полезут через стену.

— Идеи?

Ная стиснула зубы. Боль мешала сосредоточиться, еще и как назло уловила почти

издевательскую трель флейты где-то вдалеке, но вариантов не было. Или собраться, или оказаться трагично растерзанной в кабаре лучшей подруги, защищая ее и принца. Какой накал, сколько драмы! Отличная выйдет пьеса с грустным финалом.

Осталось только выжить.

— Дай нож, — сквозь зубы попросила она. — Быстрее!

Ная никогда не считалась прилежной ученицей в том, что касалось ведьмовского дара — заниматься музыкой всегда было интересней. Но кое-что она все же запомнила, спасибо наставницам и заметкам из книги. Разумеется, заклятий на конкретно такой случай никто не придумывал, но можно подобрать другое — например, те руны, что вырезаны на спине. Они же защиту и обозначают...

Чертить нечем, уголь остался в комнате, но это не беда. Что может быть эффективнее собственной крови?

Она проткнула палец, упала на колени и стала наспех чертить, надеясь, что не ошибается и ничего не перепутает. В лучшем случае ничего не сработает, о худшем старалась не думать. Заклятия на крови не отличались милосердием к ошибкам.

Невольно вспомнился защитный круг в темнице, и, недолго думая, Ная вывела последнюю руну — ту самую, из конца книги, от которой при явлении Йорн побежало пламя.

Совсем рядом с ней упал стул — сублильного вида мужчина вырвался вперед и попытался замахнуться, но не рассчитал своей способности поднимать тяжести и не смог удержать. Рой пнул его в живот, отталкивая и заодно сбивая с ног стоявших рядом.

Мощь барда, заставившего столько людей беспрекословно плясать под свою... флейту — на этой мысли Ная нервно хихикнула, едва не сбившись и не пририсовав лишнюю линию — пугала. Они настойчиво лезли вперед, пихаясь и пытаясь дотянуться до жертв. Кое-кто даже успел раздобыть внушительного вида ножи, и теперь под ногами в дорогах туфлях становилось все больше крови — этих Рой, первым подхвативший тесак Кристи, бил сразу, не осторожничая, как с метателем стула.

Вязь рун слабо засветилась и почти сразу полыхнула ярким зеленым пламенем, а из центра зала донесся все нарастающий гул. Гости обернулись на него все с теми же кровожадными лицами, а Рой, что-то почувствовав, толкнул Наю, вжимая в пол, и насколько мог, закрыл собой.

Он всего на пару мгновений опередил вихрь, образовавшийся в центре и затягивающий в себя все, что находилось в зале: подбросил под самый потолок и закружил мебель, содрал со стен остатки драпировки. Падали и кричали сбитые столами люди — помещение оказалось слишком маленьким, чтобы в нем спрятаться от стихии. Кто-то с хрустом врезался в стену, со звоном разлетелось выбитое окно.

— Можешь остановить? Думаю, уже никто не нападет, — Рой дернулся и зашипел — ему по спине с силой прилетело отломанной ножкой кресла.

Ная вытянула дрожащую руку и попыталась стереть узор, но это не помогло — всего за несколько минут он застыл и теперь не реагировал на простое прикосновение. Сжав зубы, она нашарила выпущенный нож, полоснула себя по ладони и провела ей по полу, перечеркивая руны широкой кровавой полосой.

Огонь медленно потух.

Вихрь исчез, как будто не носился по кабаре, и тут же все, им подхваченное, упало, сбивая с ног тех, кто еще пытался подняться.

И среди бардака высился всего один человек, твердо стоявший на ногах. Женщина в обычной рубашке и штанах — таких же, как носили все путешественники или наемники, на голове, почти закрывая лицо и волосы, намотан воздушный белый платок. Смуглая кожа. Флейта в опущенной руке.

Бард в упор посмотрела на Роя, отвесила издевательский поклон и, легко перепрыгивая через тела, скрылась в двери кладовки.

Рой дернулся было за ней, но все же остался, не давая упасть Нае, у которой дрожали теперь не только руки. Она вообще чудом удерживалась в сознании, стараясь не замечать накатывающих приступов слабости и дурноты.

— Цела?

— Да, — ответить получилось только с третьего раза — в первые два помешал сухой кашель. — Это была?..

— Ильяна, — Рой ответил вроде бы спокойно, но Ная предпочла отодвинуться, отчетливо уловив непреодолимое желание убивать.

— Догони, я разберусь. Не хочу снова выманивать ее... так.

Он кивнул и кинулся следом, еще более бесцеремонно наступая на гостей.

К моменту, когда в зал спустился смертельно бледный Эрик, она уже даже не пыталась подняться — все, на что хватило, не развалиться таким же безвольным телом, как все вокруг.

— Вы пропустили самое интересное. Видели бы, что здесь творилось, — улыбка вышла кривой и тут же исчезла. — Найдите человека в синем платке. Если жив, свяжите.

Суматоха улеглась только ближе к полуночи — до этого приводили в сознание тех, кто подавал признаки жизни, растаскивали, а после вывозили с привлечением городской стражи тела, помогали выжившим добраться до дома или врача. Только от вихря погибло пятнадцать человек, заполучив черенок ложки в глаз или будучи распластанными по стенам, еще четверых убил Рой; половину от оставшихся переломало, остальным повезло отделаться ушибами.

Эрик, кляня себя последними словами за неосмотрительность, участвовал активнее всех и, когда гостей в кабаре больше не осталось ни в каком виде, вытряс из принца обещания не выходить за порог, после чего уехал с подчиненными наводить порядок дальше. В конце концов, все эти... жертвы не только пострадали сами, но и напали на Крейга, пусть даже и под влиянием. Никто не исключал, что среди них могли быть идейные ненавистники, воспользовавшиеся удобным случаем спихнуть свои действия на другого.

Смотреть на раскуроченный зал ни у кого из оставшихся не было душевных сил, и они перебрались на кухню. Слуги разбежались еще раньше, как только раздался грохот и крики.

Виноватой себя Ная не чувствовала — что такое обстановка и пара окон, когда на кону стояли их жизни. И ладно бы она или Луиза, без них мир потерял бы немного; смерть же Крейга стала бы катастрофой.

Стены и другие помещения стихия не тронула, а значит, все поправимо.

— Мне не стоило настаивать, зная, что вокруг что-то затевается. Стоило бы одуматься уже после переговоров с... — расхаживающий вдоль стены Крейг остановился и выдохнул. — Спасибо, что тогда выжили. Но нет, гордость, упрямство, желание доказать кому-то... Луиза, это только моя вина, разумеется, я все оплачу, и... все, что могу — только скажите.

— Восстановите репутацию кабаре, в котором произошла бойня? Сюда больше ни один приличный человек не придет, — едва ли не впервые с того момента, как увидела разгром внизу, разлепила губы Лу. Она даже не побледнела — посерела, и живые цвета никак не желали возвращаться на лицо. — Мне остается только вернуться домой и выйти замуж за недоумка, на которого укажет семья.

— Этим недоумком могу быть я, — так серьезно предложил принц, что даже Ная не поняла, были ли его слова шуткой.

— Даже думать не стану, — с нездоровым весельем ответила она. — Больше терять мне уже нечего.

— Прошу прощения, господа, — кашлянув, заглянул на кухню Дорг, оставшийся не то чтобы разбирать бардак, но хотя бы вяло в нем ковыряться. Из всех них он легче всего переносил катастрофу — может быть, потому, что всегда мог прибиться в другое место. И пусть он этого никогда не сделает, в конце концов, в кабаре вложено немало и его труда, но сама возможность удерживала на плаву. — Ная, можно тебя на минуту.

Вставать было тяжело, ритуал словно выкачал ее до дна. Руки и ноги казались неподъемными, мышцы во всем теле рвало болью, перед глазами перестало двоиться, только когда она села, облокотившись на стол, и периодически подкатывала дурнота.

На пороге, не рискуя шагнуть в царивший в помещении почти первородный хаос, замер озадаченный мужчина, в котором удалось распознать метрдотеля «Грота». В руках он вертел

сложенный и, кажется, не запечатанный листок, и одно это вызывало нехорошее предчувствие.

— Обычно я не подрабатываю курьером, но постоялец был весьма убедителен, — ответил мужчина, протягивая записку, уже третью за день. — И позволю себе выразить обеспокоенность: он выглядел не совсем адекватно.

— Спасибо.

Он кивнул и, окинув напоследок зал все тем же недоуменным взглядом, ушел. Выдрессированный тайнами «Грота», едва ли начнет распускать слухи, но если так пойдет и дальше, то в кабаре начнется паломничество из любопытных зевак, имеющих привычку стягиваться к месту любого громкого происшествия. Удивительно, как на улице до сих пор пусто, учитывая, что приглашенные были не последними людьми в городе.

Ная развернула лист и согласилась с мнением о состоянии писавшего: у нее в руках была даже не записка, а разрозненный набор слов. Попытка собрать их в связную мысль позволила предположить, что если ее не затруднит, Рой будет ждать на набережной недалеко от поворота на Кленовую улицу. В каком виде — хороший вопрос, особенно с учетом того, что единственной причиной почти наверняка стала Ильяна. Сложно представить, что он решил напиться и пустить все на самотек, махнув рукой на взбесившегося неуловимого барда.

Вероятно, все же догнал?

— Закрой дверь и лучше вообще погаси здесь свет. Если кто-то будет ломиться — не пускай, лучше посиди с Крейгом и Лу, пока они не поженились или не разругались, выясняя, кто виноват больше. И посматривай за Кристой, она, конечно, спит, и дверь мы заперли, но все же...

Ответа Дорга Ная не стала слушать.

На улице стояла по-осеннему холодная, но ясная погода — и на том спасибо. Оставалось надеяться, что замерзнуть не успеет, особенно если побежит. В ее состоянии пробежка — отчаянный подвиг, но и вариантов снова не оставалось. Если с Роем что-то случится, это все усложнит еще больше.

Долго искать Роя не пришлось — он стоял под фонарем, тяжело опершись ладонями об ограду набережной и опустив голову. На появление кого-то рядом он отреагировал не сразу, пришлось легонько потрясти за плечо.

— Что случилось? — пытаюсь отдышаться, спросила Ная — до Кленовой от кабаре было не близко. Ноги совсем подгибались, и стояла она только волевым усилием.

— Ильяна, — лаконично ответил Рой, оборачиваясь, и стало заметно, как тяжело он дышал, а зрачки оказались неестественно расширенными.

— Что она сделала?

— Понятия... не... имею, — отрывисто сказал он и замолчал, еще больше склонившись над оградой, почти ложась на нее. — В голове... каша. Поможешь?

Первым порывом было отказаться — как ведьма она сейчас была абсолютно бесполезна. Надо же когда-то думать и о собственном благополучии, не растрчиваясь на бесконечную помощь нуждающимся и защиту важных персон! Что-то подсказывало, что любая попытка в ближайшие сутки прибегнуть к дару приведет только к тому, что платить придется здоровьем, а не силой. Она и так в последние недели колдовала больше, чем... чем за последние лет десять, а то и всю жизнь!

Ная прислонилась к ограде, не рискуя садиться, но обретая хоть какую-то точку опоры, и твердо сказала:

— Конечно. Только не здесь.

— Дом — там, — Рой вяло махнул в сторону Кленовой.

— Ты дойдешь? Эй!

Если бы она на ограде сидела, то наверняка упала бы в воду спиной вперед; на деле же просто свесилась, судорожно цепляясь за металлический край. Горло твердой рукой, почти не давая дышать, сжимал Рой, а его пустой взгляд был направлен за реку.

Мелькнула мысль, что у него входит в привычку душить спутниц — одну конкретную точно. Тогда, в трактире, он защищался, освободившись от влияния бардов и воспринимая адресованные ему слова, но сейчас разум слишком явно был затуманен. Не факт, что Рой вообще понимал, что творит, а не действовал по заложенной Ильёной установке.

Когда только она успела? Как он умудрился подставиться?

Волной накатила апатия, и Ная расслабилась, даже не пытаясь сопротивляться. Последние дни выдались слишком насыщенными, выматывая не только физически, но и морально, и перспектива погибнуть так глупо уже не пугала — просто кончились силы бояться. Хотя, конечно, иронично, быть убитой так тривиально после явления Йорн и вихря в кабаре.

Как никогда хотелось бросить все и убраться подальше, домой, в Стормгрит... на Инеистые острова, к самому их сердцу — кругу предков, в котором можно воззвать к покровителям и быть услышанным.

В памяти всплыли монументальные серые камни, покрытые рунами, мхом и вязью, между которыми призрачными голосами свистел ветер. Единственное место, где к границе миров можно попасть, не прибегая к силе...

Рукав рубашки держащей ее руки задрался, обнажив намотанный на запястье браслет — кожаный шнурок, несколько резных металлических бусин и две металлические же фигурки, ворона и волка. Бусины тускло светились, кожа под ними стремительно краснела, как будто они были раскалены, а ночное небо пронзила неестественно яркая вспышка.

Со стороны реки к ним летел окутанный голубым сиянием ворон. Он сел на предплечье Роя, вцепившись обеими лапами, и с карканьем, доносившимся словно не из этого мира, взмахнул крыльями, задев мужчину по лицу.

Рой разжал пальцы, отшатнулся и, пошатнувшись, сполз на укрывающую набережную брусчатку, прислонившись к ограде. Ная, заходясь кашлем, упала рядом.

— Идем. Тебя надо избавить от ее влияния, — прохрипела она, даже не пытаясь подняться, только пихнула Роя в плечо, надеясь расшевелить.

— И не боишься?

— Придушишь, и ладно, зато другие не пострадают. Кто знает, что ты выкинешь завтра, оказавшись где-нибудь в толпе.

По дороге до дома Роя случайным прохожим они наверняка напоминали парочку гуляк, пошатывающихся и опирающихся друг о друга, причем неизвестно, кто кого поддерживал больше. Но, кажется, никто об этом и не задумывался, дошли — уже неплохо.

На крыльце Рой долго возился, сначала ища в кармане ключ, а после пытаясь попасть им в скважину. Руки не тряслись, но его заметно вело в сторону, и задача превратилась из банальной в сложно выполнимую.

— У тебя же есть стул со спинкой? Садись туда, — велела Ная, пытаясь хоть что-то рассмотреть в темной гостиной, до которой они шли едва ли не на ощупь. Было бы неплохо зажечь лампу, но где они находятся, Ная не знала, а Рой окончательно впал в прострацию. Пришлось довольствоваться светом далеких фонарей и луны, пробивающимся сквозь неплотно задернутые шторы, чтобы не сносить мебель, которой оказалось на удивление много. Похоже, обстановкой дома, насколько удавалось рассмотреть, занимался человек со вкусом. — Учти, я совсем без сил и за результат не знаю. Возможно, вообще ничего не получится, а моего... хм... снадобья у меня с собой нет.

— Могу предложить коньяк, — и Рой действительно предложил, достав с нижней полки шкафа бутылку и поставив на столик. Потом снял перчатки, кое-как стащил через задубевшую повязку браслет и, поймав ее руку, решительно намотал, затянув кривым узлом. — Должно помочь.

Бусины снова замерцали, несколько разгоняя темноту, в голове сразу же прояснилось, а усталость отступила — по крайней мере, уже не чувствовалась ни тяжесть, ни боль во всем теле. Металл нагрелся, но на удивление не обжигал, скорее согревал в прямом смысле живительным теплом. Занятная вещь, такую в лавке не купишь и не каждая ведьма зачаруют — Ная бы не смогла. Впрочем, в последнее время ей слишком часто приходилось делать то, чего она не должна была бы даже знать и точно не могла уметь, например, защищаться от атак Йорн, разносить тюрьму или несчастный зал кабаре.

Рою, похоже, расставание с браслетом на пользу не пошло, и если стул он еще дотащил из кухни, то сесть на него уже не смог и устроился рядом на ковре.

— Помнишь, в Шинте ты... что-то сделала? Я чувствую себя примерно так же, только как будто в голову впихивают ненависть ко всем, кто меня окружает. И агрессию, — тихо сказал он, закрывая глаза. — Ильяна стала гораздо сильнее и опасней. Раньше от нее хватало браслета.

— Тогда не удивляйся, если я на тебя накинусь. Работать буду, как эмпат, и придется пропускать через себя. Будешь должен вдвойне, — криво усмехнулась Ная, устраиваясь у него за спиной. Может, так даже и лучше, что на полу — по крайней мере, падать не придется.

Рой, к ее удивлению, сдвинулся вперед и лег, положив голову ей на колени. Дышал он тяжело, с присвистом, словно сквозь зубы и сдерживая боль.

Спорить она не стала, а ладони положила не на спину и шею, как в прошлый раз, а на грудь и лоб, чувствуя исходящий от них горячий жар и пугавший куда больше недавнего нападения. Во всяком случае, тогда можно было говорить, что что-то не в порядке с головой, и с этим справиться реально. Лечить же умели только колдуньи из детских сказок, а до аптеки, наверняка закрытой на ночь, не близко.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Ная, когда поняла, что не справляется из-за нарастающей паники — попросту ничего не получалось. — Например... зачем тебе с репутацией жестокого убийцы напарник? Та девушка, бард, невеста Орина, например.

— Потому что, кем бы тебя ни считали, одному всегда сложнее. Помню, мне с детства говорили, что всегда кто-то должен прикрывать спину, когда играешь с большими людьми. Мы не способны видеть все четыре стороны сразу.

«...Мы не способны видеть все четыре стороны сразу, и я хочу, чтобы ты смотрела, что происходит у меня за спиной», — так когда-то говорил лорд Мейсом, успокаивая ее перед первым выходом на какое-то мероприятие в столице. И задание-то было простеньким, в духе

того, что на первом приеме просил от нее Крейг — оценить настроение, послушать разговоры... и все же от ужаса тогда подгибались колени.

— Кто говорил? — голос дрогнул.

— Отец. Незадолго до...

Ная не успела соотнести информацию, не успела даже открыться, чтобы чужие эмоции проходили сквозь нее, не задерживаясь — ее попросту снесло и затопило волной глухой тоски. Дыханье перехватило, из глаз брызнули слезы и захотелось тихо заскулить, как подбитой собачонке.

Роя же, похоже, наоборот прорвало.

— Король никогда не возражал, чтобы Крейг общался с детьми других членов дворянского собрания — будущий первый круг правителя, он должен знать тех, кто рядом. Но кто-то был уже старше, и их не интересовали развлечения мальчишек, даже если речь идет о крон-принце, с тринадцати лет вникавшего в управление государством. Кто-то слишком лебезил и заискивал. Мы же, смешно сказать, при первой встрече подрались так, что пришлось разнимать страже. Отца вызвал король, я увязался следом и, пока ждал, натолкнулся в коридоре на Крейга. Он, знаешь, надменно так попросил не трогать его время и не расшаркиваться, у него совсем нет желания общаться с очередным лизоблюдом. Я не знал его в лицо и возмутился, почему дворцовый хлыщ оскорбляет дворянина.

Рой слабо улыбнулся от воспоминания, и в его тоске проскользнула светлая искра тепла. Его эмоции никак не желали обходить Наю и вгрызались в нее, как голодный пес в кость, заставляя проживать то, что накопилось за целую жизнь.

— Мы быстро разобрались и почти сразу подружились. В детстве это куда проще, особенно если ты принц, хоть и привыкший к вынужденному одиночеству среди толпы, но страдающий от него. Мы много что вытворяли во дворце на радость прислуге, но лет в пятнадцать нашли те руины, о которых я говорил. Это был хороший повод уйти из дворца и испытать себя, потому что до большего нас не допускали.

Он выдохнул, и искра, и без того едва различимая, померкла окончательно, сменившись совсем непроглядной тьмой хуже той, которую Ная видела в Шинте. Руки мигом стали ледяными, спасал, согревая, только браслет.

— Крилла была нашей головной болью. В отличие от Крейга, которым больше занимался король, ее опекала мать, и порой забота становилась излишне навязчивой. Крилле запрещалось покидать дворец в одиночку, только с братом, видеться могла только с придворными... Нам с ней никогда не было интересно, что взять с разбалованной материнской любовью девчонки, которая совсем не разделяла наши увлечения? Но она пользовалась возможностью удрать в город, прихватив прикрывавшую ее служанку, ты ее наверняка видела в резиденции.

— Таша?..

— Да.

— Зачем им?..

— Крилла влюбилась в помощника королевского секретаря. Простой парнишка чуть старше меня, больше увлеченный не работой, а стихами и рисунками. Не во дворце же им встречаться.

Рой надолго замолчал, и казалось, что вовсе уснул, но нет, все же продолжил, пусть и через силу.

— В тот день мы придумали новый, более долгий и усложненный маршрут для забега и

хотели попробовать. Она увязалась с нами, хотя пытались отговорить, спихнуть на стражу... Мы собирались лазить по городским задворкам перед тем, как вернуться в парк, и она мешала. Крилла заявила, что дождется нашего возвращения у руин. Навстречу вышла только Таша в полуобморочном состоянии. Больше там никого не было. Позже, несколько лет спустя, когда уже работал с Даритой, много думал, почему король толком не стал разбираться. Кто-то хотел избавиться от наследника и при этом слишком хорошо знал его принципиальность.

Кажется, на этом Рой выдохся окончательно, зато Нае повезло: во тьме мелькнула еще одна искра, красная, пульсирующая, большая. Ее принесло из вне, она не являлась частью воспоминания и теперь, разрастаясь, стремилась заполнить собой все. Рядом вспыхнула еще одна, оранжевая, и еще — теперь бордовая.

Злость, гнев, ненависть.

Они не удержались в сознании Роя и перетекли в Наю, развернувшись в ее душе. И сразу забылось, что она едва не разрыдалась от боли и трагичной истории мальчишки, несправедливо расплачивающегося за чужое преступление.

Тогда — несправедливо, да, но за двенадцать лет он совершил столько, что ни один судья не найдет оправдания. Он совсем не заслуживает доверия, постоянно не договаривает, ведет свою игру, скрывает от всех и наверняка предаст при первом удобном случае, даже не засомневавшись.

Удивительно, как никто его не убил до сих пор? Неужели в Лангрии не нашлось ни одного достаточно умелого человека, способного держать оружие?

Жаль, под рукой нет кинжала, а шпилькой из волос можно только поцарапать.

Ладони заскользили друг к другу: одна — по щеке вниз, другая — вверх по груди, и встретились под подбородком. Пальцы ощутили быструю пульсацию. Все же так просто, он сейчас слаб и беззащитен, небольшое усилие — и мир избавится от того, кто может только обманывать и вспарывать животы доверившихся ему.

«Но это еще стерпеть можно, Ильяне он вообще вспорол живот и едва ли не освежевал, бросив умирать. Одну из наших! Предал человек! Работающий с Домом!»

Крик Орин прозвучал словно бы наяву, а не в памяти, и наваждение спало.

Да, возможно, Рою не стоит верить. Да, возможно, он подлец и предатель — но только с чужих слов. Нае же все время только помогал: спас в переулках Квинсы, успокаивал по пути из театра, совсем недавно закрывал собой, сначала — чтобы могла закончить узор, потом — чтобы не пришибло мебелью.

Опять же, снизошел до откровенности о себе, и не пришлось слишком долго просить.

Рой сбросил ее ладони и приподнялся, опершись на руку и осоловело глядя на Наю. Она же только сейчас обнаружила бесконтрольно текущие по щекам слезы — не от боли, не от страха оказаться под влиянием барда, но от эмоций, бушевавших внутри. Им не удавалось подобрать названия, все и разом, разрушительный ураган, который разорвет изнутри, если не выплеснуть.

— Ты...

— Мне определенно лучше, но... — ошарашенно сказал Рой, выпрямляясь и садясь напротив.

— Ты!..

— Бардака в голове меньше не стало, но убить тебя уже не хочу.

— Да чтоб тебя!

С огромным удовольствием Ная бы сейчас расцарапала ему лицо, или избила декоративной подушкой в кресле, или...

Он поступил иначе, вовремя сумев избежать рукоприкладства: притянул ее к себе и поцеловал, напористо, совсем не нежно и быстро. Судя по его виду, сам не сразу понял, что сделал.

— Знаешь, тоже выход, — пробормотала Ная и, поддерживая общий повывисившийся градус безумия, на этот раз прильнула сама.

Разбудил ее бьющий в глаза солнечный свет, и Ная, сонно шурясь, встала задернуть шторы, попутно пытаясь осмыслить обстановку. Получалось плохо, в голове царила отупляющая пустота, но три вещи все же подметила.

Во-первых, чувствовала себя куда лучше, чем ночью, полностью ушла слабость, хотя проспала, судя по всему, не так много. Видимо, не зря в шутку сожалела между поцелуями, что на ее месте ведьмы древности воспользовались бы случаем и забрали душу, восполнив силы. Рой в том же тоне ответил, что ему, значит, невероятно повезло, и в тот момент стал похож на себя во время пути из Квинсы к границе — таким же беспечным и ироничным, без терзающей боли и насланной мстительным бардом ненависти.

Во-вторых, сам Рой спал на другой половине кровати, уткнувшись лицом в подушку. Судя по напряженной спине, стиснутым на простыне пальцам и исходящему от него неконтролируемому страху, ему снился кошмар, и вряд ли о стоящем за дверью монстре.

В-третьих, Ная не до конца понимала, как здесь оказались. Она помнила его руки, прикосновение губ... ковер, на который завалились. Спальня же, судя по виду из окна, находилась на втором этаже, и до нее еще надо было подняться, умудрившись не навернуться с лестницы. Как только сил хватило, если до этого оба шли по городу двумя шатающимися пьяницами...

Ная легла обратно и, натянув одеяло и придвинувшись к Рою, успокаивающе провела ладонью по спине. После ночного подвига совершенно не хотелось возвращаться к его эмоциям, но и равнодушно отвернуться не получалось. Такими темпами его долг за помощь разрастется в пожизненный.

Страх постепенно отступал, сменяясь привычным спокойствием; Рой шумно выдохнул, расслабился и минуту спустя повернул к ней голову.

— У меня для тебя плохие новости, если такие кошмары снятся тебе каждую ночь, — обрадовала Ная.

— Не чаще, чем другим, — по рассеянному взгляду казалось, что он не до конца очнулся и не понимает, где находится, возможно, все еще во сне.

— И кого ты берешь за эталон? Я, например, с покушениями на всех подряд уже забыла, что такое приятный сон, хотя, признаю, сейчас они весьма забористые.

— Среднестатистического обитателя Кленовой, которому не приходится заботиться о выживании.

— Пойдет, — подумав, согласилась Ная. Жители улицы отличались сравнительной состоятельностью и благополучием; вряд ли им в жизни грозило нечто большее, чем мелкие козни соседей или конкурентов, таких же состоявшихся и не лезущих на рожон лишней раз. — Надеюсь, ты меня не выгонишь?

— А должен? — улыбнулся Рой и, протянув руку, убрал прядь волос с ее лица. — Без парика тебе лучше.

Кажется, это он говорил и ночью, когда Ная в порыве эмоций зашвырнула в угол порядком надоевший парик. Только не таким будничным голосом, а проникновенным шепотом, от которого становилось жарко, неторопливо распутывая упавшую на спину косу...

— Тебе тоже лучше, когда улыбаешься, а не пытаешься казаться жестоким убийцей.

— Иначе никак. Лучше всего люди понимают, когда боятся; доброе отношение их расхолаживает.

— Думаешь, я не воспользуюсь твоей слабостью?

— Тебе я верю.

Справиться с грузом такого откровения сразу Ная не смогла и перевернулась на бок — исключительно ради того, чтобы продемонстрировать, что не страшится повернуться спиной... и заодно закончить странный утренний разговор.

В следующий раз она проснулась под вечер с непривычным и обманчивым ощущением, что больше никуда не нужно бежать, и наконец-то можно перевести дыхание. Конечно, это не так — ее наверняка давно потеряла Луиза, а им всем еще предстоит разобраться с пересудами вокруг вчерашней трагедии. Противники Крейга, даже те, кто не связан с Ильяной, наверняка воспользуются случаем, чтобы настроить горожан против него, и для этого даже не потребуются особых способностей.

Но проснувшийся вместе с ней здоровый эгоизм настаивал в коем-то веке подумать о себе. В конце концов, она и без того сделала главное — спасла жизни принца и Лу, а героям полагается награда, пусть даже в виде одного спокойного дня.

— Ты куда? — сонно спросил Рой, не отрываясь от подушки.

— Тут недалеко есть трактирчик, а у тебя, предполагаю, есть нечего, — Ная скептически повертела в руках валявшуюся на полу рубашку. Штаны хоть темные, на них следов вчерашней драки почти не заметно, а вот кровь на белой ткани... Ладно, закатать рукава, и нормально. — Тебе что-нибудь купить? Наверняка там есть выпечка или что-то вроде, чтобы взять с собой. Заодно послушаю, что говорят в городе и к чему готовиться. Вдруг от города ничего не осталось, пока мы отсыпались.

— Деньги посмотри в столе, — он, не глядя, вяло махнул рукой. — Если в мое отсутствие никто в дом не залазил, должны быть там.

Ная хмыкнула, но встать в позу и изображать оскорбленную гордость не стала. Вряд ли Рой подразумевал нечто двусмысленное, в трактире никто бесплатно кормить не будет, а собственный кошелек остался в кабаре, до которого куда дальше. К тому же — выходной! А там привлекут к общественно полезному делу по разгребанию бардака.

Парик она нашла в гостиной, действительно оказавшейся уютной, если не считать упавшего стула, разбросанных диванных подушек, в одной из которых обнаружили воткнутыми шпильки для волос, рассыпавшегося бисерного ожерелья и перевернутой бутылки в луже коньяка. Память наотрез отказалась выдавать, как так получилось.

Выходить на улицу без парика Ная не рискнула — на коже все еще оставался подновленный перед приемом бальзам, да и в целом помятый вид мало подходил известному в обществе музыканту с приличной репутацией. Барду — самое то, и уже не жалко.

Обстановка в трактире оказалась куда спокойнее, чем она в тайне опасалась: отчего-то казалось, что люди попрячутся по домам, ожидая неведомых кар и репрессий, а смельчаки, которые решат выбраться, будут обсуждать недавние события настороженным шепотом, то и

дело косясь на дверь.

На деле же зал оказался набитым битком, едва удалось найти свободный стол в центре, посетители пили и веселились, не обращая на входящих внимание, да и по дороге не попалось ни одного самозабвенного проповедника, вещающего, как плохо жить при принце, ни группок бунтующих. То ли они осадили резиденцию, то ли Ная переоценила настроения в Лангрии, и большинству ее жителей было плевать, что произошло в местном высоком обществе. С них станется и позлорадствовать...

Со всех сторон, впрочем, то и дело долетали обрывки разговоров — совсем незамеченной трагедия не осталась, но это все было так, застольный треп про политику под кружку пива и обмен актуальными новостями.

— ...Что, думаешь, сместить принца — и нам всем жить станет легче?! — распинался подвыпивший мужчина за соседним, самым громким столом. — Посадит король своего наместника, тот быстро свои порядки наведет, и совсем про нас забудут.

— Зато будет спокойно! — возражал такой же разгоряченный оппонент. — Погром в самом центре, как это вообще возможно?!

— Ты же сам первый пойдешь требовать прогнать наместника или какого-нибудь графа, который нас к рукам приберет, — проницательно заметил их третий собеседник. — Враги есть у каждого, кто лезет в политику. Так что давайте-ка оставим ее в стороне, пока кто-нибудь не захотел избавиться от нас... эй, разносчица!

Дискуссия забурлила с новой силой, постепенно перетекая на другую е менее вечную и любимую тему — женщин в целом и достоинств девчонок, снующих по трактиру. Дальше прислушиваться к ним Ная не стала, тем более, что принесли ее жаркое с глинтвейном и холщовый мешочек с выпечкой.

— ...и все равно жалко! Такое хорошее заведение, — грустно вздохнула совсем еще юная девушка мечтательно вида.

— Будто у тебя когда-нибудь хватило бы денег туда сходить, — осадила ее подруга более простецкого вида, кривя губы. — Там же хозяйка — целая графиня, наверняка посетителей на входе сортируют, чтобы не оскорбляли ее чувство прекрасного.

— Ты кого угодно оскорбишь одним своим присутствием, — обиделась девушка. — Разве она от этого меньше заслуживает сочувствия? А я, может, потом еще и накоплю, и на платье тоже!

В трактире было хорошо и уютно, оживленные голоса посетителей сливались в расслабляющий не хуже музыки монотонный шум, на кухне гремела посуда, и Ная, откинувшись на спинку стула, довольно вздохнула, побалтывая в руке кружку с остатками глинтвейна. Готовили его тут мастерски: терпкий, приятно ударяющий в голову — вина не пожалели, с апельсиновой ноткой и горько-травянистым послевкусием, остающимся на языке. Очень, кстати, знакомым...

Она подскочила, едва не расплескав на себя.

Знакомым, да — такой же вкус имело зелье, которое пила в Шинте, чтобы подслушать разговор Дариты и Роя, а потом у поместья лорда Мейсома. Сильная штука, если злоупотреблять, можно такое увидеть, делается же оно на основе настоя не самой безобидной травки...

Ная решительно встала, сгребла мешок и пошла к выходу. Покачнувшись, едва не сбила тарелку с опустевшего стола у двери, и от этого почему-то стало смешно, хотя сквозь стремительно затягивающий сознание туман доносился отголосок последней здоровой

мысли, что так не должно быть.

От не по-осеннему теплого ветра, ударившего в лицо, стало еще веселее и совсем легко, она даже совершенно по-детски принялась перепрыгивать с одного камня брусчатки на другой, широко раскинув руки. Мешок болтался в правой, но совершенно не мешал — разве в такой прекрасный вечер что-то может мешать?

И почему никогда не замечала, как прекрасна Лангрия в закатных лучах? Какими вдохновенными выглядят актеры, выступающие на открытой сцене на Театральной площади под окрасившимся розовым небом? А счастливые парочки, шушукающиеся под укромной сенью желто-зеленых деревьев?

Да сколько они туда вылили этой дряни?!

Ная волевым усилием заставила себя сосредоточиться, но концентрации хватило всего на пару шагов, а затем ее снова сорвало в неумный восторг от всего вокруг. И от домов, в окнах которых отражалось солнце, и даже от вот этого мужчины в капюшоне, но с добрым-добрым лицом, черты которого смазывались перед глазами. Он что-то говорил глубоким бархатистым голосом, и его хотелось слушать, и вот они сидят на ступеньке какого-то мостика, и он говорит, говорит, говорит, а рядом никого больше нет, и хочется растянуть мгновение в вечность.

Запястье немилосердно жгло, но жжение больше не ощущалось, оно осталось где-то в обычном мире, в котором не было этого удивительного голоса.

Ладони коснулось что-то холодное, но Ная даже не поняла, что — и разве это важно? В мире не осталось ничего, только здесь и сейчас...

Это не бард — разве они способны так, без инструмента? Он не хочет ничего дурного. И их бард — женщина, а это точно мужчина и совсем не южанин...

Руку словно охватило огнем, и пальцы разжались, выпуская рукоять почти невесомого стилета. Сразу пришла боль, почему-то от груди к животу, и прояснившийся на секунду взгляд выхватил кровь. Много крови.

— Прими, Йорн, добровольную жертву в чертог смерти и надели меня...

Ная дернулась, но упала обратно от скрутившей ее боли. Закатное солнце исчезло и исчез город, сменившись непроглядной темнотой и одиночеством, и только голос остался — уже не такой прекрасный, читающий призыв к Йорн, но вскоре и он растворился в небытии.

Ей снился кошмар.

Наверняка это был именно он — осталось слишком много впечатлений от приема, и разум никак не мог успокоиться, подкидывая новые образы. Переварить такое сразу под силу далеко не каждому.

Весь прошлый день ей просто приснился, не было ни трактира, ни вечернего города, ни странного незнакомца в капюшоне. За окном только занимался серый рассвет, и ничего не успело произойти.

Ная попыталась приподняться, но не смогла и со стоном упала обратно. Нестерпимо болела голова и почему-то грудь и верх живота, на которых она с нарастающей паникой нащупала повязку.

— Не дергайся, — Рой чутко дремал рядом и при первом же движении проснулся, помогая сесть и подкладывая под спину подушку.

— Что случилось? — хрипло спросила она и нашарила на прикроватной тумбочке стакан с водой — в горле пересохло, как после особенно веселой попойки. — То есть, я помню, но не понимаю.

— Тебя опоили наркотиком, подозреваю, конской дозой, чтобы ничего не осознавала. Пирог, кстати, тоже были им политы, судя по запаху, и я точно могу сказать, что таким раньше пользовалась Ильяна, когда не хотела показываться на глазах, но это не южное средство. Но что от тебя хотели, не знаю, тот тип сразу подорвался, когда увидел меня. Предположу, что своеобразная месть.

— Эта настойка с Инеистых островов, ее добавляют в снадобья, которые используются для ритуалов. Усиление дара, что-то вроде, — пробормотала она, сжимая стакан и пытаюсь вспомнить, о чем говорил незнакомец. — Йорн, он хотел призвать ее, добровольная жертва имеет большую силу... очередной культист? Их в последнее время много, и Ильяна, если она та самая Вестница, работает с ними. Наверняка я ей подпортила праздник — Крейг жив и цел, разве что его репутация пострадала, и то не факт, и до этого культистам уже переходила дорогу. Повод мстить есть... слушай, а вот это... — Ная ткнула себя пальцем в живот и поморщилась от боли. — Кажется, он хотел, чтобы я себя зарезала. Кажется, я даже попыталась.

— Царапина, хотя глубокая. Жить будешь, — усмехнулся Рой и тут же помрачнел. — Но с образом барда придется завязать. Пока ты спала — больше суток — по городу активно поползли слухи о выловленном из реки на окраине города теле южанки с ножевыми ранами и в пестрой накидке, которая запомнилась всем на приеме.

— Вы кого-то успели убить?

— В том районе и без меня хватает тел. Никому же не нужно портретное сходство, только в общих чертах, и к самому телу никого не пустят, парни постарались.

— Хочу напомнить, мы имеем дело с бардом и... кем-то еще, кто умеет влиять на сознание.

— Это отдельная история, — Рой, убедившись, что ей больше ничего не требуется, лег рядом, заложив руки за голову. — В кабаре я тогда пришел не один — в переулках оставался Глок, ты его видела в «Гроте», наблюдавший за входами. Он проследил за Ильяной.

Ная припомнила скользкого парнишку с развязной речью и передернулась. Но, впрочем,

такого легко не заметить в вечерних сумерках, особенно если стремишься как можно скорее оказаться на другом конце города.

— Она встречалась с сообщником, и разговор шел на повышенных тонах. Глок говорит, сообщник долго чихвостил ее за неудачу и за то, что сунулась сама, ко всему прочему, попавшись мне на глаза. Внешность не разглядел, но точно уверен, что человек был в капюшоне. Отличная примета в начале осени... В конце Капюшон заявил, что ей давно надо было быть в столице, там возникли сложности. Допускаю, что он главный как минимум над ней, и через него получится выйти на других культистов. Вряд ли они действовали только вдвоем.

— Значит, мы должны найти и поймать Ильяну и Капюшона. Пустяк.

— Ильяна в столице. По крайней мере, на пути к ней.

Ная, стараясь не обращать внимание на боль, со вздохом перевернулась на бок, чтобы видеть Роя. Внешне он оставался бесстрастным, но то ли свалившиеся на голову новости пробили щит самоконтроля, то ли позволил себе довериться ей — она теперь с пугающей отчетливостью чувствовала, что творится у него в душе. Честное слово, ему поможет только эмпат из жриц какого-нибудь культа — среди них такие часто водятся — который будет целыми днями гладить по голове и забирать на себя все плохое.

— Напомни, это там тебя считают государственным преступником?

— Если ничего не поменялось за пару месяцев, то да.

— И ты собираешься туда один? Не возражай, это простейшая логическая цепочка.

— Что ты предлагаешь? Ильяна опасна не только для Лангрии, — он недоуменно посмотрел сперва на прижатый к его губам палец, потом на Наю.

— Похвальный, но совершенно самоубийственный героизм. Даже не эмпат догадается, что ты винишь себя в ее нынешнем разгуле, а мне и догадываться не надо, я точно знаю! Ах, это я ее недоубил и теперь искупить вину смогу только собственной кровью, эффектно заявившись в переполненную стражей и агентами тайной службы столицу! Красиво. Благородно. Глупо.

— Не без этого, я действительно виноват, — Рой убрал ее руку и тоже повернулся на бок, глядя в глаза. — Но не собираюсь пороть горячку, въезжать в город по центральному проспекту и останавливаться в гостиницах, заламывая руки о своей горькой участи. Даже там у меня есть доверенные люди, на помощь которых я рассчитываю. Если хочешь убедиться, поехали со мной, заодно поможешь.

— Надеюсь, хотя бы не прямо сейчас?

— Через пару дней. Утром зайду к Крейгу, тебе, кстати, тоже лучше показаться ему на глаза, пока они на пару с твоей подругой не сочли, что ты действительно мертва.

— Ты разве у него еще не был?

— Когда бы? Позавчера мы весь день провалялись, вчера я почти не выходил из дома, чтобы не оставлять тебя одну. Поспи, несколько часов еще есть, в ближайшее время это будет роскошью.

Ная хотела было заявить, что ей хватило полутора суток, но, прислушавшись к себе, поняла — нет. Бешеный темп жизни и слишком частое использование дара вымотали, а ритуал на крови и ранение стали последней каплей. Ей бы восстановиться, уехать домой, спрятаться от внешнего мира на продуваемом ветрами скалистом морском побережье недалеко от Стормгрита, а не нестись сперва в резиденцию, потом в столицу.

Будь она дворянкой, на ее родовом гербе наверняка бы вилась оптимистичная надпись:

«А какие у нас варианты?»

Половину утра Ная потратила, смывая бальзам. Ванну, спасибо ему за это, без лишних слов помог набрать Рой, но дальше начались сложности: мыльная вода щипала порезы, а слабость временами накатывала такая, что хотелось лечь и не шевелиться час, день, неделю. Приходилось напрячь остатки силы воли, не позволяя телу расслабиться.

Заодно рассмотрела закрытую до этого повязкой рану и с обреченностью подумала, что ее внешность приобретает удивительную симметрию, и к шрамам на спине теперь добавятся шрамы на груди. С другой стороны, все равно никогда не носила одежды с глубоким вырезом, как некоторые модницы из столицы, так что какая разница...

До резиденции они добирались экипажем, хотя и пешком в другое время дошли бы быстро — Рой понимающе посмотрел на то, как она, кое-как одевшись, без сил развалилась в кресле в гостиной, и, не дожидаясь просьбы, отправился искать извозчика.

Сам же он мрачнел тем сильнее, чем ближе они подъезжали к месту, и Ная совсем не удивилась, что при виде его хмурого и словно бы ожесточившегося лица привратники подобрались, а все посетители и сотрудники резиденции если не откровенно шарахались, то посматривали с опаской и спешили исчезнуть с дороги. Кажется, к его отсутствию успели привыкнуть и возвращения не ждали не то, что сегодня, но вообще.

Кто-то, впрочем, даже раскланивался со скупым приветствием: «Милорд», — но от них так разлило смесью страха, ненависти и презрения, что Ная ощутила ее, даже закрывшись от чужих эмоций, чтобы не усугублять свое состояние.

— Как ты это выносишь, — передернула она плечами и оглянулась. Поздоровавшийся мужчина стоял, с неприязненным прищуром глядя им вслед, но, заметив обращенный к нему взгляд, поспешил уйти.

— Чьим-то именем правители должны прикрываться, когда принимают сложные решения, — Рой даже не остановился, не обращая внимания на людей вокруг. — Мы не можем позволить, чтобы ненавидели Крейга, ему нужна поддержка народа хотя бы в Лангрии, а казаться милостивым и благочестивым проще, когда никто не знает, насколько запачканы в крови твои руки. Я же с семнадцати лет значусь государственным преступником, так что пусть.

— Он говорил то же самое.

— Ты не согласна?

Развить тему Ная не успела — из прилегающего коридора быстрым четким шагом выскочил Эрик, смертельно бледный, уставший, с отчетливыми темными кругами под глазами. Кажется, он вовсе не смотрел, куда идет, и заметил их, только налетев. Но, в отличие от большинства, не попытался отступить в любом доступном направлении, наоборот — взбодрился и просветлел лицом.

— Рой, — и в одном слове звучало невыразимое облегчение, словно разом разрешились все проблемы, которые тяготили несколько месяцев. — Ты жив!

— И я рад тебя видеть, — улыбнулся Рой, пожимая протянутую руку.

— Есть минута, или сильно спешишь к его высочеству?

— Есть, — согласился он и кивнул Нае. — Подождешь меня у Крейга? До конца коридора и направо.

Эрик мимоходом глянул на нее, но, что удивительно, не стал ни о чем спрашивать — это после того, как он два дня назад дотошно пытался вытрясти информацию по записке от

неизвестного! Вряд ли узнал, сейчас Ная не была похожа на саму себя, не то, что на примелькавшуюся южанку; достаточно просто прийти с Роем, чтобы не вызывать подозрений?

Знакомая по прошлому визиту дверь в кабинет оказалась заперта, но она все же постучала, чтобы точно убедиться, что там никого нет; через пару минут еще раз — чтобы занять себя хоть чем-то, а не изображать скучающего сторожа в ожидании Роя, и неожиданно сработало.

— Это вы, — принц отошел, пропуская внутрь, и закрыл дверь, но снова запирать не стал. — Рад видеть. Мы с Луизой беспокоились, Дорг сказал, вы получили записку и куда-то сорвались без объяснений.

Выглядел он сообразно остальным участникам памятного приема — ужасно, как будто не вставал из кресла с позавчерашнего утра, не переодевался и не смотрелся в зеркало столько же: свежая щетина, расстегнутый воротник рубашки, рукава закатаны, камзол валяется на подоконнике, да и вид в целом помятый и безрадостный.

— Так получилось, — не дожидаясь приглашения, которого, судя по состоянию Крейга, могло и не последовать, Ная села в кресло, вытянув ноги. — Практика показала, не зря.

— Случилось еще что-то? — сам он остался стоять, опершись руками о столешницу и опустив голову, из-за чего казалось, что смотрит он исподлобья и словно бы обиженно. Его ладони прижимали к столу листы бумаги, явно сперва скомканные, но позже расправленные, на полу валялись мелкие обрывки какого-то письма.

— Мы точно знаем, кто виноват в беспорядках в кабаре и, скорее всего, в тех, которые были раньше.

— Мы?

Ная откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза и тем самым несколько оттягивая время — что взять с человека в полуобморочном состоянии? А объяснять про Роя, когда он сам вот-вот появится — идея дурная и бессмысленная. Проще, если объяснит сам.

К счастью, слишком долго занимать его разговорами Эрик не стал; дверь скрипнула и почти сразу с легким стуком закрылась, а рядом шумно выдохнул принц.

— Ты в курсе, что мимо твоего кабинета прогуливается слишком много посторонних?

— Два часа назад ко мне пришли люди из делегации Лонма, — отчего-то Нае казалось, что после всех рассуждений о несвоевременности пропажи Роя, радости в голосе Крейга должно быть побольше. Сейчас же в нем эмоции отсутствовали вовсе.

— Рассказывали, как вероломно я его убил? — заинтересовался Рой, но его интерес был каким-то... нехорошим.

— Как ты делал все, чтобы подставить его в Квинсе, они едва отговорились, чтобы их выпустили из города. Потом да, убил в какой-то деревне. Принесли мне показания местных жителей, что видели, как ты лазил в окно трактира, провел там какое-то время, а потом его нашли убитым, — если бы принц мог, он бы наверняка кричал, но все, на что его хватало — полупридушенный хрип, как будто очень долго и громко говорил без перерыва. — Ты вообще соображаешь, что творишь? Мы в Даргию для чего отправляли посла — и тебя тоже! — чтобы окончательно испортить отношения с их королем?!

— Погромче, тебя еще не слышит вся резиденция.

— Потом ты и вовсе исчезаешь и позволяешь себе шататься неизвестно где и сколько времени, очень удачно объявившись после двух почти удачных покушений!

— Все еще недостаточно драматично.

— Так тебя устроит?! — все-таки заорал он, сворачивая все попавшиеся под руку бумаги и ударяя ими о стол. Подскочила задетая чернильница, стоявшая на краю, и со звоном упала на пол, разливаясь темно-синей чернильной лужей. Крейг перевел дыхание и, собравшись с силами, прорычал, для пущего эффекта ударив еще и кулаком. — Вон!

Рой усмехнулся, кивнул ошарашенной Нае и, приняв оскорбленный вид, вышел, от души хлопнув дверью. Принц поморщился, потер ушибленный о стол кулак и совсем тихо — голосовые связки не выдержали напряжения — сказал:

— Извините.

— И что это было? — осторожно спросила она минуту спустя. Ссора выглядела неестественно — по крайней мере, для того, кто хоть сколько-то успел узнать обоих. Ни один не стал бы кричать или провоцировать другого до нормального человеческого разговора, по крайней мере, находясь в своем уме — а Ная совершенно не сомневалась, что они отдавали себе отчет в своих словах.

— Идемте.

Крейг кое-как собрал бумагу в кожаную папку, накинул камзол, застегнул рубашку и, протянув руку Нае, помог подняться, после чего, сунув папку под мышку и заперев кабинет, повел куда-то дальними пустынными коридорами. Кивнул стражникам, замершим по обе стороны массивной двери.

Судя по всему, принц привел их в пустынную жилую часть — меньшую размерами, чем официальная, и совершенно безлюдную. Разве что пара слуг занималась уборкой, но им хватило нетерпеливого кивка, чтобы понятиливо подхватить тряпки и спуститься вниз.

По дороге к гостиной в конце коридора Крейг последовательно заглядывал в каждую дверь, на несколько мгновений задерживался в комнате, оглядывая ее с подозрением, и шел дальше. Кое-где закрывал окна и выдохнул, только закрыв последнее.

— Присаживайтесь, — пригласил он, широким жестом указывая на диван и два кресла, стоявших напротив потушенного камина, и невесело пошутил. — Предложил бы выпить, но боюсь, со всеми событиями это рискует превратиться в скорбную пьянку.

— Я бы в любом случае отказалась, — заверила его Ная, выбирая диван. — И если вы закончили с таинственностью, может, расскажете... хоть что-то? Пока все выглядит...

— Бредово, да, — Крейг упал рядом с ней, бросил папку на столик у дивана и со стоном провел ладонями по лицу. — Ко мне действительно непозволительно рано завалилась делегация, как только их пропустили — не представляю, Эрик едва не порвал своих подчиненных на месте, надо было видеть. Битый час твердили... вы слышали, не буду пересказывать. Удачная цепочка совпадений, не находите? Сперва порочащая вас записка, Эрик вчера сообщил, явление Кристи в невменяемом состоянии, нападение, погром, теперь жалобщики, отстаивающие честь покойного посла. Все неплохо продумано, но спотыкается на мелочах. Криста — мечтательная девочка, как бы она ни хотела независимости, добровольно учудить такое она не могла. Люди Лонма слишком долго добирались до Лангрии от границы, а с вами я сотрудничаю по рекомендации одного из тех, кому я всецело доверяю.

— Это по чьей же? — Рой снова появился незаметно, но садиться не стал, облокотился на каминную полку, из-за чего на остальных теперь смотрел свысока. — Мы с Наей знакомы, можешь опустить светские расшаркивания. Но про рекомендацию интересно.

— Я догадался, — принц едва улыбнулся, мельком скользнув взглядом по Нае. От ее собственной рубашки после нападения практически ничего не осталось, гардероб

миниатюрной Таши совсем не подходил по размеру, а другие женские вещи в дом отсутствовали. Пришлось довольствоваться, чем есть — Рой щедро предложил порыться в своем шкафу. — Мне предложила помощь Луиза, владелица кабаре.

— Мне готовиться к тому, что вы снова начнете кричать, или?.. — кашлянула Ная, и улыбка Крейга пропала окончательно.

— Эрик кого-то нашел?

— Искать не пришлось, двое прохаживались по коридору и откровенно прислушивались, их взяли без проблем — дилетанты. Один топтался в саду под окнами и успел удрать, а жаль. Я его раньше видел, его вряд ли обманул твой спектакль, но с него и толку было бы больше. Эрика я озадачил, чтобы прошерстил своих ребят, а на вход сюда пусть хоть сам встает, но обеспечит отсутствие посторонних, — Рой все-таки расстался с камином и сел, предложив. — Обменяемся новостями? Кое о чем я в курсе, но хотелось бы и твою версию узнать.

И сам же начал, подробно рассказав о том, что Ная уже знала — умолчав разве что о том, что они знакомы совсем недавно и по большей части случайно. С его слов же можно было предположить, что вместе работают не один год.

Принц внимательно выслушал и поддержал игру в недомолвки, в деталях вспомнив и поведение Гвен на первом приеме, и истерику Кристи, и явление Рилло, и даже переговоры со всем последующим побоищем — только опустил личность своего собеседника, ограничившись лаконичным: «Доверенное лицо из столицы». Ная чувствовала его сомнения и острую вину перед другом, но причины так и не поняла. Попытки противника окончательно очернить Роя не прошли впустую и теперь давали плоды?

Нет, едва ли — Крейг ему доверяет, как себе, и это не скрыть никакими метаниями. И почему вина?

Рой знал о короле после встречи в «Гроте», но слушал спокойно, снова спрятав эмоции за неприступной стеной, через которую не получалось пробиться.

— Что с Кристи?

— У себя в гостинице под присмотром дуэньи и людей Эрика. Приводить постороннего человека в резиденцию сейчас слишком опасно, даже если это, — принц запнулся, покосившись на Наю. — Дочь Гвен. Надеюсь, ты к ней зайдешь.

— Кстати, а где Таша? — спохватилась она, вспоминая, что не видела церемониймейстера после приема. Днем еще мелькала, но вечером не осталась разбирать бардак, что с ее характером удивительно.

— У Бремма, он настоял, чтобы осталась под наблюдением. Ее, хм, сбило столom во время инцидента, и теперь лучше не вставать. Сотрясение, перелом ключицы, ушибы он даже не стал перечислять, — вздохнул Крейг, ни на кого не глядя. Слухи в городе — досадная помеха и неудобство, но от них можно отмахнуться. Когда же страдают верные люди, на которых привык полагаться, теряется всякая опора, хотя Ная сомневалась, что и Луиза, и Таша, а уж тем более Эрик бросят его на растерзание толпы. Да и Рой, пожалуй, тоже. — К слову, с вами я так и не рассчитался. Что вы от меня хотите?

— Помогите Луизе в счет моего гонорара.

— Я бы оплатил ремонт и так.

— Не знаю, о чем вы с ней договорились тогда, но уверена, что, обдумав, она не согласится. Лу дорога ее независимость, и она будет держаться за нее даже в ущерб себе. Вы и сами это понимаете не хуже меня, — грустно улыбнулась Ная, представляя лицо подруги,

которая наверняка последние два дня мечтала своими руками задушить пропажу. Она почти слышала укоризненный голос: «Где тебя вообще носило?! И без того людей не хватает, нашла время!».

«Мне не нужны подачки, не смогу справиться, значит, не стою и медной кроны. Я — не наивная девица, которая только вчера дебютировала в свете и за всю свою жизнь не интересовалась ничем, кроме платьев и юношей».

«Кто в нашем мире бескорыстен? Любой благодетель ищет выгоду, пусть даже выражается она не в деньгах, а в признательности и добром отношении, которое когда-нибудь придется вернуть с процентами».

— Я сама ей скажу. И тогда будем считать, что мы в расчете.

— Это вряд ли, — огорошил ее принц и пояснил. — Сколько раз я обязан жизнью, три? Этот долг куда объемнее всего лишь денег. Я не забыл Гетри и того вопроса.

— На этой возвышенной ноте предлагаю всем расчувствоваться и поклясться друг другу в вечной верности, — усмехнулся Рой, явно припоминая собственные слова в Шинте — слишком похожие по смыслу. «Если что-то понадобится, в Лангрии всегда можешь зайти в третий дом на Кленовой улице. Я твой должник». — Или заведем тетрадь, в которой начнем записывать, кто кого спасал, чтобы не возникало проблем в расчетах. Вернитесь с небес на землю, только тем, что живы, мы не решили ни одной проблемы. Добились только того, что у Ильяны и ее Капюшона теперь зуб еще и на Наю. Как бы я ни заметал следы, они все равно рано или поздно на нее выйдут.

— Обрадовал, — Ная вспомнила ощущение эйфории и нереальности мира, голос, который подчинял своей воле не хуже флейты барда и которому не было сил сопротивляться, и поежилась. Кто знает, когда они заинтересуются новой гостьей резиденции, но что хуже — напарницей заклятого врага, ко всему прочему успевшей оставить свой след в столичной светской жизни? Положение лишь немногим лучше, чем у принца.

— Извини, но если мечтала о спокойной жизни, не стоило вообще связываться ни с Крейгом, ни с... Джеромом. Теперь придется это учитывать.

— Ты прав, проблем хватает, — Крейг заставил себя собраться, выпрямился и взял в руки папку. Голос стал суше, а вина, сожаление, благодарность и прочие эмоции отошли на задний план, как часто происходило со многими, когда человек переходил к делу. — Если опустить наши мелкие местные катастрофы, неприятностей добавит Шинта. Приграничье, оставшееся без контроля, в котором сеют смуту сотрудники тайной службы отца — даже если это не королевский указ, а подстава со стороны протестных партий, культистов или Ильяны лично. Месяц, два, и мы рискуем получить под боком рассадник настроений, которые ударят и по Лангрии, и по столице, да и по прочим лояльным землям, не говоря о возможности осложнения отношений с Лангрией. Что бы ты об этом ни думал, нам придется договариваться о... гм... признании твоих прав. И амнистии, если говорить масштабно.

— В первую очередь надо убрать Ильяну, пока не помешала чему-то большему, чем развлекательный вечер для верхушки общества.

— Передай свою личную месть главе шинтийского Дома. Прежде всего...

— Прежде всего, я навещу Кристу, — отрезал Роя, поднимаясь и протягивая Нае руку. Ненавязчивый намек, что разговор о большой политике пройдет без ее ушей, как бы ее ни убеждали в своей доверии. — И заодно провожу Наю. Обсудим позже.

Принц промолчал и на прощание только кивнул, снова уткнувшись в документы.

Дружеская аудиенция окончена, пора возвращаться к работе.

— Я собираюсь уехать в столицу дня через четыре. Будет лучше, если ты попытаешься отдохнуть и восстановиться, иначе просто не доедешь. Если не передумала, — сказал Рой уже на улице, когда они вышли за ворота и отошли чуть в сторону, оказавшись вне пределов слышимости привратника.

— Не надейся, не передумала. Кстати, забыла отдать, — Ная сняла намотанный на запястье браслет и протянула ему. Утром было совсем не до того, а оставить просто на тумбочке побоялась — потеряется еще, а вещь непростая, ценная и, судя по всему, оберегает хозяина. — Спасибо, пригодился.

Рой посмотрел на нее с сомнением, как будто пытался определить, кому защита пригодится больше. Она не стала дожидаться ответа, хотя и не отказалась бы от подобного украшения, и, поймав его за руку, сама вернула браслет на запястье.

В конце концов, у нее хотя бы есть ведьмовской дар и заклятие матери, спасающее от бардов, а у него только стальная воля, которой, как показало недавнее нападение на набережной, часто бывает недостаточно. Тем более, когда рядом крутятся кульгисты, призывающие Йорн не только на словах.

Сильней всего Ная боялась застать в кабаре разруху, запустение и кружащуюся в воздухе пыль, медленно оседающую на переломанной мебели, осколках стекла и останках украшений, лежащих в лужах крови. Кое-что действительно было — окна первого этажа неплотно закрывали деревянные щиты.

Вопреки ожиданиям, встретил ее Дорг, деловито ползавший по расчищенному и отмытому полу с какой-то линейкой в одной руке и с исписанным листком, в который иногда заглядывал, в другой. Наю он заметил, только когда дополз до ее ног и уперся носом в сапоги.

— Ты знаешь, сколько стоит замена паркета? И что в Лангрии тот, который нам нужен, не сделают, и придется обращаться в Гетри? Это время, и деньги, и еще попортится в дороге, — Дорг сел прямо на полу, положил руку на согнутое колено и вздохнул. — Хорошо, что ты зашла. Мы все и без того на нервах, а тут еще и ты пропала.

— Так получилось, — Ная села рядом. Ее штанам уже все равно ничто не повредит, а больше в зале ничего и не было. Разве что привычная стойка, в которой хранили алкоголь, все еще стояла, да и то выглядела порядком покосившейся. — Я не собиралась, но... Мне стыдно, правда.

— Я же не обвиняю. Иногда забываю, что ты не только мой друг и отличный музыкант, но и много чем еще занимаешься, — он словно резко постарел за три дня, блеклая мимолетная улыбка только усугубила впечатление, и сейчас вместо двадцати семи ему можно было дать без малого все сорок. Забавно, что при взгляде на принца и Роя не приходило и мысли о возрасте, хотя они старше всего лет на пять. Бремя власти и непростых решений накладывало свой отпечаток, сглаживая применимые к другим категории. — Я хотел кое-что обсудить. Надеюсь, ты поймешь, потому что Луиза... вряд ли сейчас способна.

— О чем речь? — внешне спокойно спросила Ная, хотя внутри что-то оборвалось. Таким извиняющимся тоном никогда не начинали простых разговоров, а после такого провала он мог быть только об одном.

— Вчера нам рассчитали примерную стоимость ремонта. Паркет, и стенные панели, и в стене трещина, счастье, что не в несущей, витражи из Нилье... Перестройка сцены, мебель.

Не берусь судить о состоянии Луизы, но это обойдется ей в годовой доход. Она же разорится.

— К чему ты клонишь?

— Мы же с ней с самого начала занимались этим кабаре, у меня же тогда ничего не было, и сейчас бы чем занимался? Торговлей, как брат и родители? Такое место, где сбываются мечты и каждый находит себя, — Дорг сменил позу, откинулся назад, опершись на локтях, и мечтательно посмотрел в потолок. Пыль действительно кружилась и оседала в узких полосках света, пробивающихся сквозь щели в щитах у окон. — И я не хочу его терять. В общем... Мне особо некуда было тратиться, и теперь есть кое-какие накопления. По графским меркам, конечно, совсем мелочь, но оплатить витражи или там большую часть пола точно хватит. Не знаю, как к этому отнесется Луиза, но...

Они помолчали. Дорг смущенно, будто сам боялся своего предложения, а Ная хотелось кинуться ему на шею — не столько из-за щедрого предложения, сколько из-за того, что не собирался бросать. По тому, как начинался разговор, она почти предположила худшее.

От объятий все-таки удержалась, вспомнив про раны и боль, и ограничилась тем, что ободряюще сжала плечо.

— Я сама с ней поговорю, и пусть только попробует отказаться! Или воротить нос, как от принца, — пообещала она, поднимаясь. — Прямо сейчас и займусь, пожелаю удачи.

— Удачи, — куда уверенней и с видимым облегчением улыбнулся Дорг.

Лу удерживалась на грани истерики — иначе бы она никогда не позволила себе находиться в кабинете в простом домашнем платье с закатанными рукавами и распущенными волосами, Ная не помнила, чтобы видела ее такой даже вечерами.

Когда она вошла, подруга имитировала полезную деятельность: ходила вдоль стенового шкафа, бездумно и без какой-либо системы переставляя книги и мелкие безделушки. Иногда смотрела на обложки невидящим взглядом и возвращала на прежнее место, чтобы снова взять через минуту. На появление постороннего она даже не отреагировала, разглядывая фарфоровую статуэтку кошки, подарок одного из партнеров по какому-то ерундовому поводу.

— Привет, — Ная подошла к ней сама, и в первый момент показалось, что Лу отвесит пощечину, так резко она дернулась, но вместо этого та судорожно вздохнула и крепко обняла, уткнувшись лбом ей в плечо, а потом и вовсе разрыдалась. Пришлось сжать зубы и терпеть приступ боли — отстраниться сейчас было бы неправильно и почти жестоко.

— Мне говорили про труп на окраинах. Вчера вечером. Сейчас все про это говорят.

— Небольшая помощь от друга. Единственный способ, чтобы от меня отстали те, у кого зуб на Крейга, я им много планов за это время поломала.

— Почему не предупредила? И... что это на тебе? — удивилась Луиза, когда слезы утихли, и она стала замечать окружающий мир.

— Лежала без сознания, — Ная усадила ее в кресло и устроилась на подлокотнике. — А рубашка... долгая история.

И теперь настала ее очередь вслед за Роем и принцем играть в умолчания — Лу Ная доверяла в чем-то даже больше, чем себе, но уж очень неоднозначным человеком прослыл Рой в глазах общественности, чтобы одно его упоминание не заставило беспокоиться. Да, были знакомы уже какое-то время, но не слишком близко, поэтому и устраивала допрос принцу в первую встречу. Да, он предупредил о провокации и даже помогал тогда в кабаре, и

письмо вечером было от него, и он же защитил от напавшего человека в капюшоне.

И за рамками истории остались его сложные отношения и устроенный в кабаке спектакль, нежелание показываться на глаза Крейгу и проведенная ночь — этого бы Луиза уже могла не понять.

— Я должна была отказать ему, когда просил встретиться с тобой, — обреченно сказала Лу. — Я же знала, что ты не лезешь в политику, не стоило затаскивать силой.

— А я добровольно согласилась. И если бы с Крейгом что-то случилось, грызлась бы ты уже из-за этого. И, уверяю, была бы готова отдать все свое кабаре ради того, чтобы исправить ошибку. Мы в той ситуации, когда со всех сторон болото, и чтобы не страдать, проще всего не иметь привязанностей.

— Проще всего было бы в него влюбиться и правда выйти замуж, мезальянса бы не получилось, наше положение почти равно. И он, конечно, мне симпатичен, но это не любовь, даже не влюбленность, — она обессиленно уткнулась лбом в руку Наи. — Я два дня думала, насколько это решило бы мои проблемы. Заткнуло бы рот семье, да и деньги... Но что тогда останется от меня самой?

— Кстати, о деньгах. Ты знаешь, что Дорг хочет вложить в ремонт свои накопления? Уж не знаю, сколько у него есть, но я так поняла, не сотня крон. И, поверь эмпату, не ради того, чтобы соблазнить тебя.

— Если ты пытаешь меня отвлечь, шутка неудачная.

— Нет, я серьезно. И... пока не забыла. Я попросила Крейга весь мой гонорар тоже вложить в восстановление кабака. Здесь деньги нужнее, а я скоро уеду в столицу и заработаю еще.

— Не надо такого виноватого тона, — проницательно усмехнулась Луиза, когда Ная замолчала, и выпрямилась, собирая и перебрасывая через плечо волосы, чтобы заплести косу. Кажется, она приходила в себя, и вместе с тем к ней возвращалось деловое настроение. — Я же знаю, что пытаться удержать тебя на одном месте все равно, что загнать в банку стихию. Езжай, так тебе, возможно, будет безопаснее. И добрый совет: держись осторожней с этим... Роем. Слухи на пустом месте не рождаются.

Ная только невнятно кивнула и промолчала, побоявшись выдать голосом, что не собирается прислушиваться к совету, а надежда подруги окажется напрасной. Упасть на хвост Ильяне — не самое безопасное занятие, особенно в компании с Роем.

Вернуть кабаре приличный вид за четыре дня было выше человеческих возможностей, да они и не пытались, наоборот, воспользовались случаем и поводом к перестройке и доломали то, что еще стояло. Лу смотрела на выходки сквозь пальцы, в первый день только ехидно попросила не снести случайно стены, а то от груды камней толку будет немного.

Сама она на удивление быстро взяла себя в руки и больше не распугивала людей затрапезным видом, зато развила бурную деятельность, активно общаясь с архитекторами и специалистами по обустройству помещений. Рекомендовал их Крейг, отказываться она не стала, смирившись с его неизбежным участием.

Для Наи это стало отдушиной после долгого накапливания утомления и неожиданной возможностью почувствовать себя нужной не только из-за ведьмовского дара, но и музыки, и таланта сочинять истории, о которых она сама почти забыла и которыми на пару с Доргом развлекала заумного вида мужчину, взявшегося вносить предложения по улучшению акустики зала.

Между делом она снова взялась за пьесу о нелегкой судьбе королевского телохранителя, заметки к которой набрасывала по дороге из Квинсы. Конечно, в ближайшие лет десять никто не возьмется ее ставить, но после пережитых стрессов и в сравнительно спокойной обстановке вдохновение било ключом.

— Я сейчас расплачусь, — пропыхтел Дорг, ковыряясь в паркете и одновременно пытаюсь слушать отрывки. Он с фанатичной упертостью задался целью изучить характеристики паркета, чтобы потом следить за мастерами, и мешать ему побоялись. — Может быть, ты придумаешь что-нибудь про то, как герои жили долго и счастливо? Кажется, нам не хватает жизнеутверждающих мотивов.

— Скучно и нежизненно.

— Зато всеобщая смерть встречается на каждом углу... Ай! Господин, мы сейчас закрыты, но если нужна графиня, можете зайти вечером, она на встрече, — Дорг прищепил палец и на дверной колокольчик обернулся со страдальческим и совсем не дружелюбным выражением лица.

— Я не к ней, — если бы не голос, Ная могла бы и не узнать Роя сразу. Выбритый и подстриженный, в свежей одежде по фигуре и с отстраненным взглядом, он казался аристократом, который не станет среди ночи гоняться за бардами, а потом умирать на набережной, предпочтя отправить кого-нибудь, кого не жалко. Зато перчаток не было, только свежие тугие повязки, даже, кажется, ничем не пропитанные.

И на мгновение ей показалось, что на пороге стоял совсем другой человек, нелепо погибший пару недель назад...

— Ты удивительно не похож на бродягу из подворотни, — миролюбиво заметила Ная, откладывая черновик, и жестом попросила Дорга сделать перерыв в своих изысканиях. Тот понятливо скрылся на кухне, раздраженно трясая рукой и шипя под нос. — Как руки?

— Живают, но без тех пилюль боль дикая, даже Бремм не знает, почему. Я помню, что ты говорила про яд, но у меня нет времени на саможаление и страдания, — Рой взъерошил ладонью волосы и, кажется, даже не обратил на это внимание — жест все-таки оказался привычным, особенно без мешающего хвоста. — Но я не за этим зашел. Утром уезжаю, не передумала?

— Нет, — Ная потеряла щеку, стирая грязный след, оставшийся после того, как вместе с Доргом разбирала кладовку. Больше всего хотелось остаться, спокойно высыпаться в своей комнате и думать не о том, как выжить при столкновении с опасностью, а о музыке, беситься вечером с Луизой и Доргом, раскидывая то, что только что убрали, а не видеть, как сгорает в пожаре хорошо знакомый человек.

Но все это — малодушие. Влезть с головой в дело и бросить его, потому что надоело, устала или хочется тихой жизни. Если то, что задумала Ильяна, чем бы оно ни было, увенчается успехом, спокойствия не будет ни у кого.

— Поедем верхом, на ночь останавливаемся в трактирах. Они не так часто расположены, так что потеряем во времени, но дня за четыре доберемся. И лучше, если ты сумеешь выглядеть добропорядочной леди, которая со спокойной душой путешествует по стране, как в Даргии, а не замученной жертвой.

— Ты это говоришь замученной жертве.

— На королевских землях могут встретиться те, кто считает тебя наперсницей Эллен. Все поймут, если ты будешь выглядеть расстроенной, но начнут интересоваться, заметив боевые раны, — сесть в зале было не на что, не считая пыльной табуретки и единственного чистого стула, на котором сидела Ная, но уставшего стоять Роя это не остановило, и он выбрал табуретку, разок проведя по ней ладонью.

— Раздеваться посреди трактира я точно не намерена, а синяк давно прошел, — хмыкнула Ная и, озадаченно понаблюдав за ним, запоздало предупредила. — Запачкаешься.

— Я за день два раза оббежал город. Даже мне иногда хочется выдохнуть, — отмахнулся он. — К тому же камни в башне тебя не смущали, хотя они едва ли чище.

— Кстати, хотела спросить. Я заходила к тебе домой с неделю назад, меня по-хозяйски встретила Таша. Она у тебя живет? — полюбопытствовала Ная, переворачивая страницу тетради и готовясь записывать. — Отличный поворот для пьесы, хотя надеюсь, это не банальная любовная история. Зрителю нужна интрига, и за себя страшновато.

— Это долгая история, начинающаяся с ее родителей. Отец — королевский камергер, мать — камеристка королевы, Таша же была личной горничной Криллы. Она сложно переживала смерть принцессы, многие обвиняли и ее тоже, хотя что можно требовать с такой же девчонки, которая всегда была больше подружкой, чем прислугой? Крейг тогда позвал уехать с ним, а родители отреклись, чтобы продолжить службу во дворце.

— И предложил ей работать на тебя?

— Нет, мы все долго жили в резиденции, дом я купил всего лет пять назад. Таше тоже предлагали и я, и Крейг, когда заметили, что ей там откровенно неуютно, но она отказалась — свой ей не нужен, и что делать? Селить доверенного человека в арендный дом, от которого могут быть ключи у половины города? Она сама тогда предложила, кажется, от отчаяния, что лучше присмотрит за моим в мое отсутствие, — устало усмехнулся Рой, и Ная легко представила, как он на пару с принцем с самым серьезным видом убеждал несчастную девушку согласиться на такой подарок. — В чем-то получилось даже лучше. Ей нравится, а многие принимают ее то за хозяйку, которой не повезло с постояльцем, то за мою жену. Меня устраивают оба варианта.

— И никто не боится с такими озарениями, что ей навредят из желания повлиять на вас?

— Пробовали, — коротко ответил он, но пояснять не стал, оставляя простор для фантазии о судьбе нападавших. Вряд ли жили долго и счастливо. — У нас не так много

доверенных людей, чтобы их лишаться.

— Снова цитируешь лорда Мейсома?

— Он цитировал меня.

Рой смотрел на нее с вызовом, ожидая логичного вопроса — видимо, помнил, что говорил тогда ночью, но Ная отвела взгляд, заинтересовавшись покосившейся полкой над стойкой Дорга. Ее почему-то так и не сняли, оставив висеть до лучших времен, когда у кого-нибудь дойдут руки.

И некоторые откровения лучше тоже отложить — особенно те, которые так усердно скрывают. По крайней мере, до тех пор, когда можно будет спокойно обдумать все в одиночестве без необходимости нестись куда-то вместе на следующее утро.

Но интересно, он специально? Знал же про ее любопытство и по дороге к развалинам упоминал, что это лежит на поверхности.

Злые языки говорили, что у лорда Мейсома было два сына — младший добропорядочный Максимилиан и сумасшедший старший, даже имя которого не упоминали. Что с ним стало — никто не знал, и каждый предлагал варианты, один другого интересней. Убили королевским приказом. Погиб от болезни. Утопили недоброжелатели.

Сам граф только улыбался на попытки расспросов. Эллен же после первого вопроса поджала губы и сухо сказала, что у нее только один сын.

Что обсуждала Луиза с Крейгом тогда, после разговора о детоубийце? Догадалась? Она всего на несколько лет их младше, росла в столице, ее семья вхожа в королевский двор, а брат — нынешний глава тайной службы; наверняка ей известны подробности скандала. В отличие от Наи, росшей вдали не только от власти имущих, но и от Верны. В Стормгрите же и на островах внутренние разногласия большой земли никого не волновали.

Лу просто соотнесла одно с другим и испугалась... чего? Факта, что у Шинты есть наследник с твердой рукой, но дурной репутацией — или что его существование может окончательно расшатать подобие мирной жизни в королевстве? Приграничье в руках государственного преступника.

— Если не возражаешь, пойду собираться. Над образом приличной леди еще придется потрудиться, а у женщин это занимает не один час, — наконец, сказала Ная, когда молчание слишком затянулось. — Боюсь, если посидим еще, я просплю утром.

— Серьезное дело, — согласился Рой, вставая. — Я зайду. Постарайся быть готовой, не хочу распугивать местных обитателей своим присутствием.

Спала она плохо, но не от кошмаров или провалов в Аангрем — долго не могла уснуть, всю ночь подскакивала ни с чего и после долго ворочалась. От давно привычной кровати разболелась спина, подушка казалась жесткой и плоской, и к утру Ная ощущала себя настоящей ведьмой, какой их обычно изображали в сказках центральных королевств — злой, бледной и всклокоченной, тихо ненавидящей весь мир.

К счастью, Рой был спутником необременительным и тоже предпочитал молчать — в отличие от многих, с кем она сталкивалась за годы путешествий. Однажды довелось ехать со словоохотливым поэтом, восхищающимся каждой елкой, перебегающей дорогу белкой и выразительными облаками. Заставить замолчать его не могли ни намеки, ни прямые просьбы — кажется, они вовсе проходили мимо его увлеченного творческого сознания. К концу той поездки Ная всерьез подумывала его отравить и искренне сочувствовала жителям городка, в который он направлялся.

Рой же вовсе ушел в себя, реагируя на внешний мир, только когда навстречу попадалась телега или другие всадники или возникала необходимость в привале. Глядя на него, хмурого, отстраненного и при оружии, Ная невольно вспомнила вестников горя, скачущих по дорогам и предвещающих большие беды, из преданий вольных княжеств. Неудивительно, что встречные путники предпочитали как можно сильнее прижаться к обочине и вовсе не смотреть в его сторону.

От беспечного ироничного бродяги, сбежавшего из Квинсы, в нем не осталось ничего.

Несколько ожил он только вечером, сидя в обеденной зале трактира, и с усмешкой кивнул в центр зала.

— Поклонники?

— Что-то вроде, — пробормотала Ная. Народу было не так много, но, как назло, попалась особенно ярая ценительница искусства из предместий столицы, опознавшая известного барда и впавшая в несколько экзальтированный восторг. Сын-подросток, густо покраснев, извинился и поспешно увел мать подальше, но та все равно продолжала бросать восхищенные взгляды.

— Ты недовольна?

— Я ценю, когда людям нравится то, что я делаю. Но сейчас мне кажется, что за любым вниманием кроется желание убивать. Наверное, я становлюсь параноиком, а творчество заменили политические игрища и разборки, от которых я всегда старалась держаться в стороне, но не вышло. Хотя я тут кое-что набросала, — кровожадно сказала она, доставая из стоящей у стула сумки, которую еще не успела унести в комнату, тетрадь. — Все искала, кому показать... Уверена, герои вышли узнаваемыми. К этому есть еще отличная мелодия, но, боюсь, тогда от меня не отстанут.

Рой взял тетрадь, почти новую, исписанную едва ли на треть, и с интересом пролистал, выразительно покашливая — явно от смеха.

— Ты пишешь прозу?

— Не слишком хорошо, но иногда находит вдохновение.

— Я даже догадываюсь, кто послужил образцом для хозяйки проклятого трактира и сумасшедшего барона, — с прорвавшимся смешком заметил он. — И доверчивый музыкант действительно считает, что стал их жертвой?

— Определенно.

— Силой же никто не тянул. Можно было отказаться.

— Ты же знаешь, что принуждение работает и без рукоприкладства? Никто не станет заставлять, конечно, и все поймут, если не согласишься. Но просто слова... они задевают что-то, и так просто не отвернешься.

— Чувство долга. Который мы часто придумываем себе сами и потом от него страдаем, — понимающе сказал Рой, и веселье угасло. — Ты ведь не жалеешь, что ввязалась, иначе бы не ехала сейчас в столицу и вообще давно могла уйти. Вернуться домой, в Даргию, в Нилье... никто бы не осудил.

— Верно. Осуждать было бы просто некому, потому что одни погибли бы тогда в лесу, или в темнице, или во время праздника от рук девчонки. А от еще одной избавились бы просто потому, что сильно много путалась под ногами, — Ная сложила на столе друг на друга руки и уткнулась в них подбородком, глядя на Роя снизу вверх. — Ты прав. Но ради других мне пришлось вывернуться наизнанку, я устала, ранена, шарахаюсь от людей. Мне пришлось применять ведьмовские способности, которые я не то, чтобы отрицала, но всегда

считала менее значимой частью себя. Я не обучена и не знаю, насколько далеко могу зайти, не пострадав.

— Вряд ли я смогу тебя утешить. Ты не останешься в стороне, потому что потом загрызешь себя за это, но, защищая других, часто приходится забыть о себе. Особенно когда речь не о том, чтобы просто постоять на страже у ворот резиденции.

— Я так не хочу.

— По-другому не будет. Выбора всего два — вечное сожаление или личная жертва.

— Отдай тетрадь, на меня снизошло озарение. Там не хватает мрачного путника, которого всем хочется убить, — хмуро попросила Ная, но не пошевелилась, чтобы забрать.

— Но есть вещь гораздо хуже — если ты начнешь считать себя единственным спасителем человечества, — Рой послушно протянул черновик. — Это не больше, чем примитивная гордыня.

— Собственный опыт?

— Пока я пытался выбраться из Квинсы, все время боялся, что без меня в Лангрии все рухнет, и не сказать, чтобы эта мысль меня не грела, при этом напрочь забыл, что некоторая часть того, что обо мне говорят, вытворяли Крейг на пару с Эриком. А сейчас вы справились сами, мое появление почти ни на что не повлияло. Отрезвляет.

— Я запомню, — пообещала Ная, не поясняя, о чем речь: об откровении Роя или его совете.

— Я не хотел тебя задеть.

— Все в порядке, — она встала, сунула тетрадь под мышку и закинула за плечо сумку. — Но я устала и сейчас начну скатываться в жалость к себе, так что пойду спать, пока есть возможность.

Своих желаний стоит бояться — это Ная поняла, едва оглянувшись. На этот раз ее занесло не в заснеженный Аангрэм, озаренный сиянием неба, а на вершину лысого каменистого холма, тонущего в густом молочно-белом тумане, за которым не было видно ничего дальше двух десятков шагов. Вершину зубьями величественной короны опоясывали гигантские камни, покрытые мхом, вязью и мерцающие зеленым светом рунами.

Ная оказалась в самом центре круга, перед появившимся во сне изваянием двуликой Форьи, олицетворявшей переменчивость судьбы, и сейчас к гостю был обращен ее темный лик. Легенды предостерегали от встречи с ней в таком виде, суля беды и несчастья, но скрывающая лицо вуаль опущена, а значит, Форья не была настроена карать — хороший знак.

Насколько, конечно, хорошим может быть обращение к человеку судьбы своей, хм, темной частью, всегда считавшейся недобрым предзнаменованием.

Между камнями постепенно начали проступать силуэты; их голоса сливались в наполняющие круг шепотки, среди которых выделялись отдельные более громкие и требовательные. Наконец, из тумана вышла опирающаяся на резной посох женщина неопределенного возраста в традиционном расшитом сарафане, тяжелых бусах и меховой накидке. Держалась она уверенно и властно, одним жестом заставив замолчать всех остальных; сама же встала рядом с Форьей.

— Где мы? — спросила Ная, чтобы хоть как-то нарушить тягостное молчание, казавшееся плотнее, чем туман. Ответ, впрочем, был очевиден: Круг предков, но не тот, привычный, из реального мира, а его отражение в междумирье.

Подняться на холм на одном из островов архипелага не составляло труда, но упасть сюда доводилось немногим.

— Там, где прошлое встречается с будущим, а мудрость предков с безрассудством ныне живущих, — ответила женщина, и ее гулкий голос, отразившись от камней, словно зазвучал отовсюду. — Там, где мы призываем к ответу потомков, забывших корни.

— Зачем здесь я?

Еще один бессмысленный вопрос — слишком знакомый смысл звучал в словах. Наю всегда ругали бабки за нежелание следовать традициям и стремление найти свой путь; о том, что на них держится весь миропорядок, однажды упоминал и Тольд. Новый виток укора, раз прошлые разы не возымели эффекта, но теперь от действительно мертвых предков?

— С начала времен ведьмы защищали лишь тот род, к которому принадлежали, и только вельвам было подвластно опекать многих, — женщина сделала небольшой шаг, но оказалась совсем рядом. — Ты не вельва, несчастное дитя, и ты отринула свое происхождение. Скут, хранящий наш род, не признал тебя.

В круге стало шумно: кажется, все застывшие между камнями призраки спешили высказаться, в основном возмущенно и одновременно. Пришлось постараться, чтобы их перекричать.

— Если бы меня игнорировали покровители, не было бы и дара, — возразила Ная, хмурясь. Всевидящий Скут... саги гласили, что к нему за помощью обращались провидцы, но та же Арна никогда к нему не взывала, довольствуясь собственными силами. — Или вас не устраивает, что вопреки вашим устоям я трачу его на то, что считаю нужным сама?

— Устои — основа мироздания и залог Порядка. Каждый, кто попирает их, приближает лишь время Хаоса.

— О да, разумеется, убийства значимых персон и последующий за ним бардак Хаос несколько ни приблизят, тогда как действия простой ведьмы разрушат все. Смотреть надо шире и давно забыть устаревшие взгляды!

Женщина — прапрабабка или кто она — ожидаемо разозлилась, не выдержала; почему-то в семье все, кто был старше мамы и Арны, совершенно не выносили чужого мнения в ведьмовских вопросах. Один тяжелый удар посоха о землю, и Наю нестерпимо скрутило, заставляя упасть на колени перед статуей Форьи и заодно всеми предками, собравшимися полюбоваться на представление.

Если эти... ревнители Порядка надеялись, что демонстрация силы добавит почтения и смирения, то очень ошиблись.

Хаос... в юности в городской библиотеке Стормгрита Ная, переживая особо острый период увлечения героическими сагами родного края, случайно наткнулась на порядком забытую рукопись, завалившуюся за шкаф. Неудивительно, что никто ее не хватился — содержание уступало историям о великих героях, сражающихся с жуткими мифическими чудовищами, и напоминало больше зловещее пророчество.

На заре мира существовал лишь первородный Хаос — бескрайнее ничто и нигде, посреди которого бушевали бесконтрольные вихри чистой энергии, которые однажды усмирил явившийся великий Порядок, создав гармонию двух первооснов. В этой гармонии были созданы судьба Форья, время Тид и Турья, хранящая весы равновесия. И уже они воплотили остальных — справедливого Теора, молчаливого Охотнига Гарга, несущую смерть Йорн, Тольда и многих других, даже первых людей.

Все они в сути своей были созданиями Хаоса и несли в себе его частицу, а каждый поступок влиял на положение весов. Рукопись гласила, что в день, когда одна из чаш перевесит, настанет время Хаоса, приближение которого ознаменуется войнами, смутой и катаклизмами. Мир исчезнет, и все вернется в изначальное состояние, чтобы после цикл повторился вновь.

Еще там было про чудовищ, которые вырвутся из своих узилищ, и про то, что они сотворят с людьми, но это Ная предпочла не вспоминать.

— Наш мир и так летит к своему концу, так давайте его подтолкнем, усилив беспорядки. Ко всему прочему позволим Йорн безнаказанно резвиться среди живых, — сквозь зубы процедила Ная, пытаясь разогнуться, но мешала судорога, из-за которой едва удавалось пошевелиться. — И где же ваши претензии к бардам и ведунам, которые ни у кого не собираются спрашивать разрешения? А ведь источник дара один.

— Йорн забота не наша. Ее деяния оценит Теор, и он же определит меру ответственности.

— Да вы не понимаете, что ли?! — раздражение придало Нае сил, и она, выпрямившись, рывком встала, безразлично отметив, что от ее ног в обе стороны побежали дорожки уже знакомого голубого пламени. Женщину, кажется, оно неподдельно удивило, вынудив сделать пусть небольшой, но шаг назад. Это только приободрило. — Оставайтесь в стороне, на большее тени все равно не способны. Я же буду делать то, что считаю нужным, даже если все предки меня проклянут.

На плечо легла тяжелая рука, и Ная оглянулась. Из тумана к ним подошел человек, мужчина — не высокий, но поджарый, как волк, в черном плаще с глубоко надвинутым капюшоном и колчаном стрел за спиной.

— Смело под взглядом Форьи требовать ответа от человека, чьей вины не увидел бы и Теор. Уходите, — голос Охотника был тихим, глухим, но звучащее в нем могущество заставило смолкнуть всех призраков. — И ты иди. Твое место не здесь.

— Эй.

Ная открыла глаза и несколько мгновений смотрела на деревянную стену, в которую почти упиралась носом — не сразу смогла осознать, что лежит, скрючившись, на кровати в одной из комнат трактира. Выпрямиться сразу не удалось, каждое, даже небольшое, движение причиняло боль, а дышать получалось только неглубоко, а оттого часто, как загнанной собаке.

Рука с плеча никуда не исчезла, но была теплее и легче, не вдавливая в матрас, и, конечно, принадлежала не Охотнику.

Вечером они вместе решили, что ночевать по отдельности, когда поблизости может оказаться Ильяна или ее неведомый приятель, небезопасно, благо, что нашлась комната с двумя кроватями. Спросонья Ная наверняка не смогла бы себя защитить, да и Рой бы не справился в одиночку с влиянием барда.

Наверное, хорошо, что он сейчас был рядом.

Спазм постепенно отпускал, и она, разогнувшись, перевернулась на спину. Рой сидел рядом, положив на колени расстегнутую сумку, и в свете горевшей на столе свечи было заметно, как он обеспокоенно хмурился. На руке, которую он убрал с плеча, заметно даже из-под рукава рубашки светился браслет.

— А еще меня упрекала в кошмарах.

— Если бы кошмар. Ведьминские штучки, как говорит папа, — во рту пересохло, и язык едва ворочался, из-за чего Ная чувствовала себя умирающей на смертном одре. — Дай воды.

Напившись, она снова повернулась к стене, притянув к животу колени и обхватив их руками. После дурного сна было холодно, словно Ная действительно стояла на продуваемом ветрами холме, и такая поза казалась попыткой сохранить быстро уходящее тепло. Снова вернулся парализующий страх беспомощности и внезапно — одиночества в противостоянии большому миру, который ополчился на ведьму за ее грехи.

— Ты в порядке?

Еехватило только на то, чтобы вяло мотнуть головой. Она не боялась, что Рой не поймет, он и сам не так прост, куда хуже казалось снова показаться слабой перед ним. Как можно уважать и полагаться на человека, который кидается в слезы по любому поводу или впадает в ступор от ночного кошмара? Что ему, привыкшему остервенело выгрызть свое место в жизни, до переживаний впечатлительной девицы на пустом месте?

А ту истерику в его доме после приема стыдно вспоминать — хотя о ночи после Ная не жалела.

Рой вздохнул и неожиданно лег рядом, приобняв, и сразу стало теплее, а гнетущие мысли и подступающий холод на время отступили.

Нет, она не одна — по крайней мере, сейчас.

— Я не эмпат, привести тебя в чувство так же успешно не смогу, — предупредил он. — Так что не повторяй моих ошибок, за которые сама и ругала. За эмоции наедине тебя никто не осудит, какими бы они ни были.

— Не хочется выглядеть вечно рыдающей по каждому пустяку.

— Боюсь спрашивать, что именно из последних событий ты считаешь пустяком и что для тебя в этом случае значимое происшествие.

— А есть разница? Делу это вредит в любом случае. Страшно растеряться перед лицом опасности и подвести других, — Ная пригрелась в объятиях Роя и расслабилась, чувствуя, как отпускает тревога и накатывает сонливость. Мысли путались, их становилось все сложнее улавливать, но не хотелось прерывать момент откровения.

— Из того, что видел, ты ни разу не впадала в ступор.

— А если в будущем? Накатит, как тогда, возле театра...

— У тебя есть возможность работать над собой, если опасаясь, только не переусердствуй. Лишенных эмоций людей считают бездушными и на всякий случай сторонятся. Вспомни, что обо мне говорят в народе, — кажется, он тоже засыпал, уткнувшись ей в плечо, и оттого говорил едва слышно, местами вовсе неразборчиво.

— И как тренировался ты?

— Долгая история, когда-нибудь расскажу... Нам утром снова в дорогу, не забивай голову.

Ная согласно угукнула, поерзала, устраиваясь поудобнее, и окончательно провалилась в сон — на этот раз спокойный и не запоминающийся.

— Я понимаю, что в столице ты решил устроить охоту на барда, но, надеюсь, есть план? Если что, у тебя совсем мало времени на его придумывание — к вечеру мы доедем.

Чем меньше времени оставалось провести в дороге, тем оживленней становилось вокруг: почти не осталось лесов и свободных пространств, деревни разрастались, больше напоминая небольшие города, и отделялись друг от друга хорошо, если узкими полосками полей или рощиц. Двум повезло особенно: между ними вилась широкая река с крутыми берегами, перейти которую получалось в единственном месте на тракте, где был перекинут крепкий мост.

Людей тоже встречалось все больше, но на путников они почти не обращали внимания, занятые повседневными проблемами: отвести на выпас скот, чтобы он не разбрелся по дороге, доставить в город к утренним рынкам свежие продукты, где добыть дров, если до ближайшего леса ехать и ехать. Селения в предместьях столицы неплохо зарабатывали на обеспечении ее нужд и отличались от всей остальной Верны объяснимой зажиточностью.

— Вариант прийти в сыскное управление и прямо спросить ты не рассматриваешь? — усмехнулся Рой, съезжая ближе к краю тракта и пропуская несущийся экипаж с нервно прикрикивающим на окружающих кучером. — А зря, я почти серьезно. У меня есть друг, доцент медицинского факультета королевского университета. Он очень увлекающийся человек и постоянно находится на подхвате у следователей, за что ему дают утаскивать на факультет тела для анатомирования.

— Полагаю, для дружеской беседы мое участие не требуется. Или он такой же друг, как Орин?

— С ним разногласий нет. У тебя же есть знакомые в высших кругах?

Ная мысленно перебрала всех, кого знала в столице, и поморщилась. Есть-то есть, другой вопрос, насколько захотят разговаривать, а если снизойдут, то будет ли этот разговор об интересующем ее деле, а не отвлеченных глупостях. Кроме того, кое-кого она все еще опасалась — из тех, кто может заинтересоваться ее услугами или кому лорд Мейсом не без ее помощи перешел дорогу.

Хотя, конечно, если взглянуть на проблему шире... Пришедшая в голову идея вызвала нервный смехок, но почему нет?

— Рилло должен быть в курсе всего, к тому же непосредственно втянут в происходящее.

— Источник надежный, но ты как его собралась выманить?

Ная живо представила, как топчется под окном дипломатической службы и пытается докричаться, привлекая внимание всего квартала и заодно стражи, обычной и тайной. Собственно, кто-нибудь с ней наверняка захочет задушевно пообщаться, другое дело, насколько ей придутся по вкусу местные застенки.

Или можно сунуться напрямую в здание, изложить консьержу проблему и получить вежливый отказ.

— Послезавтра годовщина подписания мирного договора с Нилье, их посольство в честь этого традиционно дает бал. Раньше туда ходили Эллен с лордом Мейсомом, но они рассказывали, что присутствует и наша дипломатическая служба. По крайней мере, верхушка.

— Эллен даже если в городе, то проигнорирует приглашение.

— На этот случай, — с мрачным предвкушением сказала Ная. — Имеются друзья полетом пониже.

Лангрия по праву считалась одним из крупнейших городов Верны, имела собственный университет, привлекала вольнодумцев, дельцов и тех, кто вынашивал смелые идеи — как Луиза. Во всем прекрасное место, кроме одного: не могла похвастаться бурной светской жизнью в придворном понимании — с интригами, внезапными рокировками и изящными оскорблениями в блеске драгоценностей и под маской изысканных манер.

В столице же аристократия развернулась вовсю, и о всевозможных званных вечерах, балах и приемах с трепетом говорили за неделю до и с восхищением (или ужасом — как повезет) вспоминали месяц после, если кому-то не удавалось превзойти. Иногда складывалось впечатление, что таким образом они пытались спрятаться от насущных проблем — или, что не было ни редкостью, ни особым секретом, тайно проверить свои дела.

В Лангрии важные сделки обговаривались за закрытыми дверями номера в «Гроте», в столице же — на виду у всего общества с самыми честными и открытыми лицами.

Регулярность событий породила целую группу бездельников, собирающих сплетни, новости и последние скандалы. Кто-то умудрялся писать об этом заметки и продавать в газеты, именуя себя за это светским журналистом.

С другой стороны, в чем-то Ная их даже уважала. Не каждый сможет в свое удовольствие проводить время, а потом талантливо продавать свои впечатления, сколачивая на этом не самое внушительное, но неплохое состояние, которого вполне хватало на двухэтажный домик с аляповатой отделкой в нескольких кварталах от центра города.

Ная полюбовалась диким виноградом, оплетающим стену под самую крышу и прячущим безвкусный растительный орнамент, и, ухватившись за кольцо в массивной бронзовой ручке в форме львиной головы, постучала.

Ни один сплетник не пропустит прием в посольстве и наверняка сумеет раздобыть приглашение, особенно памятуя о старом должке. Ничего серьезного, конечно; так, подкинула пару слухов, пару проверенных фактов об одном крупном деятеле, все пропихивающем идею о необходимости заключить со Стормгритом откровенно кабальный договор, чтобы на материке понастроить производств, а на Инеистые острова возить туристов с масштабной культурной программой.

Исключительно личная инициатива, и информацию Ная тогда собирала сама, не привлекая лорда Мейсома. Зато благодаря Гэвину скоро каждый знал, что короля и дворянское собрание деятель ни в медяк не ставит, на его производствах гибнут люди из-за ядовитых испарений, а даже один заводик порядком бы подпортил природу севера и рассорил со Стормгритом, в котором базировался вернийский флот. Ну и по мелочи о любовницах из Даргии, которые после каждой встречи торопились на родину с письмами за пазухой, о антиправительственных кружках по субботам...

Самому Гэву, разумеется, скандал был преподнесен под соусом величайшего одолжения. А как же! Не каждый раскопает такую сенсацию и сорвет масштабную сделку во благо родного королевства. Кажется, он тогда даже немного загордился.

Дверь открыл не слуга, как можно было ожидать в этом квартале, а лично хозяин — невысокий, едва достающий Нае до плеча, в зеленом бархатном жилете поверх пышной рубашки с кружевными манжетами, с накрученными по последней столичной моде

каштановыми локонами и хитринкой во взгляде.

Рой в те единичные случаи, когда не прикидывался бродягой, одевался куда проще, но и изящнее. Даже его отросший хвостик выглядел небрежным изыском, а не вычурным париком. А еще он намного выше и сложен куда лучше...

Ная на мгновение прикрыла глаза и выдохнула. Совершенно неуместные мысли, надо взять себя в руки.

— Какой сюрприз! — Гэвин быстро справился с удивлением и посторонился, пропуская в дом и нюхом опытного сплетника чуя, что поздний визит даст пару новых поводов для пересудов. — Ты по делу или навестить старого друга?

— По делу, — вышло излишне сухо и почти до неприличия грубо, но память устраивала подлые диверсии, упорно подкидывая воспоминания, как хорошо было проснуться утром в доме на Кленовой улице, а еще лучше — валяться вечером на ковре в гостиной, обставленной пусть и не с таким шиком, но куда более уютной.

И как жаль упущенной возможности в том трактире...

Ная решительно отдернула штору, едва не сорвав, и во всю ширь распахнула окно, впуская холодный осенний воздух, разбавляющий приторный и терпкий аромат каких-то благовоний, судя по эффекту — южных, из лавочки для особо романтических натур.

Очевидно, Гэвин ждал совсем не ее и намеревался приятно провести ночь. Как только у самого от таких ароматов крышу не сносит?

— Не беспокойся, надолго я тебя не задержу, — в голове немного прояснилось, давая сосредоточиться на цели. Какие барды, одних их вонючек достаточно, чтобы вывести человека из равновесия! — Мне нужно приглашение на бал в посольстве.

— И никаких экивоков? Скучно, дорогая, скучно! Я бы сказал, противоречит придворному этикету, но так и быть, сегодня закрою на это глаза, — показательно вздохнул Гэвин, нервно одергивая манжеты. К его эмоциям даже прикасаться не хотелось — боялась запачкаться. — Допустим, я смогу провести тебя по своему приглашению, на тот день у меня все равно не нашлось подходящей интересной дамы... но что мне будет за это?

— Уже было, — отрезала Ная. — Тот скандал с дельцом. Не закатывай глаза, я узнавала, ты на нем неплохо поднялся. Безвкусная лепнина на фасаде — с тех денег, а?

— И эта женщина претендует на то, чтобы блистать в высшем свете! Во что ты одета, милая? И кто тебя пропустил в таком виде в город? — он брезгливо подцепил двумя пальцами подол ее куртки самого простого фасона, зато по фигуре и из хорошей кожи. — Эти штаны хорошо смотрятся на твоих ножках, но любую модницу хватит удар.

— Решим вопрос и разойдемся без долгой дискуссии о моем внешнем виде? Я вижу, у тебя другие планы.

— И ты мне всю атмосферу разрушила, — поджал губы Гэвин. — Почему ты не могла обратиться к Эллен?

— Не разочаровывай меня в твоих навыках рыть информацию. Сюда не доходят новости? Она бы не пошла, даже если бы была в столице.

— Она в городе, вернулась позавчера. Допустим, ты права, и я даже соглашусь провести тебя. Только оденься... поэлегантней, не позорь мою репутацию избирательного повесы. Она мне дорога, — он покрутил рукой в воздухе, обводя фигуру Наи. — Сообщи завтра, куда за тобой зайти. И учти, все, что узнаешь интересного — сразу сообщай мне!

Вместо ответа Ная послала ему воздушный поцелуй и поспешила выйти. Атмосфера дома тяготила, и душной она была не только из-за благовоний.

За ее спиной демонстративно хлопнула оконная рама.

Возвращаться пришлось пешком — найти экипаж до дома Гэва было проблематично, сейчас и вовсе все извозчики разъехались на ночь. Хорошо, что Ирвин, тот самый друг Роя, у которого остановились, жил всего в паре освещенных и благополучных кварталов на границе университетского района, в которых всегда хватало стражи.

И все же, проходя мимо темного проулка между домами, Ная едва не подскочила от грохота, с которым плохо державшаяся черепица упала на брусчатку. Против воли вспомнилась стычка со шпаной в переулках Квинсы, и она ускорила, а потом и вовсе перешла на бег, замедлившись, только когда впереди показался фонарь над нужным крыльцом.

Оставшееся расстояние Ная прошла размеренным шагом, стараясь перевести дыхание и на ходу поправляя косу. Если ворваться в дом вот так, запыхавшись и с перекошенным лицом, с мужчин станется подорваться и кинуться ловить неведомых злодеев на тихой улице. С Роя так точно.

Несостоявшиеся героини только сели ужинать, и Ирвин, пухлый добродушный мужчина на пару лет старше Роя со всклокоченными светлыми волосами и все понимающим взглядом, с большим энтузиазмом демонстрировал бутылку из мутного стекла с красной жидкостью внутри.

— Отличная настойка! Сам ставил, а бруснику под нее специально везли из владений Брамса. Свежую, между прочим, не какую-то там вяленую, — он щедро разлил по двум кружкам и, обернувшись на открывшуюся дверь, наполнил еще одну. — Вы же не побежите сейчас геройствовать? Не побежите. Так что, друзья, прошу.

— Сейчас нет, но ты все равно не увлекайся, — предостерег Рой, больше привлеченный тушеной картошкой. — Напьемся мы с тобой в следующий раз, когда сможем себе позволить. Как сходила?

— Полдела сделано, — Ная села рядом и придвинула свободную тарелку, чувствуя, что жутко проголодалась — из-за спешки решили не обедать. Благо, с порциями Ирвин не мелочился. — Осталось решить вопрос платья, на меня не в каждой лавке есть готовое, и драгоценности... Я найду к Эллен, у них оставались мои вещи.

— Они приехали?

— Гэвин говорит, что да, — она отложила ложку и неуверенно посмотрела на него. — Не хочешь к ним сходить?

— Вот от этого воздержитесь, — посоветовал Ирвин. — Ты, конечно, иди, а Рою не стоит. Король, скажем так, несколько опечален и встревожен смертью лояльного лорда, и соглядатаев вокруг дома хватает. Донесут раньше, чем постучишь в дверь.

— Я и не собирался, — с нескрываемой досадой ответил Рой. — Но вообще начинаю привыкать, что меня считают самоубийцей, способным на такие глупые поступки. Ладно, Ная, но ты-то.

— А в столице чего забыл, если умный? Думаешь, никто не срисовал, пока до меня добирался? Какими бы темными закоулками ни шел, у нас талантов хватает.

— Я тебе только что объяснял экспозицию. Чем слушал?

— Культисты и бард, да-да, и ты один знаешь, что делать. Если проблема такая серьезная, не лучше обратиться в тайную службу?

— Которой доверять опасно, — вмешалась Ная, пока разговор не привел мужчин к дебрям философских рассуждений или к драке. На драчуна не походил ни один, но кто

знает, какие у них отношения. — Про графа Варди ничего не скажу, но предатель там есть, возможно, не один. Своими силами действовать надежнее.

— А что у вас тех сил? Не поймите не правильно, — вкрадчиво сказал Ирвин, подпирая кулаком щеку. — Вы вдвоем собрались наводить порядок в нашем королевстве? На это всех лордов двенадцать лет не хватает, а тут вы.

— О том, чтобы ворваться на собрание культа и вырезать всех подчистую речи не идет. Но чтобы привлечь к проблеме того же Брамса, нам нужна информация. Если закинуть то, что у нас есть, без конкретики, он просто зашлет своего шпиона, это займет время, и никто не знает, что успеет произойти. И Ильяну устранить следует в любом случае, она слишком непредсказуема, — Рой одним глотком осушил кружку и встал. — Предлагаю обсудить утром. Доброй ночи.

Ирвин тяжело вздохнул, но комментировать не стал, и остаток ужина прошел под ни к чему не обязывающий разговор о столичных новостях: где открыли новый памятник, а где, наоборот, снесли, насколько подорожала городская жизнь за полгода и к каким торговцам лучше не ходить, чтобы не переплачивать. Особое внимание уделили больной теме многих местных лекарей — аптекари драли цены, не делая скидок даже университетским слушателям и преподавателям, которым сборы и препараты требовались для учебы и науки.

От предложения помочь с посудой Ирвин великодушно отказался и загрохотал на кухне тарелкам сам, что-то вполне мелодично напевая себе под нос. Ная преисполнилась благодарности и, едва переставляя ноги, поднялась в выделенную ей комнату в мансарде — двухэтажный, но узкий дом не выглядел слишком большим, зато для гостей место нашлось без ущерба хозяину.

Света уличных фонарей, падающих через круглое окошко, едва хватало, чтобы различить очертания предметов и не сносить мебель, и Ная вздрогнула, когда тень на кровати, которую она приняла за подушки, встала и подошла почти вплотную,

Похоже, к ее возвращению от Гэвина бутылка с настойкой была не первой.

— Ты не собирался спать?

— Собирался. Ирвин, конечно, перестраховщик, но в чем-то прав — меня могли видеть и проводить до сюда тоже могли. Если Эллен действительно в городе и у вас с ней хорошие отношения, попроси завтра и после бала переночевать у нее.

Нае совсем не понравилась прозвучавшая в просьбе обреченность, и на душе сразу же с готовностью заскребли кошки.

— Волшебная настойка Ирвина превратила тебя в провидца?

— Обычная забота о ближнем. У нее в Верне почти нет подруг, близких вообще ни одной, семья в Нилье, поддержать некому. Я бы пролез к ним, в конце концов, семнадцать лет жил в том доме, и после пару раз приходилось забираться, ходы знаю, но вряд ли подниму настроение, Эллен меня не переносит. Мы с ней сильно цапались в свое время, когда она пыталась мной командовать, хотя была не намного старше. Страшное оскорбление для пятнадцатилетнего пацана, — не слишком связно и к месту признался Рой и положил руку на плечо Нае, как она подозревала, большей частью, чтобы не упасть — его заметно повело в сторону. — И тебе безопасней до и после бала не мелькать в сомнительной по меркам высшего общества компании. И вот еще...

Он протянул несколько листов бумаги, свернутых в тугий свиток, перевязанный шнурком, и едва при этом не выронил. Ная поспешила забрать, чтобы не ползать в потемках по полу, обшаривая все щели — к утру наверняка забудет.

— Что это и что мне с ним делать?

— Сведения по деятельности одной из радикальных партий. Можешь почитать сама, главное, при случае передай Гвэн, даже если это произойдет через полгода. Только найди способ через кого-то, не лично.

— Ты меня пугаешь. Завещание написать не забыл? — Ная попыталась за шуткой спрятать беспокойство — Рой как будто собирался сгинуть в столице — но выдал дрогнувший голос.

— Крейг что-нибудь придумает.

— Надеюсь, он позволит забрать твои рубашки. Как я убедилась, они на мне неплохо сидят. А пока ложись спать, можешь прямо тут, чтобы не ходить по лестнице. Навернешься еще, — она толкнула его ладонью в грудь, вынуждая отступить, и координация подвела Роя — он запутался в ногах и упал на кровать.

Со стороны наверняка выглядело интригующе, но соблазнять подвыпившего напарника она уж точно не собиралась.

Ная сунула полученный свиток на дно сумки, прикрыв другими вещами, мрачно пихнула Роя, сдвигая к стене, и сама устроилась с краю, натянув одеяло под подбородок.

Район, где жили Макс с Эллен, выглядел куда сдержанней квартала, где обитал Гэвин — владельцам местных особняков не требовалось доказывать свой статус избытком роскошных украшений и пытаться перещеголять друг друга в архитектурной фантазии. Просто потому, что в городе каждый знал: выше них только король, до дворца которого оставалось всего ничего.

Ная прошла аккуратную площадь с небольшим фонтаном в центре, окруженным ухоженными клумбами, и свернула на тихую, но достаточно широкую, чтобы могли разъехаться два экипажа, улицу. С обеих сторон тянулись каменные ограды с искусными коваными вставками, за которыми виднелись сады. Кажется, справа жил барон Улоз, предпочитавший строгость в делах и быту, и кустарник был ровно подстрижен под геометрические фигуры, а цветы ограничивались мелким белым выюном на стволах редких низких деревьев. В саду напротив чувствовалась женская рука — кажется, он принадлежал баронессе Грант, чей муж служил офицером в гарнизоне и редко появлялся дома, зато три юные дочери любили цветы и легкомысленные садовые фигуры.

Но затмевал всех дом лорда Мейсома, находившийся в тупике улицы. Как рассказывала Эллен, в отличие от соседей, получивших титулы за личные заслуги перед королем, особняк принадлежал семье уже больше сотни лет и был одним из старейших в районе, один архитектор даже предлагал считать его памятником.

Калитка напротив главного входа оказалась не заперта, но стоило ей открыться, на крыльце сразу же появился лакей, быстро подошедший к незваной гостье. Он старался держать лицо, но, судя по хмурой складке на лбу, давалось ему это с трудом. Нае он показался смутно знакомым, но, кажется, при нем ей не доводилось надолго заглядывать к лорду Мейсому.

— Леди Авильон никого не принимает, просила зайти на следующей неделе, а если есть срочные сообщения, передать их письменно.

— И Максимилиан тоже? — Ная огляделась, отмечая, что ничего не изменилось, хотя в глубине души неосознанно ожидала запустения и заброшенности. Но нет; все так же шелкал ножницами садовник, первые опавшие листья сметены в кучки, из трубы над кухонным крылом вьется дымок.

Лакей замялся, явно не собираясь пускать никого вообще, но открылась входная дверь, и на улицу выскочил растрепанный Макс. С крыльца он спускался, перепрыгивая через ступеньку, а до калитки добежал, спотыкаясь о брусчатку, которой был выложен подъезд. Рядом с Наей он не замедлился, напротив, врезался в нее и стиснул в объятиях со всей доступной пламенностью.

— Так бросаться на женщин неприлично, тебя могут не так понять, — охнула она, растерявшись.

— Но ты-то правильно поймешь, — Макс шмыгнул носом, но руки разжал и отошел на допустимые приличиями два шага. — Пойдем, не будем стоять на улице. Ты завтракала? Или просто чай?

Он осунулся и ссутулился, даже не пытаясь держать осанку, и не заправленная рубашка висела как на манекене в лавке портного. Но хотя бы умылся и причесался, а не впал в совсем уж черную меланхолию, когда внешний вид становится безразличен.

Права скорбеть у него никто не думал отнимать, но его-то жизнь продолжается, и дальше станет только сложнее, особенно если окружающие уверятся, что новый граф раскисает по каждому пустяку. Эллиен может никого не пускать в дом, но слуги тоже люди, и даже самые преданные могут ненамеренно сболтнуть лишнее.

— Ограничимся чаем, я недавно поела, — Ная дождалась, когда Макс коротко распорядится и отпустит лакея, и, оставшись с ним наедине, бесцеремонно сама заправила ему край рубашки.

Он удивленно вытаращился и отскочил, но одежду все-таки поправил, провел ладонью по собранным в хвост волосам, выпрямился и вообще несколько ожил, перестав напоминать одичавший призрак брошенного замка из сказок центральных королевств.

У нее никогда не было родных братьев, и впервые она ощутила себя чрезмерно заботливой старшей сестрой.

— Я тут на днях видела целого принца с похмелья, который всю ночь спал в чужом рабочем кабинете. Душераздирающее зрелище, — проникновенно поделилась Ная, поднимаясь по лестнице и собираясь свернуть к гостиной, но Макс поймал ее под локоть и повел в другую сторону, к обычно запертой двери.

— Могла бы сказать словами, — упрекнул он, толкая тяжелую дверь. — Мне не десять лет.

— Ты бы принял трагичную позу и заявил, что мирские светские условности — пустое. Где мы? Я тут раньше не была.

Легкомысленная обстановка небольшой комнаты выбивалась из общего сдержанного и продуманного интерьера особняка. Каминная полка была заставлена статуэтками разных размеров и стилей, не сочетающихся друг с другом и мебелью: нелепая фарфоровая рыба, стоящая на хвосте и покрытая позолотой, соседствовала с лаконичной черной собакой из дерева; между ними замерла девушка в пышном платье по моде столетней давности с раскрытым зонтом на плече и в окружении металлических фигурок с палец величиной. Ная присмотрелась и обнаружила там детских солдатиков, мышей в сыре, котов и воробья в забавной фуражке.

В шкафу за застекленными дверцами и вовсе властвовал настоящий хаос: толстые и тонкие книги перемежались непонятными безвкусными чеканными кубками, камнями и стеклянной вазочкой с горстью мелочи. Нашлась даже объемная шкатулка с перевесившейся через край нитью ярких стеклянных бусин, особенно удивительных в доме аристократов.

А по стенам — множество портретов, висевших как попало без какой бы то ни было системы, разных форм и размеров, от небольших овальных до внушительных прямоугольных, в вычурных золоченых рамах и совсем простеньких деревянных... Но особенно выделялись два, расположенных друг напротив друга на разных стенах.

На первом художник запечатлел совсем юную Эллиен с кокетливо опущенным взглядом и мечтательной улыбкой на губах. В простом струящемся платье, с распущенными светлыми волосами, в которые вплели жемчужные нити, и бледной, словно светящейся изнутри кожей, она казалась воплощением нимфы из южных мифов — такая же хрупкая нездешняя красота. Жаль, картину прятали от посетителей — она бы хорошо смотрелась в холле.

— Семейная гостиная. Мы стаскиваем сюда все памятные безделушки, чтобы не валялись по дому, поэтому никого не пускаем. Как видишь, редкий бардак.

Памятные безделушки. Точно.

— Хотела кое-что тебе отдать, — Ная сняла с шеи шнурок с монетой, который надела с

утра, чтобы точно не забыть, и накинула на шею Макса. — Я над ним поколдовала, надеюсь, поможет тебе справиться с давлением. И я получила твое письмо. Спасибо.

В сущности, они с Эллен тогда не написали ничего выдающегося — всего несколько строчек с просьбой быть осторожнее и дать знать, что с ней все в порядке, когда появится возможность. Но и это от людей, только что потерявших куда более близкого человека и оказавшихся в трудном положении, значило многое.

— Ты видела Роя? — самообладание покинуло Макса: губы задрожали и он, судорожно стиснув монету, упал на кресло. — Он... он где? Почему не может остаться с нами? Это же несправедливо, Ная, совсем не справедливо!

Она не нашлась, что ответить — что бы ни сказала, все было бы или банально, или неискренне, или жестоко по отношению к подростку на грани истерики. В мире вообще со справедливостью имелись проблемы, но чем это помогло бы здесь, сейчас? И как будто кому-то когда-то становилось легче от осознания, что другим, далеким и неизвестным, сейчас может быть хуже.

— Он сделает все возможное, чтобы это стало реальностью, — уверенно ответила Ная, почти не солгав: устранение Ильяны приблизит Верну к достижению всеобщего счастья еще на полшага, а значит, и к тому, чтобы Макс не оставался в одиночестве. — Но узел, который затягивали десятилетиями, не распутать за один подход, как бы нам этого ни хотелось. А это?..

Второй портрет был семейным. Лорд Мейсом, почти лишенный седины и заметно моложе, сидел в кресле, а на его коленях устроился задумчивый малыш лет четырех — по всей видимости, Макс. Справа стоял, положив одну руку на спинку кресла, подросток с шаловливой улыбкой и веселыми глазами, и Ная готова была спорить, что таким его вряд ли кто-то видел в последние десять лет.

— Рой, — Макс так тяжело вздохнул, что она невольно обернулась посмотреть, не проломилось ли кресло. — Тебе вряд ли рассказывали... он мой старший брат. По отцу, мать другая, конечно. А моя мама после... того инцидента попросила убрать все его портреты. Боялась, что такое родство может навредить нам всем. Не думаю, что она права.

В комнату вошел лакей с подносом, и сразу за ним — Эллен, больше всего напоминающая снежную скульптуру, которые иногда в зимние праздники делали в Стормгрите. Черное прямое платье и собранные волосы только сильнее подчеркивали ее обычную бледность, а от лица с отрешенным выражением и поджатыми губами, от непримиримо сложенных на груди рук практически осязаемо веяло холодом. Похоже, прежде, чем заняться чаем, лакей доложил ей о нахальной гостье, которую без спроса матери принял Макс, еще и в семейной гостиной.

Выставляя, впрочем, она никого не стала, наоборот, оттаяла, как только увидела; Ная даже на мгновение показалось, что Эллен от накотившего на нее облегчения потеряет опору и осядет на пол, но та устояла и смогла дойти до дивана.

— Не представляешь, что я успела подумать и как рада видеть тебя живой. Я не знала, где ты, и боялась, что ты тоже... — она судорожно сглотнула и не смогла договорить.

— Я была в Квинсе, узнала только по возвращению, — Ная села рядом и обняла, привлекая к себе и позволяя уткнуться в плечо.

Наверняка Эллен героически держала лицо на публике, не давая другим возможности сыграть на ее слабости. За холодность ее и не любили многие в свете, а настоящих подруг, кроме Наи, не было вовсе — так, приятельницы или хорошие знакомые, которые за спиной с

радостью обсуждали и осуждали «ледышку из Нилье».

А кто-то сочувствовал, особенно почтенные дамы — как же, в семнадцать лет выдали замуж за мужчину вдвое старше. Ная знала, что это неправда; лорд Мейсом был не просто возможностью распрощаться с родственниками, державшими младшую дочь в чрезмерной строгости даже в сравнении с двумя старшими сестрами и братом — первой и единственной любовью, даже несмотря на разницу в возрасте. И он всегда отвечал взаимностью, а Эллен только таинственно улыбалась на сплетни об очередной любовнице.

Словами можно обмануть других, но не эмпата чувствами, если только специально не задаваться такой целью.

— Ты приехала просто так или есть... повод? — Эллен отстранилась, вытерла платком глаза и взяла одну из чашек. Ее руки заметно дрожали.

— Рада бы сказать, что в гости, но не только, — врать Ная не стала. Нечестно по отношению к друзьям, да и такого шила не утаишь. — Посольский бал. Это единственная возможность поговорить с Рилло Кайненом, в самую дипломатическую службу меня вряд ли пустят, во всяком случае, не так быстро.

— Зачем он тебе нужен? Работаешь на кого-то еще?

— На днях в Лангрии сорвалось покушение на принца, пострадало много людей, — слова приходилось подбирать осторожно, чтобы не тревожить Эллен лишними подробностями, да и Макс явно развесил уши. — Виновник где-то в столице, я предложила помощь, раз все равно сюда собиралась.

— Еще и принц, — Эллен потерла лоб свободной рукой. — Они хотят избавиться от всех влиятельных людей королевства? Осталось избавиться от Брамса, и Верна покачнется.

— Его предупредят, — по крайней мере, Ная хотела на это надеяться. Письма, которые передала Рою Мира и которые теперь лежали на дне сумки... Рой наверняка нашел способ донести их содержание герцогу, иначе бы так просто не расстался. — И вам бы тоже не задерживаться в столице. Езжайте в Нилье, отсидитесь хотя бы пару месяцев, пока не спадет волна. Плевать на Шинту, зато будете живы сами.

Мысль пришла в голову спонтанно, она совершенно не собиралась изначально отправить Эллен с Максом на родину, но сейчас идея казалась логичной. Все с таким удовольствием пустились в пространные рассуждения о беззубости нового правителя Шинты, что забыли об одной маленькой, совершенно незначительной детали.

Его жизни.

Кто-то убил лорда Мейсома, не самого слабого и незащитного человека в дворянском собрании. Семнадцатилетний парень и раздавленная горем вдова им на один укус.

— Мы могли бы отправиться в Рюсо, — наконец, сказала Эллен. — Он далеко от границы, и, честно говоря, такая провинциальная глушь, что нас не достанут ни родственники, ни вернийские доброжелатели. Не прямо сейчас, мне нужно пару дней, чтобы собраться.

— Значит, езжайте, как будете готовы.

— А ты? — влез Макс. — С нами?

Ная подняла глаза на портрет, встречаясь взглядом с нарисованным Роем. С одной стороны, ей самой не помешает залечь на дно, чем дальше от столицы, тем лучше; но бросить дело на полдороги, тем более тогда, когда на карту поставлена судьба многих? Снова все то же малодушие, которое уже подступало в кабаре перед встречей с Крейгом.

Может, Рой прав, и она неосознанно возомнила себя всеобщим спасителем, но иметь

возможность сделать хоть что-то и остаться в стороне?

Как минимум Ная должна поговорить с Рилло, а там будет видно.

— Завтра бал в посольстве, ответу после него. Кстати, Эллен, могу попросить тебя о помощи?

Мода на природные элементы в интерьере пошла с Нилье — как, впрочем, и на многое другое в свое время. Посольство не отставало: одну из стен увивал плющ, среди листьев которого искрились граненные хрустальные птички; у другой в окружении цветочных гирлянд выстроились на подставках разной высоты чаши с водой, символизирующие Озерный край в сердце королевства. Даже строгие ливреи на снующих по залу слугах сменились свободными зелеными рубашками с вышивкой вдоль ворота.

Наряды же гостей, как убедилась Ная, оглядываясь в поиске знакомых лиц, еще не успели попасть под последние модные веяния, хотя Эллен искренне обеспокоилась, что бирюзовое платье с открытыми плечами и многослойной юбкой, сшитое весной, будет выделяться, а для высшего света это весомый повод для пересудов и осуждения. Эпатажней было бы только заявиться в штанах или ночной сорочке.

Нае по большому счету было плевать, что подумает столичная аристократия — на фоне остального это сущая мелочь; зато леди Авильон несколько оживилась, заняв голову несущественными проблемами подруги, даже сама собрала ей прическу и долго копалась в своих украшениях, в конце концов отыскав изящный комплект белого золота с бриллиантами и жемчугом. Тонкая тиара напоминала венок из весенних цветов с каплями росы, а ожерелье — побег лозы, обхватывающий шею.

Слишком дорогой, чтобы просто так одалживать его подруге, они даже какое-то время перепирались, Ная не хотела брать на себя ответственность за ценную вещь, но Эллен в итоге настояла.

Но беспокойство оказалось напрасным. Юбки все так же напоминали неудобные облака, как это повелось в конце зимы, а декольте, кажется, стало только глубже, временами до неприличия. Ная ненадолго потерялась, засмотревшись на одну из гостей и пытаясь понять, каким чудом на ней вообще держится лиф платья. Интересно, что произойдет, если кто-то наступит на подол, к слову сказать, длинный и волочащийся по полу? Или легкий пикантный скандал и есть цель такого наряда?

— И вот мы здесь! — широким жестом обвел Гэвин зал, заодно цапнув бокал с вином. Он вырядился в белый камзол с золотой вышивкой — вычурный, но подобный носили многие мужчины. Популярны в Лангрии лаконичные фраки выглядели куда приятнее. — С кем почирикать о тебе, кому представить?

— Полагаю, столь известную светскую даму представлять не требуется. Госпожа Ная, здесь же многим о вас известно?

Ная скрипнула зубами и обернулась, натянув улыбку. Барон Гюрдо, владелец небольшого надела на востоке и идеологический противник лорда Мейсома, которому с его клочком земли вечно не хватало веса голоса на дворянском собрании, но он не отчаивался и активно агитировал других за свои идеи. Лезть в голову Гюрдо лично они не решались, зато регулярно обхаживали его приближенных и старшую дочь, сучавшую в особняке.

— Барон, — она подала руку, порадовавшись хотя бы наличию перчатки. — Вы разве не собирались искать сторонников среди графов, которые действительно заняты делом? Поговаривали, вы хотели очаровать семейство Артиг и прибрать к своим рукам Артигетт.

— Увы, у недоброжелателей слишком длинный язык. Говорят так много ненужного, — он притворно вздохнул. — А мои идеи в любом случае пока останутся подвешенными в воздухе из-за отсутствия голоса от Шинты, отчего бы тогда не развлечься? Кстати, раз уж заговорили... Вы же теперь остались без работы?

— С чего вы взяли? Я работаю на лорда Мейсома.

И уж точно не собирается сотрудничать с Гюрдо ради его мелких и мелочных амбиций — увольте. Да и человек он премерзкий.

— Неужели такому таланту и неизвестно о трагических событиях, которые потрясли все дворянское собрание?

— Известно.

— И вы не хотите задуматься о поиске сильного покровителя, находясь в такой... уязвимой ситуации?

— У меня есть сильный покровитель. Лорд Мейсом. Или вам надо, чтобы он все время находился в столице? — ей до ужаса хотелось оскалиться, но пришлось ограничиться милой улыбкой. Ну же, барон, ты достаточно стар, потомственный дворянин, ты знаешь всю историю семьи Мейсом, понимай намек. — Думаю, он меня в обиду не даст.

И Гюрдо не подвел, хотя доходило до него дольше, чем ожидалось.

— Вы спутались с государственным преступником! Предательство короны вам с рук не сойдет.

— Когда Максимилиан успел стать государственным преступником? — удивилась Ная. — Вы бы видели, как он защищал мать от нападков какого-то пьяницы! Синяк под глазом потом две недели сходил. Или вы знаете о другом наследнике? Всего доброго, барон.

Она подхватила под локоть опешившего от такого разговора Гэвина (хотя не сомневалась — он все фиксировал и прикидывал, как лучше подать сплетню читателям газеты) и оттащила от покрасневшего Гюрдо в противоположный конец зала. Играть в «Я знаю, что вы знаете, что я знаю» было безумно интересно, но цель у нее была совсем не в этом.

— Это было великолепно! Вы как собирались растерзать друг друга, — кажется, Гэв хотел поплодировать, но счел неуместным. — Сколько страсти, сколько экспрессии!

— Проболтаешься кому-нибудь — убью. Я не шучу, — пообещала она, снова оглядывая гостей.

— Восхищение Гэвина понятно. Лорду Гюрдо редко кто возражает, слишком много проблем.

Ная обернулась. Рилло не пришлось искать, он подошел сам, по всей видимости, привлеченный негодованием барона. Выглядел дипломат еще более замученным, чем после допроса культиста, но при этом сохранял на лице доброжелательное выражение и улыбку. Похоже, после возвращения в столицу его завалили работой.

— Видишь, даже господин Кайнен оценил, — восторжествовал Гэв, и в его словах отчетливо послышался невысказанный упрек: «О скандале и так все знают, а убивать будешь только меня». — О, прошу прощения... господин Кайнен, позвольте представить мою спутницу, госпожу Наю... эм...

— Меня устроит просто Ная, — заверила она, снова протягивая руку. Анахронизм для лангрийского полусвета и обязательное условие столичного светского этикета.

— Тогда просто Рилло, — дипломат едва коснулся губами тыльной стороны ладони и указал на одну из уединенных ниш с креслами. — Надеюсь, Гэвин не возражает, если вы

уделите мне пару минут без посторонних ушей?

«Посторонние уши» моментально напряглись и оживились, но не нашлись, что возразить или чем объяснить необходимость своего присутствия. Пришлось соглашаться, и Гэв отклонялся, отправившись очаровывать какую-то давнюю знакомую.

— Вы о чем-то хотели поговорить? — спросила Ная, когда они устроились на креслах. Удобно, что он подошел сам, и не пришлось сперва искать по всему посольству, а потом придумывать предлог. Другое дело, что ему надо? Раньше они встречались только на переговорах короля с принцем, но вряд ли речь сейчас пойдет о них.

— Лорд Гюрдо не самая крупная фигура на нашей доске, и все же в столице редко кто решается с ним спорить прилюдно — аристократический этикет и субординация. Каждый такой человек привлекает внимание, — пожал плечами Рилло. — К тому же, как я понял, вам кое-что известно о его делах, и когда говорили о том, что продолжаете работать на лорда Мейсома, имели в виду совсем не Максимилиана.

— Вы же дипломат, какое вам дело до внутренней политики? — Ная уже поняла, что он был доверенным лицом не только господина Стабо, но и лично короля; правда, едва ли этой информацией владели многие.

— Если не вмешаться в стабилизацию внутренней, внешняя просто перестанет существовать. Так все же?

— Вы понимаете правильно. Раньше я работала на Джерома Мейсома, и барон попадал в поле нашего зрения, но мне неизвестно, что с ним происходило последние пару месяцев — я находилась в Даргии. Но сейчас вас интересует совсем не Джером в качестве моего нанимателя. И не Макс.

— Верно.

— К слову, я сама искала встречи с вами. Поговорим открыто, иначе кругами будем ходить еще неделю? — предложила Ная и начала первая. — К тому же я сотрудничаю и с принцем тоже, так что нашим с вами интересы схожи. Чтобы облегчить понимание — вспомните переговоры в Гетри. Абстрактные рассуждения об Огненной деве и покровителях, впечатляющее побоище среди сопровождающих и рухнувшая стена в тюрьме Лангрии.

Рилло склонил голову к плечу, с интересом всматриваясь ей в лицо и воспроизводя в памяти события того дня. Сказать прямо было бы проще и быстрее, но пришлось бы доказывать, а так сам сопоставит факты и придет к верному выводу. По крайней мере, она очень на это надеялась.

— Женщины, — наконец, хмыкнул он. — Дурите голову всему миру. А я никак не мог понять, почему кажется знакомым голос, и во внешности есть что-то... Сейчас вижу. Хороший грим.

— Бросьте, Рой уже нещадно этот маскарад раскритиковал.

— К слову, раз имя произнесено, и при этом вы близки к его высочеству... Вам известно, о чем шла речь на переговорах?

— Нет.

— Королю нужна Шинта. Не обязательно лояльная, но хотя бы не поглощенная хаосом разборок. Здесь пригодится сильная рука, и вы уже неоднократно слышали, что Максимилиан слишком юн и неопытен. Привлекать кого-то со стороны? Нет гарантий, что, заполучив одно графство, он не захочет большего, а внутренних противоречий, близких к междоусобице, нам хватает. При всем этом мы имеем законного наследника, которому не

сядут на шею и который вполне способен справиться с ситуацией. Хотя бы в силу возраста, предыдущего опыта и соответствующего воспитания.

— Законного? Я думала, он вообще не имеет права на титул после всего.

— Титула его никто не лишал, ни Джером, ни король. По сути Шинта должна перейти, как и все прочие владения, и место в дворянском собрании, графу Рою Мейсому, — огорошил Рилло. — Ситуация с ним... не простая. Да, его считают государственным преступником, но если придирается к документам, официально это не так. В столице король из личной неприязни найдет, за что арестовать, но будь иначе, его бы преследовали на других землях, не считая Лангрии. Прямых доказательств вины нет, но достаточно косвенных, а дворянское собрание большинством голосов признало невиновным.

— И все дружно отдают Шинту Максусу, хотя с ваших слов все выходит так радужно.

— Все, включая принца, понимают, что общественное мнение слишком непримиримо, и бросать такой вызов попросту опасно. Сперва необходимо обелить имя, и только после возвращать в дворянское собрание и ко двору.

— Об этом и шла речь?

— Нам всем надоело это глупое противостояние, — поморщился Рилло, и от него повеяло явным неодобрением к сложившейся ситуации. — Просто так помиловать человека, которого безапелляционно обвинил в гибели дочери, король не может, его позиции пошатнулись двенадцать лет назад и до сих пор не обрели устойчивость. Другое дело, если предоставят достаточные доказательства невиновности помимо слов аристократии... Именно это было озвучено его высочеству. Они предоставляют виновника смерти ее высочества, взамен графу приносятся публичные извинения с соответствующими документами, и несколько компенсационных мелочей.

— Прошло двенадцать лет. Какие доказательства могли сохраниться?

А ведь, если подумать, Ная могла бы помочь — ведь все участники того дела, кроме принцессы, живы до сих пор и находятся в своем уме, а значит, можно спуститься к границе и вытащить тени воспоминаний, что бы об этом ни думал Тольд. Если постараться и хорошо вложиться, можно вытащить «воспоминания» даже со старой башни.

Только ей никто не поверит. Испугаются, обвинят в богохульстве или запретных практиках вроде культа Ерены и в лучшем случае ненавязчиво попросят помолчать. Больше семи лет она провела в центральных королевствах, и за это время в отношении ведь не изменилось ничего.

Вот барды — да, их бы сочли убедительными; проблема в том, что барды так не умели.

— Виновник нужен убедительный, — Рилло отдельно выделил последнее слово. — Не обязательно истинный.

— И что вы хотите от меня?

— Помогите с поисками. Его высочество достаточно хладнокровен и расчетлив, чтобы суметь подставить нужного человека. Не сомневаюсь, он бы сделал и раньше, если бы был уверен, что это принесет пользу. Сейчас — принесет. Но, — он вздохнул и отвел взгляд, разглядывая танцующих людей в зале. — Мы все хотим знать правду, а королевской семье она попросту необходима, чтобы закрыть большой вопрос.

В его словах была логика. Сколько Ная себя помнила, ее отец работал в стормгритском сыском управлении, сперва рядовым дознавателем, потом старшим, сейчас дослужился до главного, и с убийствами ему тоже приходится сталкиваться. Иногда он рассказывал, что родственники или просто близкие люди жертв годами не могли найти себе места, не зная

имени убийцы и того, что наказание его нашло. В них что-то надламывалось и не давало спокойно жить дальше.

— Не думаете, что я тоже притащу всего лишь удобного кандидата?

— Изначально я не думал предлагать, хотел присмотреться, — улыбнувшись, признался он. — Но раз вы близки к его высочеству, полагаю, не откажетесь от возможности заслужить искреннюю благодарность короля, принца, графа, в конце концов, и не станете заниматься фальсификациями. Я тоже буду весьма признателен. Я ошибаюсь?

— Нет, — благодарность Роя ей наверняка не пригодится — хотя бы из-за возникшей уверенности, что он поможет и так.

Ная прикусила кончик языка, надеясь хоть так вернуть себе здравомыслие. Столица плохо на нее влияла, по крайней мере, раньше ее мысли не сводились к одному Рою все время. Если только как к любопытному участнику политических игр, не более. Сейчас...

Она очень надеялась, что смогла удержать лицо.

— Но вы тоже хотели о чем-то со мной говорить. Я весь внимание, — доброжелательно напомнил Рилло, все-таки заметив, что собеседница отвлеклась. С другой стороны, обещания золотых гор выведут из равновесия кого угодно.

— Да, это касается инцидента в Гетри и допроса культиста, — Ная отвесила себе мысленную затрещину, заставляя собраться. — Мы предполагаем, что Вестница — это бард Ильяна. У нее имеется одаренный сообщник в Лангрии, а она сама отправилась сюда. Есть подозрения, что не ради развлекательной прогулки.

Пересказать события последних дней в двух словах не удалось — Рилло выслушал и принялся уточнять, явно пытаясь сложить общую картину, которая в итоге ему не понравилась.

— Я не слышал о подобных происшествиях, но, если она приехала недавно, могла просто не успеть, — медленно сказал он, потирая переносицу. — И о каких сложностях шла речь?

— Мне самой рассказали через третьи руки. Увы, не знаю.

Рилло побарабанил пальцами по подлокотнику. Судя по эмоциям, новости стали для него неприятным сюрпризом и очередной головной болью, мешающей осуществлять задуманные планы.

Ная не лезла в его размышления и рассеяно пробежалась взглядом по гостям, из-за чего первой заметила приближение к ним мужчины. Высокий и поджарый, не по моде коротко стриженный, с очевидно воинской выправкой и в небрежно расстегнутом мундире, он решительно шел вдоль стены, почти не привлекая внимания. Хотя те дамы, которые попались на пути, долго смотрели вслед, залившись румянцем, а потом, прикрывшись веерами, о чем-то зашебетали, время от времени поглядывая в сторону ниши.

Мужчина остановился рядом с Рилло и спросил тихо и сдержанно, но от него так несло яростью, что показалось, будто кричит:

— Кайнен, твоих рук дело?

— Ваше сиятельство! Не ожидал, что вы в столице, — Рилло поднялся и склонил голову. — И был бы совсем счастлив, если бы вы снизошли до объяснения, в чем я виноват.

— Тебе не идет образ святой невинности. Кто залез в мой кабинет, твои люди?

— Если бы мои люди залезли в ваш кабинет, вы бы об этом не узнали, — вроде бы вежливо возразил он, но все верно поняли, что это была словесная оплеуха. — Кстати, позвольте представить — госпожа Ная, можете считать одной из них. Госпожа Ная, нашу

беседу бесцеремонно прервал граф Сэм Варди, глава тайной стражи короля.

Ная хмыкнула, подумав, что в последнее время ее слишком многие считают своей.

Брат Луизы раздраженно кивнул ей, хотя градус напряжения заметно упал, и Рилло, тоже это почувствовав, сделал приглашающий жест в сторону третьего кресла.

— Присоединяйтесь и расскажите, что вас так встревожило. Мы как раз обсуждали нелегкую судьбу нашего королевства. Вы давно вернулись? Его сиятельство некоторое время провел на восточной границе, — пояснил он для Наи.

— Сегодня днем. Сразу обнаружил, что кто-то рылся в кабинете. Действовали аккуратно, но не учли мелочей вроде следов пыли, потому что без меня доступа туда нет ни у кого, — граф все-таки сел, упершись локтем в подлокотник и подперев кулаком голову. — Сотрудники в один голос утверждают, что никто туда даже не приближался.

— И вы в первую очередь подумали на меня.

— Хочешь сказать, у меня нет повода?

— Допустим, есть, — признал Рилло, как показалось, не без некоторого самодовольства. — Что-то пропало?

Ная удивленно вскинула бровь, наблюдая за собеседниками. Ни за что бы ни подумала, что глава тайной стражи и правая рука господина Стабо могут так непринужденно обсуждать происшествие в ведомстве одного из них. Кажется, Рилло связан вообще со всем, что происходит если не во всем королевстве, то в столице точно, а дипломатия так, прикрытые для создания безобидного и беззубого образа.

И верно, что может простой дипломат, пусть и приближенный к руководству? Его явно не возьмет с собой на переговоры король, а глава тайной стражи не побежит докладывать о погроме в кабинете.

— Закопался в одно старое дело, в котором обнаружилось много дыр. Многие свидетельские показания, заключения экспертов просто исчезли, а имеющиеся отчеты противоречивы, — граф выдержал эффектную паузу и тихо, но четко сказал. — Я восстановил недостающее. Заново допросил тех, кого удалось установить, пообщался с доцентом с медицинского факультета.

— О каком деле речь?

— Убийство принцессы, — прозвучал ожидаемый ответ, и Ная поспешила закрыться от эмоций —хватило того, что отобразилось на лице.

— Давайте кое-что проясним, — Рилло выдохнул и разжал кулак. Кажется, больше всего он мечтал вцепиться в графа и хорошенько его встряхнуть. — У вас имелись сведения о гибели ее высочества, вы, зная насколько это важно, бросили бумаги просто в кабинете и уехали на три месяца, а теперь их кто-то выкрал. Верно?

— В общих чертах — да.

— И у вас никакого предположения, кто это сделал? — похоже, он собирался ударить себя по колену, чтобы выпустить пар, но справился с недостойным порывом и спокойнее, хотя и несколько нервно, похлопал ладонью по подлокотнику.

— Почему? — ошарашил его граф. — Есть подозрения на Грандье. С начала года и до моего отъезда он вел себя странно, часто появлялся в здании службы якобы с поручениями, и в последние месяцы тоже заглядывал, но никто не смог припомнить, с какой целью.

— Мы говорим о королевском секретаре.

— Это делает его святым? Он был одним из свидетелей по делу, почти все обвинение строилось на его показаниях.

Они сцепились взглядами, и первым не выдержал Рилло, разом расслабившись и перестав простукивать мебель. Он выдохнул и уже гораздо спокойней откинулся на спинку.

— Грандье пропал недели две назад. Король совершенно точно его никуда не отправлял, сам не может найти.

— На него удобно повесить всех собак, но не в этом ли цель? Его могли убить и бросить тело в канаве за городом, — вмешалась Нае, заметив, как неаристократически оскалился граф. Она не собиралась защищать неизвестного ей секретаря, но уж слишком много совпадений. — Тем более, когда сама тайная стража втянута в темные дела.

— Вы сейчас не про нашу обычную деятельность. Тогда о чем?

— Убийцы лорда Мейсома носили медальоны тайной стражи, со слов очевидцев, подлинные. Здесь могу только верить, но недавно такой же, более того, состоящий в запрещенном культе Ерены, покушался на его величество, и королю это известно, — Рилло склонил голову к плечу и с интересом посмотрел на собеседника. — На допросе убийца признался, что медальоны приносит некая женщина, входя в тайную стражу. Вестница.

— Ильяна, южанка. Бард, — подсказала Ная. — Вряд ли у вас работает много бардов. И вот она как раз государственная преступница.

— Да я вообще с ними не работаю, — вот теперь граф испугался — побледнел и сжал зубы, бессмысленно уставившись в пространство. Не притворялся, Ная убедилась, заглянув в эмоции. Страх, в том числе за свою голову — еще бы, человек со знаком различия его службы напал на короля — а еще растерянность, злость, паника. — Откуда она могла взяться?

— Если вас утешит, сопротивляться бардам могут единицы. Особенно этой.

— Никакого утешения. В тайную стражу не должны попадать проходимцы, разве в том числе не в этом ее суть? — она готова была поклясться, что в голосе Рилло сквозит неуместное злорадство. Похоже, его с графом связывала крайне крепкая дружба на грани вражды. — Для чего король отдал предпочтение вам, а не вашему отцу, назначая на должность, чтобы вы проявляли узколюбость и не могли обеспечить безопасность?

— Рилло, вам ли не знать, что простые методы не помогают, когда речь идет о людях, которые нам противостоят, — снова влезла Ная, опасаясь, что с ним станет если не подраться, то устроить безобразную сцену на все еще продолжавшемся балу. — Стоит менять подход в целом.

— Как это делает Лангрия, привлекая бардов шинтийского Дома... и не только, — согласился Рилло, выразительно посмотрев на нее. — Нам бы у них поучиться, не считаете, ваше сиятельство?

— Значит, будем учиться, — сквозь зубы процедил уязвленный граф. — Когда я разберусь с предателями в своей службе.

— Не наломайте дров.

— Знаю не хуже вас, — огрызнулся он и встал. — Доброй ночи, госпожа, Кайнен.

Проводить ее вызвался Рилло, несказанно обрадовав Гэвина, встретившего на балу очередную знакомую и собиравшегося продолжить вечер в более уединенном месте, но остатки совести не позволяли бросить пришедшую с ним даму, не проводив ее до дома.

Уже сев в экипаж, Ная, поколебавшись, назвала адрес Ирвина — раз уж удалось привлечь дипломата, не собиравшегося кидаться обвинениями, стоило обсудить ситуацию и с Роем тоже. С какой стороны ни посмотри, он заинтересованное лицо — в отношении что Шинты, что Ильяны.

У дома их встретила зловещая тишина и сам хозяин, нервно расхаживающий у крыльца. Заметив Наю, выбравшуюся из экипажа, не дожидаясь вежливых жестов, вцепился обеими руками ей в плечи и легонько потряхнул — исключительно от переизбытка эмоций, а не из желания обидеть или в чем-то обвинить.

— Ты знаешь, где Рой?

— Для начала пусти, — мало того, что на улице было холодно, а она не догадалась днем взять пелерину, так еще и пальцы оказались ледяными, и от их прикосновений к голой коже становилось неприятно. — Что случилось?

Привлеченный происходящим Рилло выбрался следом и коротко велел кучеру ждать. Экипаж был его собственным, пользоваться наемным на его должности было неосмотрительно и небезопасно, и не торопился скорее встать на стоянку.

— Сама посмотри, — предложил Ирвин и, косо глянув на нежданного гостя, толкнул дверь.

В доме словно побывали грабители, фанатично искавшие крошечный бриллиант, тщательно спрятанный владельцем. Перевернутым и сваленным на пол оказалось все, что можно было перевернуть и сбросить с полок; глиняные мисочки, которые Ирвин использовал в работе, лежали живописными черепками в россыпи порошков, а какой-то из опрокинутых пузырьков разбился, и теперь в комнате неприятно пахло вытекшей микстурой.

— И так везде, — он поднял стул и тяжело сел, подперев понуро опущенную голову кулаком. — И на кухне, и в спальнях, и на чердаке. И никого нет.

Ная обошла стол и коснулась широкой свежей царапины на столе. Какова вероятность, что в дом вломилась тривиальные бандиты, а Рой кинулся их догонять? Точно, а перед этим они успели незаметно и безнаказанно обшарить все комнаты.

Или его не было на месте, или он по какой-то причине не мог сопротивляться. Едва ли кому-то удалось подкрасться незамеченным, значит, у них имелось средство поэффektivней обычного оружия.

Между делом она прислушалась к эмоциям Ирвина, опасаясь безусловно доверять человеку, которого знала второй день, но ничего необычного или подозрительного не обнаружила. Он был напуган, подавлен погромом в своем жилище и искренне беспокоился о судьбе друга.

— Надеюсь, вас обоих уже ничем не шокировать, — мрачно сказала Ная, оперлась ладонью о столешницу и решительно опустила на границу миров. Мебель не человек, но образы тех, кто на нее воздействовал в пределах пары часов, должны сохраниться.

Опасно, конечно, и она совсем не чувствовала в себе сил для эксперимента с даром, но что делать? Подождать Роя? А если он не вернется? Пойти искать по всему огромному

городу, скорее всего, безрезультатно, упустив при этом единственные сохранившиеся следы?

Сейчас бы флейту, практической пользы от нее мало, но хотя бы успокоиться и настроиться, чтобы отвлечься от ненужных мыслей.

Она лежала с остальными вещами в комнате в особняке Мейсомов — удачно, что Ная оставила их там, по крайней мере, никто не копался в сумке и не нашел лишнего вроде писем.

Рой о чем-то догадывался тем вечером, или всего лишь проснулась паранойей?

У двери возникли блеклые фигуры — двое мужчин в неприметной одежде, напоминающей о тех громилах из Шинты, и короткостриженная женщина, едва достающая им до плеча, но главной, несомненно, была именно она. По крайней мере, указания давала с видом командира, жаль, что расслышать не получалось: и без того приходилось едва ли не наизнанку выворачиваться, чтобы хотя бы видеть.

Они разделились, и мужчины безразлично взялись за обыск комнаты, а женщина направилась к лестнице, и Ная заметила на ее поясе узкий чехол, который часто использовали барды под флейту.

Ильяна? Наверняка она, кто ж еще.

Наблюдать за ходом разгрома не имело смысла, и Ная пошла следом, не обращая внимания, говорили ли что-то Рилло и Ирвин; а даже если и говорили, все равно бы не услышала из-за нарастающего гула в ушах. Откуда-то ощутимо потянуло холодом, и двигаться с каждым шагом становилось все труднее, как будто она оказалась в этом проклятом платье на морозе без верхней одежды.

Рой столкнулся с Ильяной в дверях выделенной ему комнаты и отскочил, потянувшись к лежавшему на стуле оружию, но не успел. Женщина стремительно выхватила флейту и обездвигила его одной короткой трелью. Он все еще стоял на ногах и, кажется, мог говорить, но пошевелиться — уже нет.

Ильяна вытащила из-под рубашки знакомый медальон, хвастливо покрутила между пальцами и, отпустив и оставив висеть поверх одежды, снова заиграла, и в ее лице не было ни ожидаемого злорадства, ни торжества над обезоруженным заклятым врагом, только равнодушие, как будто она выполняла скучную рутинную работу.

Подчиняясь ее бессловесным командам, Рой сам шагнул к выходу — прямо к ожидающим мужчинам.

Холод и гул стали совсем нестерпимыми, и Ная вырвалась с границы миров. Возвращение в реальность оглушило, словно она с лютого мороза ворвалась в хорошо протопленное помещение; ко всему прочему сил не осталось вовсе, и ноги подкосились.

— Вы умеете интересные вещи, — подхватил ее идущий следом Рилло и помог сесть на кровать.

— Вы это только сейчас поняли? — вяло огрызнулась Ная, часто моргая. Она не замечала темноту в комнате из-за искаженного восприятия на границе, и теперь та, разгоняемая только светом фонарей с улицы, казалась абсолютной и слепящей, а голос дипломата звучал колоколом, в который ударили над самой головой.

— Вышло не менее эффектно, чем в Лангрии.

— И вас не пугает?

— Я же рассказывал, что в Вольных княжествах иначе относятся к проявлению сверхобычного, особенно, если дар использован во благо. Правда, цена этому — чрезмерная приверженность традициям.

— А я только подумала, что где-то есть идеальное общество, — глаза привыкли к отсутствию освещения, а слух снова стал различать привычные городские звуки — чириканье птиц в кустах под окном, ссору в конце улицы, хорошо разносящуюся по ночной тишине, скрип чьей-то двери... Ная выпрямилась и смогла вернуться к делу. — Не сомневаюсь, они куда-то увезли Роя. Есть предположения? Может быть связано с тайной стражей, Ильяна показывала их медальон?

— У них есть собственные... камеры, не относящиеся к городской тюрьме. Про те, что в основном здании, известно многим, но есть еще отдельные, когда необходимо... допросить без посторонних глаз и ушей, но с применением особых методов, — дипломатично окрестил Рилло пытки и банальное выбивание показаний.

А, казалось бы, прогрессивное королевство, открыто поддерживающее все более популярные в последнее время идеи гуманизма. По крайней мере, столица.

— Думаете, туда?

— Если ваш бард имеет доступ к тайной страже в целом, то и туда наверняка.

— Мы можем туда попасть без ведома графа Варди? Боюсь, он может неправильно расценить положение дел или наломает дров.

— Ночью, когда там только дежурная смена стражи, а прочие сотрудники отсутствуют? — уточнил Рилло и многообещающе улыбнулся. — Без проблем.

Оставаться Ирвин наотрез отказался, заявив, что тоже намерен поучаствовать в спасении Роя — все-таки друг, не чужой человек. Ная в его пользу для дела сомневалась, в себе она была уверена, что не поддастся воздействию Ильяны, Рилло уверял еще в прошлый раз, что защищен от него, и в это хотелось верить. Ей же даже почти не пришлось ничего делать, чтобы скрутить Роя, пошел сам, что уж говорить про обычного лекаря, наделенного выдающимися талантами только в медицине.

Рилло, однако, столь категоричен не был и разрешил ехать с ними при условии, что Ирвин переждет в экипаже. То ли не хотел ввязываться в конфликт на пустом месте, теряя время, то ли всерьез полагал, что потребуется помощь.

— Вам не жалко платье? Там, куда мы едем, далеко не бальная обстановка, — заметил он, когда позади остались аккуратные кварталы центра и потянулись рабочие окраины с крупными фабриками, кузницами и небольшими личными производствами.

— В следующем году мода все равно сменится, и я не смогу его надеть, — внешний вид волновал Наю в последнюю очередь, а вот украшения, пожалуй, стоило бы оставить у Ирвина, но она про них напрочь забыла. Ладно, в крайнем случае одолжит у Луизы денег, попав к ней в пожизненное рабство, и закажет ювелиру похожий комплект. — И о чем жалеть, просто одежда, к тому же неудобная.

Они проехали через пустырь между двух одноэтажных сооружений из крошащегося кирпича, вдоль стен которых были навалены солома, порванные бесформенные мешки и разбитые деревянные ящики. Остановились за углом и еще какое-то время шли по темноте к точно такому же зданию, отличающемуся разве что будкой сторожа у входа с горящим внутри светом.

— Наденьте, — уже на улице протянул Рилло свой камзол, оставшись в тонкой рубашке. — С голыми плечами точно замерзнете. И подождите здесь.

И уверенно направился ко входу в сторожку, даже не стараясь скрываться. Что он делал внутри, сквозь зашторенное окно разглядеть не получалось, но вышел спустя пару минут и

кивнул на неприметную дверь, в темноте сливающуюся со стеной.

Сразу за ней обнаружился второй страж в той же одежде, что и вечерние «гости» Ирвина, плавно поднявшийся на едва различимый скрип двери и наставивший на Рилло взведенный арбалет. Молча, ничего не спрашивая — видимо, незваных посетителей здесь ждал только один прием без долгих расшаркиваний.

За Наей он следил глазами, и в этом была ошибка — стоило пересечься с ней взглядом, как в расширившихся зрачках отразилось голубое сияние, а сознание заполнила безмятежность снежной долины. Рука, дрогнув, опустилась, и Рилло воспользовался моментом, выхватив арбалет и бесхитростно приложив им стража по затылку.

Голова закружилась, но Ная велела себе не раскисать хотя бы до утра, понадеявшись, что больше никто не встретится — ее просто не хватит.

Наивная, конечно, надежда — все-таки вломились не в дом беспечного торговца. В следующей хорошо освещенной комнате их ждали уже двое. Стрелять сразу не стали, замешкались, опознав Рилло и не в силах сходу решить, имеет ли он право здесь находиться или нет.

Тот подошел к одному из мужчин и начал что-то витиевато объяснять про графа Варди, а потом молниеносным, почти незаметным движением... нет, не ударил — коснулся двумя пальцами лба, и страж, мгновение помедлив, упал на пол. Его напарник дернулся, хватаясь за оружие, но стоял слишком близко, и Рилло оказался быстрее, повторим жест.

— Да вы полны сюрпризов, — Ная склонилась над поверженным мужчиной. Жив, но ты ли спишь, ты ли без сознания. — А почему в Гетри так не сделали, когда на нас напали?

— Кто из нас не без греха. Сложно расслабиться, когда тебя прижимают к стене, — криво усмехнулся Рилло, ладонью стирая со лба пот. Кажется, фокус не дался ему легко. — Идемте, больше никого не должно быть. Нам теперь вниз.

Лестница вела на площадку, от которой ответвлялись два коридора. На один Рилло глянул с неприкрытой неприязнью и свернул во второй, в конце которого мерцал свет.

Три камеры находились в одной комнате у противоположных стен — забранные решеткой и достаточно просторные, чтобы там мог поместиться не только узник, но и допрашивающий без необходимости сгибаться в три погибели. При желании там можно было даже ходить, шага на четыре места вполне хватало.

Рой сидел на полу в ближайшей от входа камере, прислонившись к стене, безвольно раскинув руки и пустым взглядом, от которого становилось жутко, глядя сквозь решетку. На вошедших он не отреагировал, не вздрогнул, не пошевелился. Ная подошла ближе, опасаясь, что перед ними всего лишь труп, и успокоилась, услышав тяжелое дыхание.

— А я думала, кто придет спасать героя, — Ильяна вышла из соседней и подняла повыше фонарь. Низкорослая и болезненно худая, с короткими темными волосами; раскосые глаза оказались неожиданно светлыми, выдавая полукровку — у коренных южан таких не встречалось. — Сам господин Кайнен с подручной. Прямоком с бала, польщена.

В свободной руке она держала флейту, но подносить к губам не спешила. Волноваться ей было не о чем: обычные люди ничего не могли противопоставить барду, разве что револьвер, которым пользовался Рилло в Гетри, или арбалет, но под рубашкой их не спрячешь, а Ильяна прекрасно видела, что руки пусты.

— Забавно, что вы вот так, среди ночи и без особого повода, вторглись на территорию заклятого друга. Вряд ли его это порадует, а вам сойдет с рук. Все-таки тайная стража — не дипломатическая служба с ее расхлябанными нравами, — с напуском сочувствием

поделилась она, поставив фонарь на пол и расслабленно привалившись плечом к стене.

— Думаю, граф меня простит, — напряженно ответил Рилло, оглядываясь на Роя. Ильяна поймала его взгляд и улыбнулась одними губами — ни в голосе, ни на лице эмоций не прибавилось.

— Вы собрались спасти преступника, вряд ли на это закроют глаза. К тому же главы службы все равно нет в городе, и причин возвращаться сейчас, когда на востоке ситуация близка к бунтам. Даже без нашего участия, но спасибо им за это.

Она или блефовала, или не знала, что брат Луизы в столице, и Ная больше склонялась ко второму — вряд ли он оповещал всех о своем прибытии, особенно в беспокойное время. А вот то, что понятия не имела о планах короля на Роя — это однозначно.

— Публичная казнь циничного убийцы, восстановление справедливости после гибели принцессы, безмерная благодарность короля героическому новичку, все довольны. А вы можете идти, я не держу.

Рилло сжал кулак, и Ная ощутила его отчаянную решимость рискнуть. Ситуация складывалась как нельзя лучше, в руках Ильяны только флейта, но ее чары не подействуют ни на кого, кроме Роя, которому и так все равно. Она не ожидает подвоха и вряд ли успеет сориентироваться, пока кто-то из них преодолеет пару шагов между ними. Другого оружия при ней нет, по крайней мере, такого, которое можно мгновенно выхватить, а поднять фонарь и швырнуть попросту не успеет.

Впрочем, Ильяна оказалась сообразительной и догадалась, что никто не спешит воспользоваться ее щедрым предложением.

— Допустим, вам удастся меня разоружить, — она качнула флейтой. — И вы наверняка обезвредили всю охрану, которая находилась наверху. Другое дело, что при наличии здесь особых гостей они меняются несколько раз за ночь, а сегодня дежурят только мои люди. Никакого принуждения — идейные ребята, а это, поверьте, страшно.

Сверху послышались приглушенные неразборчивые голоса, тихие торопливые шаги на лестнице и по коридору.

— Я все еще не против, чтобы вы ушли. Они тоже.

Рилло выругался под нос на незнакомом языке, но этим и ограничился — ему бы не удалось справиться с готовыми к неожиданностям вооруженными и тренированными людьми. Не стоит и пытаться.

Ная последний раз обернулась на Роя. В публичную казнь она не верила — с учетом того, какие условия король поставил Крейгу, ему это будет не выгодно уже потому, что снова подорвет отношения с сыном, а Шинту оставит без хотя бы призрачной надежды на спокойствие в ближайшие годы.

Но тихо убить безвольного человека и, допустим, подкинуть труп в какую-нибудь подворотню, не составит особого труда. И уже тогда можно будет идти во дворец и сочинять слезливую и героическую историю. Да, король наверняка поверит Рилло, если тот расскажет свою версию событий, но изменить уже ничего не получится. Если что и необратимо, то это смерть.

Или нет.

Ная вздрогнула, едва не промахнувшись ногой мимо ступени, и виной был вовсе не тяжелый взгляд следующего за ними мужчины.

Да, необратима, даже легендарные вельвы прошлого могли только замедлить разложение и поднять тело, лишенное разума и сознания, но это не то. Но мама

рассказывала, что им был известен ритуал, позволяющий погрузить человека в нечто вроде летаргии, когда со стороны его легко принять за мертвого, но на самом деле нет, опытный дотошный лекарь наверняка заметит дыхание и пульс, пусть и едва различимые.

Нужна самая малость: ведьма, способная провести ритуал и после прожить достаточно времени за двоих, чтобы сообщники успели забрать тело; заинтересованный в успехе лекарь, который подтвердит смерть, и заранее подготовленная жертва.

Ная зажала рот, чтобы нервно не рассмеяться и не привлечь лишнего внимания.

К Ирвину обращаются следователи и отдают тела для анатомирования. Наверняка его знают многие. Рилло сумеет организовать вывозу «трупа», который, хочется верить, спугает Ильяне и ее пособникам все планы.

А Рой уже давно — спасибо, тетя, за рекомендацию! — наглотался нужного яда, и ритуал описан в книге.

Нае останется всего ничего: вывернуться наизнанку и каким-то чудом пережить эту ночь. Хорошо, что эликсир для усиления дара еще остался, без него пришлось бы совсем туго.

Рилло не возражал. Кажется, он настолько судорожно искал варианты выхода из ситуации, и при этом ни один не устраивал, что готов был принять любой план, в котором не задействовали бы графа Варди.

Ирвин ничего не понял, но с предложенной ролью согласился, даже пообещал откопать старые отчеты, которые все никак не мог занести, чтобы найти повод заглянуть прямо с утра и, помаячив перед глазами, не дать позвать кого-то другого. В конце концов, в тайной страже его тоже знали — иногда приходилось подлечивать задержанных после очередного активного допроса.

Ная же всю дорогу до особняка Мейсомов старалась не думать о том, что ей предстоит и насколько возможно это осуществить. Хватит ли у нее сил, ведь все всегда говорили, что она не отличается выдающимся даром? Сможет ли провести ритуал правильно, не ошибившись и не подставив напарников, которых не сможет предупредить о неудаче? И какова цена этой неудачи?

В дом через заднюю дверь ее впустила кухарка, уже проснувшаяся и собиравшаяся на рынок; ночь выдалась насыщенной, и Ная почти не заметила, когда над городом забрезжили первые лучи рассвета.

В комнате больше всего захотелось завалиться на кровать и уснуть, но все, что она себе позволила — снять, наконец, украшения и переодеться в удобные рубашку и штаны. На всякий случай попросила кухарку передать Эллен, чтобы не беспокоила и не переживала, и заперла дверь изнутри.

Ная и сама не знала, как будет выглядеть со стороны. Не стоит шокировать непосвященных.

Она сдвинула, насколько могла, край ковра и медленно, после каждой черточки сверяясь с записями, угольком очертила круг, а в нем вывела десяток рун. Жизнь, смерть, душа, судьба, равновесие... самую большую, проколов кинжалом кончик пальца, нарисовала кровью.

Хаос, усиливающая все остальные.

«Эллен наверняка будет злиться на порчу обстановки», — мелькнула мысль и тут же отошла на второй план. Лишнее, обдумать можно потом; сейчас — сосредоточиться.

Самое сложное — настроиться на Роя. У него же нет ничего, никакого знакового предмета, который бы он получил от Наи, слишком мало знакомы и совсем не те отношения для личных подарков.

Стоп. Кое-что все же есть.

Она зажгла чудом завалявшуюся в шкафу свечу, самую обычную, белую и на половину прогоревшую, но уж что есть. Проглотила остатки эликсира, поморщившись от казавшегося особо гадким вкуса, и закрыла глаза, вызывая в памяти образ браслета.

Кожаный шнурок. Металлические бусины. Волк и ворон.

Тусклый свет, тепло на коже. Отчетливое ощущение силы.

Вряд ли Рой его снял, значит, он так и болтается на руке. Ильяна наверняка не обратила внимание, рукав рубашки закрывает запястье, да и кто заподозрит в обычном украшении... Интересно, кстати, что? Защитный амулет или нечто большее?

Голова закружилась, и Ная упала на пол. Нет, провалилась в разверзнувшуюся прямо в комнате пропасть, у которой не было дна.

Она помнила этот перекресток — выходила сюда из Аангрема, когда Тольд показывал ей души из приграничья, только на этот раз свободны были все три тропы, даже та, которую сторожил Охотник. Все они начинались от знакомого замшелого камня и уходили в густой непроглядный туман, в котором скрылись и вершина, и подножие холма. Видимым оставался небольшой пяточек в пару шагов, не больше.

Ная была уверена, что ей вниз. В Аангрем не стоило стремиться, а наверх ее никто не звал.

В это раз спускаться было легко, ноги почти не спотыкались о камни, хотя из-за тумана тропа казалась бесконечной и ведущей в никуда. Но закончилась и она, оборвавшись на широкой косе, усыпанной мокрой черной галькой. Впереди ревело штормящее море, разбивая волны об уходящие в туман скалы, и в лицо летели соленые брызги, а к ногам то и дело подступала вода. Она манила, зачаровывала, звала окунуться в безжалостную стихию, перед которой сдадутся все сильные мира сего.

Ная шагнула навстречу, и несущаяся волна окатила ее по колено, едва не сбив с ног и не утянув за собой.

Она отшатнулась, вытирая мокрое от брызг лицо, и обернулась к казавшейся отсюда безопасной тропе. Теперь там стоял Рой, безмятежно смотрящий вперед, на далекий горизонт.

— Только не говори, что ты и сейчас не осознаешь происходящее, — Ная встала рядом, с трудом удерживаясь от желания отвесить оплеуху, чтобы привести в чувство. Какой смысл, все равно не почувствует — это место было не то сном, не то видением.

— Не скажу. Сложно оторваться, — устало улыбнулся Рой и сел прямо на гальку. — Я и раньше все понимал, но... Знаешь, это страшно — все видеть, слышать, думать и при этом не контролировать себя.

— Я не понимаю, как Ильяна тебя нашла? — она устроилась рядом, чтобы не разговаривать сверху вниз.

— Ирвин был прав, меня видел кто-то из ее людей. Я надеялся ее спровоцировать... самонадеянно вышло. Не знал, что она стала настолько сильной.

— Из-за этого ты меня уговаривал переночевать у Эллен? Я могла бы помочь, на меня барды не действуют.

— Против двух тренированных мужчин твоя уникальность не помогла бы. Зато ты привлекла Рилло, он так не оставит.

— А ты знал, что он тоже не прост? Усыпил двух охранников, иначе бы мы не вошли.

— О нем ходит много слухов, и такие тоже. Но, честно говоря, не верил, а проверить все не выпадало случая.

Они замолчали. Вдали, где море сливалось с серым небом, собирались тяжелые черные тучи, среди которых то и дело сверкали молнии, поселяя в душе тревожное ощущение надвигающейся бури, неотвратимой и неизбежной.

— Где мы?

— Понятия не имею, — призналась Ная. Она никогда не слышала про перекресток до того, как впервые на нем оказалась. — И о том, что сейчас происходит в реальности — тоже. Если все по плану, Рилло вот-вот вытащит тебя из темницы.

Она не знала, сколько прошло времени, не знала, удалось ли задуманное; возможно, прошла всего минута, возможно, уже давно рассвело, и в тайной страже стоит переполох. Поверила ли Ильяна? Сообщили ли графу Варди? Получилось ли забрать тело? Узнает, только очнувшись, и повторить ритуал снова уже не удастся.

— Надеюсь, вы не собрались штурмовать здание?

— Мне стоит обидеться за себя, Рилло и заодно Ирвина, что ты считаешь нас дураками, не способными придумать что-то умнее? — вкрадчиво поинтересовалась Ная. — Я же говорила, что пилюли, которые тебе дала Арна — это яд. Я его активировала, и теперь твое тело легко спутать с трупом. Но не переживай, я тебя отсюда выведу, и все будет хорошо. Наверное. Я раньше не пробовала и использовала только по, хм, прямому назначению.

— Меня обнадеживает твоя уверенность, — усмехнулся Рой, но больше ничего не сказал.

Говорить и не хотелось; только слушать, как шелестит галькой море, смотреть на росчерки молний, ощущать давящую мощь места.

Ная провела ладонью по лбу, стирая выступивший пот, хотя ни холода, ни тепла здесь не ощущалось; вытянула вперед руку, разглядывая трясущиеся пальцы, и попыталась прислушаться к себе.

Силы заканчивались, и пора было возвращаться.

— Я сказала Эллен, чтобы они с Максом уезжали. Собираются в Рюсо в ближайшие дни. И я вместе с ними. Может, это неправильно, но...

— Но ты права, — твердо перебил ее Рой. — Пережди, восстановись. Ты показалась на глаза Ильяне, поверь, она запомнила и будет искать, если я исчезну. Опять же, нам нужно время, чтобы скорректировать планы и больше не лезть вот так наобум. Я ошибся, и стало только хуже.

— И что, просто сидеть, пока все разваливается?

— Я не смогу остановить, если захочешь принести себя в бессмысленную жертву, но да, иногда стоит выждать. Пока достаточно того, что вмешается Рилло, ты права, он не дурак. Когда буду знать, что делать, я тебе напишу, только не уезжай из Рюсо.

Ная грустно улыбнулась. Он рассуждал так, будто точно знал, что очнется и тут же встанет, чтобы идти творить великие дела. Удивительная вера в ее силы, особенно когда она сама не имеет ни малейшего представления, чем закончится ритуал. Может, они оба еще неделю будут лежать пластом без сознания, или мнимая смерть скажется на здоровье Роя, и он вообще никогда не поднимется или вовсе не придет в себя. Случиться может все, что

угодно.

Окружающий пейзаж смазался, и она отчетливо представила, как громко отсчитывает секунды стрелка в больших напольных часах, стоявших на первом этаже кабаре Луизы.

— Надеюсь, эта затея не закончится двумя трупами, и мы еще увидимся, — невпопад сказала Ная, развернулась к нему и торопливо поцеловала... почему-то в лоб. Трагедия заключалась в том, что ей слишком нравился Рой, и она хотела бы, чтобы симпатия не переросла в нечто большее. Влюбленность дурно влияет на голову, что в нынешних условиях просто опасно, особенно — несчастливая — а другой с этим человеком быть не может.

К лучшему, что они не встретятся в ближайшее время.

В лицо последний раз дыхнуло бризом, и пляж исчез, растворившись в темноте.

Ная пришла в себя, лежа на боку в очерченном круге напротив восковой лужицы от давно прогоревшей свечи. Лоб припекала широкая полоса солнечного света, пробивающаяся через неплотно закрытые шторы; окна выходили на западную сторону, значит, уже почти вечер, и Рилло давно должен был закончить в тайной страже хоть с каким-то результатом. Надо встать и доехать до него или Ирвина, пусть расскажут.

С этим, однако, возникли сложности.

Тело не слушалось. Все, чего ей удалось добиться — перевернуться на спину, приподняться на локтях и упасть обратно, чувствительно приложившись затылком. Шевелились пальцы, получилось свободно сдвинуть ногу, но не поднять; ее словно придавливала неподъемная плита.

Ная кое-как, с третьей попытки дотянулась до подлокотника стоявшего рядом кресла и перевела дыхание. Сердце учащенно билось и временами сбивалось с ритма, и тогда темнело в глазах; каждый вдох давался с трудом, в груди жгло, словно после длинного марафона по песчаной дороге в гору.

Наконец, ей удалось подтянуться и привалиться к боку кресла. Ная навалилась на него, тяжело переводя дыхание и пытаясь прийти в себя. Уже неплохо, по крайней мере, не валяется на полу; дальше — отпереть замок и добраться до кровати. Может быть, зайдет Эллен, и... ну, хотя бы позовет лекаря, любого, а в идеале Ирвина.

В дверь постучали, сперва негромко, затем чуть более настойчиво, но ломиться никто не стал. Ная обеими руками ухватилась за кресло, поднялась и, цепляясь за мебель и стены, дошла до двери, повиснув на косяке. Пальцы с трудом провернули ключ, и она едва не вывалилась в коридор.

— Все хорошо? — мигом обеспокоилась Эллен.

— Неважно себя чувствую, скоро пройдет, — слабым голосом заверила ее Ная. Стоять, как ни странно, оказалось легче. Дышать стало свободнее, жжение пропало, а пульс замедлился, хотя все еще неестественно частил где-то в горле. — А у тебя?

— Меня приглашал к себе король. Сказал про Джерома больше хорошего, чем, кажется, за предыдущие семнадцать лет, выразил сочувствие и предложил обращаться, что бы нам с Максимилианом не потребовалось, — Эллен зашла в комнату, с молчаливым удивлением посмотрела на круг на полу и присела на край кровати. — Я сообщила, что завтра мы на какое-то время уедем, у меня уже все готово. Вещи упакуют к утру, деньги и чеки, чтобы обналичить в Нилье, я уже получила в банке. Ты с нами? Была бы признательна и, конечно, все оплачу. Жилье, дорогу, все, что нужно.

— Ты же не думаешь, что я поеду с вами из-за денег? — упрекнула ее Ная, с

облегчением падая рядом. Потом можно будет даже не вставать снова, так и лечь спать, пусть и в одежде. — И да, я поеду, не хочу оставаться в Верне в ближайшее время.

— Я знаю, что не из-за денег, и все же расходы возьму, — улыбнулась Эллен и протянула ей запечатанный конверт. — Кстати, во дворце меня остановил господин Кайнен и спросил, не знаю ли я тебя. Просил лично передать письмо.

— Спасибо.

Внутри оказался всего один лист, на нем — пара на первый взгляд ничего не значащих слов, выведенных аккуратным уверенным почерком.

«Наш друг находится за городом. Не тревожьтесь и езжайте с Эллен. Р.К.».

Больше книг на сайте - Knigoed.net